

ДЖЕЙМС
ГЕРБЕРТ

СВЯТЫНЯ

ДЖЕЙМС ГЕРБЕРТ

СВЯТЫНЯ

ДЖЕЙМС
ГЕРБЕРТ

СВЯТЫНЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«ДОМИНО»

МОСКВА
ЭКСМО
2005

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Г 37

James Herbert

SHRINE

© 1983 by James Herbert

This edition published by arrangement with
David Higham Associates Ltd. and Synopsis Literary Agency

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Художник *Сергей Шикин*

Иллюстрации *Ирины Жмайловой*

Г 37 Герберт Д.
Святыня / Пер. с англ. М. Кононова. — М.:
Изд-во Эксмо; СПб.: ИД Домино, 2005. — 560 с.

ISBN 5-699-09489-X
ISBN 5-450-95659-7 (англ.)

Разве мог Джерри Фенн — не слишком успешный репортер провинциальной газеты — предположить, что случайная встреча на дороге с маленькой девочкой не только в корне изменит его жизнь, но и превратит небольшой городок Бенфилд в место поминичества тысяч и тысяч приверженцев католической церкви едва ли не со всего мира?

А причиной всему — якобы чудесное явление Святой Девы, наделившей юную Алису даром исцеления.

И только после того, как в Бенфилде начинают происходить поистине чудовищные события, загадочным образом связанные с чудо-девочкой, Фенну удастся проникнуть в тайну, в течение многих веков сокрытую в церковных анналах.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

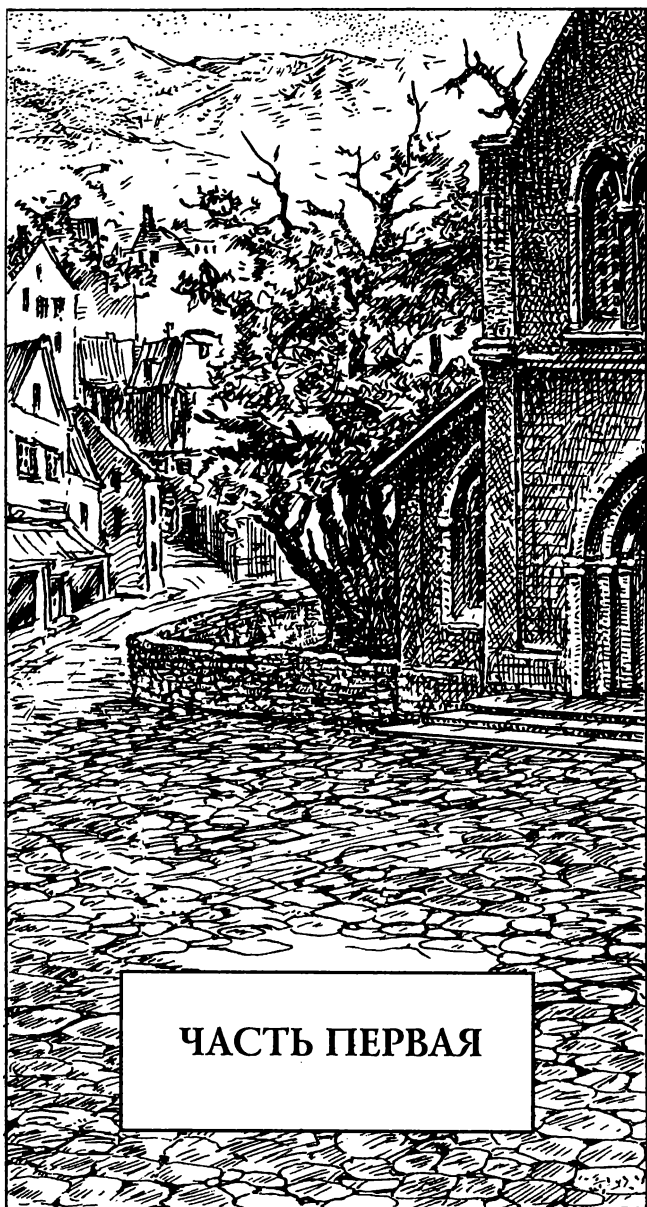
ISBN 5-699-09489-X
ISBN 5-450-95659-7 (англ.)

© Перевод. М. Кононов, 2005
© ООО «ИД Домино», 2005
© Оформление. ООО «ИД Домино», 2005

В жилах моих черной крови ток.
Няня говорит, мной владеет порок.
Но черные чары — таков мой рок:
Лишь только ступит ночь на порог,
Начинается злых кошмаров поток.
Они гложут меня, за витком виток,
И я блекну и чахну, как осенний листок.
И знаю один в своем бреду я:
Моя прабабка — злая колдунья.

Уолтер де Ла Мар.
«Маленький гаденыш»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Алиса, сказку детских дней
Храни до седины
В том тайнике, где ты хранишь
Младенческие сны,
Как странник бережет цветок
Далекой стороны.*

Льюис Кэрролл,
«Приключения Алисы
в Стране чудес»
(Перевод Д. Г. Орловской)

ГЛАВА 1

*С ягнятками ложиться
И с птичками вставать.
Детишки до заката
Должны ложиться спать.*

Старая колыбельная

Тут и там на кладбище виднелись маленькие холмики земли, словно мертвые стремились выбраться обратно в мир живых. Спеша от могилы к могиле, девочка нервно улыбнулась при мысли об этом. На самом деле это были всего лишь кротовины. От кротов никак не удавалось избавиться: стоило отравить одного, на его месте тут же поселялся другой. Девочка часто наблюдала за работой ловца кротов — толстячок с вытянутым лицом, он и сам напоминал ей крота. Этот человек, улыбаясь, осторожно засовывал короткие пальцы в жестянку и вытаскивал покрытого стрихнином червя из кучи его извивающихся сородичей. В присутствии девочки мужчина всегда улыбался. И хихикал, когда протягивал ей червя, а она с безмолвным криком отскакивала назад. Его губы, вечно влажные, как и его сонные черви, двигались, но девочка не слышала слов. Как не слышала ничего, сколько себя помнила. Она вздрагивала, ко-

гда ловец кротов притворялся, что сейчас сам съест извивающегося червя, но всегда оставалась посмотреть, как он воткнет в землю железный прут и засунет червяка в проделанное отверстие. Сейчас ей представилось, как крот, вынюхивая пищу, в крошечной темноте под землей ползет к своей смерти. Копая себе могилу. Она хихикнула, и сама не услышала этого.

Алиса нагнулась за увядшими цветами на рыхлом возвышении перед памятником. Надгробие было сравнительно недавним, надпись на нем еще не покрылась грязью и не размылась непогодой. Девочка знала эту старушку — теперь, наверное, от нее остались одни кости? — и уже тогда этот ходячий труп казался страшнее мертвого. Разве можно быть живой в девяносто два года? Можно двигаться, но разве можно жить? Одиннадцатилетняя Алиса не могла представить такого срока. Трудно вообразить, как твоя собственная плоть иссыхает и сморщивается, мозг с годами сжимается, и, вместо того чтобы стать мудрым и всезнающим, ты превращаешься в младенца. Сгорбленного, немоющего младенца.

Она засунула увядшие цветы в красное пластмассовое ведро и поспешила дальше, выискивая в неровных рядах могил следующие. Это была ее еженедельная работа: пока мать мыла полы и наводила блеск в церкви, Алиса убирала оставленные родственниками умерших знаки внимания — будто покойники могли оценить их жест. Она относила цветы в яму, куда садовник сваливал гнилые сучья и листья, и раз в месяц все это традиционно сжигалось.

Выполнив свою работу, Алиса обычно спешила в церковь к матери, где находила свежие цветы, чтобы украсить алтарь к завтрашней воскресной службе, и, пока мать мыла и подметала, расставляла стек-

лянные вазы. Потом ей предстояло стереть пыль со скамеек. Девочка проходила по рядам, задерживая дыхание, чтобы посмотреть, до какого ряда выдержат легкие. Алисе нравилось превращать работу в игру.

Выполнив все это и убедившись, что у матери нет для нее новых заданий, Алиса шла к своему излюбленному месту — на краешке длинной скамейки справа от алтаря.

У подножия статуи. Ее статуи.

Взгляд девочки привлекло очередное цветочное пятно, хоть и поблекшее, но заметное на темной земле, и она перепрыгнула через низкий холмик — длиной с человеческое тело, а не насыпанный кротом, — чтобы собрать букеты. Из рта вырывались облачка пара, и Алисе казалось, что это призраки мертвых слов, таившихся у нее внутри и никогда не вылетающих наружу.

Несмотря на яркое солнце, было холодно. Большинство деревьев облетели, и их голые ветви казались перекрученными, изуродованными конечностями. На лугу за каменной стеной вокруг кладбища паслись овцы с раздутыми животами, в которых пошевеливались еще не родившиеся ягнята. За лугом виднелся дремучий лес, мрачный, зеленовато-бурый, неприветливый, а за лесом поднимались пологие холмы, в туманные дни они совершенно исчезали из виду. Алиса понаблюдала за овцами на лугу, потом нахмурилась и отвернулась.

По дороге в церковь, где мороз не так кусался, пришлось подобрать еще несколько букетов. В церкви тоже стоял холод — там всегда было холодно, — но внутри старого здания зубы зимы не казались такими острыми. Девочка прошла через кладбище, покосившиеся надгробия не беспокоили ее, разложившиеся трупы под ногами не вызывали тревоги.

Куча сгнивших листьев и сучьев была высокой, выше девочки, и Алиса со всей силы взмахнула ведром, чтобы его содержимое долетело до вершины. Подобрал скатившиеся вниз стебли, она бросила их снова на вершину, потом отряхнула руки, похлопав ладонью о ладонь. Девочка чувствовала хлопки, но не слышала их. Когда-то она могла слышать, но это было очень давно. Если напряженно прислушивалась, когда ничто не отвлекает, девочка, как ей казалось, слышала шум ветра, но она тут же осознавала, что ветерок не касается ее щек и ничто не шевелит светлые волосы.

Маленькая худенькая девочка повернулась и пошла к старой церкви, пустое ведро раскачивалось у нее в руке — вперед, назад, вперед, назад, — сияя красным на холодном солнце. Вперед, назад, вперед, назад. Она оглянулась.

Пластмассовое ведро выскользнуло из пальцев, покатилося по земле, описав полукруг, и остановилось у грязного, позеленевшего надгробия.

Девочка подождала несколько мгновений, потом позволила себе повернуться полностью и замерла так еще на несколько долгих секунд. Ее полуулыбка погасла, на лице отразилась тревога. Алиса двинулась к задней стене кладбища — сначала медленно, а потом бросилась во всю прыть.

За что-то зацепившись — возможно, за угол плоского надгробия, — девочка упала на мягкую землю, испачкав колени зеленым и коричневым. Она закричала, не издав ни звука, и, поднявшись на ноги, устремилась к стене, сама не зная зачем. Алиса бежала по узкой дорожке через старое кладбище и остановилась, только добравшись до стены. Девочка посмотрела через нее — верхний ряд камней был ей по грудь. Овцы на лугу уже не жевали траву, все они подняли головы и смотрели в одном направлении.

Ни одна не пошевелилась, когда Алиса перелезла через стену и побежала к ним.

Ее шаги замедлились, туфли и чулки промокли в высокой траве. Девочка как будто растерялась и вертела головой из стороны в сторону. Ее маленькие ручки сжались в кулаки.

Алиса снова взглянула прямо вперед, полуулыбка возникла вновь, постепенно стала шире, и в конце концов на лице появился восторженное удивление.

Посреди луга стояло одинокое дѣрево, многовековой дуб с толстым, корявым стволом и растопыренными толстыми нижними сучьями, тянущимися обратно к земле. Девочка медленно, но уверенно направилась к дереву и в десяти ярдах от него опустилась на колени.

Ее рот широко раскрылся, а глаза прищурились, зрачки сжались в крошечные точки. Она подняла руку, чтобы прикрыть глаза от ослепительного белого света, исходившего от основания дерева.

Потом ее улыбка опять вернулась,— когда свет превратился в лучезарное солнце, в безупречную белизну. В святое сияние.

ГЛАВА 2

*Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три — одна в другой.
О сладкий, непонятный страх!*

Уильям Блейк.
«Хрустальный чертог»*

Белый фургон резко остановился, и водитель чуть не ткнулся головой в ветровое стекло. Выругавшись, он оттолкнулся от баранки и ударил по твердому

* Перевод С. Я. Маршака.

пластику, словно это была рука расшалившегося ребёнка.

Фары фургона осветили деревья за Т-образным перекрестком, и водитель осмотрелся по сторонам, ворча про себя и стараясь вглядеться в окружающую темноту.

— Сказано направо — значит, направо.

В фургоне не было никого, кто бы услышал эти слова, но водитель привык разговаривать сам с собой.

— Правильно.

Включив первую скорость, он поморщился от скрежета. Фургон тронулся и покатил направо. Джерри Фенн устал, он был зол и слегка пьян. Собрание местного совета, на котором он проторчал весь вечер, было, мягко выражаясь, скучным, а если называть вещи своими именами, то смертельно унылым. Кого, в конце концов, волнует, подсоединены ли дома на окраине к главному стволу канализации? Уж конечно, не их обитателей — подключение к системе означало бы для них дополнительную плату. Потратили два часа, чтобы выяснить, что никому эта канализация не нужна. Жители предпочитают выгребные ямы. Как обычно, заседание продолжил записной левый. Тотальная канализационная сеть пришлась ему очень кстати, подумал Фенн. Репортер не собирался надолго сосредоточивать свое внимание на выступлении, да и не было нужды. Он просто уснул в заднем ряду, и разбудило его только шумное завершение собрания. Агитаторы залились, что движение потерпело неудачу. Прекрасный заголовок: «МЕСТНОЕ КАНАЛИЗАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОВЕРЖЕНО». Впрочем, для «Курьера» слишком крикливо. Крикливо. Но не плохо. Джерри Фенн одобрительно кивнул головой своему остроумию.

Он уже пять с лишним лет работал в «Брайтон ивнинг курьер» — казалось, всю жизнь — и все еще ждал удачи, сенсации, которая заполнит заголовки мировых газет, случая, который выведет его из этой газетенки в самое сердце журналистского мира: на Флит-стрит*. Мир рукоплещет Флит-стрит! О-го-го! Три года по кабальному контракту в Истбурне, пять в «Курьере». Следующий шаг — глава аналитического отдела в «Санди таймс». Если не получится, сойдут «Мировые новости». Это для всех интересно. Копаться в грязи, понемногу выдавать компромат. Составлять досье.

После собрания Фенн позвонил в службу известий и сказал редактору ночных новостей (которого не порадовало требование Фенна оставить первую полосу), что заседание закончилось чуть ли не беспорядками на улицах, а сам он едва ноги унес целым, чего нельзя сказать о его записной книжке. Но когда редактор сообщил ему, что шестнадцатилетний посыльный только что уволился из-за кризиса переломного возраста, так что теперь его место свободно, Фенн несколько изменил свою статью. Он объяснил, что в действительности заседание было оживленным и, возможно, ему следовало бы уйти раньше, но когда левый с горящими глазами стал излагать свою платформу и попытался навешать лапши на уши удивленной леди из числа членов совета, стало ясно... Фенн оторвал трубку от уха, отчетливо представив, как из нее брызжет слюна. Тирада закончилась возмущенными короткими гудками, и, чтобы возобновить связь, пришлось опустить еще одну монетку.

* Флит-стрит — улица в Лондоне, где располагаются редакции крупнейших газет.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

К тому времени редактор взял себя в руки, но едва-едва. Поскольку Фенну так понравилось сельское собрание, можно выделить для него пару строчек в соответствующем разделе. Фенн застонал, а редактор продолжал. Нужно заехать в местный полицейский участок и выяснить, по-прежнему ли молодцы из дома престарелых играют в бойскаутов (кстати, заодно узнай, не пропадают ли у них пенсионные книжки, карманные деньги, ценные безделушки). Сунься в гадючник: по-прежнему ли феминистки замазывают эротические плакаты и пишут на стенах протесты против изнасилований, а сидя перед телевизором, швыряют в экран гнилые помидоры? А по пути назад загляни на стоянку фургончиков в Партридж-Грине — проверь, подвели ли к ним электричество («Курьер» провел специальную кампанию для тамошних жителей, призывая местные власти подключить стоянку к сети, — пока что прошло шесть месяцев). Фенн спросил редактора, известно ли ему, который уже час, черт возьми, и получил заверение, что да, черт возьми, ему это известно. А известно ли Фенну, что весь ночной материал для завтрашнего выпуска — одно ДТП (дорожно-транспортное происшествие) и один паршивый пудель-диабетик, который приезжает на осмотры к врачу в «роллс-ройсе»? К тому же ДТП обошлось без смертельного исхода.

Фенн пришел в ярость и известил редактора, что у него нет слов, а когда он вернется в редакцию, то продемонстрирует все свое возмущение, а именно засунет ему в задницу его же авторучку, причем толстым концом вперед, а потом воткнет ближайшую пишущую машинку в его жирный рот, вечно набитый дерьмом, после чего лишит «Курьер» последних

мозгов, написав заявление об уходе. Все это он высказал редактору, лишь убедившись, что трубка повешена.

Потом Фенн позвонил домой, чтобы сообщить Сю, когда его ждать, но дома никто не отвечал. И у Сю тоже никто не брал трубку. Ему страшно хотелось, чтобы она постоянно жила у него: было мучительно не знать, где ее искать.

В совершенно угрюмом настроении он сделал то, за что ему платили. Играющие в бойскаутов теперь превратились в старьевщиков (одна пожилая леди даже лишилась вставных зубов — оставила их на кухонном столике, — но, по понятным причинам, не хотела говорить об этом). В гадючнике последние две недели крутили «Бэмби», и беды ожидались на следующей неделе, когда предполагалось показать «Несовершеннолетних жриц любви» и «Секс среди болот». Фенн поехал в Партридж-Грин и увидел лишь зажженные свечи в окнах фургончиков (он постучал в дверь, но ему велели убираться, и он больше не стал пытаться счастья).

Фенн добрался до ближайшего паба всего за пять минут до закрытия — к счастью, хозяин не был слишком строг к запоздавшим гостям, поскольку основные посетители — два доминошника и женщина с кошкой в деревянной клетке — уже разошлись. Фенн позволил себе обмолвиться, что он из «Брайтон ивинг курьер», и это быстро открыло перед ним дверь и обеспечило выпивку. Обычно хозяева пабов искали расположения местной прессы (даже самые убогие боролись за приз «Паб года»), если только у них не было каких-то личных причин для неприязни к журналистам (за публикации о семейных скандалах, об излишке в штате сексапильных кельнерш или о

нарушении санитарных норм на кухне). Этот хозяин не относился к недрутам прессы, он даже позволил Фенну заказать ром с тоником — жест, от которого Джерри озадачился: похоже, это хозяину что-то от него нужно, а не наоборот? Нынче Фенн не вел журналистского расследования — Флит-стрит и мировые телеграфные агентства подождут, пока у него будет подходящее настроение — какого же черта ему любезничать с хозяином паба? Да, агентства подождут, так что можно просто выпить после работы. Фенн устал.

После трех пинт пива и сорока минут бессмысленной беседы он оказался на холодной ночной улице, и за спиной задвинулись засовы, свидетельствуя о том, что мост в замок поднят, паб больше не является убежищем, а стал крепостью, построенной для отпора самым грозным захватчиком. Фенн пнул по крылу белого фургона и сел за руль.

Автомобиль этот был одно расстройство. На нем красовалось название газеты: белые буквы на сияющем красном фоне с обеих сторон. Очень броско. Очень нескрывтно. «Курьер» отпочковался от фрахтовой компании, которая обычно его спонсировала, и теперь журналистам приходилось ездить или на собственных машинах, для которых не выделялось бензина, или на этом единственном оставшемся фургоне для доставки продукции. Просто великолепно, чтобы следить за подозреваемыми в поджоге или за торговцами наркотиками. Удачно, чтобы подглядывать за незаконными встречами хорошо известных личностей, о которых следовало бы знать побольше. Идеально для встреч с любимыми осведомителями. Интересно, Вудворт и Бернстайн встретились бы с

«Глубокой Глоткой»* в долбаном белом фургоне с надписями «Вашингтон пост» по бокам?

Фары с трудом пронизывали темноту впереди, и Фенн с еще большим отвращением покачал головой. Это дерьмо никогда не разгребешь. Боже, что за ночь! Хотя бы в последний момент что-нибудь подвернулось! Жуткое изнасилование или ограбление. Случайное убийство. Нынче в Брайтоне полно извращенцев. И арабов. И антикваров. Когда они собираются вместе, происходят забавные вещи. Беда в том, что лучшие истории не доходят до печати. А если доходят, то совершенно выхолащиваются. Не в духе «Курьера» порочить образ курортного городка. Это вредит бизнесу. Брайтон отлично подходит для семейного отдыха. Он не должен отпугивать клиентов. К сожалению, рутинные звонки не принесли ничего интересного. У Фенна был стандартный набор звонков: в полицию, в больницы, в пожарные службы и похоронные бюро. Даже священники заслуживали внимания. Но нигде ничего не случилось. Рубрика «Дневник» с событиями дня (и ночи), которую следовало заполнить, предлагала мало интересного. Если бы произошли какие-то события, Фенн, вероятно, смылся бы с заседания местного совета, а так ничего больше не оставалось.

Огни впереди. Что за городишко? Наверное, Бенфилд. Фенн проезжал его по пути из редакции. Неплохое местечко. Два паба на главной улице. Что еще нужно человеку? Если в воскресенье будет хорошая

* «Глубокая глотка» — прозвище Линды Лавлейс, легендарной порнозвезды 1970-х. Одноименный псевдоним журналисты Боб Вудворт и Карл Бернстайн дали своему осведомителю, который поставлял им информацию о президенте Никсоне, вылившуюся в Уотергейтский скандал.

погода, можно привезти сюда Сю и выпить вместе. Она любит сельские пабы. Свежий воздух, настоящий эль. Обычно большое разнообразие резиновых сапог, свитеров и твидовых пиджаков. И порой добавленные для колорита цыганские лица.

Фенн прищурился. Наклонился над рулем. Чертова темнота! Что-то пронеслось мимо. Тормоз. Спуск.

Фургон съехал к подножию холма, и Фенн снял ногу с педали. Точно, тормоза слабые. Порой он подозревал, что прежний развозчик продукции специально занимался саботажем в качестве тихого протеста против использования фургона журналистами. Когда-нибудь кто-нибудь... *Боже, что это?*

Он нажал ногой на педаль и вывернул руль влево. Фургон занесло, развернув почти на сто восемьдесят градусов, задние колеса остановились на обочине.

Фенн поставил передачу в нейтральное положение и облокотился на баранку. Потом сделал резкий неровный вдох, поднял голову, быстро опустил стекло в боковом окне и высунулся в холодную ночь.

— Что это за чертовщина была? — вслух спросил он сам себя.

Что-то выбежало из темноты прямо ему под колеса. Что-то белое. Маленькое, но больше, чем звзрек. Он чуть не задавил это существо. Проехал в двух дюймах. Руки тряслись.

В темноте что-то двигалось. Какое-то размытое серое пятно.

— Эй! — крикнул Фенн.

Пятно исчезло.

Фенн открыл дверь и ступил на мокрую траву.

— Эй, ты где? — крикнул он.

Послышался шорох. Шаги по гравию.

Фенн перебежал дорогу и наткнулся на низенькие ворота, одна створка была приоткрыта. Глаза быстро привыкали к сумеркам, из-за низко плывущих облаков выглянула луна и еще улучшила видимость. Репортер снова увидел маленькую фигурку.

Она бежала прочь по окаймленной с обеих сторон деревьями дорожке. Фенн разглядел в конце дорожки что-то вроде дома и поехал. Картина казалась призрачной.

Наверное, мальчишка Или карлик. Фенну вспомнился карлик из «А теперь не смотри». Хотелось вернуться в машину. В кишках чувствовалась слабость, как бы не было беды. Но если это мальчишка, что он тут делает в такой час? По такой погоде ведь замерзнет насмерть.

— Эй, постой! Погоди, что скажу!

Никакого ответа, только топот ног.

Фенн вошел в ворота, еще раз позвал и побежал за исчезающим силуэтом. По мере приближения к дому тот становился все больше и виделся все яснее. Теперь Фенн понял, что это церковь. Зачем мальчишка бежит в церковь в этот ночной час?

Однако фигура, по-прежнему видневшаяся вдали, направлялась не в церковь. Добравшись до напоминавших вход в пещеру дверей, она свернула налево и исчезла за углом здания. Фенн последовал за ней, его дыхание участилось. Он чуть не поскользнулся на дорожке, которая здесь стала грязной и узкой, но удержал равновесие и продолжал идти, пока не оказался позади церкви. И там резко остановился, пожалев, что не остался в фургоне.

Темная площадка, безмолвие, а впереди маячат какие-то серые силуэты. Боже, да ведь это кладбище!

Через могилы скакало пятно, все остальное было неподвижно.

Луна решила, что хватит светить, и закрылась облаком, как одеялом.

Фенн прислонился к церковной стене и ощутил под влажными руками шероховатый камень. Оказывается, он гнался за проклятым призраком, который в любой момент может нырнуть в могилу. Инстинктивно привстав на цыпочки, репортер потихоньку стал пятиться назад к фургону, убеждая себя, что здесь нет ничего интересного, но его чутье газетчика утверждало обратное. Никаких привидений не бывает, есть только старые добрые сказки про них. Уйди отсюда — и потом всю жизнь будешь гадать, что же ты упустил. Расскажи друзьям (не говоря уж о приятеле-редакторе) — и они больше не будут тебе наливать. «Иди на кладбище», — говорило ему чутье. Но не ум и не сердце.

— Эй!

Голос его подвел, прозвучав до странности хрипло.

Фенн оттолкнулся от стены и смело направился к серым силуэтам. Но, увидев у ног коническую земляную кучу, быстро заморгал. *Они вылезают!*

Он заставил себя успокоиться. Это кротовины, старый ты осел! Но его слабая презрительная улыбка была натянутой. Фенн заметил расплывчатую фигуру, снова замелькавшую среди могил. Казалось, она движется к задней стене кладбища, где словно притаились большие прямоугольные тени. О Боже, могилы! Это вампир, карлик-вампир возвращается домой! И это совсем не казалось забавным.

Вдруг испугавшись, что его заметят, Фенн присел на корточки. Луна, проявив недружелюбие, снова выглянула.

Репортер нырнул за покосившееся надгробие и осторожно высунулся из-за него. Фигура перелезала через невысокую стену. Потом исчезла.

Его лица коснулся холодный ночной воздух, и Фенн представил себе одинокую душу, завлекающую его. Ему не хотелось двигаться и не хотелось оставаться на месте. Не хотелось заглядывать за стену. Но он знал, что заглянет.

Репортер пополз вперед, его колени уже окоченели от холода. Прячась за надгробиями, стараясь не побеспокоить «не мертвых, а отдыхающих», он пробирался к задней стене кладбища, к надгробиям, похожим на старые, потрескавшиеся холодильники в супермаркете, содержимому которых позволили сгнить. Фенн заметил, что макушка на одном покосилась, и отогнал от себя образ высывающейся оттуда костлявой руки с посеревшей от времени кожей, с выдранными ногтями, с поблескивающими сквозь прогнившую плоть костями. Брось это, Фенн!

Он добрался до стены и встал рядом на колени, не очень-то и любопытствуя, что таится по ту сторону. Он поежился, затаив дыхание (забыв вдохнуть), и замер от страха. Но любопытство оказалось сильнее. Фенн приподнялся, так что его плечи оказались вровень со стеной, а голова высывалась, как кокос, ожидающий, когда его собьют.

За стеной был луг, в неярком лунном свете он казался синегато-серым, а посреди луга, вдали от стены, стоял уродливый темный призрак. Его многочисленные перекрученные руки доставали до неба, а более толстые нижние конечности согнулись в попытке достать до земли, из которой он возник. Одинокое дерево придавало ландшафту демонический вид. Не будь его, картина стала бы унылой. Фенн прищурился, высматривая маленькую фигурку. Что-то двигалось. Да, вот она. Идет прямо к дереву. Остановилась. Пошла опять. Потом... О Боже, она прова-

лилась под землю! Нет, просто опустилась на колёни. Не двигается. Как и дерево.

Фенн ждал, его нетерпение нарастало. Выпитое пиво давило на мочевой пузырь. Но он все ждал.

Наконец, решив, что если ничего не предпримет, то ничего и не случится, он перелез через стену.

Ничего не случилось.

Он пошел к фигуре.

Приблизившись, Фенн увидел, что это не карлик.

Это была девочка.

Маленькая девочка.

И она смотрела на дерево.

И улыбалась.

А когда он коснулся ее плеча, девочка сказала:

— Какая она красивая!

Потом ее глаза закатились, и она упала ничком.

И больше не двигалась.

ГЛАВА 3

— Ты кто? — испуганно прошептал он. —
Привидение?

— Нет, я — нет, — тоже шепотом ответила Мери. — А ты?

Фрэнсис Ходжсон Бернет.
«Волшебный сад»*

Отец Хэган лежал в темноте, заставляя себя вырваться из липких объятий сна. Его веки трепетали, потом глаза вдруг открылись. Он различил ночную тьму за неплотно задвинутыми шторами. Что встревожило его?

* Перевод И. Р. Сендерихиной.

Священник потянулся к столику у кровати и включил лампу. Свет уколол его сузившиеся зрачки, и прошло несколько секунд, пока отец Хэган смог снова открыть глаза. Прищурившись, он мельком взглянул на маленькие настольные часы — было уже за полночь. Может быть, слышалось что-то снаружи? Или внутри, в доме? Или его напугал собственный сон? Священник лежал на спине и смотрел в потолок.

Отцу Эндрю Хэгану было сорок шесть лет, и он служил церкви почти девятнадцать из них. Поворотной точкой для него стали те два дня после двадцать седьмого дня рождения, когда еще молодого человека испугал и выбил из привычной колеи сердечный приступ. Он не задумывался о Боге, позволил материализму хаотического мира до такой степени поглотить его духовную сущность, так подчинить ее, что знал лишь одно: что существует. Четыре года изучения истории и богословия в католической школе в Лондоне, потом три года практики в пригородном сумасшедшем доме постепенно разъели внешнюю оболочку его веры и стали грызть ее внутреннюю часть, самую сердцевину. Ему пришлось спастись. Близость смерти напоминала понуждающую мать, которая не позволяет своему отпрыску ни одного лишнего мгновения оставаться под одеялом.

Он больше не преподавал богословие в средней школе — только историю — и время от времени вел занятия по английскому языку. Религии в той конкретной школе почти не уделялось внимания. Ее заменили гуманитарные науки, а молодого учителя-гуманитария уволили во втором семестре за очерненные репутации директора. Вскоре вторым предме-

том Хэгана стал английский. Больше не в состоянии ежедневно обсуждать вопросы веры с пытливыми, хотя зачастую скептически настроенными молодыми умами, он все больше скрывал мысли о Боге, воспитывая в себе сдержанность и самоконтроль. Сердечный приступ, хотя и легкий, остановил постепенное, но казавшееся бесповоротным сползание. Внезапно Хэган понял, что он теряет. Ему захотелось оказаться среди других таких же, кто верит, как он, поскольку их вера укрепит и обогатит его веру. Через год он уже был в Риме, учился на священника. И теперь задумался, не оставила ли прежняя зараза проникающего в душу осадка.

Шум снаружи. Движение. Отец Хэган сел.

А потом подскочил — кто-то внизу заколотил в дверь.

Священник потянулся за очками, лежащими на столике у кровати, прыгнул с постели и подошел к окну. Он раздвинул шторы, но не решился распахнуть само окно. Однако продолжавшийся стук все же заставил его сделать это.

— Кто там?

От пробежавшего по плечам холодного воздуха он поежился.

— Это мы, привидения! — донесся ответ. — Вы бы спустились и открыли нам!

Хэган высунулся из окна и попытался заглянуть на крыльцо внизу. Фигура вышла на открытое место, но виднелась неотчетливо.

— У нас тут — у вас тут — неотложное дело! — послышался голос.

Человек вроде бы что-то держал в руках.

Священник быстро вернулся и надел на пижаму халат. Забыв про тапочки, он прошлепал босыми ногами по холодным ступеням вниз и, включив свет в прихожей, на несколько мгновений замер у входной двери, не решаясь открыть ее. Хотя деревня была рядом, церковь и дом священника стояли особняком. С трех сторон их окружали леса и поля, а для связи с прихожанами служило шоссе перед фасадом. Отец Хэган был не из робкого десятка, но жизнь рядом с кладбищем неминуемо сказывалась. Стук кулаком по дереву снова вывел его из задумчивости.

Прежде чем открыть дверь, Хэган включил свет на крыльце.

Стоявший там человек сам казался напуганным, хотя и попытался улыбнуться. Его лицо вытянулось, побелело.

— Нашел вот, бродя вокруг,— объяснил незнакомец, кивая головой.

Он протянул священнику свою ношу, и Хэган увидел хрупкое маленькое тело в ночной рубашке, длинные волосы. Похоже, девочка, хотя лица не разглядеть.

— Несите ее внутрь, скорее,— сказал он, отступая.

Священник запер входную дверь и велел незнакомцу следовать за собой, потом включил в гостиной свет и электрокамин.

— Положите ее на диван. Я принесу одеяло. Она, должно быть, замерзла.

Мужчина, хмыкнув, положил девочку на мягкие подушки, потом опустился на колени и убрал с ее лица длинные белокурые волосы. Хэган вернулся и осторожно прикрыл неподвижное тело одеялом. Не

сколько мгновений он внимательно смотрел на спокойное лицо девочки, потом снова обернулся к мужчине, принесшему ее в дом.

— Расскажите мне, что произошло.

Незнакомец пожал плечами. Ему было под тридцать или чуть за тридцать, и ему не мешало бы побриться; на нем был вельветовый пиджак с поднятым от холода воротником и то ли синие брюки, то ли джинсы. Его светло-русые волосы, хотя и не очень длинные, были всклокочены.

— Она перебегала дорогу — я еле успел затормозить. Думал, сшибу ее.— Мужчина помолчал и посмотрел на девочку.— Она спит?

Священник приподнял ей веко. Зрачок смотрел на него, не вздрагивая.

— Не думаю. Кажется, она...— Хэган не закончил фразу.

— Она не остановилась, когда я окликнул ее, и я побежал за ней,— продолжал мужчина.— Она побежала прямо к церкви, потом обогнула ее и направилась на кладбище. Я чертовски перепугался.— Он покачал головой и снова пожал плечами, словно снимая напряжение.— У вас есть какие-нибудь предположения, кто это?

— Ее зовут Алиса,— тихо проговорил священник.

— Зачем она бежала сюда? Откуда она?

Отец Хэган пропустил вопросы мимо ушей.

— Она... Она перелезла через ограду позади церковного двора?

Мужчина кивнул.

— Угу. Побежала на луг. А как вы узнали?

— Расскажите мне в точности, что случилось.

Незнакомец огляделся.

— Не возражаете, если я на минутку присяду? Что-то ноги трясутся.

— Извините. Вы, должно быть, перенесли страшное потрясение, когда чуть не наехали на нее.

— Это чертово кладбище так на меня повлияло.— Он с облегчением опустился в кресло и протяжно вздохнул. Но тут же на его лицо снова вернулась тревога.— Послушайте, не лучше ли вызвать врача? Девочка, похоже, плоха.

— Да, я позвоню. Но сначала расскажите, что произошло, когда она выбежала в поле.

Мужчина, казалось, испытал замешательство.

— Вы ее отец? — спросил он; острые голубые глаза смотрели прямо в лицо священнику.

— Отец, но не ее. Это Католическая церковь, и я в ней священник, отец Хэган.

Мужчина разинул рот, потом понимающе кивнул.

— Конечно,— сказал он, выдавив короткую улыбку.— Я должен был догадаться.

— А вы мистер?..

— Джерри Фенн.— Репортер решил пока не сообщать священнику, что он из «Курьера».— Вы живете здесь один?

— Я держу экономку, она приходит днем. А так — да, живу один.

— Жутко.

— Вы собирались рассказать мне..

— Ах да. Луг. Надо сказать, это было странно. Я пошел за ней и увидел, что она стоит на коленях в траве. Она даже не дрожала, а просто смотрела вперед и улыбалась.

— Улыбалась?

— Да, ее лицо сияло. Как будто она смотрела *на что-то*, понимаете? На что-то такое, что радовало ее. Но все, что она могла видеть, это огромное старое дерево.

— Дуб.

— М-м-м? Да, наверное. Было слишком темно, чтобы рассмотреть.

— Дуб — единственное дерево на лугу.

— Тогда, наверное, это был дуб.

— И что произошло?

— Потом случилось самое странное. Конечно, это все была какая-то чертовщина — простите, святой отец, — но тут вообще ничего не понять. Я подумал, что она ходит во сне — или, точнее сказать, бежит, — и тронул ее за плечо. Легонько, понимаете? Я не хотел пугать ее. А она все с той же улыбкой проговорила: «Какая она красивая!» — как будто видела кого-то под деревом.

Священник замер и уставился на Фенна с таким напряжением, что репортер умолк и приподнял брови.

— Я сказал что-то особенное?

— Вы сказали, что девочка заговорила. Алиса говорила с вами?

Фенна поразила реакция священника, и он заерзал в кресле.

— В действительности она говорила не со мной. Скорее сама с собой. Что-то не так, святой отец?

Священник посмотрел на девочку и легонько погладил ее ладонью по щеке.

— Алиса глухонемая, мистер Фенн. Она не может говорить и не слышит.

Фенн перевел взгляд со священника на бледную, неподвижную девочку. Такую хрупкую, маленькую и такую беззащитную.

ГЛАВА 4

— На что мне безумцы? — сказала Алиса.

— Ничего не поделаешь, — возразил Кот. —

Все мы здесь не в своем уме — и ты, и я.

Льюис Кэрролл

«Приключения Алисы в Стране чудес»*

Чья-то рука легонько хлопнула Фенна по плечу.

— Привет, Джерри! Ты, кажется, на этой неделе переключился на кладбища.

Фенн взглянул на проходящего мимо Морриса, одного из тринадцати младших редакторов «Курьера», который полуобернулся к нему, но не остановился, шагая к своему рабочему месту.

— Что? Да, но ты же не знаешь, как все было на самом деле, — машинально ответил репортер.

Он снова сосредоточился на пишущей машинке, быстро перечитал только что напечатанную строчку и, удовлетворенно хмыкнув, продолжил быстро тыкать в клавиши указательными пальцами. Фенн не обращал внимания на окружавшую его суматоху: шум других изношенных, требующих ремонта пишущих машинок, внезапную ругань и еще более внезапные взрывы грубого хохота, мешанину запахов и голосов. Гвалт в течение дня неизменно возрастал; безумие прерывалось, лишь когда вечерняя редакция в 3.45 пополудни отправлялась на покой. Все репортеры вскоре осваивали искусство уходить в себя и не замечать внешнего шума, их мысли, руки и черные знаки на бумаге сплетали собственный хрупкий кокон уединения.

* Здесь и далее по изданию: Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. / Пер. Н. М. Демуровой. М.: Наука, 1991.

Указательным пальцем правой руки Фенн ткнул в клавишу с точкой и вытащил из машинки лист с отпечатанными абзацами. Он пробежал глазами по строчкам, и его улыбка перешла в широкую ухмылку. Отлично! Фигура, белым призраком возникающая в ночи и перебегающая дорогу перед фургоном. Погоня за видением. Через кладбище (можно бы добавить жути, но не будем перегибать). Девочка, стоящая на коленях среди поля, глядя на дерево. Маленькая, в ночной рубашке. Одна. Она говорит. Потом наш бесстрашный репортер узнает, что она глухонемая — или была глухонемая. То, что надо!

Фенн протиснулся между двумя столами, не отрывая сверкающих глаз от редактора новостей. Он встал над его сгорбленной фигурой и едва удержался от соблазна постучать пальцем по лысому черепу.

— Оставь, я посмотрю,— проворчал редактор.

— Думаю, тебе лучше прочесть сейчас, Фрэнк.

Фрэнк Эйткин взглянул на Фенна.

— Я думал, ты приготовишь к полуночи, Хемингуэй.

— Да. Но это специально для тебя.

— Покажи заместителю.— Лысый редактор снова принялся что-то править карандашом.

— Да ты только взгляни, Фрэнк! Думаю, тебе понравится.

Эйткин устало отложил карандаш и несколько мгновений смотрел на сияющую физиономию Фенна.

— Таннер сказал мне, что прошлой ночью ты ничего не нашел.— Таннер был редактором ночных новостей.

— Я подобрал парочку новостей, Фрэнк, но ничего особенного прошлой ночью не было. Если не считать вот этого.

Редактор выхватил у него листок.

Фенн, засунув руки в карманы, с нетерпением ждал, пока Эйткин просмотрит статью, и тихонько насвистывал. Редактор не отрывался, пока не прочел все, потом на его лице отразилось недоверие.

— Что это за дерьмо? — спросил он.

Ухмылка погасла на лице Фенна.

— Так тебе понравилось или нет?

— Ты что, издеваешься?

Фенн с беспокойным видом склонился над столом редактора и повысил голос:

— Это все правда, Фрэнк. — Он ткнул пальцем в листок. — Это действительно случилось со мной прошлой ночью!

— Ну и что? — Эйткин швырнул листок через стол. — Что это доказывает? У девочки был кошмар, она ходила во сне. Ну и что? Большое дело!

— Но она была глухонемой, а заговорила со мной.

— А кому-нибудь еще она сказала что-нибудь? То есть потом, когда ты принес ее в дом священника?

— Нет, но...

— Когда туда пришел врач? Она сказала что-нибудь ему?

— Нет...

— А своим родителям?

Фенн выпрямился.

— Этот коновал провел осмотр, пока священник ходил за родителями. Когда они пришли, девочка снова спала. Врач сказал им, что с ней ничего страшного — небольшая температура, вот и все.

Редактор оперся локтями о стол и с наигранным терпением проговорил:

— Ладно, значит, она тебе что-то сказала. Произнесла три слова, не так ли? Эти три слова были отчетливы или невняты?

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что если девочка была глухонемой, она не могла знать, как произносятся слова. Они бы были искаженными или вообще непонятными, потому что она никогда раньше их не слышала.

— Они были совершенно отчетливы. Но она не всегда была глухонемой. Священник сказал мне, что она стала такой в четыре года.

— А сколько ей теперь? — Эйткин взглянул на отпечатанный листок. — Одиннадцать? Семь лет — долгий срок, Джерри.

— Но я сам слышал! — настаивал Фенн.

— Было довольно поздно, а ты испытал потрясение. — Редактор с подозрением посмотрел на него. — И, возможно, пропустил стаканчик-два.

— Не настолько, чтобы слышать голоса.

— Да, да, это *ты* так говоришь.

— Я клянусь!

— Ну, и чего ты от меня хочешь? Что мне делать с этим? — Он потряс листком.

Фенн изобразил удивление.

— Напечатай.

— Убирайся. — Эйткин скомкал лист и швырнул в мусорную корзину.

Репортер открыл рот, чтобы возразить, но Эйткин поднял руку:

— Послушай, Джерри. Чудес не бывает. Ты уже большой, и сам понимаешь. Что мы имеем? Ты утверждаешь, что девочка, прожившая семь лет глухонемой, заговорила. Сказала три слова, парень, три вшивых слова, и больше никто их не слышал. Только ты. Наш великий репортер, известный своим буйным воображением, прославившийся сатирой на заседания местного совета...

— Ах, Фрэнк, это была шутка...

— Шутка? О да, в прошлом было несколько шуточек. Дельтапланерист, любивший прыгать с башни и парить в воздухе голым...

— Я же не знал, что на нем был телесного цвета облегающий костюм. Все выглядело очень правдоподобно...

— Да, и фотография тоже. Полицейским доставило столько радости бегать по окрестностям в ожидании его приземления, когда заметили этого чудака в следующий раз.

— Было легко ошибиться.

— Конечно. Как и в случае с полтергейстом в Кемптауне.

— Боже, я не знал, что у старушки была нервная кошка!

— Потому что не потрудился проверить, Джерри, вот почему. Ясновидец, которого мы наняли, продал историю «Аргусу». И ты не можешь упрекнуть их, что они отправили людей в город проверить шутку — эти наши чертовы конкуренты.

Определенно, репортеры рядом ухмылялись, хотя и не отрывались от своих пишущих машинок.

— И это не все, просто у меня нет времени перечислять. — Эйткин взял свой карандаш и указал куда-то в окно. — А теперь иди и возвращайся, когда придумаешь что-нибудь стоящее. — Он снова склонился над своей правкой, и вид его блестящей лысины почему-то удержал Фенна от возражений.

— Можно мне продолжить это дело?

— Не в рабочее время, — последовал ворчливый ответ.

Ради своих подслушивающих коллег Фенн еще немного потрепал языком, делая вид, что сообщает

что-то важное заваленному работой редактору, потом повернулся и хмуро побрел обратно на свое место. Боже, Эйткин не распознает прекрасную статью, если она сама подойдет и плюнет ему в глаза. Девочка заговорила! После семи лет молчания она произнесла три слова! Фенн плюхнулся на стул. *Три слова*. Но что это значит? Кто была «красивая», которую она увидела? Репортер пожевал губами и невидящим взглядом уставился на пишущую машинку.

Через некоторое время он пожал плечами и взялся за телефон. Набрав номер местного радио, Фенн попросил Сью Гейтс.

— Где тебя носило прошлой ночью? — спросил он, когда она подошла.

— Брось, Джерри. Мы не уговаривались о встрече.

— Так-то оно так, но ты могла меня предупредить.

В трубке слышался протяжный вздох.

— Ладно, ладно, — торопливо проговорил Фенн. — Мы можем вместе пообедать?

— Конечно. Где?

— У тебя.

— М-м-м, нет. Сегодня у меня много работы. Получится впопыхах.

— Тогда в «Олене». Через десять минут?

— Через двадцать.

— Договорились. До скорого.

Фенн повесил трубку, впрочем ненадолго, и отошел посмотреть телефонный справочник. Пролитстав страницы, он провел пальцем по списку фамилий и остановился, найдя нужную. Возвращаясь на свое место, Фенн повторял про себя номер, пока не набрал его. Никто не отвечал. Он попробовал снова.

Длинные гудки. Наверное, священник отправился по своим ежедневным делам. Экономки тоже не было. Похоже, церковь Святого Иосифа — заброшенное место.

Фенн встал, взял со спинки стула свой пиджак и посмотрел на окна, идущие вдоль всей стены. Стоял солнечный зимний день. Фенн прошел к двери и чуть не столкнулся там с редактором спортивной рубрики.

— Как дела, приятель? — весело проговорил тот и удивился, услышав в ответ неразборчивое ворчание.

Сью Гейтс опаздывала, но Фенну пришлось признать, что ее стоило подождать. Хотя Сью и была на четыре года старше его, в свои тридцать три она сохранила ладную фигуру двадцатилетней девушки. Локонны длинных темных волос окаймляли лицо, а карие глаза могли привлечь мужское внимание в любом заполненном помещении. На Сью были облегающие джинсы, свободный свитер и короткое темно-синее, морского покроя пальто. Увидев Фенна, она махнула рукой и протолкалась к нему через бар. Когда Сью подошла, Фенн встал и поцеловал ее, оценив мягкость влажных губ.

— Привет, дружок! — проговорил он весело. Тепло приятной волной быстро пробежало по телу и собралось в области паха.

— Привет! — ответила Сью, пролезая на сиденье рядом.

Фенн пододвинул к ней уже заказанное пиво, и она с удовольствием сделала большой глоток.

— Будешь есть? — спросил Фенн. Сью часто по два дня не притрагивалась к пище.

Она покачала головой.

— Заморю червячка вечером.

— Червячка? Собираешься вечером на рыбалку?

— Идиот.

Подцепив остатки сыра, Фенн улыбнулся набитым ртом.

— Извини, что вчера вечером меня не было,— сказала Сью, накрыв его руку ладонью.

Фенну пришлось проглотить, прежде чем ответить.

— Прости, что я нагрубил по телефону,— извинился он в свою очередь.

— Забудь об этом. Кстати, я звонила в «Курьер», чтобы сообщить, что меня не будет. Мне сказали, что ты уехал по заданию.

— Я тоже тебе звонил.

— Я уезжала...

— Знаю.

— Редж пригласил меня на ужин.

— Ах, да.— Его голос звучал непринужденно.— Старина Редж.

— Ну перестань. Редж мой босс — ты знаешь, в этом нет ничего такого.

— Конечно знаю. А он знает?

Сью рассмеялась.

— Это тощая жердь в очках, как бутылочные донышки, лысеющий и с отвратительной привычкой ковырять мизинцем в носу.

— И вот это последнее делает его неотразимым.

— И сверх всего, он женат и у него трое детей.

— Я же говорю, он неотразим.— Фенн допил свою кружку.— Возьму тебе еще, пока я здесь.

— Нет, лучше я тебе,— настояла она.— А пока я схожу к стойке, ты можешь подумать, какой ты зануда.— Она взяла его кружку.— Еще темного?

— «Кровавую Мэри»*, — сказал он чопорно.

Глядя, как Сью пробирается к стойке, Фенн повторял себе, что восхищается ее независимостью. Он много раз говорил это себе и ей — ему хотелось убедить себя в этом восхищении. Сью успела выйти замуж и развестись, когда ей еще не исполнилось двадцати шести, ее бывший муж занимался рекламой в Лондоне — влиятельный, импозантный тип, умевший приволокнуться за девушками, этакий творческий бизнесмен. После очередной неосторожности с его стороны Сью потребовала развода. Она занимала неплохую должность в кинокомпании — они с мужем и познакомились, когда этой компании предложили снять рекламный ролик на телевидении для его агентства, — но после развода Сью решила, что с нее хватит рекламщиков, Лондона и мужчин.

Большой проблемой явилось то, что после брака остался ребенок — сын по имени Бен. Во многом из-за него Сью пришлось переехать на южное побережье: родители ее жили в Хове, являющемся половиной (некоторые говорили: лучшей половиной) Брайтона, и они согласились участвовать в воспитании внука. Большую часть времени Бен проводил со своими дедушкой и бабушкой, но Сью старалась, чтобы каждый день все собирались вместе, и почти каждые выходные забирала мальчика к себе. Фенн знал, что Сью хотелось всегда держать сына при себе, но ей приходилось зарабатывать на жизнь (ее неистовое стремление к независимости означало отказ от любой поддержки, даже ради Бена, со стороны бывшего мужа; половина денег от продажи дома в

* «Кровавая Мэри» — коктейль из водки с томатным соком.

Ислингтоне* — вот все, что она от него потребовала). Сью удалось найти работу на брайтонском радио, и вскоре она уже вела свою передачу. Но это отнимало много времени, и приходилось все меньше и меньше видаться с Беном, что беспокоило ее. И слишком часто она виделась с Фенном, что беспокоило почти так же. Ей не хотелось связываться еще с одним мужчиной; случайные знакомства — вот все, что Сью позволяла себе; это требовалось только в редких случаях, когда слабому телу необходимо было прижаться к чему-то большему, чем подушка. Однако после встречи с Фенном эти случаи участились.

Он убеждал ее отказаться от своей квартиры и переехать к нему. Казалось смешно иметь такие тесные отношения и жить далеко друг от друга (точнее говоря, в трех кварталах). Но Сью противилась и так и не согласилась: она поклялась больше никогда не попадать в полную зависимость от кого-то. Никогда. Иногда, втайне, Фенн чувствовал облегчение, поскольку это давало независимость и ему. Иногда он ощущал вину (сделка казалась ему *чересчур* выгодной), но когда звал Сью, она всегда убеждала его, что ответственность лежит не на нем и что это она получает наибольшую выгоду. Мужчина, на которого можно положиться в трудную минуту, способный утешить ее ночью, когда так одиноко; друг, с которым можно развлечься, когда все в порядке. Плечо, на котором можно выплакаться, любовник, за которым можно подсматривать, бумажник, на который можно рассчитывать. И одиночество, когда оно очень нужно. Чего еще может желать женщина? «Многого», — думал Фенн, но не собирался понуждать ее.

* Ислингтон — район Лондона.

Сью вернулась и с выражением легкого неодобрения на лице протянула ему густой красный коктейль. Он отхлебнул и зажмурился: Сью велела бармену не жалеть перца. Фенн заметил, что она еле удерживается, чтобы не фыркнуть.

— Что ты сегодня делаешь, Вудстайн? — спросила Сью. — Я думала, ты не сползешь с кровати после поздней работы.

— Прошлой ночью я натолкнулся на отличную историю. Точнее, это она на меня наткнулась. Я думал, она попадет в этот выпуск, но у Аятоллы оказалось иное мнение.

— Эйткину не понравилось?

Фенн с усмешкой покачал головой.

— Не понравилось? Он просто не поверил.

— Попробуй рассказать мне. Я знаю, ты врешь, только когда видишь в этом какую-то выгоду для себя.

Он вкратце рассказал, что случилось накануне ночью, и Сью улыбнулась. По мере рассказа в ее глазах постепенно разгорался интерес. В одном месте, когда Фенн описывал, как он обнаружил девочку, стоявшую на коленях в чистом поле, Сью поежилась, словно спины ее коснулись холодные пальцы. Он продолжал рассказывать про священника, про врача, потом про прибытие встревоженных родителей.

— Сколько лет было той девочке? — спросила Сью.

— Священник сказал, что одиннадцать. Но мне она показалась младше.

* Вудстайн — прозвище дуэта журналистов, Боба Вудворта и Карла Бернштейна, ставших знаменитыми после расследования Уотергейтского дела.

— И она просто смотрела на дерево?

— Она просто смотрела *в ту сторону*. У меня сложилось впечатление, что она смотрела на что-то другое.

— Что-то другое?

— Да, это трудно объяснить. Она улыбалась, понимаешь, как будто что-то вызывало в ней радость. Просто восторг. Как будто перед ней было какое-то видение.

— Ой, Джерри...

— Нет, именно так! Именно так это выглядело. Девочка видела что-то.

— Ей приснилось, Джерри. Не надо преувеличивать.

— Тогда как ты объяснишь то, что она сказала?

— Может быть, и тебе померещилось.

— Ах, Сюю... Я ведь серьезно говорю.

Она рассмеялась и взяла его за локоть.

— Извини, дорогой, но ты сходишь с ума, когда думаешь, что раскопал хорошую историю.

Он хмыкнул.

— Может быть, ты права. Может быть, эта часть мне померещилась. Но странно: у меня сложилось впечатление, что это случилось уже не в первый раз. Когда пришли ее родители, я услышал, как ее мать что-то бормочет, будто Алиса — так звать девочку — уже уходила раньше на то же самое место. Священник кивнул, но его глаза словно предостерегали женщину не говорить лишнего при мне. Как будто от меня что-то скрывали.

— Он знал, что ты репортер?

Фенн покачал головой.

— Он не спросил, я и не сказал. — Он задумчиво отхлебнул свой перченый коктейль. — Но все равно

он хотел от меня избавиться. Не мог дожидаться моего ухода, когда появились отец и мать. Я притворился более потрясенным, чем был на самом деле, и он дал мне немного прийти в себя. Потом, прямо перед тем, как родители забрали Алису, он проделал с ней какой-то ритуал. Пробормотал что-то и осенил крестным знамением.

— Благословил ее?

Фенн насмешливо посмотрел на Сью.

— Можешь сказать и так.

— Нет, это ты так говоришь. Наверное, он благословил ее.

— С чего бы это?

— Священники благославляют дома, священную утварь, статуи. Можно даже благословить твой автомобиль, если хорошо попросишь. Почему бы не ребенка?

— Да, почему бы и нет? Слушай, а откуда ты все это знаешь?

— Я католичка — по крайней мере, раньше была. Не уверена, что осталась до сих пор. Католическая церковь не одобряет разводы.

— Ты никогда не говорила об этом.

— Не было нужды. Я больше не хожу в церковь, только на Рождество, и то в основном ради Бена. Ему нравится церемония.

Фенн с пониманием кивнул.

— Так вот почему ты так неистовствуешь в постели.

— Зануда.

— Угу. Вот почему ты так любишь бичевание!

— Заткнись, пожалуйста. В тот день, когда я позволила тебе ударить меня...

— Да, вот почему мне приходится раздеваться в темноте...

Она застонала и под столом ушибнула его за ляжку. Фенн вскрикнул и чуть не расплескал свой коктейль.

— Ладно, ладно, я соврал, ты нормальна. А как жаль!

— Просто запомни это.

Он в ответ сжал ее бедро, но его прикосновение было нежным.

— Значит, ты говоришь, что это обычная практика — благословлять девочку?

— Нет, в данных обстоятельствах это кажется мне необычным. Но не особенно. Может быть, он просто хотел успокоить родителей.

— Да, может быть.

Сью рассматривала его профиль и знала, что в некоторые дни любит его больше, чем в другие. Сегодня был такой день. Она вспомнила, как они впервые встретились более трех лет назад. Это было на вечеринке, устроенной радиостудией для одного из дикторов, который переходил в главную компанию, Великую Тетушку Би-би-си, в Лондон. На вечеринку пригласили кое-кого из дружелюбных газетчиков, а Джерри Фенн казался, может быть, чересчур энергичным, но достаточно дружелюбным.

— Что-то мне знакомо ваше лицо,— сказала ему Сью, заметив, как он ловко увивается вокруг, выжидая удобного момента, чтобы представиться. До того она несколько раз ловила его взгляд, прежде чем он обошел комнату, чтобы нарочно столкнуться с ней.

— Да? — сказал он, приподняв брови.

— Да, вы напомнили мне одного актера...

— Правильно. Какого? — Фенн широко улыбнулся.

— Ах, как же его фамилия! Ричард...

— Иствуд. Ричард Иствуд?

— Нет, нет. Он был еще в этом космическом бое-
вике...

— Ричард Редфорд?

— Нет, такой глуповатый.

— Ричард Ньюман?

— Дрейфус, вот кто. Ричард Дрейфус.

Его улыбка погасла, губы сложились в букву «О».

— Ах да. Он.— Фенн снова просиял.— Да, хоро-
ший артист.

Они разговорились, он смешил ее своими быст-
рыми переменами настроения, его внезапная ожив-
ленность прерывалась хитрыми ухмылками, застав-
ляя Сью задумываться, не шутит ли он, прикидываясь
таким серьезным. Прошло три года, но она так и не
поняла этого.

Фенн повернулся к ней лицом с той же хитрой
ухмылкой.

— Ты занята в эти выходные?

— Не особенно. Правда, я встречаюсь с Беном.

— Можешь выделить мне утро в воскресенье?

— Конечно. Есть какая-то причина?

Его улыбка стала шире.

— Не хочешь сходить со мной на воскресную
мессу?

ГЛАВА 5

— Нет,— сказала мать.— У меня дурное пред-
чувствие, будто собирается страшная гроза.

Братья Гримм. «Можжевельный кустик»

Стоя у подножия лестницы, Молли Пэдджетт при-
слушалась. Это был маленький домик из красного
кирпича, точно такой же, как все другие муници-

пальные дома в Бенфилде, и движение в любой комнате было бы ясно слышно снизу лестницы. До слуха донеслось знакомое «бип-бип» Алисиных «Галактических захватчиков»; дочь часами играла в эту электронную игру на батарейках, с безошибочной точностью стреляя в опускавшихся зеленых врагов, что Молли одновременно озадачивало и впечатляло. Она прошла на кухню и наполнила чайник.

По крайней мере, Алиса на время отложила свои цветные карандаши.

Молли села за откидной стол. Ее лицо, и так бледное, в последние две недели стало еще более обескровленным из-за усилившейся тревоги. Алиса была для Молли неиссякаемым источником беспокойств, поскольку в четырехлетнем возрасте обычная детская болезнь вызвала у дочери необычное последствие: после свинки Алиса стала глухонемой. Молли побарабанила пальцами по столу и подавила желание закурить. Пять сигарет в день было ее максимумом — одна утром, еще одна в течение утра, одна непосредственно перед тем, как Лен, ее муж, вернется с работы, и потом две вечером, перед телевизором. Пять в день — это самое большое, что она могла себе позволить, но иногда выкуривала и десять. А порой и все двадцать. Все зависело от Лена. Он был иногда таким ублюдком!

Молли быстро перекрестилась, прося у Бога прощения за сквернословие, но не за мысли: они имели под собой основание.

Вспомнив прошедшую ночь, она нахмурилась еще сильнее. Они с Ленем перепугались, когда священник постучал среди ночи в дверь; он стоял в прихожей с белым, встревоженным лицом, как одетый в черное предвестник беды. «Ерунда», — сказала она

ему, когда Хэган сообщил, что Алиса у него в доме и к ней вызвали врача. Алиса спокойно спит у себя в постели, утверждала Молли. Она лежит там с семи часов. Легла пораньше, потому что почувствовала себя усталой.

Отец Хэган только покачал головой и убедил их одеться и пойти с ним. Но Молли побежала в комнату к Алисе: она понимала, что священник не стал бы лгать, но просто хотела убедиться в его заблуждении. Постель была пуста, одеяло откинута, кукла свисла с края, бессмысленно уставившись в пол. Лен и отец Хэган тоже пришли сюда, и священник, а не муж, постарался успокоить Молли. С Алисой все в порядке, насколько мог судить врач. Вероятно, она ходила во сне, вот и все.

— Но неужели в эту чертову церковь? — спросил Лен, не смущаясь тем, что говорит со священником.

Отец Хэган велел им найти теплые вещи для дочери, поскольку она была в одной тонкой ночной рубашке. К тому времени сами они уже торопливо оделись, и настроение Лена перешло в озлобление, так как, будучи атеистом, он держался подальше от церкви (хотя ему доставляли удовольствие время от времени случавшиеся похороны, к которым он относился как к общественным событиям) и необходимость тащиться в церковь среди ночи — к тому же чертовски холодной ночи! — не вызвала у него радости.

Когда они увидели Алису в доме у священника, то поразились, насколько бледной она была. Даже Лен прекратил свое угрюмое бормотание. И в то же время девочка казалась какой-то умиротворенной.

Врач заявил, что не обнаружил ничего страшного, но пару дней девочку следует подержать дома, обеспечить ей покой. Если она будет вести себя странно или казаться не такой, как всегда, нужно позвонить ему — и он тут же прибудет. Впрочем, врач не сомневался, что беспокоиться не о чем. Дети часто устраивают ночные прогулки, во сне или наяву; Алиса просто забрела дальше, чем большинство.

Но Молли не покидал страх. Почему Алиса снова пошла к тому дереву? Молли чуть с ума не сошла, когда дочь пропала две недели назад, она обшарила всю церковь и окрестности, дважды выбегала на дорогу, чтобы убедиться, что Алисы там нет. В панике она побежала в дом отца Хэгана, и он помог ей еще раз обыскать окрестности. Это священник заметил ее дочь в поле, на коленях перед деревом. Когда они подошли к ней, Алиса улыбалась; но улыбка погасла, стоило девочке заметить их приближение. Тогда Молли пришла в замешательство, это сбilo ее с толку. Они отвели девочку назад, и на языке жестов мать спросила ее, зачем она пошла на луг. Алиса только выразила недоумение, словно не поняла. После она была как будто в полном порядке (возможно, немного отстраненной, но это не казалось чем-то необычным: так легко потеряться в мире безмолвия), и Молли попыталась забыть тот инцидент.

Теперь, из-за предыдущей ночи, беспокойство вернулось с новой силой. И страх смешивался с чем-то еще. С чем же? С дурным предчувствием? Больше. С чем-то большим. Слабое шевеление надежды... Нет, это невозможно. Тот человек заблуждался. Хотя он казался таким уверенным.

Она не могла вспомнить имя того молодого человека, который чуть не задавил Алису. Когда пришли

они с Леном, он сидел в кресле, и его наряд несколько портил первое впечатление. Вокруг распространился знакомый запах алкоголя (знакомый, потому что тот же неприятный запах был так характерен для ее мужа), хотя человек не казался пьяным. Он сказал, что Алиса что-то говорила ему.

Чайник засопел в новой тональности, из него по-
валял пар: Молли выключила газ и бросила в пустую чашку на сушилке пакетик чая. В другую чашку она налила концентрированного лимонного сока для Алисы и добавила в обе чашки кипятку. Молли смотрела на кружащуюся зеленовато-желтую жидкость и думала о дочери, своем единственном ребенке, думала о том, что чудес не бывает. Во всяком случае, для Молли и Алисы Пэдджетт.

Она поставила чашку на блюдо, положила рядом с ней два печенья и вышла из кухни. Поднимаясь по лестнице, Молли повторяла про себя быструю безмолвную молитву, но не позволяла себе надеяться. Скоро Алиса вернется в свою специальную школу для глухонемых в Хове, сама Молли снова будет занята неполный день как приходящая домработница, а Лен примется ворчать, и у Пэдджеттов опять будет все как всегда. Она молилась об этом, но и о чем-то лучшем.

Когда Молли вошла в спальню, Алиса не взглянула на нее. Хотя и глухая, дочь всегда чувствовала, когда кто-то входил, но на этот раз была поглощена рисованием. «Галактические захватчики» лежали на полу у кровати, а карандаши находились под рукой на тумбочке. Молли встала рядом, держа чашку с горячим лимонным питьем, но Алиса не отрывалась от альбома.

Увидев рисунок, Молли нахмурилась. Опять тот же. Тот же самый, что дочь рисовала каждый день уже две недели. Молли показывала его отцу Хэгану, который заходил в то утро, и он тоже не нашел в рисунке никакого смысла.

Молли поставила блюдо с чашкой рядом с карандашами и присела на край кровати. Алиса удивленно подняла голову, когда у нее из руки забрали желтый карандаш. На мгновение показалось, что она не узнает мать. Но потом девочка улыбнулась.

Дождь, как мелкая ледяная крупа, бил в лицо отцу Хэгану, который стоял у кладбищенской стены, глядя на дерево в поле. Небо после ясного утра потемнело, между далеким горизонтом и собравшимися мрачными тучами виднелась серебристая дымка.

Ничего не происходило. Да он ничего и не ожидал. Дерево было просто деревом. Старый потрепанный дуб. Молчаливый свидетель проходящего времени. Священник видел, как в дальнем конце луга пасутся овцы с желтовато-серыми телами, их заботил лишь следующий пучок травы да возрастающая тяжесть в раздутом брюхе.

Священник поежился и поплотнее застегнул воротник своего темно-синего плаща. Черные волосы промокли, очки покрылись капельками воды. Он стоял уже пять минут, не обращая внимания на ледяной дождь. Его тревожило какое-то ощущение, которого он не мог осознать, какое-то неопределенное гнетущее чувство. Хэган плохо спал в ту ночь, когда врач с Алисой и Пэджеттами и человек по фамилии Фенн ушли. На него обрушилось странное одиночество, он чувствовал себя беззащитным и всеми покинутым.

За годы своего священничества Хэган привык считать одиночество благом, а не несчастьем. Но в последнюю ночь оно стало подавляющим, комната превратилась в клетку, окруженную непроницаемой, лишенной жизни темнотой, мертвенной пустотой, отделявшей его от остального человечества. Его посетило пугающее чувство, что если он выйдет из спальни и двинется в темноту, то никогда не достигнет ее края, а будет идти и идти и потеряется в ней. И уже никогда не отыщет снова свою комнату. Это чувство удушало, и он испугался.

Он стал молиться, и молитва постепенно отодвинула сжимающиеся стены страха. Его сон был беспокойным и утомлял больше, чем бессонница, и еле заметный проблеск утра воспринялся как безграничное облегчение. Хэган дрожал в пустой церкви, его религиозное рвение было пылким, глубоким, а потом, на утренней мессе, разделенной с четырьмя прихожанами из своей паствы, священник начал избавляться от гложущей тревоги. Но не до конца, она таилась в глубине сердца весь день, как смутный мучитель, не дающий распознать себя, нападающий и тут же скрывающийся.

Ствол дерева был покрыт бороздами, словно морщинами, годы изогнули и перекрутили его. Дуб господствовал над этой частью луга, как гигантский сторож, бесчисленные ветви-руки вздымались, предупреждая желающих вторгнуться. Гротескная голая фигура, лишенная летних листьев, устрашающая в своем безобразии. «Однако,— сказал себе священник,— это всего лишь многовековой дуб с изогнутыми нижними ветвями, с потрескавшейся и высохшей корой, изрядно изувеченный временем. Почему же девочка стояла перед ним на коленях?»

Пэдджетты всегда жили в этом приходе, Молли Пэдджетт была преданным, хотя и неприметным членом католической общины. Она получала плату за работу по уборке в церкви, но жалование было минимальным, и, вероятно, она бы согласилась работать бесплатно, если бы отец Хэган попросил об этом. Он не часто встречался с Леонардом Пэдджеттом и неохотно признавал, что ему нет дела до этого человека. Атеизм Пэдджетта и плохо скрываемая неприязнь к церкви и ее служителям не влияли на чувства священника по отношению к нему; Хэган знал и уважал многих подобных людей. Нет, в этом человеке было что-то... что-то нехорошее. В редких случаях, когда отец Хэган заходил к Пэдджеттам, Леонард всегда казался угрюмым, словно ему было неловко в обществе священника. И, в свою очередь, тот чувствовал себя неловко в обществе Пэдджетта. Зайдя утром проведать Алису, он обрадовался, что ее отца нет дома.

Алиса. Доброе дитя, пытливое дитя. Беда сделала ее одинокой. Девочка была хрупкой, но в маленьком теле чувствовалась внутренняя сила. Казалось, она счастлива в церкви: она с радостью помогала матери и испытывала почтение к окружающей обстановке. У Алисы было немного друзей — конечно, ее немота мешала другим детям, подобные вещи не вызывают у них сочувствия. Но, несмотря на свой тяжелый недуг, она казалась такой жемышленной, как и ее сверстники, хотя часто замыкалась в собственном мире, в своих фантазиях — очевидный результат недуга. В то утро она почти совершенно затерялась в своем тайном царстве, поглощенная какими-то каракулями.

И воспоминание об Алисиных рисунках снова повлекло Хэган в церковь.

Сгорбив плечи под секущим дождем, он торопливо прошел через унылое кладбище. Молли Пэдджетт показывала ему рисунки своей дочери, сделанные в последние две недели, и все они походили один на другой, в основном желтые и серые, некоторые с добавлением голубого. Странно, лишь один отличался, но не стилем, а цветом. Он был красно-черным. И все они что-то смутно напоминали.

Алиса не была художницей, но пыталась изобразить фигуру, кого-то в белых одеждах. Порой использовался голубой цвет и лишь один раз — красный. Фигуру окружало что-то желтое, и у нее не было лица. Казалось, что это женщина, хотя очертания были неясными.

Он вошел в притвор, радуясь укрытию от дождя, и порылся в кармане в поисках ключа. В эти дни церковь всегда запиралась из-за участившихся случаев вандализма и воровства. Святое убежище было доступно для прихожан лишь в определенное время. Длинный ключ повернулся в замке, отец Хэган распахнул двери, вошел и закрыл их за собой. Звуки глухо отражались от стен сумрачной церкви, и шаги казались неестественно громкими, когда священник, предварительно преклонив колени и перекрестившись, шел между скамьями.

Прежде чем подойти к алтарю, он задержался, глядя на отдаленную неподвижную фигуру у стены, сбоку от алтаря. Неужели? Да, подойдя к статуе, отец Хэган убедился: те же распростертые руки, чуть склоненная голова, смотрящая на тех, кто преклонил колени, сидел или стоял у подножия. Рисунки

Алисы приобрели для него смысл, когда он увидел образ, который она пыталась передать.

Алиса часто сидела здесь. Любопытно, что определение предмета ее навязчивых рисунков не принесло облегчения. Вместо этого ощущалось какое-то легкое беспокойство.

Священник взглянул на выражающее сострадание, но каменное лицо Богоматери и поразился вдруг охватившему его резкому приливу отчаяния.

ГЛАВА 6

Казалось, что летать совсем нетрудно, и они попробовали, подпрыгивая сначала на полу, а потом — на кроватях. Но у них ничего не выходило. Они падали.

— Вы просто подумайте о чем-нибудь хорошем, ваши мысли сделаются легкими, и вы взлетите.

Дж. М. Барри. «Питер Пэн»*

Воскресенье. Утро. Солнечно. Но холодно.

Фенн пристроил свою малолитражку в хвост длинной череды автомобилей, большинство из которых заехали двумя колесами на траву за обочиной.

— Уже половина десятого, Джерри. Мы опаздываем.

Сью сидела на месте пассажира, не делая попыток вылезти из машины.

Фенн изобразил улыбку.

— Они больше не заставляют за это надевать власяницу, а?

* Перевод И. П. Токмаковой.

Он выключил двигатель.

— Я не уверена, что мне этого хочется.— Сью тревожно покусывала нижнюю губу.— Я хочу сказать, это несколько лицемерно, правда?

— Почему? — Фенн удивленно взглянул на нее, хотя его глаза по-прежнему улыбались.— Опоздавшие всегда достаиваются хорошего приема.

— Брось, это не смешно.

Фенн переменил тон.

— Ладно, Сью, тебе нет нужды становиться новообращенной католичкой. Мне бы было немного не по себе войти туда в одиночку, я бы не знал, какого черта там делать.

— Признайся, ты до чертиков перепугался. Думаешь, католики сжигают неверующих на костре? И почему ты решил, что тебя обязательно распознают?

Фенн неловко заерзал.

— Пожалуй, я чувствую себя так, будто вторгся в чужие владения.

— Ты хочешь сказать, чувствуешь себя шпионом? А я что буду чувствовать, как ты думаешь?

Он наклонился, обнял ее за шею и нежно притянул к себе.

— Мне нужно, чтобы ты была рядом, Сью.

Она посмотрела ему в лицо, собираясь выругать за эти явно детские слова, но вместо этого застонала, вылезла из машины и захлопнула за собой дверь.

Фенн вздрогнул, но не удержался от смешка. Он запер машину и поспешил за Сью, которая шагала вдоль трехрядной дороги, направляясь к входу в церковь. Вместе с ними спешили другие опоздавшие, и звук органа ускорил их шаги.

— Чего я ни делаю для тебя, Фенн,— пробормотала Сью уголком рта, когда они вошли в придел.

— Но это все не так уж плохо,— прошептал он в ответ, однако толчок острым, локтем погасил его улыбку.

Церковь была полна, и это удивило Фенна — ему казалось, священники вечно жалуются, что в церковь ходит все меньше и меньше народу. Но здесь людей было много. Даже слишком много — ему и другим опоздавшим пришлось стоять позади всех. Фенн смотрел, как Сью опустила руки в купель у центрального прохода, и восхитился ее ногами, когда она быстро преклонила колена. «Помни, где находишься», — сказал он себе. Он решил, что будет неловко последовать ее примеру, но обнаружил, что не последовать так же неловко. Пробравшись в сторонку и стараясь выглядеть по возможности незаметнее, репортер осмотрелся. Паства была самой разномастной: много детей, некоторые со взрослыми, другие просто с братьями, сестрами или друзьями; много женщин, в основном средних лет и еще старше, там и здесь виднелись несколько девочек лет тринадцати-пятнадцати, и присутствовало изрядное количество мужчин, в большинстве семейных, но были среди них и одна-две группки мальчиков-подростков. Все пели гимн, рты открывались и закрывались, но многие не произносили слов, а разевали рот просто так. Впрочем, мелодия звучала неплохо, и общий эффект сливавшихся вместе голосов и богатых звуков гудящего органа был не лишен приятности. Фенн принялся напевать вместе со всеми.

Гимн закончился, люди зашевелились, слышался шорох закрывающихся книг, как приглушенный шум накатившей на берег волны. Паства опустилась

на колени, и Фенн не знал, что делать — каменный пол казался слишком жестким. Он бросил взгляд на Сью, ожидая подсказки, и с облегчением заметил, что она только слегка наклонила голову. Репортер сделал то же самое, но глаза его смотрели вверх, блуждая по головам стоящих впереди людей.

Монотонная литания священника привлекла его внимание к алтарю, и Фенн еле узнал человека в этом блестящем служебном одеянии — белой сутане и яркой желто-зеленой ризе. Отец Хэган преобразился, он имел мало общего с тем растерянным и встревоженным босым человеком в халате, которого Фенн видел несколько дней назад. Перемена была разительной, как будто Кларк Кент* превратился в супермена. Или Попай** наелся шпината. Одеяния на священнике были подобны доспехам и придавали ему спокойствие и силу. На Фенна это произвело некоторое впечатление, но он цинично напомнил себе, что причудливое платье — всегда самый лучший камуфляж.

Когда отец Хэган быстро произносил молитвы, лицо его ничего не выражало, глаза были опущены, почти закрыты. Паства бессвязным гулом отвечала на его торжественные воззвания к Богу. Потом священник и прихожане молились вместе, и Фенн заметил, что священник открыл глаза и больше не склоняет голову. Отец Хэган то и дело поглядывал налево, словно наблюдая за кем-то, кто стоял на коленях в другом конце церкви. Фенн проследил за его взглядом, но увидел лишь ряды склоненных голов.

* Герой сериала «Тайны Смолвилля», мальчик внеземного происхождения.

** Герой мультипликационной серии «Попай-мореход».

Он переменял позицию, чтобы удобнее было следить за боковым проходом, но не заметил ничего необычного и переключил внимание на мессу, заинтересованный службой, но не получая от нее ни чувства обновления, ни душевного подъема. Вскоре репортёр почувствовал растущее разочарование и легкую обиду.

Возможно, он просто не любил быть частью толпы, которая — казалось ему — бессмысленно повторяла слова, как магическую формулу, как коллективное прошение о милости. Это начинало действовать на нервы. Фенн не то чтобы верил или не верил в существование Бога — просто для него это не имело большого значения. Он считал, что нужно выработать свою собственную мораль, свой кодекс и твердо следовать ему. Пока ты не приносишь никому ущерба (слишком большого), ты действуешь приемлемо. Если и существует Бог, он достаточно велик, чтобы понять это. Это человек, смертный человек из плоти и крови создает мифы. Какое высшее существо может поощрять, не говоря уж о том, чтобы оценить этот догматический повторяющийся ритуал? Какая всемогущая сила может поощрять свои собственные творения, чтобы они пресмыкались перед ней, дабы получить свою крупицу небесного блага, когда выкрикнуть их номер? Это представлялось бессмыслицей.

Фенн с вызовом посмотрел на алтарь. Можно было о многом порассуждать. Например, об идолопоклонстве, неправильном теологическом толковании и наивном символизме. Или о контроле над рождаемостью, исповеди, покаянии и отпущении грехов. Или о фанатизме (кто сказал, что нужно быть католиком, чтобы ступить в райские врата?), о церемонии, о торжественности и этой непогрешимости.

Первородный грех — ради Бога! Не говоря уж о точке зрения церкви на прелюбодеяние.

Собственное негодование вызвало у него улыбку. Никакая церковная служба не заслуживала подобных эмоций.

Пока отец Хэган читал из Евангелия, Фенн взглянул на Сю, тайком взял ее за руку и легонько пожал. Сю не обратила внимания, сосредоточившись на словах священника. Удивленный, Фенн отпустил ее руку.

Началась проповедь, и Фенн слушал вполуха, хотя с интересом рассматривал Хэгана. Странно: теперь священник не выглядел таким невозмутимым. Его лицо казалось напряженным, и он по-прежнему смотрел в сторону, на кого-то из сидящих перед кафедрой. И снова репортер попытался рассмотреть, но на этот раз увидел только женский затылок во втором ряду, между сидящими рядом мужчиной и женщиной.

Голову украшал яркий розовый шарф. Может быть, священник не любил розовый цвет?

Фенн потоптался на месте, им овладело беспокойство. Если бы он курил, он бы отдал жизнь за сигарету. Интересно, а жевание жвачки в церкви — святотатство? Репортер решил, что, вероятно, так и есть.

Слова священника казались неуверенными, словно и сам он сомневался. Но по мере развития темы они становились тверже, и Фенн почти физически ощутил облегчение, испытанное собравшейся паствой. Прихожане, очевидно, предпочитали суровые и безжалостные проповеди. Голос отца Хэгана слегка повышался, только что он порицал, в следующий момент увещевал, потом утешал и возвращался к обличающему тону, когда речь становилась слишком ублаживающей. Фенну понравился такой метод.

Служба продолжалась (а для Фенна тянулась и тянулась), и он уже жалел, что пришел на полную мессу. Ему хотелось впитать атмосферу воскресной службы; может быть, после окончания побеседовать с кем-нибудь из прихожан, но главная цель была — встретиться со священником. После окончания мессы Фенн собирался обстоятельно поговорить с ним, хотел узнать, как здоровье девочки. Вернулась ли она в церковь? Говорила ли снова? Но теперь засомневался, не слишком ли большую жертву принес ради своего ремесла.

Он снова украдкой взглянул на Сью и испытал некоторое замешательство от ее очевидного благоговения перед окружающим. Католичка всегда останется католичкой. Однако, надеялся Фенн, последнее не означает, что этой ночью она выпихнет его из своей постели.

Церковь как-то особенно затихла. Отец Хэган манипулировал с отполированным до блеска потиром и разламывал что-то похожее на белую вафлю. Подготовка к причастию — вот что это было. Вкушение вина, преломление хлеба. Кровь Христова, Тело Христово. Как они это называют? Евхаристия — причащение.

Все склонили головы, и, когда зазвонил колокольчик, стоящие вокруг люди опустили на колени. Фенн тревожно посмотрел на Сью, а она глазами велела ему встать на колени рядом. Каменный пол был жестким.

Фенн не поднимал головы, боясь оскорбить кого-нибудь — особенно ТОГО, КТО ВИДИТ ВСЕ, — пока не услышал движение вокруг. Взглянув, он увидел, что люди направляются в проходы и двумя вереницами тянутся к ограждению алтаря, где с се-

ребряной чашей и причастием их ждал священник. Рядом какой-то пожилой человек в белой сутане помогал ему. Процессия людей медленно двигалась вперед, и орган снова задышал и ожил.

Теперь некоторые сели на скамейки, а некоторые из задних рядов встали на ноги, не желая больше страдать от боли в коленях. Фенн считал их решение здравым и тоже поднялся, но Сью осталась колено-преклоненной.

Началось песнопение, и паства двинулась по кругу, подходя к алтарю по центральному проходу и возвращаясь на свои места по боковым. Фенн увидел розовый шарф,двигающийся вдоль скамьи к центру, и мгновенно узнал во владелице шарфа женщину, которая несколько дней назад приходила с мужем в дом священника за глухонемой девочкой. Священник всю службу наблюдал за матерью Алисы.

Голова в розовом шарфе присоединилась к другим склоненным головам в медленно шагающей процессии и совершенно скрылась из виду, когда женщина опустилась на колени, чтобы получить у священника гостию*.

И тогда с того места, где всю мессу просидела эта женщина, поднялась маленькая фигурка. Она шагнула в боковой проход и взглянула на статую перед собой, потом повернулась и пошла к выходу из церкви. Фенн узнал Алису. Ее белокурые волосы были расчесаны на прямой пробор, две длинные косы спадали на плечи. На девочке был бордовый плащ, слишком большой для нее, и белые гольфы. Она крепко

* Гостия (лат. — «жертва») — маленькая лепешка из пресного пшеничного теста, заменившая в католическом и лютеранском обряде причащения (евхаристии) упоминаемый в новозаветных текстах хлеб.

сцепила руки, переплетя пальцы, и смотрела прямо перед собой, ее глаза не останавливались ни на чем в отдельности.

Фенн не отрывал от нее взгляда, понимая: что-то не так. Ее лицо было бледным, костяшки пальцев побелели. И он понял, что священник все время смотрел на нее, а не на ее мать.

И теперь отец Хэган по-прежнему смотрел на нее.

Облатка зависла перед раскрытым ртом, высунутый язык причащавшегося начал подергиваться от напряжения. Мать Алисы, стоящая на коленях рядом со своим единоверцем, слишком погрузилась в истовую молитву, чтобы заметить задержку в ритуале.

У священника был такой вид, будто сейчас он закричит, и Фенн видел, каких усилий ему стоило сдержаться. Несколько человек повернули головы — посмотреть, что так приковало внимание их пастыря, но увидели лишь маленькую Алису Пэдджетт, глухонемую, которая шла в заднюю часть церкви, вероятно чтобы пристроиться к очереди за Святым причастием. Отец Хэган осознал, что затягивает мессу, и возобновил церемонию, но его глаза с тревогой следили за девочкой.

Фенна разбирало любопытство. Он подумал было, не подойти ли и не преградить ли ей путь, но понимал, что это будет глупо: возможно, девочке просто стало плохо и нужно было глотнуть свежего воздуха. И все же, несмотря на бледность, ее лицо выражало счастье, в ярких голубых глазах светилась мечтательная радость. Алиса как будто не замечала ничего вокруг, устремив внимание куда-то глубоко внутрь себя, и, поняв это, Фенн встревожился. Может быть, она в трансе? Но нет, девочка ни на кого не натыка-

лась, и ее походка не была похожа на шаги лунатички. Он взглянул на нее, когда она проходила мимо, и, сам не зная почему, улыбнулся.

Орган продолжал играть, и голоса слились в общей молитве, усиливая эмоции к этой особой части мессы.

Казалось, никто не заметил, что другие дети покинули свои места на скамейках.

Фенн удивленно оглядывался по сторонам. Дети — и совсем маленькие, еще не достигшие семи лет, и подростки лет по двенадцать-тринадцать — отходили от старших и направлялись к выходу из церкви, но этот детский исход оставался мало заметным из-за толчеи в центральном проходе.

В отличие от Алисы эти дети выглядели впавшими в транс. Они были возбуждены, некоторые хихикали, и все устремились за глухонемой девочкой.

Одна из матерей поняла, что ее чадо пытается убежать (довольно обычный случай), и быстро схватила сына. Его яростный рев и попытки вырваться изумили ее. Люди вокруг, другие родители начали осознавать, что происходит. Сначала они всполошились, потом растерялись. Потом слегка рассердились. Один отец забылся и громко позвал своего ушедшего сына.

Услышав крик, отец Хэган обернулся. И как раз успел заметить, как маленькая девочка в бордовом плаще скрылась за церковной дверью и исчезла в ярком уличном свете. Другие дети бросились за ней.

Когда люди поняли, что тут что-то не так, голоса замолкли. Вскоре пела лишь одна полная монахиня, исступленно умоляя Бога обратить на человечество свою милость.

Фенн вдруг встrepенулcя. Боже, он сам чуть не впал в транс! Ему потребовалось усилие, чтобы опо-

мниться, и, проворно пробравшись к двери, он открыл одну створку. На несколько мгновений свет ослепил его, но, быстро заморгав, репортер вновь обрел способность видеть.

Дети бежали через кладбище к невысокой стене из серого камня.

Спустившись с паперти, Фенн последовал за ними, и его шаги ускорились, когда он увидел, что Алиса перелезает через стену. Остальные дети тоже начали карабкаться за ней; самым маленьким помогали ребята постарше.

Чья-то рука схватила репортера за локоть.

— Джерри, что происходит?

Сью посмотрела на детей, потом перевела взгляд на него, словно он мог что-то знать.

— Понятия не имею, — сказал Фенн. — Они побежали за глухонемой девочкой. И, кажется, я знаю, куда она направляется.

Он снова бросился прочь, теперь бегом, стремясь к стене. Сью была слишком удивлена, чтобы двигаться. Голоса позади заставили ее обернуться — из церкви высыпали обеспокоенные родители, тревожно высматривая своих пропавших детей. Протолкавшийся сквозь толпу священник увидел стоящую на дорожке Сью и удаляющуюся фигуру Фенна.

Репортер перепрыгивал через свежие кротовины, один раз он споткнулся, но устоял на ногах. Фенн прямо-таки упал на стену, схватившись руками за ее шершавый верх, и встал там, тяжело дыша и широко раскрыв глаза.

Девочка, Алиса, стояла на коленях перед искоренным дубом, как стояла в ту темную ночь менее недели назад. Остальные дети собрались у нее за спиной, одни тоже встали на колени, другие просто

смотрели. Некоторые, самые маленькие, указывали на дерево, смеясь и подпрыгивая от восторга.

Фенн прищурил глаза, пытаясь рассмотреть, что привлекло их внимание. Но там ничего не было! Просто старое дерево! Оно даже не было красивым; фактически оно было явно безобразным. Что за чертовщина?

Кто-то наткнулся на репортера, он оглянулся и увидел Сью: она снова догнала его.

— Джерри?.. — Вопрос застыл у нее на губах, когда Сью увидела детей.

Позади слышались торопливые шаги, другие люди останавливались у невысокой стены. Родители толкали Фенна и Сью, стремясь увидеть, что случилось с их чадами. Потом наступила тишина. Даже орган перестал играть.

Вдруг Фенн заметил, что рядом стоит священник. Они несколько мгновений смотрели друг на друга, и репортеру показалось, что он заметил тень враждебности в глазах Хэгана, словно тот подозревал, что репортер имеет какое-то отношение к происходящему.

Фенн отвел глаза, более заинтересованный детьми, чем священником. Он вытащил из кармана дешевый карманный фотоаппарат и четыре раза быстро щелкнул, а потом перепрыгнул через ограду.

Сью хотела окликнуть его, но не сделала этого; почему-то ей стало страшно, а может быть, она просто была потрясена и поэтому промолчала. Беспокойство окружающих возросло, когда они увидели вышедшего на лут Фенна; им как будто не хотелось следовать за ним. Они тоже были напуганы или растеряны. А возможно, и то и другое.

Фенн подошел к ближайшему ребенку, мальчику лет одиннадцати-двенадцати в байковой курточ-

ке и джинсах. Мальчик улыбался, точь-в-точь, как Алиса в ту ночь. Он словно не замечал Фенна, и репортер поводил рукой у него перед глазами. Мальчик тут же нахмурился и повернул голову в сторону, смотря на дерево.

Фенн отошел от него и направился к девочке, которая с выражением блаженства на лице присела на корточки на мокрой траве. Он присел рядом, коснулся ее плеча и тихо спросил:

— Что это? Что ты видишь?

Девочка не обращала на него внимания.

Фенн двинулся дальше и увидел, как пятилетний карапуз, весело хлопая в ладоши, опустился на корточки. Девочки-двойняшки улыбались, взявшись за руки. Мальчик лет тринадцати стоял на коленях, сжав ладони перед лицом, и беззвучно шептал молитву.

Другой мальчик, в коротких штанишках, с испачканными коленями — очевидно, он упал в грязь, — стоял, обхватив себя руками, сгорбив плечи, и на лице его сияла широкая улыбка. Фенн специально встал перед ним, но мальчик, по-прежнему улыбаясь, шагнул в сторону.

Фенн наклонился, так что его лицо оказалось на одном уровне с лицом мальчика.

— Скажи мне, что ты видишь? — спросил он.

И убедился в одном: его, Фенна, мальчик не видел. И не слышал.

Репортер выпрямился и сокрушенно покачал головой. Маленькие лица вокруг улыбались. Некоторые при этом были в слезах.

Фенн заметил, что через стену перелезает священник и другие тоже последовали его примеру. Репортер обернулся и быстро подошел к девочке в бордовом плаще, глухонемой, которая стояла на коленях

в нескольких ярдах перед остальными, ближе к дубу. Присев, Фенн направил фотоаппарат на нее и сделал еще два снимка. Потом выпрямился и сфотографировал остальных детей.

Затем обернулся и сфотографировал дерево.

Родители и опекуны уже хлопотали среди детей, брали своих малышей на руки и прижимали к себе. Девочка всего в шести ярдах от Фенна закачалась и упала, как сноп, на мягкую землю, прежде чем запаниковавшая мать успела подхватить ее. Следом упала другая маленькая девочка. За ней мальчик. Тот пятилетний мальчик, что хлопал в ладоши, при приближении отца с матерью ударился в истерику. Многие дети заплакали, и обеспокоенные голоса, утешая их, нарушили прежнюю жуткую тишину.

Глаза Фенна горели недоумением и радостью. Это был материал. Он стал свидетелем такой же массовой галлюцинации и истерии, что несколькими годами ранее охватила более трехсот детей в Мэнсфилде; потом было происшествие на праздничном шествии оркестров. Данная истерия по масштабам уступала тем, но события имели определенное сходство. На этих детей действовало что-то, происходящее в уме Алисы Пэдджетт. Каким-то образом она передала остальным свое гипнотическое состояние, заставив их вести себя так же! Боже, да это же телепатия! Вот единственное объяснение! Но что вызвало *ее* бред? Если это бред.

Отец Хэган шагал мимо озабоченных родителей и плачущих детей, направляясь к Фенну.

Репортера так и подмывало заснять эту картину, но он решил, что момент неподходящий; в священнике было что-то устрашающее, и Фенн спрятал фотоаппарат обратно в карман.

Хэган, не обращая на него внимания, опустился на колени рядом с Алисой и одной рукой прижал ее к себе, ладонью целиком обхватив ее плечо. Он что-то говорил девочке, понимая, что она не слышит, но надеясь, что до нее дойдет доброта его тона.

— Все хорошо, Алиса, — говорил он, — вон идет твоя мама, все будет хорошо.

Священник странным взглядом посмотрел на репортера.

— Это вы принесли ее ко мне той ночью? Фенн, не так ли?

Тот кивнул, по-прежнему смотря на девочку.

— Что вы затеяли, мистер Фенн? — Голос Хэгана звучал резко. Священник встал и поднял Алису. — Вы имеете какое-то отношение ко всему этому?

Фенн удивленно посмотрел на него, потом тоже встал.

— Послушайте... — начал он, но тут вмешался другой голос:

— Она хочет, чтобы мы пришли снова.

Оба мужчины потрясенно замолчали и уставились на Алису.

Она снова улыбнулась.

— Женщина в белом хочет, чтобы мы пришли снова. Она говорит, что у нее есть для нас послание. Послание для всех нас.

Фенн и священник не заметили, что толпа снова замолкла, что все слышали тихие слова Алисы, хотя это казалось невозможным за шумом встревоженных голосов.

Священник первым обрел дар речи.

— Кто, Алиса?

Слышала ли она его? Она смогла заговорить, но могла ли слышать?

— Кто... кто тебе сказал это?

Алиса указала в сторону дуба.

— Эта женщина, святой отец. Мне сказала это женщина в белом.

— Но там... никого нет, Алиса.

Улыбка на лице девочки ненадолго угасла, но тут же вернулась, хотя и стала неуверенной.

— Да, она уже исчезла.

— А она не сказала, кто она такая? — Священник по-прежнему говорил тихо, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, ласково.

Алиса кивнула и сосредоточенно нахмурилась, словно стараясь вспомнить слова в точности.

— Она назвала себя Пречистой Девой.

Священник замер, кровь отхлынула от его лица.

И в этот момент мать Алисы, со сползшим с головы на шею ярко-розовым шарфом, выбежала вперед и бухнулась на колени, обняв Алису и крепко прижав к себе. Глаза Молли Пэдджетт были закрыты, но из-под ресниц текли слезы.

УИЛКС

И тогда мать взяла своего младенца, разрубила на куски, положила в горшок и сварила.

Братья Гримм. «Можжевельный кустик»

Он закрыл дверь и не забыл запереть ее за собой. Потом включил свет. Потребовалось не более двух секунд, чтобы пройти через комнатушку и упасть на узкую койку.

Стряхнув с ног туфли, он сложил руки на груди и устался в потолок.

— Дерьмовые людишки,— вслух сказал он и добавил про себя: «Обращаются со мной как с подонком!»

Он работал подавальщиком в новомодном ресторане «Ковент-Гардена», и сегодня рабочий день прошел не слишком хорошо. Уилкс пролил кофе, переиграл заказ, поругался с барменом — *с этим долбаным педерастом!* — и двадцать минут проторчал в служебном туалете, стараясь унять слезы. Управляющий предупредил его в последний раз: «Еще одна сцена — и ты уволен!» — и хозяева — *двое бывших дерьмовых рекламных агентов, сами не старше его!* — согласились с этим.

Нет, он не вернется туда! Посмотрим, как они обойдутся без него завтра! Ублюдки.

Он поковырял в носу, вытер палец о кровать и постарался успокоиться, мысленно снова и снова повторяя свою мантру, но это мало помогло. В уме (как всегда, когда он злился) всплыл образ матери и грубо отпихнул успокоительные слова. Все из-за того, что эта корова прогнала его и ему пришлось согласиться на такую лакейскую работу. Если бы он по-прежнему был дома, то мог бы позволить себе жить на пособие, как остальные три миллиона безработных.

Немного погодя он встал и подошел к белому комоду у противоположной от кровати стены, вынул из нижнего ящика альбом и вернулся с ним на кровать. Переворачивание страниц не принесло успокоения, но изменило настроение. Ему нравилось читать о них. До сих пор никто так и не понял, как же им это удалось. Но факт оставался фактом: ИМ УДАЛОСЬ, ЧЕРТ ПОБЕРИ!

Раздраженно смахивая с глаз вихор светлых волос, он разглядывал лица в альбоме. Подумалось, что один из них похож на него, и эта мысль вызвала улыбку.

Всем нужен образец для подражания, вот и все. Жить становится легче, если найдешь его. Кого-нибудь знаменитого — только всего и нужно.

Он улегся на жесткую, узкую кровать и задумался, рука скользнула к ляжкам, лаская тело.

ГЛАВА 7

Как он умело шевелит
Опрятным коготком!
Как рыбок он благодарит,
Глотая целиком!

Льюис Кэрролл
«Приключения Алисы
в Стране чудес»*

Понедельник, после полудня.

Таккер всегда любил эти переучеты по понедельникам. Каждая пустая полка означала деньги в банке. Каждая пустая коробка означала, что его счета сойдутся. Пустые холодильники означали, что его улыбка станет еще чуть-чуть шире. От депрессии в экономике люди не перестают есть и пить — они просто не так хорошо едят и пьют; потребители начинают беречь денежки путем экономного выбора продуктов. Прибыль от банки спаржи выше, чем от банки горошка, но крестьян не волнует изысканность вкуса. На этой неделе он повысил цены на все продукты. Таккер понимал проблемы крестьян, однако это не означало, что сочувствовал им. Ему тоже нужно есть, а когда покупатели едят хуже, то и ему приходится себя ограничивать. Может быть, до этого дело пока еще не дошло, но в конце концов придется.

* Перевод О. А. Седаковой.

Однако понедельничные переучеты дарили еще одну маленькую радость, и это была Пола. Пола с аппетитной задницей и торчащими сиськами. Морда у нее жирновата, ну да кидая дрова в камин, не смотришь на каминную полку, всегда говорил он себе — старая пословица заменяла размышления, а вовсе не была оправданием или остротой.

Родни Таккер владел единственным супермаркетом на главной улице Бенфилда — небольшим магазинчиком по сравнению с обычными супермаркетами, но ведь и сам Бенфилд был небольшой городишко. Или деревня, как его любили называть. Родни переехал сюда одиннадцать лет назад из Кройдона, там его бакалейную лавку вытеснили большие магазины. И не только опыт, но и деньги, полученные от продажи помещений, позволили ему выдержать конкуренцию. К тому времени Бенфилд созрел для получения прибыли, но только значительными личностями (Родни всегда считал себя *значительной* личностью). Владельцы двух местных бакалейных лавок встретились с теми же трудностями, что Таккер испытал в Кройдоне, хотя и не до такой степени: из них прогорел лишь один. Довольно странно, что закрытую лавку переоборудовали в прачечную-автомат, как и его кройдонский магазинчик. Недавно он проезжал мимо своих прежних помещений и заметил, что теперь там расположился видеоцентр, где крутили порно. Ждет ли это и Бенфилд, где домашние стиральные машины становятся так же обычны, как тостеры? Почему-то Таккер сомневался в этом — здешние комитеты по планированию были замечательно невосприимчивы к новшествам в бытовой технике двадцатого века. Ведь вот дела: одиннадцать лет назад он с трудом получил разрешение на открытие своего

супермаркета! В таких городишках и деревнях свой особый образ жизни. Даже спустя все эти годы в Бенфилде относились к Родни как к приезжему. Он был знаком с большинством видных людей города, обедал с ними, играл в гольф, флиртовал с их женами — как ни безобразны они были, — но его так и не приняли за своего. Чтобы быть принятым, нужно было не только родиться здесь — нужно было, чтобы и твой отец, и его отец тоже родились в Бенфилде! Вообще-то Таккера это ничуть не волновало, разве что хотелось быть избранным в местный совет. Да, это было бы неплохо. Много земель вокруг Бенфилда пустовало, а он имел связи в строительном бизнесе. Владельцы строительных фирм были бы очень благодарны членам совета за выгодные подряды. Очень благодарны.

Родни потер рукой свой выпирающий живот, словно стоял перед столом с яствами.

— Грейпфруты дольками кончаются, мистер Таккер!

Он зажмурился от пронзительного голоса Пола. Добавить лет пятнадцать и пуда полтора — и Пола превратится в копию Марции, его жены. Было приятно воображать, что Пола привлекла его своим сходством с женой в ее молодости. Потом годы замужества скорее подчеркнули недостатки, чем реализовали надежды. Да, приятно повоображать, но правда заключалась не в том. Толстые или худые, грудастые или плоские — все это для Таккера не составляло разницы. Хорошенькие (если повезет) или невзрачные, опытные или девственницы (настолько ему *никогда* не везло) — Таккеру подходило все. Возраст? Родни ограничивал его восемьюдесятью тремя годами.

Впрочем, большинство женщин, с которыми он путался, в самом деле имели нечто общее с Марцией. Все они были беспросветно тупы. Конечно, не это качество он ценил в них, вовсе нет, — просто оно помогло ему заключать сделку. Таккер был достаточно реалистичен и не питал иллюзий насчет собственной внешности: его талия с каждым месяцем становилась все необъятнее (несмотря на упадок торговли), а волосы редели, казалось, с каждой минутой (пробор теперь располагался где-то над левым ухом, и рыжеватые пряди волос до девяти дюймов длиной Родни зачесывал через весь череп). Но он обладал умом и сообразительностью, и глаза у него были, как у Пола Ньюмена (пусть и разжиревшего Пола Ньюмена). Больше всего он восхищался тем, что в кармане у него всегда звенели шиллинги. И он никогда этого не скрывал. Дорогие костюмы, рубашки с подогнанным воротничком, итальянские туфли, свежие носки каждый день. Массивные золотые кольца и побрякушки, вкус золотых коронок во рту. Яркий желтый «ягуар», прекрасный дом в псевдотюдоровском стиле. Пятнадцатилетняя дочь выиграла приз по конному спорту и получила разряд по плаванию, а жена... ладно, про жену забудем.

Таккер знал, как доставить удовольствие женщине, вошедшей в его жизнь (опять же про жену забудем), а поскольку все они были беспросветно тупы, то только этого и желали. Он мог нагородить турусы на колесах и чувствовать, что все сойдет с рук, — ему никоим образом не хотелось раскачивать свою устойчивую лодку.

К куколкам у него был один подход: сначала он развлекал их в Брайтоне — вкусный обед, казино или собачьи бега, потом дискотека, — а вечером приво-

зил в свой излюбленный мотель на Брайтонской дороге. При особых заслугах мог свозить и в Лондон, но в действительности им не стоило очень рассчитывать на это. Пола пока что заслужила два заезда в мотель, но не поездки в город. Морда подкачала.

— Куча каннелони* не продана!

И голос тоже.

Таккер двинулся вдоль полок, в ноздри ударил запах картона и пластиковых пакетов. Пола стояла на маленькой стремянке с блокнотом в одной руке, а другой тянулась к коробке, чтобы проверить ее содержимое. Модный разрез сзади на юбке открывал икры и подколенные ямочки — не всегда привлекательный вид, но вечером дождливого понедельника достаточный, чтобы вызвать напряжение в тенистой области под нависающим пузом Таккера.

Приблизившись, он положил толстую ладонь на ее филейную часть. Пальцы скользнули вверх, и Пола вздрогнула, раздраженная, так как его толстый золотой браслет цеплял колготки.

— Родни!

Он снял браслет, снова запустил руку и остановился только там, где колготки соединялись, образуя вместе с трусиками нерушимую печать, нейлоновую раковину над постоянно влажным влагищем. «Человек, который изобрел колготки, наверное, сам бы запутался в своем творении», — раздраженно подумал Таккер, лаская пальцами круглые ягодицы.

— Род, кто-нибудь может войти! — Пола отпихнула его руку под юбкой.

— Никто не войдет, дорогая. Все знают, что лучше не соваться, когда у меня переучет. — У него со-

* Каннеллони — трубочки из теста с мясной, сырной или иной начинкой.

хранился легкий северный акцент, выдававший, где он жил до Бенфилда, до Кройдона и до Лондона.

— Нет, Род, нельзя. Не здесь.

Пола стала спускаться со стремянки, ее губы решительно сжались.

— Раньше тебя это не смущало.— Он отдернул руку, чтобы не сломать палец, попавший в тиски ее бедер.

— Ну, это немного неловко, правда?

Она отвернулась, прижала к груди блокнот, как щит целомудрия, и задумчиво осмотрела полки, будто сосредоточенность могла создать защитное поле.

— Неловко? — Он удивленно посмотрел на нее.— Черт возьми, что ты хочешь сказать?

— Ты прекрасно знаешь.

Она отодвинулась и стала что-то отмечать в своем блокноте.

После рождественской ночи Пола стала у Таккера секретарем, надсмотрщиком и девушкой для вечеринок. Раньше он нанял ее на три месяца, потому что она умела печатать на машинке, складывать в уме, не прибегая к пальцам, организовывать персонал (один сезон она работала у Батлина ассистентом менеджера по развлечениям) и у нее были торчащие груди,— всем этим она нокаутировала трех конопатых девиц и одного очкастого представителя мужского пола, также претендовавших на эту должность. Поле было двадцать восемь лет, она жила со своей овдовевшей, страдающей артритом матерью, у нее было несколько дружков, но ни одного постоянного, и она неплохо справлялась с работой. С рождественской ночи, когда отмечали закрытие магазина, их отношения не теряли своей приятности: выпивки после работы, несколько вечеров в Брайтоне, пара

поездок в мотель, торопливые возбуждающие ошупывания при случае. Как при переучете в понедельник. Так что за вожжа попала ей под хвост сегодня?

— Пола, что за вожжа попала тебе под хвост сегодня?

Он прошептал это так, чтобы не могла услышать кассирша в магазине, но от раздражения шепот перешел в визг.

— Не надо со мной говорить в таком тоне, мистер Таккер,— последовал сухой ответ.

— Мистер Таккер? — Не веря ушам, он ткнул себя пальцем в грудь.— Что за мистер Таккер? Куда делся Род?

Пола увернулась от него, презрение в ее глазах пугало.

— Я думаю, мистер Таккер, мы должны строить наши отношения строго на деловой основе.

— Почему, ч... Почему, Пола? Что случилось? Нам было весело вместе, разве нет?

Ее голос смягчился, но глаза — нет, и Таккер заметил это.

— Да, Родни, очень весело. Но... может быть, хватит?

В голове у него прозвучал тревожный звонок.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросил Таккер.

— Я имею в виду, что больше думала о тебе, чем ты обо мне. Наверное, я для тебя просто хорошая подстилка.

«Ага,— подумал он,— вот до чего дошло. Она что-то затеяла».

— Разумеется нет, дорогая. То есть, конечно, хорошая, но я видел в тебе нечто большее.

— Да? Но никогда этого не показывал!

Он приподнял руки, повернув их ладонями вниз.

— Спокойнее, дорогая. Мы ведь не хотим, чтобы весь магазин узнал о наших отношениях?

— Ты, может быть, и не хочешь, а мне все равно. Мне даже наплевать, если об этом узнает твоя жена!

У Таккера захватило дыхание, и он ощутил тяжелые удары сердца. Да, он недооценивал Полу. Возможно, она не так тупа.

— Мы можем провести вечерок в Лондоне, если хочешь, — проговорил толстяк.

Пола бросила на него такой взгляд, словно получила пощечину. Потом запустила в босса блокнотом.

Таккера больше озаботил стук, с которым тот упал на пол, чем причиненный физический ущерб, и он наклонился поднять его, жестом показывая, что не надо так шуметь. Тихое шуршанье — одно, а истерические сцены — совсем другое: они могли поколебать его репутацию как владельца-менеджера, и к тому же слухи могли дойти до Марции.

Таккер отшатнулся к полкам, пропуская Полу.

— Сам закончишь свой дерьмовый переучет! — проговорила она, двигаясь к двери, ведущей в торговый зал. Прежде чем выйти, Пола задержалась, чтобы привести в порядок чувства. Когда она обернулась, он был уверен, что заметил в ее повлажневших глазах расчет, кроющийся за расстройством. — Ты бы лучше подумал о нашем положении, Родни. И решил бы, что собираешься дальше делать.

Пола вышла в дверь, оставив ее распахнутой.

Выпрямившись, Таккер внутренне застонал. Как он ошибся! Она оказалась не так тупа. Следующим ее ходом будет примирение, чтобы он снова неровно задышал. Потом — бац! — еще сцена, только по сильнее. Так, чтобы всерьез его напугать. Сука! Он знал, как называется эта игра — сам как-то раз за-

нимался чем-то подобным,— но не понимал, коснется шантаж чувств или финансов. Только бы не финансов!

Через час Таккер вышел со склада в еще более мрачном расположении духа. Он и так знал, что выручка за выходные оказалась мала, но высыпавшиеся на полках нетронутые коробки дразнили его, напоминая об этом. И с этой неделей уже ничего не поделаешь, и следующая тоже даст немного, и следующая за ней — тоже. Проклятье, что за понедельник, вот уж чертов понедельник!

От вида пустынного, без покупателей, торгового зала и трех собравшихся вместе у одной кассы кассирш настроение еще ухудшилось. Грузчик сидел в углу и читал комикс, глубоко засунув в нос указательный палец. Таккер с отвращением отвернулся, слишком удрученный, чтобы прикрикнуть на мальчишку. Он взглянул на контору и сквозь длинную стеклянную перегородку увидел, что и там пусто — очевидно, Пола ушла и сегодня уже не вернется. Ну и ладно. Он был совершенно не в духе.

— Ну-ка, уважаемые,— громко обратился Таккер к кассиршам, заставив себя бодрой походкой направиться к ним.— Вернитесь на рабочие места и приготовьтесь к наплыву покупателей.

Три женщины в зеленых халатах всполошились. «Все болтовня, болтовня, работать некогда,— думал он, подходя к ним.— Боже, какие же безобразные женщины в этой деревне!»

— Уважаемые, до закрытия еще десять минут! Может быть, пронесется слух, что на этой неделе «Клинексы» здесь на три пенса дешевле, так что будьте готовы к ажиотажу.

Женщины нервно хихикнули от его дежурной шутки — время от времени Таккер изменял лишь

название товара, чтобы обновить юмор,— и одна кассирша подняла что-то в руке.

— Вы уже видели сегодняшний «Курьер», мистер Таккер?

Он встал перед ними.

— Нет, миссис Уильямс, не видел. Вы все прекрасно знаете: я был слишком занят, чтобы читать газеты.

— Хорошие новости, мистер Таккер,— с энтузиазмом проговорила другая кассирша, отчего ее подруги захихикали, как охрипшие школьницы.

— Ваши акции значительно поднялись, не так ли? Я надеюсь, это не означает, что вы собираетесь оставить свою надежную работу только потому, что стали миллионершей.

— Нет, мистер Таккер,— возразила миссис Уильямс.— Тут пишут про Бенфила. Теперь и о нас будут знать.

Он вопросительно посмотрел на женщину, взял газету и, шевеля губами, прочел про себя передовую статью.

— Эта церковь стоит прямо у дороги, мистер Таккер. Вы вчера не слышали об этом? Знаете, у моей сестры мальчик был там вчера. Сама я нынче не хожу в церковь, но мои...

— Вы видели эту девочку, мистер Таккер. Это Алиса Пэджетт. Она часто заходит сюда с матерью делать покупки на неделю. Она глухонемая, и...

— Раньше была глухонемая, мистер Таккер. А теперь, *пишут*, может слышать и говорить. Это чудо, и они ведут к тому, что...

Хозяин отошел и быстро пробежал газетные колонки. Статья была неплохая, хотя репортер, очевидно, чересчур увлекся. Однако сообщалось, что было множество свидетелей и репортер сам видел все, что

случилось. «ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ БЕНФИЛДСКОЙ ДЕВОЧКИ» — гласил заголовок, а ниже подзаголовок спрашивал: «Видела ли Алиса Пэджетт Богоматерь?»

Углубившись в статью, Таккер поднялся на три ступеньки в свой офис и закрыл за собой дверь. Грузчик и три кассирши уже ушли, а он все перечитывал газетную историю.

Наконец он достал из стола коробку сигар, взял одну, закурил и задумчиво уставился на дым. Его взгляд вернулся к абзацу, где упомянутое «чудо» исцеления сравнивалось с «чудесными» исцелениями в Лурде, что во французских Пиренеях. Таккер не был католиком, но знал о священной гробнице в Лурде. Его взгляд снова просветлел — впервые за этот день возбуждение пронзило подавленность, как лазерный луч — туман.

Таккер взялся за телефон.

Понедельник, ранний вечер.

Священник вылез из своего «рено», вернулся к белым подъемным воротам, через которые только что въехал, и захлопнул их. Под ногами хрустел гравий; ветер с каплями дождя хлестал в лицо. Священник снова сел в машину и медленно покатил к своему жилищу, то и дело бросая взгляды на серую каменную церковь справа. Автомобильная дорожка шла параллельно обсаженной деревьями и кустами аллее, ведущей к церкви. Казалось очень уместным отделить их друг от друга — дорогу в дом Бога и дорогу в дом его служителя. Иногда Хэган подумывал, не повесить ли на воротах своего дома табличку «ТОЛЬКО ДЛЯ ТОРГОВЦЕВ».

Он остановил машину и заглушил мотор. Церковь была всего в сотне ярдов, и ее толстые, выщербленные непогодой стены при сумрачном освещении казались унылыми, такими унылыми!

Изображение церкви красовалось в лежащей на сиденье газете. Это была плохая репродукция, размытая у краев, и торопливо сделанный снимок увеличили, словно чтобы подчеркнуть неумелость фотографа. Ниже располагался еще менее четкий снимок Алисы Пэдджетт, стоящей на коленях на траве.

Отец Хэган отвернулся от церкви и посмотрел на страницу «Курьера». Ему не требовалось перечитывать статью, она и так врезалась в память. Репортаж, такой холодный и объективный, как будто искажал, перевирал события, хотя передавал в точности то, что произошло вчера. Возможно, правду затеняла тяга к сенсациям. Было ли в самом деле видение? Кто-нибудь из собравшихся в церкви засвидетельствовал чудо? Действительно ли Алиса Пэдджетт исцелилась?

Он улыбнулся, но улыбка его была осторожной. Последний вопрос не вызывал сомнений: Алиса больше не была глухонемой.

Хэган только что приехал из Суссекской больницы в Брайтоне, где обследовали девочку. Внезапное обретение Алисой способности говорить и слышать превратило ее случай из просто интересного с медицинской точки зрения в крайне интересный. Несколько лет назад специалисты, не найдя у нее никаких патологий в полости уха и горла, сообщили родителям, что, по их мнению, болезнь девочки чисто психосоматическая: ее сознание говорило телу, что она не может слышать и говорить, и потому она не слышала и не говорила. Теперь же сознание сказало, что может. И потому с медицинской точки зрения здесь никакого чуда не было, а просто про-

изошел психический сдвиг. Если и имело место «чудо» — это слово произносилось неизменно со скептической улыбкой, отчего родители смущенно опускали глаза — то оно заключалось в том, что вызвало этот сдвиг. И хотя это замечание звучало непочтительно, отец Хэган мог с ним согласиться.

Газетная статья уподобляла случай с Алисой Пэдджетт тому, что случилось с французской девочкой Бернадеттой Субиру, которая в 1858 году утверждала, что видела Пресвятую Деву. Пещера на окраине маленького городка Лурд, где якобы это произошло, стала местом паломничества, и каждый год святыню посещали от четырех до пяти миллионов пилигримов. Многие, страдавшие различными недугами и хворями, приезжали туда в надежде исцелиться, другие — чтобы укрепить свою веру или просто поклониться Богоматери. Среди первых было зафиксировано более пяти тысяч исцелений, хотя после тщательного расследования, проведенного собственным медицинским бюро Католической церкви, чудесными объявили только шестьдесят четыре. Но на множество других паломников, не только больных, снизошла другая благодать, которую пропустили медики, но заметили церковники: эти люди обрели новую веру, они объявили, что принимают все, чему суждено быть, и внутренне смирились с недугами, поразившими их самих или их близких. Это было истинное чудо Лурда. Неосознанное, поскольку было сокровенным, духовное осознание, просветление, не имеющее значения для клинических записей и медицинских карт.

Алиса Пэдджетт, несомненно, подверглась глубокому эмоциональному, возможно *духовному*, испытанию, которое заставило подавленные чувства снова функционировать нормально. И это само по себе

было чудом. Главный вопрос, мучивший отца Хэган, заключался в том, было ли оно спонтанным или ниспосланным свыше. Никто не относится осторожнее к так называемым «святым чудесам», чем сама церковь.

Он сложил газету, взял ее под мышку и вылез из машины. Вечернее небо за последние несколько минут заметно потемнело, словно ночь спешила грубо заявить свои права. Или Хэган просидел в машине дольше, чем ему представлялось? Скоро должен был прийти служба, чтобы зажечь в церкви огни перед вечерней службой, и священник радовался этому. Он вошел в свое жилище и направился прямо в кухню. Если бы Хэган был пьющим — а он знал многих таких священников, — то с удовольствием принял бы изрядную дозу шотландского виски, но пришлось обойтись чашкой горячего чаю.

Хэган включил в кухне свет, наполнил чайник и встал, глядя на газовую конфорку и смутно сознавая, что чем дольше смотрит, тем дольше чайник не закипит. Его мысли были об Алисе.

Ее мать впала в нервное возбуждение и не могла сдерживать слез после невероятного исцеления дочери, а отец так и не смог поверить в это. Алиса не только прекрасно слышала и говорила, но и излучала почти видимое сияние, вызванное чем-то большим, чем просто физическое исцеление.

Отцу Хэгану нужно было поговорить с девочкой наедине, завоевать ее доверие и подробнее расспросить о видении, чтобы в ее истории не появлялось новых выдумок, но в тот день поговорить наедине было невозможно. Местный доктор быстро увлек все семейство Пэджеттов в больницу. Он был так ошеломлен внезапной переменой в девочке, что настоял на немедленном осмотре ее специалистами. Медики

продержали Алису у себя всю ночь, осмотры продолжались и весь следующий день.

Для девочки, вновь обретшей дар речи, Алиса говорила немного. Когда врачи спрашивали ее о женщине в белом, которую она якобы видела, Алисино счастливое личико становилось безмятежным и она повторяла то, что уже говорила священнику:

— Женщина в белом назвала себя Пречистой Девой...

Алисе словно было трудно произносить эти слова.

— И как она выглядела?

— Белая, и вся сияла. Похожа на статую в церкви Святого Иосифа, но как-то светилась, как-то... искрилась...

— Ты хочешь сказать, мерцала?

— Мерцала?

— Как порой солнце в туманный день...

— Да, правильно. Мерцала...

— И что еще она сказала тебе, Алиса?

— Она сказала, чтобы я пришла снова...

— И сказала зачем?

— Послание. У нее есть послание.

— Послание для тебя?

— Нет-нет, для всех...

— И когда она должна вернуться?

— Не знаю.

— Разве она не сказала тебе?

— Я сама узнаю.

— Как?

— Просто узнаю, и все.

— А почему она тебя исцелила?

— Исцелила меня?

— Да. Ты же не могла слышать и говорить. Разве ты не помнишь?

- Конечно помню...
- Так почему же она помогла тебе?
- Просто помогла, и все.

Последовала пауза, задумчивая, озадаченная, но доброжелательная. Очевидно, Алиса понравилась медицинскому персоналу, но на них подействовало и что-то еще. Ее спокойная безмятежность была заражительна. Молчание прервал психиатр, знакомый с Алисиным случаем:

- Тебе понравилась та женщина, Алиса?
- О, да. Я люблю эту женщину...

И тут Алиса заплакала.

Отец Хэган ушел из больницы в замешательстве, его не коснулся охвативший окружающих душевный подъем. К тому времени история уже разнеслась по окрестностям, и Хэган был ошеломлен, увидев заголовок в «Курьере». И его так обеспокоило не просто внимание, которое, несомненно, теперь привлечет к себе его церковь, и не известность, которая станет преследовать Алису — это была малая цена за избавление от несчастья,— а сравнение с чудесными исцелениями в Лурде. Хэган боялся, что распространившиеся слухи превратят все происходящее в балаган. Страшило и кое-что еще. Ощущение предвестия. Ему было жутковато, и он сам не понимал почему.

Из чайника валил пар, когда священник вышел из кухни к телефону в прихожей.

Понедельник, поздний вечер.

- Как вам понравился барашек, мистер Фенн?
- Фенн поднял бокал вина, благодаря ресторатора:
- В лучшем виде, Бернар.

Тот засиял.

— А у вас, мадам?

Сью издала одобрительный звук. Ее рот был набит блинчиками в апельсиновом сиропе, и Бернар признательно кивнул.

— Бренди к кофе, мистер Фенн?

Обычно он давал клиентам достаточно времени, чтобы отдохнуть между подачами блюд, но сейчас знал, что Фенн никогда не расслабляется, пока не прикончит весь обед и перед ним не поставят большой стакан с бренди.

— Арманьяк, Сью? — спросил репортер.

— Нет, пожалуй, не надо.

— Давай! У нас же праздник, помнишь?

— Хорошо. М-м-м, тогда «Драмбюи»*.

— Прекрасно, — сказал Бернар; это был маленький, аккуратненький человечек, и весьма любопытный. — У вас праздник?

Фенн кивнул:

— Вы уже видели вечерний выпуск?

Ресторатор знал, что Фенн имел отношение к «Курьеру», так как несколько лет назад, когда Бернар и его деловой партнер (также шеф-повар) только что открыли дело в Брайтоне, репортер черкнул несколько строк в газете об их ресторане «Французское знакомство». Тогда это обеспечило заведению хорошую рекламу, поскольку приморский курортный городок был перенасыщен ресторанами и пабами, и с тех пор журналист стал дорогим посетителем.

— Сегодня не было возможности просмотреть газеты, — извиняясь, проговорил Бернар.

* «Драмбюи» — ликер из солодового шотландского виски и разогретого меда.

— Как? — Фенн изобразил ужас. — Вы пропустили мою величайшую сенсацию? Как вам не стыдно, Бернар!

— Я непременно прочту позже.

Ресторатор улыбнулся и исчез на лестнице, ведущей на верхний этаж, где был небольшой бар. И, словно они были связаны через блок веревкой, тут же сверху спустился официант, чтобы убрать тарелки после десерта.

Ресторан занимал три этажа, сдавленный, как бутерброд, между мастерской и гостиницей, и здание было таким узким, что казалось, его вколотили молотком в занимаемое место. Фенн считал ресторан лучшим в городе и посещал его только в особых случаях.

— У тебя очень самодовольный вид, Джерри, — сказала Сью, проводя пальцем по кромке своего бокала.

— Да, — признал он с ухмылкой, но ухмылка исчезла, как только Фенн заметил нахмуренные брови Сью. — А что, статья получилась неплохая.

— Да, неплохая. Хотя ты малость переборщил.

— Переборщил!.. Боже, в чем же?

— Я понимаю, Джерри, понимаю. Извини, я тебя не упрекаю. Просто это так, ну, я вижу, что все оказалось раздуто сверх меры.

— И чего ты ожидала? Там произошло знамение. Глухонемая вдруг исцелилась и объявила, что видела Пресвятую Деву. Некоторые другие дети, когда я поговорил с ними, сказали, что тоже что-то видели. То есть один, которого я смог расслышать — а то родители так набросились на них, что я с трудом разобрал слова.

— Я ведь тоже была там, помнишь?

— Да, помню. Но у тебя тоже был не очень умный вид.

Сью потеряла салфетку на коленях.

— У меня было странное ощущение, Джерри. Как будто... Не знаю... Как во сне. Как под гипнозом.

— Истерия. Ты разве не заметила, что вчера она носилась в воздухе? Дети подхватили ее от той девочки. Помнишь историю, что случилась несколько лет назад? Шествие оркестров в Мэнсфилде? Триста детей грохнулись в обморок, ожидая начала конкурса, и после довольно тщательного расследования власти объявили это массовой истерией.

— Один или два врача, участвовавших в расследовании, не согласились с этим. Они сказали, что дети могли пострадать от какого-то органического яда. И в почве были обнаружены следы инсектицида.

— Этого недостаточно, чтобы привести к такому эффекту. Ну да ладно, назовем это заключение правдоподобным. Все равно существует множество других случаев массовой истерии, доказывающих, что такое случается, верно?

Она кивнула, потом проговорила:

— Так ты считаешь, что все дело в этом. Массовая истерия.

— Вероятно.

— Эта мысль не очень ясно видна в твоей статье.

— Да, на это скорее намекается. Послушай, нынче люди любят читать про аномальные явления. Их уже тошнит от войн, политики и рушащейся экономики. Им хочется подумать о чем-то другом, о чем-нибудь выходящем за пределы земной человеческой деятельности.

— И это позволяет продать большой тираж.

Фенн удержался от резкого ответа, поскольку вернулся Бернар.

— Арманьяк для джентльмена, «Драмбюи» для леди.

Улыбка ресторатора угасла, когда он ощутил внезапное похолодание в атмосфере.

— Спасибо, Бернар,— сказал Фенн, не отрывая глаз от Сью.

Тот снова исчез — проверить, как обстоят дела за соседним столиком.

— Извини еще раз, Джерри,— проговорила Сью, прежде чем Фенн сформулировал свой ответ.— Я не собиралась начинать ссору.

Сразу успокоившись, Фенн протянул через стол руку и коснулся ее руки.

— В чем дело, Сью?

Она пожала плечами, но не отдернула руку, когда их пальцы переплелись. Несколько мгновений помолчав, она сказала:

— Наверное, я просто не хочу, чтобы все это утратило свою ценность. Вчера в этих краях произошло нечто чудесное. Было это действительно чудо или нет — не так важно; просто случилось что-то доброе. Разве ты сам не почувствовал? Разве не ощутил, как тебя омыло что-то теплое, умиротворяющее?

— Ты серьезно?

В ее глазах сверкнул гнев.

— Да, черт возьми, совершенно серьезно!

Фенн крепче сжал ее руку.

— Успокойся, Сью, не волнуйся. Ты же видела — я был занят. У меня не было времени что-либо почувствовать. Впрочем, одну вещь я заметил: одного-двоих в толпе — кто не встревожился за своих чад — очень развеселило происшедшее. Они всю улыбались, но тогда я подумал, их позабавило, что дети покинули мессу. Хотя они не смеялись и не шутили,

а просто стояли с веселым видом. Может быть, они ощутили то же, что и ты.

— Опять истерия?

— Не исключаю.

— Ты не можешь предположить, что эта девочка, Алиса, действительно стала свидетельницей пришествия?

— Пришествия? — Слово на мгновение насторожило Фенна. Он беспокойно заерзал на стуле, потом взял бренди, отпил и дал жидкости обжечь горло. — Я не католик, Сью. Если разобраться, я, наверное, ничего не смыслю в религии. Я даже не уверен, существует ли Бог. Если да, он, наверное, работает по другому каналу. Ну неужели ты ожидала, что я поверю, будто девочка увидела мать Бога?

— Мать Христа.

— Для католиков это одно и то же, не так ли?

Сью не стала отвечать, не желая ввязываться в спор.

— А как ты объяснишь Алисины слова? Пречистая Дева. Не многие дети так называют Богоматерь, особенно если учесть, что большую часть жизни девочка ничего не слышала.

— Она не могла бы произнести ничего связанного после стольких лет глухоты и молчания, но это другой разговор. Она могла вычитать эти слова в любой религиозной книжке.

— А рисунки? В газете ты пишешь, будто Алисина мать говорила тебе, что дочь после первого видения снова и снова рисовала Пречистую Деву.

— Да, она говорила. Это все, что я сумел выяснить, прежде чем вмешался священник и прогнал Пэджеттов. Больше я ничего не узнал. Но это ничего не доказывает, Сью, кроме того, что у Алисы было

навязчивое видение. И *это* она тоже могла увидеть в любой католической книжке. В самой церкви есть статуя Девы Марии.

Фенн помолчал, потягивая бренди, пока официант наливал кофе.

Когда они снова остались вдвоем, он продолжил:

— Дело вот в чем: у Алисы было видение, и для нее оно было реальным, но это не делает его реальным для всех остальных. По-моему, это подходящий случай, чтобы обратиться к психиатру.

— Ой, Джерри...

— погоди! Раз она после всех этих лет так ясно и хорошо заговорила, значит, большую часть времени она слышала слова и звуки.

— Если только запоминала их.

— Ради Бога, когда она лишилась речи и слуха, ей было четыре года! Она никак не могла запомнить.

Посетители за соседними столиками начали обращаться, и Фенн наклонился к Сью и понизил голос.

— Послушай, Сью, я не посягаю на твою религию — хотя до сих пор не знал, что тебе до нее есть дело — но представляешь, сколько каждый год происходит случаев, когда люди объявляют, что видели Бога, ангелов и святых? Да, и Пресвятую Деву тоже. Представляешь?

Она покачала головой.

— И я тоже. — Он улыбнулся. — Но знаю, что примерно столько же, как и НЛО. И многие убийцы совершали свое преступление, потому что «так велел им Бог». Вспомни Сатклиффа, Йоркширского потрошителя. Это довольно распространенное явление.

— Тогда зачем ты придумываешь все это для других?

Он покраснел.

— Это журналистика, детка.

— Это отвратительно.

— Ты тоже занимаешься подобным бизнесом.

— Да, и иногда мне стыдно. А сейчас я хочу домой.

— Ах, брось, Сью. Тут ничего не поделаешь.

— Я серьезно, Джерри. Я хочу уйти.

— Что на тебя нашло? Я сожалею, что взял тебя в эту чертову церковь, ты становишься святошей.

Сью посмотрела на него, и Фенн, глотая бренди, подумал, что сейчас она выплеснет на него содержимое своего бокала. Но она вытерла салфеткой губы и встала.

— Я доберусь сама.

— Эй, Сью, перестань! Я думал, ты останешься у меня на ночь.

— Ты, наверное, шутишь.

Фенн изумленно посмотрел на нее.

— Я не верю своим ушам. Что на тебя нашло?

— Возможно, я разглядела твою истинную сущность.

— Ты ведешь себя просто смешно.

— Да? Может быть, ты прав, но так я себя чувствую в настоящий момент.

— Я возьму счет.— Фенн допил бренди и стал подниматься из-за стола.

— Я сама доберусь.— С этими словами Сью вышла из-за стола и стала подниматься по лестнице.

Фенн сел, слишком ошеломленный, чтобы дальше возражать. Он взял со стола нетронутый «Драмбюи», поднял бокал в честь окружающих, что, очевидно, показалось присутствующим большой любезностью, и двумя быстрыми глотками выпил.

Шаги на лестнице заставили его обернуться в надежде, что Сью смягчилась.

— Все в порядке, мистер Фенн? — встревоженно спросил Бернар.

— Все ужасно.

Ночь после понедельника.

Отдаваясь, он поднялся на холм, то и дело бормоча про себя что-то об удивительном непостоянстве женского характера. Его «праздничный» обед начался вполне достойно, но чем больше они спорили об истории с Алисой Пэдджетт, тем тише становилась Сью. У нее был переменчивый нрав; вспыхнув или рассердившись, она могла через минуту стать на удивление спокойной и даже безразличной к окружающему. Сложность заключалась в том, чтобы предугадать ее настроение (что он изо всех сил старался сделать) и потом отслеживать его. Впрочем, нынче вечером Фенн оказался не готов к ее нападкам. И до сих пор пребывал в недоумении.

Какого черта она так обиделась? Посещение мессы в то воскресное утро возродило ее бывшие религиозные идеалы? С чего бы? На Рождество она брала Бена на мессу, и никаких внезапных религиозных метаморфоз не случалось. Так с чего бы теперь? Наверное, из-за детей; возможно, ей не хотелось видеть, как он воспользовался ими. И может быть, она права.

Но это же его работа, правда, — освещать события? Бог мой, а уж это ли не событие! Даже национальные средства информации заинтересовались. Нет сомнений: эта статья обеспечит ему пропуск на Флит-стрит.

С облегчением он наконец остановился в том месте, где улица шла вверх (или вниз — в зависимости

от того, куда едешь). Здесь стояли домики с террасами, двухэтажные, если считать цокольный этаж, и дом эпохи Регентства — со странными белыми стенами и черными окнами и дверью.

Фенн вставил ключ, рука подрагивала скорее от сдерживаемого расстройства, чем от нескольких пинт спиртного, выпитых в пабе рядом с «Французским знакомством». Он закрыл за собой дверь и устало поднялся в свою квартиру на втором этаже, надеясь, что Сю ждет его там, и более чем уверенный, что ее там нет.

Телефонный звонок ускорил его шаги.

ГЛАВА 8

*Хочешь, можешь, можешь, хочешь
Ты пуститься с нами в пляс?*

Льюис Кэрролл.
«Приключения Алисы
в Стране чудес»*

Гостиница «Корона» своими размерами была под стать самому поселку: маленькая, уютная — в таких обожают останавливаться на выходные любовники. Вывеска на стене сообщила Фенну, что когда-то, в шестнадцатом веке, здесь был постоялый двор, который приобрел новый блеск в 1953 году, когда к нему пристроили дополнительные спальни. Обеденный зал с дубовыми балками под потолком обеспечивал комфортабельное размещение пятидесяти посетителей, во всех шестнадцати спальнях комнатах имелись радио и телевизор, а в некоторых, кроме того, и собственные душевые. Вывеска также сооб-

* Перевод О. А. Седаковой.

шила Фенну, что администрация гарантирует ему хорошую пищу и любезное обслуживание и с большим удовольствием приглашает его в отель «Корона». «Спасибо,— про себя поблагодарил он,— но не думаю, что задержусь здесь».

Фенн заметил, что бар слева открыт, но решил, что половина одиннадцатого рановато для пива. Пахнуло ароматом утреннего кофе, с улицы, гуляя, зашла случайная пожилая пара и тут же исчезла в баре, словно запах кофе, как пение сирен, приманивал престарелых.

— Мистер Фенн?

Фенн обернулся и увидел седого, но с молодым лицом мужчину, улыбающегося ему из дверей за вестибюлем.

— Мистер Саутворт?

— Да, это я.— Седой человек вышел на обозрение и протянул руку к раскрытой двери, приглашая репортера тоже войти внутрь.

Решив, что подмигнуть, пожалуй, будет слишком игриво в присутствии ее работодателя, Фенн признательно кивнул хорошенькой девушке-портье, которая вызвала для него администратора.

— Очень хорошо, что вы пришли, мистер Фенн.— Саутворт подал твердую ладонь, и репортер коротко пожал ее, прежде чем войти в комнату. Там другой мужчина встал со стула и протянул руку к диафрагме Фенна. Репортер пожал пухлую ладонь и подавил желание вытереть влагу о штанину.

Администратор гостиницы тихо прикрыл дверь, обошел большой, обтянутый кожей письменный стол и сел. На Саутворте был черный костюм со светло-серым жилетом и серый шелковый галстук. При ближайшем рассмотрении его лицо не казалось таким

молодым, хотя кожа была гладкой, если не считать предательских морщинок вокруг глаз и в уголках рта. Фенн и второй мужчина заняли два стула напротив.

— Это мистер Таккер,— сказал Саутворт.

Мистер Таккер кивнул, и на одно неловкое мгновение Фенну подумалось, что придется снова пожать потную руку, но толстяк только кивнул, и его улыбка плохо сочеталась с глазами-буравчиками, уставленными на репортера.

— Мистер Таккер живет в Бенфилде... сколько, Родни?.. Уже десять лет,— продолжил Саутворт.

— Одиннадцать,— поправил тот.

— Да, одиннадцать лет. Это, если можно так сказать, очень уважаемый член нашего общества.

Таккер приосанился, и Фенн внутренне содрогнулся от самодовольной улыбки на обрюзгих губах. Он заметил тяжелые золотые браслеты на толстых запястьях, перстни (один просто огромный) на жирных пальцах, и задумался, сколько лишних фунтов все это добавляет к весу толстяка.

— Ты очень любезен, Джордж.— В голосе Таккера слышался северный акцент.— Я владелец местного супермаркета,— сказал толстяк, повернувшись к репортеру.

— Прекрасно,— ответил Фенн.

Таккер одно мгновение рассматривал его, не вполне уверенный, как следует понимать эту реплику. Но потом решил, что репортер говорит искренне.

— Вчера вечером я прочитал вашу чудесную статью в «Курьере», мистер Фенн. Первосортный репортаж.

— Очевидно, потому вы и захотели увидеться со мной сегодня утром?

— Да, именно,— кивнул Саутворт.— Как вы сами можете представить, к воскресному вечеру слухи

и так распространились по округе, но ваш репортаж придал происшествию особую известность в нашей области. И мы благодарны вам за это.

— Возможно, преждевременно.

— Простите?

— В ближайшие недели моя статья может привлечь в ваш город много нежелательных гостей, поскольку национальные средства информации тоже передали эту историю.

Фенн заметил, как двое мужчин переглянулись. Глаза Таккера блеснули, но Саутворт остался невозмутим.

— Недели,— проговорил администратор,— но, к сожалению, не месяцы.

— К сожалению?

Саутворт наклонился в своем кресле, собрал в горсть лежащие на столе карандаши и, поигрывая ими, некоторое время холодно рассматривал репортера.

— Позвольте мне быть с вами предельно откровенным, мистер Фенн. Конечно, я слышал, что произошло в церкви Святого Иосифа, но не отнесся к этому с большим доверием, и даже, боюсь, особым вниманием. Вполне естественно, что я принял историю за нелепое преувеличение или — скажем прямо — за утку. Но когда вчера вечером мне позвонил мистер Таккер и я нашел возможность прочесть ваш репортаж о событии, должен признать, я серьезно задумался. После встречи с мистером Таккером я убедился, что данное событие может получить огромный резонанс.

— Еще пара недель, как я уже говорил,— и все стихнет. Когда дело касается новостей, публика весьма непостоянна; людям главное — узнать что-нибудь свеженькое.

— В том-то все и дело.

Фенн приподнял брови.

Саутворт наклонился и положил локти на стол, по-прежнему сжимая обеими руками ручку, как перила хрупкого мостика через пропасть. Он заговорил медленно, произнося слова с особым выражением, словно придавал крайнюю важность тому, чтобы их восприняли так, как следует.

— Вряд ли нужно говорить вам, что мир сейчас находится в тяжелой депрессии. Экономические трудности больше не удел отдельных стран — они глобальны. И страдают от них простые люди, мистер Фенн, а не континенты, не страны. Главный удар от неудач в управлении миром приходится принимать на себя обычному человеку.

Фенн заерзал на стуле.

— М-м-м, я не вижу связи...

— Разумеется, мистер Фенн. Извините. Позвольте мне говорить прямо. Наш городок мал — в действительности это поселок, — и именно мы, маленькие городки и поселки, больше всех страдаем от неудачной политики правительства. Никто не субсидирует нашу местную промышленность и местный бизнес, потому что по отдельности наши убытки незначительны в сравнении с теми, что терпят большие объединения национализированной индустрии. Наш местный бизнес умирает, мистер Фенн. Сам Бенфилд постепенно умирает.

— Неужели все так плохо?

— Нет, возможно, я слишком сильно выразился. Все не так плохо, но пройдет несколько лет — и все будет именно так. Если не остановить загнивание.

— Но я так и не понимаю, какое отношение это имеет к случившемуся в воскресенье.

На самом деле Фенн уже начал понимать, но догадка лишь слегка забрезжила.

Таккер поелозил своей мощной кормой по сиденью и набрал в грудь воздуха, словно собираясь что-то сказать. Саутворт поспешно вмешался, будто испугавшись, что коллега может неправильно выразить мысль.

— Возможно, вы уже достаточно ознакомились с Бенфилдом, чтобы составить мнение об этом месте, мистер Фенн.

— Не скажу, что составил. Я проезжал здесь пару раз примерно за неделю до того, как чуть не сшиб девочку Пэджеттов, и, откровенно говоря, никогда не задумывался о вашем городке.

— А теперь?

— Довольно милое местечко. Вполне...

— Но ничем не примечательное.

— Да, можно сказать так. На юге много других городков и поселков, более живописных.

— И более привлекательных для туризма?

Фенн кивнул.

— Именно. Мы, как общество, действительно не много можем предложить. Летом эта гостиница заполнена, но мои постояльцы пользуются ею лишь как базой для поездок по Суссексу или в Брайтон и на другие курорты южного побережья. Доходы Бенфилда минимальны. Да, лично я хотел бы вложить больше денег в развитие нашего городка, если бы мог рассчитывать на возврат вложенных средств. Знаю, и мистер Таккер думает так же, но тоже не хочет пускать деньги на ветер.

— И не только мы, мистер Фенн,— наконец встал слово Таккер.— Многие здешние бизнесмены ищут возможности для инвестиций.

— Простите, я не совсем вас понял. О каких инвестициях вы говорите?

— Я, например,— сказал Саутворт,— очень хотел бы открыть новую гостиницу. Современную, более комфортабельную, чем «Корона». Возможно, также и мотель на окраине — это было бы удобным для приезжающих ненадолго предпринимателей.

— А я бы открыл новые магазины,— с энтузиазмом проговорил Таккер,— может быть, парочку недорогих ресторанов — знаете, таких, где родители на время отлучки могли бы оставить детей.

— И окрестные земли требуют освоения,— продолжил Саутворт.— Поселок мог бы расти, расширяться, стать настоящим городом.

«А заодно принести вам и вашим друзьям кое-какие барыши»,— уныло подумал Фенн.

— Хорошо,— сказал он,— я понял, к чему вы клоните. Но так и не возьму в толк, какое отношение это имеет ко мне. Когда мой редактор позвонил мне вчера вечером, то сказал, что вы, мистер Саутворт, хотите встретиться лично со мной, что у вас есть дополнительные сведения о Бенфилдском «чуде»,— я полагаю, так вы ему сказали, а не он сам придумал. Поскольку вы не захотели ничего сообщать ему, он решил, что мне имеет смысл утром приехать сюда. Он был прав?

И снова те двое переглянулись, на сей раз осторожно.

— Мы считаем, что ваш репортаж о том, что произошло в церкви Святого Иосифа,— это первоклассная работа, мистер Фенн. Точная в подробностях и заставляющая задуматься над поставленными вопросами.

Таккер в знак согласия издал невнятный звук.

О да, подумал Фенн и спросил:

— Над какими вопросами?

— Ну, на самом деле, над сопоставлениями. Это и побудило мистера Таккера связаться со мной как с председателем местного совета. Вы сравнили Бенфилд с Лурдом. И, по сути, дела задали вопрос: может ли Бенфилд стать вторым Лурдом? — Саутворт положил ручку на стол и ласково улыбнулся репортеру.

— Признаюсь, я малость увлекся.

— Вовсе нет, мистер Фенн. Напротив, мы нашли эту фразу очень глубокомысленной.

Над головой Фенна ярко вспыхнул метафорический нимб. Он понял, к чему все идет, но не видел, в чем заключается его собственная роль.

— В Лурде случилось не одно так называемое чудо, мистер Саутворт. Если говорить серьезно, я думаю, Бенфилд вряд ли способен на такое. А вам как кажется?

— О, я думаю, способен. Посмотрите на наши Уолсингем и Эйлсфорд. Они стали святынями для ежегодного паломничества многих тысяч. Что касается Эйлсфорда, никто так и не уверен, было или нет там в действительности пришествие Пречистой Девы, многие считают, что на самом деле это случилось во Франции. Кроме того, ни в одном из этих городов не происходило никаких эффектных чудес, и все же они манят какой-то таинственностью, люди съезжаются туда, убежденные, что это святые места. А мы, по крайней мере, имеем свидетельство совершенно необычайного случая в церкви Святого Иосифа: после нескольких лет безмолвия девочка обрела способность слышать и говорить.

— Да, случай необычайный, но это не обязательно чудо,— вмешался Фенн.

— Вам известно одно из лучших определений чуда — «ниспосланное свыше исключение»? Думаю, оно очень подходит к данному случаю.

— «Ниспосланное свыше»? А не требуется ли этому какое-то свидетельство?

— Церкви, конечно, требуется. Но девочка заявила, что видела Пречистую Деву — с чего бы ей лгать?

— А с чего бы вам верить ей? — немедленно парировал Фенн.

— Думаю, это не имеет отношения к делу, поверили мы или нет. Будучи католиком, сам я, возможно, более склонен поверить, чем мистер Таккер, но, как уже сказал, это не относится к делу. А вот многие тысячи — кто знает, возможно, миллионы, если слух распространится достаточно широко, — поверят. И захотят посетить церковь Святого Иосифа.

— Тем самым вдохнув в умирающий поселок новую жизнь.

— Разве это так плохо?

Фенн помолчал, прежде чем ответить.

— Нет, возможно, в этом нет ничего плохого. Но, извините, должен сказать, что с вашей стороны это звучит несколько цинично.

Таккер больше не смог сдерживаться:

— Мы живем в реальном мире, мистер Фенн. Когда представляется удачная возможность, нужно хвататься за нее.

Саутворт как будто смутился.

— Постой, Родни, все не так просто, не надо представлять все только черным и белым. Я глубоко верю, мистер Фенн, что в церкви имело место нечто... Я не решаюсь употребить это слово, но чувствую, что без него не обойтись: нечто божественное.

Нечто ниспосланное Богом. А раз так, значит, на то была причина. Возможно, настоящее чудо заключается в том, что Бенфилду дан шанс возродиться. И людям дан шанс самим воплотить в жизнь свои надежды. Шоу писал: «Чудо — это событие, создающее веру». Почему бы не создать или не возродить веру здесь?

Фенн пребывал в замешательстве. Саутворт как будто говорил искренне и в то же время не скрывал финансовой заинтересованности в возрождении Бенфилда. И толстяк Таккер не утаивал своих мотивов: его тоже интересовали деньги. Но что, по существу, им нужно от него, Фенна?

— Ценю вашу прямооту, мистер Саутворт, но я так и не понял, зачем вы все это мне говорите.

— Затем, что мы бы хотели, чтобы вы продолжали писать о так называемом Бенфилдском чуде.— Глаза Саутворта уперлись в Фенна с серьезным, почти торжественным выражением.— Ваша статья уже вызвала огромный интерес. Не знаю, заходили ли вы в церковь Святого Иосифа сегодня утром...

Фенн покачал головой.

— Я сам уже заходил к отцу Хэгану,— продолжал Саутворт.— Его не было, но его дом осаждала армия ваших коллег журналистов.

— С Флит-стрит?

— Думаю, да. Я поговорил с ними, но, к сожалению, для меня это невероятное событие покрыто мраком. Мне нечего было рассказать им.

«Держу пари, ты все же умудрился»,— подумал Фенн.

— Что ж, теперь вы можете быть уверены, что Бенфилдское чудо получит достаточное освещение. Может быть, даже более чем достаточное.— Репор-

тера несколько опечалило, что большие ребята отнимают то, что он считал своей находкой, но он знал — всегда знал, — что это неизбежно.

— Наверняка на день-два. Как вы сами сказали, публика капризна, когда дело касается новостей, и такова же пресса.

Снова подал голос Таккер:

— Это слишком чудесная история, чтобы дать ей кануть в небытие через два дня, мистер Фенн.

Репортер пожал плечами:

— С этим ничего не поделаешь. Если, конечно, не случится что-нибудь еще...

«Если что-нибудь не случится, если что-нибудь не случится! Что не устраивает этого идиота?» Левым каблуком Таккер нетерпеливо заелозил по красному узорчатому ковру. Он пытался убедить Саутворта иметь дело с серьезными людьми, а не путаться с местной мелюзгой. Люди с Флит-стрит могли максимально раскрутить рекламу прямо *сейчас*, по горячим следам, но Саутворт *слишком* беспокоился, что потом, когда в церкви больше ничего не будет происходить, интерес спадет. И убедил прочих, что постоянно поддерживаемые и подогреваемые сообщения дадут больший эффект в долговременном плане, в то время как массированное сенсационное освещение принесет пользу лишь на краткий период. Опекая «Курьер», они могут надеяться на постоянный интерес. В конце концов, эта газета освещает местные дела: у нее есть обязанности перед своими читателями (и перед самой собой, покуда она заинтересована в распространении тиража) — постоянно докладывать обо всех событиях, вызывающих интерес (и улучшающих бизнес) в данном районе. Но

видит ли этот Фенн лакомый кусок или голова у него набита соломой?

— Тут есть одна проблема,— сказал Саутворт.— Нет никакой гарантии, что в церкви Святого Иосифа *случится* что-нибудь еще. Потому-то мы и решили, что «Курьер» уделит событию и его освещению больше внимания, чем любая другая газета. И лично вам, мистер Фенн, мы обещаем в случае надобности любое содействие и помощь.

Фенн молчал.

— Мы понимаем,— добавил Таккер,— что ваша газета, вероятно, не слишком щедра на оплату ваших расходов, и мы рассчитываем помочь...

Его слова увяли от ледяных взглядов обоих собеседников.

— Извините, мистер Фенн,— быстро проговорил владелец гостиницы.— Родни выразился очень неуклюже, но он просто хотел сказать, что мы не допустим, чтобы вы зря потратились на это дело. В самом деле, как член местного совета, я предложу основать специальный фонд, чтобы покрыть все расходы на развитие этого... м-м-м... проекта. Он может компенсировать затраты на выпуск первых, показательных материалов, личные нужды членов совета и прочие расходы.

— И я подпадаю под «прочие расходы»?

Саутворт улыбнулся.

— Совершенно верно.

Для Фенна это прозвучало ничуть не лучше, чем слова толстяка. Он нагнулся и положил локти на колени.

— Послушайте, мистер Саутворт и мистер Таккер, я работаю на «Курьер» и получаю от него жалование, и какие события освещать, мне говорит мой

редактор. Если он захочет, чтобы я целый месяц писал некрологи, я так и сделаю. Если на следующий месяц он захочет, чтобы я писал про садовые фестивали, я буду писать про них. Если он захочет, чтобы я взялся за странные происшествия в сельской церкви, я буду только счастлив.— Фенн глубоко вдохнул.— То, о чем я говорю, мой редактор называет мелодией. Он дудит, я танцую. До известной — небольшой — степени я независим, но он ни в коем случае не позволит мне тратить время на материал, который считаетдохлым. В общем, как я уже сказал, если что-нибудь еще случится, я в мгновение ока снова окажусь здесь.

Саутворт кивнул.

— Мы с уважением относимся к вашей позиции. Тем не менее...

— Никаких «тем не менее». Такова она есть и будет.

— Я всего лишь хотел сказать, что та девочка, Алиса Пэджетт, упоминала, будто бы фигура, которую она якобы видела, просила ее прийти снова.

— Она не сказала когда.

— Но если будет еще одно... явление, вы сочтете это достойным статьи?

— Не уверен. Галлюцинации девочек-подростков вряд ли будут интересны публике.

— Даже после того, что случилось в воскресенье?

— Это было в воскресенье. А сегодня вторник. Завтра будет среда. Время течет, мистер Саутворт, а мы живем в апатичном веке. Нам нужно еще одно чудо, тогда, быть может, вы получите продолжение истории. В ближайшие несколько дней газета привлечет к ней необходимое внимание, так что мой вам

совет — извлечь из этого максимум сейчас. На следующей неделе это уже будет дохлый материал.

Фенн встал, и Саутворт поднялся вместе с ним. Таккер остался сидеть с разочарованием и плохо прикрытым презрением на физиономии.

Саутворт прошел к двери и открыл ее перед репортером.

— Спасибо, что пришли, мистер Фенн, и спасибо за прямоту.

— Не стоит. Видите ли, если что-нибудь действительно случится, я бы хотел знать.

— Разумеется. Вы не собираетесь зайти в церковь? Фенн кивнул.

— И пройдуся по окрестностям, ознакомлюсь с реакцией людей.

— Очень хорошо. Ну, надеюсь, мы еще увидимся.

— Хорошо.

Фенн вышел.

Закрыв за ним дверь, Саутворт обернулся к толстяку.

— Слишком много суеты ради вшивой местной прессы,— презрительно буркнул Таккер.

Саутворт прошел через комнату и снова уселся за свой стол.

— Стоило попробовать. Боюсь, у него создалось впечатление, что мы пытались подкупить его, чтобы он написал статью.

— А разве не так?

— В истинном смысле этого слова — нет. Мы просто предложили финансовую поддержку.

Таккер хмыкнул.

— И что теперь?

— Мы — точнее, я — обеспечим интерес местного совета к нашему замыслу. Если не получится,

нам остается надеяться, как выразился мистер Фенн, что случится что-нибудь еще.

— А если не случится?

Через окно солнечные лучи пронзили пыльный воздух, позолотив Саутворту половину лица.

— Будем молиться, чтобы случилось,— просто сказал он.

ГЛАВА 9

*Ты видишь ту, среди цветов
Вдаль уходящую дорогу?
То Путь Греха, но кое-кто
Его зовет Дорогой к Богу.*

«Томас Рифмовщик»
(неизвестный автор)

Епископ Кейнс озабоченно посмотрел на священника.

— Все это рождает у меня мрачные предчувствия, Эндрю,— сказал он.

Священнику было неловко смотреть прямо в лицо епископу, словно глаза могли выдать самые сокровенные его мысли.

— Я тоже обеспокоен, епископ. И в замешательстве.

— В замешательстве? Поведайте мне причину вашего замешательства.

В кабинете епископа было темно, так как в оба окна, выходившие в крохотный садик, утреннее солнце не попадало. Толстая деревянная обшивка на стенах усиливала сумерки, и даже свет от камина казался приглушенным.

— Если...— Священник пожал плечами.— Если девочка действительно... действительно видела...

— Пресвятую Деву? — нахмурил брови епископ. Бросив на него быстрый взгляд, отец Хэган проговорил:

— Да. Если она видела ее и благодаря этому исцелилась, то почему? Почему именно Алиса и именно в моей церкви?

В резком тоне епископа слышалось нетерпение:

— Нет никаких свидетельств, совсем никаких.

— Другие дети — они тоже что-то видели.

— Никаких свидетельств, — медленно проговорил епископ, надавив пальцами на крышку стола. Он заставил себя расслабиться, чувствуя, что приходской священник чем-то раздражает его, и это вызвало еще большую досаду, а не раскаяние. — Церковь должна с осторожностью относиться к подобным вещам.

— Я понимаю, епископ, и поэтому с такой неохотой сообщил вам это. Но, прочитав вчера газетный репортаж, я понял, что у меня нет выбора. Глупо, но раньше мне казалось, что инцидент не получит огласки.

— Вы должны были связаться со мной немедленно. — Епископ постарался смягчить резкость своего упрека, но ему это не удалось.

— Я позвонил вам, как только увидел статью в «Курьере». Она показалась мне сильным преувеличением.

— Вот как? Но девочка исцелилась, это правда?

— Да-да, но, конечно же, не чудесным образом? — Священник посмотрел на епископа с тревожным удивлением.

— Откуда вы знаете, Эндрю? — Тон епископа смягчился, ему не хотелось пугать стоящего перед ним священника. — Ребенок заявил, что видел Пре-

святую Деву, после чего произошло невероятное: девочка смогла слышать и говорить.

— Но вы говорите, что нет никаких свидетельств чуда.— Хэган снова отвел глаза.

— Конечно нет. Пока что мы не должны верить предположениям и умозаключениям, которые лежат на поверхности. Вам понятно, святой отец? — Он не дождался ответа.— Прежде чем выносить суждение, нужно подвергнуть все тщательной проверке. Как вам хорошо известно, в таких делах есть четкая путеводная линия.— Епископ невесело улыбнулся.— Некоторые говорят, что наша путеводная линия слишком резка, что мы совершенно отвергаем всякую веру. Но это не совсем так, просто мы пытаемся уничтожить всякие сомнения. Правила, которым мы следуем для распознавания чуда, датируются восемнадцатым веком, и они были утверждены Папой Бенедиктом Четырнадцатым, человеком прогрессивных взглядов. Он понимал, в какой опасности может оказаться Католическая церковь, провозгласив чудом то, что впоследствии будет разоблачено наукой как фальшивка. А в наш век, когда технический прогресс постоянно объясняет «феномены» рациональными, научными причинами, необходимость следовать этим правилам стала значительно актуальнее.

Взгляд священника был слишком внимательным, и епископ не понял почему. Что-то в этом человеке было не так — что? Неуравновешенность? Нет, это слишком сильное слово. Отца Хэгана взволновало необычное происшествие в его приходе, не больше не меньше как на пороге собственной церкви. И он — да, просто немного испугался. Епископ выдавил улыбку, поощряя священника открыть свое сердце.

— Следует ли применить эти правила к Алисе Пэджетт? — спросил тот.

— Их придется применить, если мы хотим продвинуться в этом деле,— по-прежнему улыбаясь, ответил Кейнс.

— Пожалуйста, скажите мне, в чем они состоят, епископ.

— На данном этапе я не вижу в этом необходимости. Уверяю вас, через месяц все забудется.

— Возможно, вы правы, но мне хотелось бы их знать.

Епископ Кейнс обуздал свое раздражение и вздохнул. Его глаза рассматривали потолок, словно обозревая закоулки собственной памяти.

— «Недуг или увечье должны быть очень серьезными или невозможными для излечения,— начал он.— Здоровье данной личности не должно улучшаться, и природа заболевания не должна быть такой, чтобы оно могло пройти само. Не должны даваться никакие медицинские препараты. По крайней мере, если они применялись, то должна быть доказана их неэффективность. Недуг должен пропасть мгновенно, а не пройти постепенно.— Его глаза снова обратились на священника.— Исцеление должно произойти не в момент кризиса болезни, вызванного естественными причинами. И, конечно же, исцеление должно быть полным, данное заболевание не должно вернуться вновь».

Епископ замолчал, и отец Хэган склонил голову.

— Стало быть, установить чудо почти невозможно,— сказал он.

— Да, но, должен признать, позже правила немного смягчились. Хотя, в общем и целом остались прежними.— Епископ снова улыбнулся, и на этот раз

теплота улыбки была искренней.— Вот почему некоторые из наших лучших чудес не признаются таковыми.

Священник не ответил на шутку.

— Стало быть, пока что рано судить о той девочке?

— Слишком рано и очень неразумно. Святой отец, я несколько смущен вашей серьезностью. Вас беспокоит что-то еще?

Священник выпрямился на стуле, словно удивленный вопросом. И не сразу ответил. Покачав головой, он проговорил:

— Перемена в самой Алисе. Не в том, что теперь она слышит и говорит, а в ее манерах, в характере. Изменилась ее личность.

— Так и должно быть после столь необычного исцеления.

— Да-да, понимаю. Но тут что-то еще, что-то...— Он не нашел слов.

— Что-то такое, чего вы не можете определить?

Отец Хэган словно съезжился.

— Да. Это не просто радость. Девочка безмятежна — как будто она в самом деле увидела Богоматерь.

— Это не такое уж необычное явление, Эндрю. Многие говорили, что видели Деву Марию, и, разумеется, существует целый культ мариологистов. Но психологи утверждают, что дети часто видят то, чего нет. Кажется, они называют это «эйдетическими представлениями».

— Вы убеждены, что у девочки была галлюцинация?

— В данный момент я ни в чем не убежден, хотя склоняюсь к этой теории. Вы говорите, что любимой статуей малышки в церкви была статуя Святой Девы. Если ее недуг в самом деле имел психосомати-

ческую природу, то, возможно, исцеляющий эффект произвела зрительная галлюцинация. Даже церковь не может отрицать могущество нашего собственного сознания.

Епископ Кейнс взглянул на часы и отодвинул кресло, породная фигура сделала усилие встать.

— Прошу вас извинить меня, святой отец, я должен присутствовать на собрании финансового комитета. Терпеть не могу это число месяца.— Он коротко хохотнул.— Жаль, что Римско-католическая церковь не может заниматься только верой.

Отец Хэган посмотрел на массивную фигуру, впервые отметив, что черная сутана вряд ли символизирует святость. Его ошеломила эта мысль: он знал, что епископ был хорошим, добрым человеком, неизмеримо лучше его самого. Тогда почему в голове возникла подобная мысль? Она вызвана его внутренними сомнениями, той болезнью, что подтачивает его веру? Голова болела, гудела от не оформившихся, бегущих — нападающих мыслей. Желание лечь и закрыть глаза было почти неодолимым. Ради Бога, что с ним происходит?

— Эндрю?

Голос звучал мягко, почти нежно.

— Отец Хэган, с вами все в порядке?

Священник заморгал, как будто на мгновение смешавшись.

— Да. Извините, епископ, я просто задумался.

Он встал, а епископ Кейнс обошел стол.

— Вы нездоровы, Эндрю?

Священник попытался успокоиться.

— Наверное, простужен, вот и все. Погода так меняется.

Епископ понимающе кивнул и проводил его к двери.

— Вы не слишком переволновались из-за этой истории?

— Естественно, она доставила мне не слишком приятные минуты; но думаю, все дело в простуде.— «Или в предчувствии»,— подумал Хэган.— Ничего такого, о чем стоило бы тревожиться.— Он остановился, прежде чем выйти, и повернулся к Кейнсу: — Что мне делать, епископ? С девочкой?

— Ничего. Абсолютно ничего.— Епископ Кейнс постарался принять ободряющий вид.— Держите меня в курсе, внимательно следите за ситуацией. Но не принимайте участия в истерии, которая вполне может возникнуть в ближайшие дни. И держитесь подальше от прессы — они без вас раскрутят ситуацию на полную катушку. Мне понадобится полный отчет для Конференции епископов, которая состоится в ближайшие два месяца, но только как рабочий материал. Уверен, к тому времени все уже забудется.

С дружеским расположением, которое священник едва ли заметил, он потрепал отца Хэгана по плечу.

— А пока позаботьтесь о себе, Эндрю. И не забудьте держать меня в курсе дела. Да благословит вас Бог!

Он смотрел, как священник прошел через наружный кабинет, не обратив внимания на секретаршу, которая с ним попрощалась. Епископ подождал, пока за Хэганом закроется другая дверь, и сказал:

— Джудит, вы не будете так любезны найти мне досье отца Хэгана? И потом сообщите в финансовый комитет, что я буду через пять минут.

У Джудит, его секретарши, спокойной, но расторопной женщины лет за пятьдесят, просьба не

вызвала вопросов. Впрочем, Джудит никогда не задавала вопросов, выполняя любые поручения епископа.

Кейнс снова уселся и побарабанил пальцами по столешнице. Не чепуха ли все это? Не преувеличивает ли отец Хэган? Священник присоединился к епархии тринадцать лет назад в качестве священника-ассистента в Льюисе, а потом работал в Уэртинге как действительный священник-ассистент. Бенфила был первым приходом, в котором он появился в качестве старшего священника. Свои обязанности он всегда выполнял образцово, и хотя среди коллег не славился особой приверженностью церкви, но отличался добросовестностью. Если все белое духовенство старалось по возможности навещать за день по меньшей мере четверых или пятерых прихожан и проводить с каждым по пять-десять минут, отец Хэган посещал то же количество, но проводил с каждым не менее получаса. Два утра в неделю он преподавал в местной католической школе, вступил во многие местные организации, такие как Группа самостоятельной помощи, Литургическая группа, Молодежная группа, а также посещал ежемесячные собрания представителей всех бенфилдских конфессий: баптистов, англиканской церкви, евангелической свободной церкви и христианского братства (изрядное количество для такого маленького местечка). И это была лишь побочная деятельность, не затрагивающая основных обязанностей. Возможно, для человека с больным сердцем такая нагрузка оказалась чрезмерной.

Послышался легкий стук в дверь, и Джудит положила на стол перед епископом пухлую папку. Он улыбкой поблагодарил ее и, прежде чем открыть пап-

ку, подождал, пока секретарша выйдет. Не то чтобы там хранились какие-то секреты, просто заглядывать в досье человека — это вроде как заглядывать ему в душу, то и другое следует делать вдали от посторонних глаз.

В бумагах не было ничего удивительного, ничего такого, чего бы епископ не помнил. Школы, в которых Хэган преподавал, шесть лет учебы в Риме после сердечного приступа, рукоположение в Риме, возвращение в Англию. Потом Льюис, Уэртинг, Бенфилд. Однако минуточку — что-то он все-таки забыл. По возвращении из Рима отец Хэган провел шесть месяцев в приходе близ Мейдстона. Так сказать, первое назначение. Шесть месяцев священником-ассистентом в Холлингбурне. Всего шесть месяцев, потом переезд. В этом не было ничего знаменательного, молодые священники часто переезжают туда, где в данное время больше всего нужны. Что же вызвало озабоченность? Или он уже начал терять уверенность в своей способности справляться со сложными ситуациями, одна из которых может легко перерасти в феноменальное явление... если правильно взяться за нее? В его епархии случилось чудо исцеления. Епископ Кейнс был прагматиком, в нынешние циничные и антирелигиозные времена от этого чуда святой Римско-католической церкви не будет никакого вреда. Святая Римско-католическая церковь лишь извлекает выгоды из него.

Представить только: в его епархии святое место поклонения, святыня...

Кейнс отогнал эту мысль, пристыженный своей суетностью. Но мысль не уходила. И вскоре он понял, что нужно делать. Но только в случае... в том случае, если это в самом деле чудо...

ГЛАВА 10

Переправился он через реку и отыскал вход в преисподнюю. А было там черным-чёрно и копотью все покрыто, а черта на ту пору дома не оказалось, и только сидела там его бабушка.

Братья Гримм.

«Черт с тремя золотыми волосками»*

Бип-бип, бид-дип...

Веки у Молли Пэджетт задрожали. Потом поднялись. Что за звук?

Ее худое тело, одеревенев, лежало на кровати; муж, словно налитый свинцом, растянулся рядом. Она задержала дыхание, прислушиваясь, ожидая повторения звука и боясь вновь его услышать.

...Бип-бип-бип, бид-дип, бип...

Звук был еле слышным. И знакомым.

Она откинула одеяло, стараясь не разбудить Лена. Халат висел на спинке кровати, и Молли накинула его, чтобы защититься от ночного холода. Лен заворчал и заворочался.

...бид-дип...

Знакомый звук доносился из комнаты Алисы. Молли несколько секунд посидела на краю кровати, собираясь с мыслями и оттоняя обрывки беспокойного сна. Долгий день представлял собой путаную смесь радостей и тревог. Алису снова хотели на ночь оставить в больнице, но Молли не дала согласия. Каким-то образом она почувствовала, что все эти уговоры, проверки, прощупывания, бесконечные вопросы погубят чудо.

* Перевод Г. Петникова.

..Бип-бип...

А это было чудо. В ее душе не возникло ни малейших сомнений. Пресвятая Дева Мария улыбнулась ее девочке.

..Бип...

Молли встала с кровати и поплотнее запахнула халат. Бесшумно прокравшись к открытой двери в страхе разбудить Лена, она вышла в прихожую. Молли всегда оставляла дверь открытой, на случай если Алиса будет кричать ночью — какая радость слышать, как Алиса кричит! Этого звука Молли не слышала с давних пор, когда ее дочь была еще совсем маленькой. Как она прислушивалась в те первые дни, ловя первый слабейший всхлип, за которым следовал плач. Молли бросалась вверх по лестнице или спешила в прихожую в панике, которая у мужа вызывала только насмешки. Впрочем, он никогда не понимал, как много значил для Молли ребенок. Алиса заполнила ее бесплодную, пустую жизнь, это был ответ на ее многолетние молитвы. Через божественное заступничество Марии, матери Иисуса, которой Молли столь пылко молилась, Бог благословил ее замужеством и ребенком.

И как жестоко потом наказал малое дитя! (И каким разочарованием стал брак!)

..Бип, бид-дип...

И снова Богоматерь вмешалась. Недуг исчез так же внезапно, как появился. Молли всегда верила в Пресвятую Деву, и ее вера не ослабла за все эти годы испытаний, и она поощряла стремление Алисы молиться Марии, как молилась сама. И дочь еще больше, чем она, преклонялась перед Богоматерью. И молитвы не остались без ответа.

Молли остановилась у двери Алисы. Тишина. Потом:

...Бид-дип, бид-дип, бип-бип...

Волнения последних двух дней оказались для Алисы чрезмерны: середина ночи, а она все не спит. Она любила смотреть на светящихся зеленых пришельцев, опускающихся на черном экране электронной игрушки, и уничтожать их быстрым нажатием на красную кнопку, другой рукой поворачивая рычажок, так что ее звездолет вилял из стороны в сторону, уклоняясь от смертоносных бомб инопланетян. Теперь Алиса слышала игрушку, слышала компьютерный победный писк, когда последний пришелец исчез из пластмассового космоса. Наверное, игрушка опять казалась девочке новой.

...Бип-бип...

Но ей нужно спать. Врачи твердили, что ей нужно больше отдыхать. И Молли не хотела, чтобы болезнь вернулась. Это было бы слишком бессердечно со стороны Бога...

...Бип...

Она отворила дверь.

...Би...

Молли показалось, что она увидела, как в дальнем конце комнаты погас маленький зеленый огонек. Он просто мелькнул, это могло лишь померещиться. Она посмотрела на Алисину кровать, ожидая увидеть, что дочь сидит там с весело раскрытыми глазами и «Галактическими захватчиками» в руках. Но в свете уличных огней, проникающем сквозь занавески, увидела только очертание маленькой фигурки под одеялом.

— Алиса? — Молли заметила, как естественно она окликнула Алису, как быстро привыкла к вер-

нувшимися чувствам дочери, словно никогда не признавала их утраты.— Алиса, ты не спишь?

Ни звука. Ни от дочери, ни от игрушки.

Улыбнувшись в темноте, Молли двинулась к постели. «Маленькая обманщица,— про себя бранилась она,— дразнит мать!»

Молли склонилась над дочерью, собираясь пощекотать ей нос, чтобы не притворялась. Но рука замерла. Алиса действительно спала. Ее дыхание было таким ровным и глубоким, а лицо таким спокойным, что сон явно не мог быть притворным.

— Алиса,— снова проговорила Молли, тронув ее за плечо.

Но девочка не пошевелилась.

Молли подняла одеяло, ища электронную игрушку, ожидая, что та у Алисы в руках. Но ее там не было. И не было на полу у кровати. Но она должна быть где-то рядом, Алиса не могла пробежать через комнату и вернуться обратно, пока не вошла мать. Это невозможно.

Молли опустила на колени, наклонила голову к самому полу и заглянула под кровать. Пластмассовой коробочки не виднелось и там.

Она вспомнила погасший зеленый огонек.

Нет, это смешно. Просто невозможно.

Но тем не менее оглянулась.

Электронная игрушка лежала на столике в другом конце комнаты, выключенная, экран безжизненно погас.

Молли знала, что ей не померещились эти звуки. Она также знала, что игрушка не могла быть в руках дочери. А больше в комнате никого не было. Только тени и звуки Алисиного ровного дыхания.

ГЛАВА 11

Ты можешь хранить секрет, если я его тебе расскажу?

Это очень большой секрет, даже не знаю, что будет, если кто-нибудь про это узнает. Я, наверное, умру!

Фрэнсис Ходжсон Бернет.
«Волшебный сад»*

Фенн повернулся на постели и проснулся от собственного стога. Голова как будто продолжала поворот.

— О Боже...

Он зажмурился, одной рукой ощупывая пульсирующую глыбу, которая, как утверждал здравый смысл, в действительности была лбом. Пальцы ничуть не ослабили боль.

Повернувшись на спину и прикрыв рукой глаза, он попытался совладать с чувством кружения. Второй стон перешел в тихое скуление жалости к себе, этот звук гармонично сочетался с гулом, на высокой ноте непрерывно звучащим в голове. Прошла целая минута, прежде чем кружение замедлилось и Фенн осторожно, для пробы, приоткрыл ставни своих глаз. Прошло еще полминуты, прежде чем он убрал руку.

Когда он прекратил моргать, потолок остановился и Фенн рассмотрел возможность сесть. Обдумав ее, он, по-прежнему лежа, нащупал столик у кровати, стараясь не приподнимать голову с подушки и ни в коем случае не поворачивать ее. Пальцы не смогли нащупать часы на запястье, и Фенн проклял свою привычку ставить будильник подальше от кровати

* Перевод И. Р. Сендерихиной.

(это было необходимо, поскольку очень легко выключить его и спать дальше; и он обнаружил, что для выхода из обычного утреннего бессмысленно-сонного состояния достаточно пройти пару метров до звенящего ублюдка). Куда, черт возьми, запропастились часы? Не мог же он так напиться вчера! А с другой стороны, очень даже мог.

Фенн вздохнул, собрал все свое мужество и позволил голове съехать в сторону, к краю кровати. Голова повисла, и кровь начала бить о бетонные плиты внутри, как морской прибой о волнорез. Он устал в пол. Там часов не было. Но одна рука тоже свесилась с края, и ладонь вяло оперлась о пол.

— Болван,— пробормотал Фенн, увидев на руке кожаный ремешок.

Он выкрутил руку и скосил глаза на циферблат. Шесть минут двенадцатого. Наверное, утра: сквозь шторы пробивался свет.

Фенн втянул себя обратно на середину кровати и подавил желание снова лечь. Голова прислонилась к спинке, плечи подпирала подушка. Он попытался вспомнить, как же дошел до такого состояния. Ответ был один: пиво с бренди.

Фенн поскреб грудь и мысленно — физическое действие было бы слишком мучительным — укоризненно покачал головой. С этим надо завязывать, Фенн. Молодой пьяница, может быть, забавен, но старый просто чертовски скучен, а ты не становишься моложе. Считается, что журналисты много пьют, но это неправда. Они пьют *страшно* много. Не все, конечно, а только те, кого он знал.

Фенн попробовал дальше приподняться на кровати. Он называл этот медленный метод возвращения в день «постепенным воскресением».

От просочившихся воспоминаний о прошлой ночи он пару раз ухмыльнулся, но вдруг нахмурился и, приподняв одеяло, осмотрел нижнюю часть тела, словно заподозрив, что там чего-то не хватает. И с облегчением хмыкнул: все на месте, хотя и не способно ни на что великое. Черт возьми, как же звали ту девку? Боз, Роз — что-то вроде этого. А может быть, Джулия. Фенн пожал плечами — какая разница? «Во всяком случае, я не забеременел», — сказал он себе.

Он стянул с себя одеяло, лягая его ногами к краю кровати, потом постепенно и чрезвычайно осторожно заставил тело подняться. Голова весила больше, чем все остальное, и по пути к окну хитрость заключалась в том, чтобы балансировать ею на шее. Фенн раздвинул шторы, и ему хватило здравого смысла прикрыть глаза от света, который, он знал, зальет комнату: в это время дня солнце было особенно к ней равнодушно. Стоя у окна, он дал лучам согреть тело; дневному холоду путь преграждало стекло. Когда Фенн наконец открыл глаза, то увидел снаружи плетущуюся в гору женщину, которая толкала перед собой торговую тележку. Женщина разинула рот, углядев его голое тело. Она не остановилась, но двигалась еле-еле, и ее голова поворачивалась, пока в конце концов почти совсем не вывернулась. Фенн отшатнулся вглубь комнаты, глупо улыбнувшись и приветливо махнув продавщице рукой, чтобы показать, что не представляет никакой угрозы. Он надеялся, что ее голову не заклинило столь неестественном положении.

Вдали от солнечных лучей холод дал о себе знать пробежавшими по коже мурашками, и Фенн взял со спинки кровати халат. Халат был широкий и короткий, гораздо выше колен, и гораздо лучше смот-

релся на Сью. Неплохо он прошлой ночью смотрелся и на Роз, Боз — или ее звали Антея? — но не так, как на Сью. Даже напившись, Фенн отметил это про себя.

Он прошел в кухню и наполнил электрочайник, как зачарованный глядя на бегущую воду, но на самом деле не видя ее. Он включил чайник и обеими руками пригладил взъерошенные волосы. «Нужна сигарета», — подумал Фенн и с облегчением вспомнил, что не курит. К коробке от кукурузных хлопьев была прислонена записка, и он, выдвинув стул, несколько секунд читал ее, не прикасаясь. Там был телефонный номер и подпись: Пэм. Ах да, вот как ее звали! Фенн попытался припомнить, пробовала ли она разбудить его перед уходом. Возможно, и старалась, не зная, что после попойки нужно сильное землетрясение, чтобы поднять его. Только Сью умела делать это своими скользящими, ощупывающими руками, но это был ею самой изобретенный метод. Фенн положил записку на стол и попытался вспомнить, как эта Пэм выглядела. В голове всплыло замечание Эдди, его собутыльника, ведущего спортивные страницы «Курьера»: «Милая мордашка, а с ногами беда», — когда они увидели ее в клубе, но облик ее так и не всплыл в памяти. Впрочем, да — ноги. Ноги припоминаются. «Они сокрушат твою голову», — предупреждал Эдди, и теперь Фенн припоминал, что это оказалось недалеко от правды. Он схватился за уши, гадая, в самом ли деле они такие красные, как это ощущается. Могут на ушах быть синяки? Фенн пошел в ванную — посмотретьсь в зеркало.

Вернулся в кухню он удовлетворенный хотя бы тем, что уши в порядке, но смотревшие из зеркала налитые кровью глаза не радовали. Ванную заполнял пар. Фенн потратил время, чтобы облегчить резь

в мочевом пузыре, и при истечении жидкости вдруг ощутил странное покалывание. Нельзя быть уверенным в девицах, которых никогда раньше не видел. Или вроде бы когда-то видел.

Боже, ему не хватало Сью!

Он налил в чашку кипятку и вспомнил о необходимости добавить кофе, лишь когда снова сел за стол. Пригубив, он обжегся, но, по крайней мере, это была ясная, обжигающая боль, а не тупо ноющая, как в голове. Фенн засунул руку в пакет с кукурузными хлопьями и немного пожевал, смутно припоминая, что надо бы поработать над статьей для вечернего выпуска. Но в это утро он был явно не в форме.

Фенн оглядел маленькую кухню и содрогнулся. Сегодня придется напрячься; нельзя и дальше жить в таком свинарнике. Возможно, он всегда не слишком опрятен, но этот беспорядок возмутителен. Пора снова собраться, Фенн. Никакая женщина не заслуживает такого. «Ты шутишь? — сам себе ответил он. — Все они заслуживают. Ну, может быть, за немногими исключениями».

Через пятнадцать минут, когда он все так же задумчиво сидел уже над третьей чашкой кофе, в дверь позвонили.

Фенн выглянул в окно и увидел стоящую внизу Сью. То ли похмелье мгновенно улетучилось, то ли буря эмоций затопила все остальные чувства, но он тут же перестал ощущать головную боль. Сью взглянула вверх и помахала рукой.

На несколько секунд он потерял дар речи, потом сумел выговорить:

— Открой своим... своим ключом, Сью.

— Ладно, я просто не знала... можно ли, — крикнула она.

Сью порылась в сумочке и вставила ключ в замок. Фенн убрал голову из окна, больно ударившись затылком о раму. Потирая ушибленное место, он не смог удержаться от улыбки. Они не виделись почти три недели, с тех пор как были вместе в ресторане. Да, было несколько натянутых разговоров по телефону, но не более. И эта разлука дала ему понять, как он привязался к Сью. Фенн для устойчивости оперся на плиту и ждал, улыбаясь с явным облегчением.

— О, дерьмо! — Внезапно его улыбка погасла.

Схватив со стола записку, Фенн был готов проглотить ее, но потом просто сунул в карман брюк. Он бросился в комнату и быстро осмотрел ее: никаких свидетельств преступления не обнаружилось. Потом — в спальню: нырнул под кровать, выскребая заколки и волосы, отличные от его собственных, проверяя, нет ли на подушках пятен губной помады и следов туши с ресниц. Все улики были уничтожены. Он облегченно вздохнул и дал себе собраться с мыслями. «Боже, она курила?» — вдруг подумал он и не смог вспомнить. Пепельницы рядом с кроватью нет. В комнате! Там остались окурки со следами губной помады! Он бросился назад, и в это время Сью открыла дверь.

— Сью,— сказал Фенн, пригнувшись, не осталось ли затхлого аромата сигарет. Вроде бы сигаретами не пахло, только немного отдавало алкоголем.

— Привет, Джерри.— Ее улыбка была не слишком широкой.

— Ты выглядишь ужасно,— сказал он.

— А ты безобразно.

Фенн, ощущая неловкость, потер небритый подбородок.

— Как поживаешь?

— Прекрасно. А ты?

— Неплохо.

Он засунул руки в карманы халата.

— Какого черта ты не брала трубку? — Он пытался сдерживаться, но на последнем слове сорвался. — Ради Бога, три недели!

— Не совсем. И потом, я пару раз разговаривала с тобой.

— Ну, если это называется «разговаривала»...

— Мне не хотелось с тобой ругаться, Джерри.

Он удержался от упрека и спокойно предложил:

— Хочешь кофе?

— Я ненадолго. Забежала по пути в университет, мне нужно взять несколько интервью.

— Мы быстро. — Он прошел в кухню и заново вскипятил чайник. На полке посчастливилось найти чистую чашку.

Из комнаты донесся голос Сью:

— У тебя страшный беспорядок.

— У горничной выходной, — ответил Фенн.

Когда он вернулся, Сью сидела на диване и спокойно смотрела на него. От ее вида Фенн ощутил стеснение в груди. Он поставил чашки на стеклянный кофейный столик и пристроился на другом конце диванчика. Их со Сью разделяло фута два.

— Я пару раз звонил, — сказал Фенн.

— Я много времени проводила у родителей, с Беном.

Он кивнул.

— И как он?

— Шалит, как всегда. — Она отпила кофе и строила гримасу. — Твой кофе не стал лучше.

— Как и мое настроение. Черт, Сью, я скучал по тебе!

Она уставилась в чашку.

— Мне был нужен отдых от тебя. Тебя становилось... слишком много.

— Да, понимаю. У меня у самого такая привычка.

— Мне была нужна передышка.

— Ты уже говорила. Ничего личного, да?

— Не надо об этом, Джерри.

Он закусил губу.

— Может быть, и тебе был нужен перерыв от меня,— сказала Сью.

— Нет, милая, не нужен.

Она не удержалась от вопроса:

— Ты с кем-нибудь встречался?

Он честно посмотрел ей в глаза.

— Нет, не хотелось.— Он почувствовал, как запылали уши, и, для виду прокашлявшись, спросил:

— А ты как?

Сью покачала головой.

— Я же говорю: была занята с Беном.

Она снова отпила кофе, и он придвинулся поближе, взял чашку у нее из руки и поставил обратно на блюдце. Его пальцы погладили ей шею ниже волос. Фенн поцеловал Сью в щеку, потом другой рукой повернул ее голову к себе, чтобы добраться до губ.

Она податливо прижалась к нему и вернула поцелуй с тем же чувством, но потом уперлась рукой в плечо и оттолкнула.

— Не надо. Я здесь не затем.— Ей словно не хватало воздуха.

Он не обратил внимания и возобновил свои попытки, его наполняло чувство, большее, чем просто желание.

— Нет, Джерри! — На этот раз в ее голосе слышалась злость.

Он замер, тоже ощутив трудности с дыханием.

— Сью...

Ее взгляд заставил его замолчать и отодвинуться. Фенн силился сдержать собственную злость.

— Ладно, ладно.— Он надумался и отвернулся от нее.— Какого же черта ты пришла, Сью? Просто забрать что-то из своих вещей?

Послышался вздох.

— Не волнуйся, Джерри. Я не этого хочу.

— А кто волнуется? Я не волнуюсь. Может быть, у меня нынче вскочили прыщи, но это просто позднее половое созревание. Боже, как ты можешь взволновать меня?

— Ох, какой ты ребенок!

— Давай, давай, включи свое обаяние.

Она не удержалась от улыбки.

— Джерри, я пришла рассказать тебе про церковь. Про церковь в Бенфилде.

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Я снова там была. Водила Бена в воскресенье.

Фенн открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

— Это чудесно, Джерри! — Теперь Сью лучезарно улыбалась, ее глаза сверкали возбуждением. Перемена была такой внезапной, что Фенн удивился.

— В церкви Святого Иосифа толпится столько народу,— продолжала Сью.— Люди приводят детей, больных, ущербных. Для них это как паломничество. И счастье — кажется, оно настигает тебя, как только ступишь на территорию церкви. Это невероятно, Джерри!

— Эй, погоди минутку! Я думал, все уже закончилось. Я звонил тамошнему священнику — этому отцу Хэгану,— и он сказал мне, что ничего больше не случается. Никаких чудес, никаких странных явлений. Определенно ничего такого, о чем стоило бы

написать, или чтобы национальные средства информации роились там, как мухи над кучей дерьма.

— Тебе нужно съездить туда и увидеть самому! Тебе нужно самому испытать это!

Фенн нахмурился.

— Но я не католик, Сью.

— И не нужно, это же просто удовольствие. Тебе просто надо *почувствовать*, что это святое место.

— Но зачем бы священнику врать мне?

— Он не врал. В материальном смысле ничего и не случилось, он сказал правду. Он не хочет, чтобы кто-то использовал это в своих целях, понимаешь?

— А ты хочешь?

— Конечно нет.

— Тогда зачем же мне рассказываешь?

Сью взяла его за руку и крепко сжала обеими своими.

— Потому что хочу, чтобы из твоей глупой башки вышибло этот цинизм. Если бы ты только увидел, как действует на людей это святое место, я знаю, ты бы и сам поверил.

— погоди минутку. Ты начинаешь говорить как религиозная фанатичка. Уж не собираешься ли ты обратить меня в свою веру?

Она удивила его своим смехом.

— Не думаю, что сам Святой Дух на это способен. Нет, я просто хочу, чтобы ты стал свидетелем...

— Ох, ты определенно религиозная...

— Просто посмотри сам.— В ее голос вернулось спокойствие.

Фенн глубоко вздохнул и откинулся на диване.

— А что с той девочкой, Алисой? Она все еще ходит в церковь?

— Это еще одно, что ты должен увидеть.

— Что ты имеешь в виду?

— Это трудно выразить.— Она проговорила это медленно, задумчиво, словно погрузившись в свои мысли.— Алису как будто подменили.

— Каким образом?

— Это трудно описать. Она как будто... не знаю... стала старше, повзрослела. Вокруг нее распространяется какая-то особая аура. Некоторые плачут при виде ее.

— Ах, брось, Сью. Это просто какая-то истерия. Они уже слышали эту историю — и остальное их сознание дополняет само.

— Посмотри сам.

— Может быть, и посмотрю.— Ему пришлось признать, что все это дело снова его заинтриговало. К тому же общение со Сью могло восстановить их отношения.— Я, наверное, съезжу туда сегодня во второй половине дня.

— Нет. Подожди до воскресенья.

Фенн вопросительно посмотрел на нее.

— Сходим на мессу вместе, когда там будет много народу.

— Ты знаешь, к тому времени может все кончиться. Место может оказаться пусто.

— Сомневаюсь. Но есть еще одна причина, почему я хочу, чтобы ты приехал туда в воскресенье.— Сью встала и посмотрела на часы.— Мне нужно идти, а то будут неприятности.

— Что? О чем ты говоришь? Ты не можешь так просто уйти.

Сью подошла к двери.

— Извини, Джерри, я действительно должна идти. В воскресенье утром заскочи за мной. Бен будет у меня, так что мы можем поехать все вместе.— Она открыла дверь.

— Но что за еще одна причина? — спросил Фенн, все еще не поднимаясь с дивана.

— Ходит слух, что Алиса рассказала священнику и матери, будто Дева снова хочет видеть ее. Двадцать восьмого числа. То есть в это воскресенье.

И Сью закрыла за собой дверь.

ГЛАВА 12

*Кто любит маленьких детей,
Чтоб не пришла беда,
Не отпускайте их одних
Из дома никогда.*

Старая колыбельная

В это воскресенье все было не так, как раньше. Стоял холод, и моросило, было зябко и неуютно. Но у Фенна от возбуждения обострились все чувства — так у крысы дергается нос от донесшегося запаха крови.

Сью оказалась права: это поражало еще до того, как ступишь на территорию церкви. Первые признаки появились, уже когда Фенн проехал по главной улице поселка: там толпился народ, что необычно для воскресного утра в любом поселке, деревне или городе, особенно в такую холодную и сырую погоду. И большинство людей шли в одном направлении. Уличное движение тоже было оживленнее, чем обычно.

Бен на заднем сиденье успокоился, что всегда воспринималось с облегчением. Он положил руки на спинку переднего сиденья и приблизил лицо к лицу матери. Фенн быстро взглянул на восьмилетнего мальчика и увидел в больших карих глазах ожидание. Бен приоткрыл рот и с полуулыбкой смотрел через ветровое стекло вперед.

— Начинаешь ощущать атмосферу, Джерри? — спросила Сью, взглянув через голову сына на репортера.

Фенн что-то хмуро буркнул. Пока он был еще не готов что-либо признать. Когда они приблизились к пешеходному переходу, машина затормозила, и собравшиеся на тротуаре приветственно замахали им, спеша перейти улицу. Маленькие дети вцепились в руки родителей, дети постарше держались за более крепких товарищей. Последним был мужчина средних лет в инвалидной коляске, которую толкал человек помоложе; их внешнее сходство говорило, что это отец и сын. Инвалид улыбнулся Фенну и оглянулся через плечо на сына, показывая, что надо везти быстрее.

Когда путь освободился, Фенн наконец вдавил педаль акселератора, зная, что сзади скопились машины. Они двинулись следом, как конвой, за малолитражкой репортера.

Он посмотрел в зеркало заднего вида, удивленный тем, как быстро создал пробку, и проговорил:

— Надеюсь, не все собираются туда же.

— Думаю, тебя ждет сюрприз,— ответила Сью.

Фенн обгонял группы людей, шедшие по обе стороны дороги, дома стояли все реже, пока не остались одни луга и деревья. Даже стойкий моросящий дождик не мог омрачить радость, словно исходящую от пешеходов.

Вскоре показались припаркованные у дороги машины, съехавшие двумя колесами на траву.

— Не верится,— сказал Фенн, когда им пришлось проехать мимо входа в церковь.

— Я говорила, ты удивишься.— В голосе Сью не было и намека на торжество.

Он осматривал обе стороны дороги, выискивая, куда бы зарулить.

— И что, так всегда после того воскресенья?

— Нет. Бывало много народу, но не настолько. Очевидно, слух распространился.

— Ты не сказала мне, откуда *ты* его узнала.

Увидев открывшуюся дверь автомобиля, Фенн взял в сторону. Из машины высунулись две металлические палки, а за ними показались плохо слушающиеся ноги. Когда Фенн проехал мимо, водитель только еще вылезал, чтобы помочь инвалиду.

— В прошлую среду я была здесь на вечерней службе. И подслушала разговор двух прихожан.

Фенн рискнул быстро взглянуть на нее.

— Ты была на вечерней службе? На этой неделе?

— Да, Джерри.

— Понятно.

Он втиснулся позади последней машины в веренице.

— Наверное, сойдет,— иронически проговорил он. Малолитражка стукнулась о поребрик, и впереди почти тут же пристроилась другая машина.— Ну-ка, Бен, пора вылезать на дождь.

Мальчик уже в нетерпении толкал спинку сиденья матери. Сюю вышла и подвинула сиденье вперед, чтобы Бен мог вылезти. Фенн захлопнул дверь и поднял воротник куртки.

— Прекрасный денек для вшивого праздника,— пробормотал он себе под нос и поглубже засунул руки в глубокие карманы, нащупав там увесистый предмет: на этот раз после стонов фоторедактора «Курьера», которому не понравились снимки портативным фотоаппаратом, Фенн взял попользоваться «Олимпус». *Если* (и это было большое *если*) что-нибудь случится, он будет наготове. В другом кармане лежал

миниатюрный магнитофон — рождественский подарок Сью. Втроем они направились к церкви, Сью взяла Фенна под руку, Бен бежал впереди.

Все новые автомобили остаивались за малолитражкой. В церковных воротах толпился народ, и Сью пришлось схватить Бена за руку и вести рядом с собой, чтобы его не затолкали. Фенн оглядывался по сторонам, рассматривая наэлектризованную толпу. Он был ошеломлен и все больше заражался всеобщим возбуждением. Даже если ничего особенного не случится — а он был уверен, что так оно и будет, — у него уже есть милая история в продолжение предыдущей. Может, с его стороны было бы некоторым преувеличением сказать, что церковь Святого Иосифа осадили паломники, верующие и просто любопытствующие, но это не так уж далеко от правды. Репортер недоуменно покачал головой: какого черта они ожидают увидеть? Еще одно чудо? Он подавил смешок. Теперь Фенн был в восторге, что Сью убедила его прийти сюда. Это совсем не пустая трата времени.

Все трое, Фенн, Сью и Бен, протиснулись через ворота и оказались в медленно двигающейся толпе. Фенн заметил, что какая-то молодая девушка лет пятнадцати или шестнадцати, не больше, вся трясется, а потом понял, что ее судорожные движения вызваны не просто возбуждением: Фенн уже встречался с подобным недугом. Движения девушки были неуклюжи, руки некоординированно дергались, и с обеих сторон ее поддерживали мужчина и женщина — вероятно, родители. Если он не ошибся, девушка страдала какой-то формой хорей, весьма вероятно, Пляской святого Витта, поскольку Фенн видел такие же симптомы у молодой женщины, у которой брал интервью в брайтонской больнице, когда пи-

сал репортаж о неизбежном закрытии больницы из-за сокращения правительственных расходов. Фенну не нравились такие поручения, так как при виде больных он и сам начинал чувствовать себя нездоровым, но, по крайней мере, его репортаж со многими мучительными интервью пациентов помог сохранить больницу. Ее будущее оставалось неопределенным, но неопределенное будущее лучше, чем вообще никакого.

Он отодвинулся в сторону, давая пройти родителям с девушкой, и отец благодарно улыбнулся ему. За воротами толпа поредела, хотя вереница паломников тянулась до самой двери в церковь. В этой очереди было несколько инвалидов, которым, как и молодой девушке, помогали другие. Фенн, Сью и Бен прошли мимо истощенного с виду мальчика в инвалидной коляске, беззаботно болтающего с окружившей его семьей; его большие, навывкате глаза сияли каким-то внутренним оживлением. Фенн видел грустную улыбку матери мальчика, и в ее выражении также сквозила надежда, отчаянная надежда. От этого Фенну стало неловко, словно он подглядывал за тайными несчастьями других. Впрочем, не только оттого: он должен был стать свидетелем их разочарования. Несмотря на свое сочувствие к их несчастьям, репортер не мог понять такую доверчивость. То, что случилось с маленькой Алисой Пэджетт, было капризом природы, от которого в мозгу девочки сдвинулось что-то подавлявшее непослушные нервы, и от этого вернулись внешние чувства, на самом деле физически никуда не исчезающие. А эти люди думают, что опять может произойти такой же случайный процесс, теперь уже у них или у их близких. Фенну пришлось признать, что в этом была какая-то странная трогательность. И это вызывало злость,

потому что он не любил, когда такая вопиющая глупость пробивала брешь в его защитной стене цинизма. Эта злость обратилась на церковь, лелеявшую и поощрявшую подобное невежество, и к тому времени, когда они добрались до паперти, злорадия переросла в пылкое негодование.

В церкви толпился народ, скамьи были заполнены до отказа. Увидев толпу снаружи, Фенн ожидал подобного и тем не менее оторопел от многочисленности сборища. И от шума, несмолкающего гула голосов. Он всегда полагал, что мирная тишина является необходимым условием любой церкви, когда не идет служба, но сегодня, казалось, напряжение было не сдержать.

Взглянув на часы, он увидел, что до начала мессы осталось еще шестнадцать минут. Если бы они со Сью и Беном чуть запоздали, то вряд ли зашли бы внутрь.

Сью сложила пальцы в шепот для крестного знамения, и Бен последовал ее примеру, хотя движения мальчика были медленнее и торжественнее. Одного мужчину, видимо, назначили следить — за прибывающей толпой, и он вежливым жестом направил всех троих налево, в боковой неф, где они и встали — за отсутствием скамеек. Фенн сопротивлялся, так как уже понял, с какой точки хотел бы обозревать происходящее. Он взял Сью за локоть и потянул вправо. Мужчина открыл было рот, возражая, но решил, что дело не стоит того.

Сью удивленно взглянула на Фенна, когда он повел ее тому месту, где они стояли в прошлый раз. Когда они проталкивались туда, окружающие провожали их неодобрительными взглядами. Бен тревожно вцепился в пальто матери, но они беспрепятственно пробрались к правому проходу. Сью удивилась, когда Фенн привстал на цыпочки и вытянул шею по на-

правлению к алтарю, но потом поняла, что он вы-
сматривает Алису Пэджетт, которая, он не сомне-
вался, опять должна была сидеть у подножия статуи
Богоматери. Но было не понять, там ли она, посколь-
ку в проходе толпилось слишком много народу. Сю
заметила, что вдоль скамеек стоят еще инвалидные
коляски, и ее охватили эмоции, поднялись столько
лет сдерживаемые чувства. Последние три недели эти
эмоции все возрастали и теперь вырвались на волю,
всколыхнув все ее существо, выплеснулись наружу,
соединившись с чувствами окружающих. Она не до
конца понимала, что это за чувства, но они очень
напоминали сострадание, любовь к ближнему. Сю
чуть ли не плакала и знала, что не одинока в своих
переживаниях. В ее душе было предчувствие, кото-
рое возбуждало, но и пугало.

Но и теперь Сю по-прежнему сомневалась, бы-
ло ли исцеление Алисы чудом, хотя в глубине души
ей хотелось в это поверить. После лет духовного смя-
тения, когда лишь тонкая нить связывала ее с рели-
гией, теперь здесь, в этой церкви, что-то произошло,
и ее потянуло назад, сначала постепенно, пока связи
оставались слабыми, но потом собственная воля уси-
лилась и возродила веру. Сю стала свидетельницей
чего-то необычайного, было это чудо или нет, и это
впечатление разожгло ее веру. И это чувство она раз-
делила со столькими собравшимися в церкви Свя-
того Иосифа. *Вера*. Она пропитала воздух, как не-
отвязный запах ладана.

Сю прижала к себе Бена и нежно прикоснулась
к руке Фенна, любя их обоих и желая их любви.

Фенн обернулся и подмигнул, и Сю, испытав ми-
молетное неприятное ощущение, отдернула руку.
Охватившее ее сострадание словно споткнулось о
подмигивание приземленной реальности. Нет, не *ее*

приземленной реальности, а *его*. Его бесчувственности, его насмешливости. Единственная причина его приезда сюда заключалась в том, что здесь может подвернуться материал для репортажа, который повысит его репутацию журналиста. А она-то думала, что он пришел сюда, потому что любит ее и хочет доставить ей радость. Она убедила его приехать из-за чувств, которые испытывала к нему, ей хотелось разделить с ним снизошедшую на нее благодать. И один этот жест с его стороны развеял все ее чувство, дал понять, что они очень разные люди, потому что в этом подмигивании виделось разрушительное презрение, какой бы легкостью и шутивостью ни было оно прикрито, презрение хулителя, человека, который ничему не доверяет, ни во что не верит, поскольку это могло бы поколебать его спокойствие. В этот момент она ненавидела его — и потому жест сострадания был неуместен.

Фенн нахмурился, когда она взглянула на него; он прочел в ее глазах внезапно возникшую враждебность, повергшую его в замешательство. Сюю отвела глаза, оставив Фена в недоумении.

Все больше народу входило через дверь, заставляя их углубляться в боковой неф. Фенн еще пытался разглядеть передний ряд, но слишком много голов закрывали обзор. Первоначальное возбуждение стало покидать репортера, ожидание и атмосфера замкнутого пространства забитой людьми церкви произвели свой эффект. Вокруг по-прежнему чувствовалось напряжение, но Фенн больше не разделял его, или, по крайней мере, не разделял этого вида напряжения. Он скорее ощущал жгучее любопытство и рассматривал лица сидящих на скамьях. Все эти люди, местные или слух распространился дальше? Некоторых Фенн узнал, поскольку говорил с ними в тот

день, когда исцелилась Алиса. Его взгляд задержался на особенно знакомом лице, видневшемся вполоборота, поскольку человек сидел по другую сторону центрального прохода, в первых рядах. Это был Саутворт, владелец гостиницы. Ну, мистер Саутворт, кажется, вы ошиблись: интерес не совсем увял. Впрочем, может быть, еще увянет. Участники слишком многого ожидают, и их может постигнуть только разочарование. По сути дела, Фенн не удивился бы, став свидетелем злобных стычек после службы.

Он стал высматривать толстяка Таккера, которого видел в гостинице вместе с Саутвортом, но тот или скрывался в толпе, или отсутствовал. Внимание репортера привлекла сумятица в задних рядах собравшихся.

Двери закрывались, к пущему неудовольствию тех, кто не успел войти. Головы поворачивались, споры стали громче, и с передней скамьи встал и решительно направился по центральному проходу к источнику шума человек в черном костюме современного священнослужителя. Несмотря на сторбленные плечи, этот человек был высок, более шести футов ростом, и болезненно худ. Однако его лицо с высоким лбом и выпирающим носом выражало силу, и еще больше она проявлялась в решительной походке. Щеки священника ввалились, высокие скулы выпирали над темными впадинами, а кожа имела желтоватый оттенок, выдавая недавно перенесенную болезнь, и все же это не уменьшало впечатления силы.

Дойдя до конца прохода, он поднял руку, словно мягко рассекая собравшуюся там толпу, и Фенн удивился размерам этой руки — с того места, где стоял репортер, казалось, что пальцы священника могли бы обхватить футбольный мяч. Может быть, Фенну

и померещилось, но на собравшихся это как будто тоже произвело впечатление, потому что они расступились в стороны, как море перед Моисеем. Репортер следил за продвижением высокого человека, тот был хорошо виден над головами остальных. Кто же это такой? И зачем он здесь? Через несколько секунд священник вернулся в центральный проход, шум у него за спиной затих, двери в церковь остались распахнутыми, несмотря на холод, и Фенн получил возможность более подробно рассмотреть лицо этого человека.

Тяжелые веки были полуопущены, и создавалось впечатление, что глаза закрыты. Челюсть, хотя и не сильно выступала вперед, была твердо очерчена, а верхняя губа, немного выпяченная, смягчала впечатление устрашающей силы. Морщины бороздили его лоб и разбегались вокруг глаз, вверх и вниз, как скошенные концы проволочной кисти. Густые, седые, как и волосы, брови бросали тень на глаза. В его сутулости виделась не просто усталость или небрежность: позвоночник изогнулся как-то неестественно, хотя и не резко. Священник преклонил колена и снова занял свое место. У Фенна было отчетливое ощущение, что он только что видел магнитную бурю в человеческом облике. Он также осознал, что, стоило священнику двинуться вперед, гул приглушенных голосов вдруг резко прекратился. Теперь, когда грозная фигура скрылась, шепот возобновился опять.

Толпа вошедших влилась в центральный неф, и троим следящим за порядком пришлось создать барьер, чтобы толпа не заполнила весь проход. Фенн заинтриговало все происходящее, и он уже жалел, что не продолжал свой репортаж в последующие недели. Очевидно, не выражаемый явно интерес и слу-

хи заполняли весь этот район, и сегодня все это вылилось в церковном собрании. Всем хотелось повторения трюка. Возможно, на этот раз чуть поэффектнее. Мы уже видели тройное сальто; теперь, пожалуйста, четверное. Вот почему они взяли с собой своих болящих. В последний раз был великий трюк, но что в нем для меня? Или: извините, я пропустил прошлое шоу — нельзя ли повторить?

Репортаж уже сформировался у Фенна в голове, и в нем было много от легковерия, предрассудков, корысти — и, возможно, даже двуличия. Встреча с Саутвортом и Таккером, чьи мотивы более чем явно склонялись к эксплуатации чудес, хорошо объяснила, что могло крыться за распространением слухов. Они попытались и его завербовать в свою компанию и были разочарованы — возможно, даже обескуражены. А насколько замешана в этом сама Католическая церковь? Много ли она предприняла, чтобы развеять слухи о чуде? Или она поощряла их? Фенн ощутил мрачное удовлетворение: здесь был материал для милого журналистского расследования. Недостаточно, чтобы разжечь мировой пожар, но хватит для дискуссии, которая позволит распространить дополнительный тираж в южных графствах. Тут он посмотрел на Сью, и его кольнуло чувство вины.

Сью склонила голову, крепко сжимая руками плечи Бена. Она молилась про себя, на лбу запечатлелась сосредоточенность. Даже Бен притих, погрузившись в свои мысли.

Фенн недоумевал. Сью была не дурочка и определенно не настолько наивна в отношении религии. По крайней мере, с тех пор как он ее знал. Так откуда же эта перемена? Что случилось? Что привело ее обратно к Католической церкви так быстро и с таким убеждением? И как она реагирует на разобла-

чение, которое он планирует? Фенн попытался стряхнуть неловкость от чувства вины — возможно, его репортаж вернет ее к реальности. Он надеялся на это, так как пути назад уже не было, он заглотил наживку.

Позвякивание бубенчика насторожило его. По церкви прошла волна движения; и те, кому посчастливилось занять место на скамье, и стоявшие почти totalmente умолкли. Зазвучали первые аккорды органа, краткое вступление, за которым должен был последовать гимн, и люди прокашлялись и набрали в грудь воздуха. Начало гимна было нестройным, но вскоре голоса зазвучали в лад.

Священник поднялся на две ступеньки к алтарю и повернулся лицом к собравшимся. Фенн удивился и был слегка потрясен переменой в отце Хэгане. Он словно постарел, почти что сгорбился. Его глаза странно блестели, как у человека, умирающего от голода, а кожа пожелтела и натянулась на скулах. Хэган нервно проводил языком по губам, и Фенн заметил, что взгляд его бежит по церкви, словно священника расстраивало само количество собравшихся. Одевания больше не служили ему защитой, а только подчеркивали брешь того, что под ними крылось.

Фенн наклонился к Сью, чтобы поделиться своими наблюдениями насчет странной перемены в священнике, но понял, что Сью слишком поглощена своей службой, чтобы что-либо заметить.

В течение всей мессы — для него слишком долгой — Фенн наблюдал за отцом Хэганом и постепенно понял, что перемена была не такой сильной, как показалось вначале (а может быть, по ходу службы священник обрел часть прежней уверенности). Также возможно, что Фенн просто не видел его некоторое время и внезапная встреча усилила впечатление от перемены.

По знаку спокойствия, когда все присутствующие пожали руку соседу и проговорили: «Да пребудет с вами мир», Фенн протянул руку Сью. Она холодно взглянула на него, прежде чем протянуть свою, и ее пожатие было вялым. Когда она отпустила его руку, он продолжал пожатие, стиснув ее ладонь в попытке наладить душевный контакт. Сью потупилась, и, казалось, по ее лицу пробежала тень. Фенн лишь заметил, как маленькая ручка схватилась за его куртку, и, взглянув вниз, увидел Бена, для пожатия протянувшего руку вверх.

— Да пребудет с тобой мир, Бен,— прошептал Фенн и снова посмотрел на Сью. Она не отрывала глаз от священника у алтаря.

Месса продолжалась, и после причащения интерес Фенна переключился на самих собравшихся. Желаящие причаститься устремились вперед с недостойной (и, возможно, неблагочестивой) торопливостью, создав сутолоку у сужения в центральном проходе. Инвалиды, одни в колясках, другие на костылях, двинулись вперед, и Фенн мог только пожалеть их. Их отчаяние было очевидно, и это возродило его злость на тех, кто пользовался их несчастьем. В очереди были дети хотя и не моложе семи лет, но некоторые и ненамного старше. Они в нетерпении вытаращили глаза, вероятно толком не понимая, что происходит, но захваченные всеобщим возбуждением. Юношу лет семнадцати или больше провели к алтарю, как пятилетнего, и его ковыляющая походка объясняла, в чем дело. Юноша был дебилем, и Фенн видел свещающееся надеждой лицо его матери.

Лицо отца Хэгана выражало страдание, когда он смотрел на длинную, в три ряда очередь верующих, и репортер неохотно посочувствовал ему. Он дога-

дывался, что священник не причастен ко всему этому и пребывает в таком же смятении, как и он сам.

В медленно двигавшейся очереди было несколько монахинь, они склонили голову и крепко сцепили руки на груди. Гимн достиг своего завершения, стихи уже давно замолкли, оставив только шум шарканья и отдающегося эхом покашливания. Возвращавшиеся после причастия прихожане проталкивались через боковой проход к своим скамьям. Внезапно перед Фенном возникла маленькая фигурка, и репортер вздрогнул, увидев, что руки мальчика сплошь покрыты безобразными бородавками. Через центральный проход мужчина нес к священнику другого мальчика, с укутанными толстым одеялом ногами. Это был тот самый ребенок, которого Фенн видел в инвалидной коляске на подходе к церкви. Отец успокаивал сына, и, когда тот открыл рот, чтобы получить причастие, глаза священника наполнились новой печалью.

Очередь двигалась дальше — непрерывный людской поток, и казалось, ему не будет конца. Отец Хэган дважды прерывался, чтобы приготовить новые облатки, но в конце концов его запасы иссякли, и об этом пришлось объявить ожидавшим своей очереди.

Стоявшие в очереди скорбно двинулись обратно по своим местам, и их разочарование вызвало у Фенна мрачную усмешку. «Это напоминает дерьмовый паб, где кончилось пиво», — подумал репортер.

Вскоре месса закончилась, и собравшиеся стали поглядывать друг на друга, словно ожидали чего-то еще. Священник и его окружение в белых стихарях исчезли в ризнице, и чувство охватившего всех уны-

ния стало почти осязаемым. По церкви пронесся ропот, все головы повернулись к скамье справа от алтаря, у подножия статуи Богоматери. Шепот усилился, когда все увидели, что девочки там нет. В это утро Алиса Пэдджетт не присутствовала на службе. Послышалось несколько явственных стонов, кто-то жалобно бормотал, но, поскольку дело происходило в храме Господнем, большинство удержало недовольство при себе. Они выходили из церкви с ощущением, что их обманули, но жаловаться было некому (и это только усиливало обиду).

Проходящие толкали Фенна, и Сью вопросительно посмотрела на него, сама готовая покинуть церковь.

— Забери с собой Бена, Сью, встретимся в машине, — сказал он.

— Что ты задумал? — спросила она, чувствуя, как ее толкают сзади.

— Хочу переговорить со священником.

— Тебе нельзя заходить в ризницу, Джерри. — Сью словно запрещаала ему.

— Меня сожгут на костре? Не беспокойся, я не долго.

Сью не успела возразить, как он проскользнул мимо и влился в движущуюся толпу.

Пробирався Фенн с трудом, но верующие не были так агрессивны, как обычная толпа, и по мере возможности уступали дорогу. Скамьи освобождались, и Фенн, воспользовавшись одним из рядов, пробрался в центральный проход. Он на мгновение остановился, чтобы поближе рассмотреть статую Мадонны, так очаровавшую Алису Пэдджетт, и ненадолго задумался, не сфотографировать ли ее. Решив, что лучше сделать это потом, когда церковь опустеет — ему не

хотелось нервировать присутствующих, особенно служителей,— Фенн продолжил свое движение.

По центральному проходу идти было легче, так как толпа к тому времени собралась у выхода. Фенн прошел мимо алтаря, направляясь к боковой двери, которая оказалась приоткрыта. Прежде чем войти, репортер поколебался. Внутри слышались голоса:

— ...Почему, монсеньер, почему они слушают эти сплетни? Чего они ожидали?..

— Успокойтесь, святой отец. Вы должны вести себя так же, как в обычное воскресенье — подойти к двери вашей церкви и обратиться к прихожанам. Если хотите отвлечь их от пустых надежд, покажите, что все идет нормально.— Второй голос звучал низко, повелительно.

Фенн открыл дверь, решив не стучать. Отец Хэган стоял к нему спиной, но лицо второго священнослужителя, высокого сутулого мужчины в черном, было обращено к двери. Он замер на полуслове, глядя на журналиста через плечо священника. Хэган обернулся, и его лицо окаменело.

— Что вам нужно? — спросил он с неприкрытой враждебностью.

Фенн был не из тех, кого так просто напугать, и шагнул внутрь. Улыбнувшись с притворно виноватым видом, он сказал:

— Я хотел узнать, нельзя ли поговорить с кем-нибудь из святых отцов.

— Простите, но вам нельзя сюда входить,— отрезал священник.

Служки при алтаре, три мальчика и мужчина, снимавшие свои сутаны, замерли и в удивлении посмотрели на священника: эта резкость контрастировала с его обычно мягким нравом.

Но Фенн стоял на своем:

— Это не займет и минуты.

— Прощу вас сейчас же покинуть помещение.

Улыбка сошла с лица Фенна, и он посмотрел на священника таким же ледяным взглядом. Чтобы прервать напряженную паузу, вмешался старший священник, высокий мужчина.

— Я монсеньер Делгард,— сказал он.— Чем мы можем вам помочь?

Фенн не успел ответить, как его перебил Хэган:

— Он репортер. Эти слухи возникли в большой степени по его милости.

Старший священник кивнул и вежливо проговорил:

— Вы мистер Фенн? Это вы нашли Алису около церкви, когда все это началось? Рад познакомиться с вами, молодой человек.

Он протянул свою огромную руку, и репортер почтительно пожал ее. Пожатие священника было твердым, но одновременно успокаивающе бережным.

— Я не собирался вторгаться...— пробормотал Фенн, и священник понимающе улыбнулся.

— Боюсь, в настоящий момент мы заняты, мистер Фенн, но, может быть, мы сможем увидеться позже?

— Вы бы не могли сказать, почему сегодня оказались в церкви Святого Иосифа?

— Просто помочь отцу Хэгану. И посмотреть, конечно.

— На что именно посмотреть?

— Вы видели, сколько народу пришло сегодня на мессу. С нашей стороны было бы глупо делать вид, что верующие не придавали нынешнему воскресенью никакого особого значения.

— А вы сами, монсеньер? — Диктофон в кармане у Фенна был включен на запись.

Священник поколебался, но улыбка не покинула его лица.

— Позвольте только сказать, что мы не ожидали никакого необычайного явления. Нас больше беспокоили прихожане...

— Там собрались не только местные прихожане, — перебил Фенн. — Я бы сказал, что люди съехались не только из окрестности Бенфилда.

— Да, я уверен, дело обстоит именно так, — холодно проговорил Хэган, — но это оттого, что ваша газета сильно раздула историю, сыграв на человеческой восприимчивости.

— Я лишь описал действительно происшедшее, — возразил Фенн.

— И добавили собственные соображения. И могу добавить, они выдали кроющийся за ними цинизм.

— Я не католик, святой отец. Нельзя ожидать...

— Пожалуйста.

Монсеньер Делгард твердо вклинился между спорщиками, его большие ладони поднялись на уровень груди, словно сдерживая дальнейшие реплики. Он не повысил голоса, и тон не стал жестче, но его слова нельзя было проигнорировать.

— Несомненно, вы продолжите свою дискуссию — вы должны получить ответ на свои вопросы, мистер Фенн, а вы, святой отец, можете извлечь пользу, выслушав более объективное воззрение на все это дело, — но сейчас для этого не время и не место. Предлагаю вам удалиться, мистер Фенн, и вернуться сегодня же чуть погодя.

Это вряд ли было предложение, скорее приказ, которому репортер неохотно решил повиноваться.

В интересах дела Хэган был нужен ему как союзник, а не как противник; сама же беседа не сулила никакой пользы. Однако, всегда стремясь повернуть ситуацию в свою пользу, как бы мала эта польза ни была, Фенн сказал:

— Если я приду сегодня вечером, вы мне выделите час?

Отец Хэган открыл рот, чтобы возразить, но монсеньер Делгард быстро проговорил:

— Сколько вам угодно, мистер Фенн. Мы не собираемся урезать ваше время.

Фенн был поражен. Он рассчитывал на полчаса, может быть, минут на двадцать.

— Договорились,— сказал он с улыбкой и открыл дверь.

Церковь была почти пуста и казалась гораздо темнее. Фенн понял, что дождевые тучи стали еще гуще: свет снаружи, проникавший через витражные окна, был слаб и рассеян. Репортер закрыл дверь в ризницу и прошел мимо алтаря к белой статуе Мадонны. Ее глаза без зрачков слепо смотрели на него, каменные губы хранили след милосердной улыбки. Руки изваяния протянулись вниз, ладонями вперед — символ приятия Мадонной всех, кто стоит перед ней.

Для Фенна это была всего лишь каменная глыба, искусное изображение, не несущее в себе никакого значения. Пустые глаза тревожили, потому что были слепыми; сострадательный жест ничего не значил, поскольку был рукотворным, а не шел от сердца.

Фенн прищурился. И статуя исказилась. На ней виднелась еле заметная в тусклом свете, не толще волоса трещинка, бегущая от подбородка к боковой части шеи. «Никто не безупречен»,— мысленно сказал Фенн Мадонне.

Он полез в боковой карман за фотоаппаратом, решив, что не следует упускать возможность сфотографировать статую, но тут за спиной послышались шаги, и он обернулся. Мальчик лет пятнадцати-шестнадцати спешил по центральному проходу к алтарю. Словно не замечая Фенна, он обогнул переднюю скамью и направился к ризнице. Постучав в дверь и не дожидаясь ответа, мальчик ворвался внутрь.

Фенн поспешил следом и еле успел, чтобы услышать, как юноша, задышавшись, проговорил:

— Это Алиса Пэджетт, святой отец. Она здесь.

— Но я велел ее матери сегодня не пускать ее сюда,— послышался голос отца Хэгана.

— Но она здесь, святой отец. На лугу, у дерева! И все идут за ней. Все пошли в поле!

ГЛАВА 13

Магия. Магия во мне, Магия во мне. Она в каждом из нас.

Фрэнсис Ходжсон Бернет.
«Волшебный сад»*

Войдя в ризницу, Фенн лишь заметил мелькнувшие фигуры двоих священников и мальчика: они выходили в другую дверь, ведущую наружу. Мальчики-служки и старший служитель у алтаря по-прежнему стояли, застыв в изумлении. Репортер пробежал через комнату вслед за только что вышедшей троицей. Выскочив из двери, он оказался на кладбище за церковью; двое священников и мальчик спешили по

* Перевод И. Р. Сендерихиной.

узкой дорожке между могил к невысокой стене, отделяющей церковные земли от луга. Фенн с горящими глазами пустился вдогонку.

Он свернул, увидев, что возле стены столпился народ, многие тревожно смотрели на луг, но по каким-то причинам никто не делал ни шага в ту сторону. Участок стены на углу кладбища был свободен, и Фенн устремился туда. Двое священников пытались протолкаться сквозь толпу зевак, но не могли добраться до стены. Спеша к намеченной цели, Фенн сшиб башмаком кротовью кучу. Трава была сырой и скользкой, и он дважды чуть не упал. Вскоре репортер уже был у стены и прислонился, переводя дыхание. Потом вскочил на нее и выпрямился, дрожащими пальцами нащупывая фотоаппарат.

Алиса в голубом пластиковом плаще стояла перед деревом, глядя на перекрученные ветви, и дождевые капли падали на ее обращенное вверх лицо. Темные, тяжелые облака еще не избавились от своего груза, и серебристо-белый горизонт резко контрастировал с ними. Остальные дети стояли за спиной девочки, словно боясь подойти к ней, опасаясь слишком приблизиться к дубу. Они сбились маленькими группками и молча наблюдали. Все новые дети перелезали через стену и осторожно шли вперед, но не заходили за столпившихся позади девочки. Фенн увидел мальчика-калеку, того, что раньше получал святое причастие, — его переправили через стену и понесли мимо ожидающих к Алисе. Всего в пяти ярдах от нее отец опустился на колени и осторожно положил сына на землю, закутав в одеяло, чтобы уберечь от сырости.

Вперед вывели какую-то девочку, и Фенн по одежде узнал ее — это была та самая страдающая хореей.

Все новые люди проталкивались вперед, неся с собой детей или поддерживая взрослых. Вскоре, по мере заполнения пространства, группы стали не так отчетливы, и больных клали на траву, не обращая внимания на сырость и холодный воздух.

По оценке Фенна, вокруг собралось не менее трехсот человек, одни вышли собственно на луг, другие блуждали вдоль стены, словно она могла послужить защитой. Все притихли.

Репортер ощущал напряжение, и ему хотелось закричать, чтобы избавиться от гнетущего чувства. Оно сгушалось, передаваясь от человека к человеку, от группы к группе, — это была нарастающая истерия, готовая прорваться, достигнув пика. Он поежился от внезапного ощущения страха.

Стараясь побороть дрожь в руках, Фенн навел фотоаппарат. Удачное место на стене открывало ему хороший обзор, и он надеялся, что правильно установил диафрагму для тусклого освещения. «Олимпус» имел встроенную вспышку, но пользоваться ею не хотелось: Фенн чувствовал, что внезапный световой сполох может каким-то образом повлиять на общее настроение, разрушить чары, под которыми все словно находилось. Чары? Опомнись, Фенн. Такую же атмосферу может создать футбольный матч или поп-концерт. Просто тут все молчат, и от этого так жутко.

Он нажал на кнопку. Первый кадр: Алиса и дерево. Потом Алиса и толпа у нее за спиной. Потом люди у стены. Хороший снимок, видно опасение у них на лицах. И что-то еще. Страх. Страх и... ожидание. Боже, они *томятся* по чуду.

Репортер увидел двух священников, перелезающих через стену, и сделал еще один снимок. Фото-

графия могла бы получиться великолепной, если ее увеличить и вырезать голову отца Хэгана, так как Фенн никогда не видел на лице человека такого выражения неподдельной боли.

Священники двинулись сквозь толпу, но и они не зашли за границу людей, стоящих неровным полукругом за спиной у девочки. Фенн спрыгнул на землю и тоже направился к дубу. Он приближался со стороны, позволявшей ему иметь лучший обзор происходящего. Когда Фенн добрался до края толпы, его туфли и нижние края штанов промокли, но он не ощущал никакого дискомфорта. Как и все остальные, репортер был зачарован маленькой фигуркой, застывшей совершенно неподвижно, глядя на дерево. Со своей позиции Фенн видел Алису в профиль, и на ее лице было выражение безграничного счастья. Многие дети тоже улыбались, но их радость не вполне разделяли стоящие рядом взрослые, хотя и на их лицах уже не было той опаски, что виделась незадолго до того. По крайней мере у тех, кто оказался близко к девочке. Фенн поймал взгляд Алисиной матери, стоявшей на коленях рядом с группой, которая вынесла в поле мальчика-калеку, и не понял, мокро ее лицо от дождя или от слез. Ее глаза были закрыты, а руки крепко сжаты в молитвенном жесте. Шарф соскользнул с головы на плечи, и волосы сбились на лоб. Губы беззвучно шептали слова.

Потом все неестественно затихло.

Только не унимающийся дождь убедил Фенна, что у мира не было причины замереть.

Не слышалось ни звука. Ни криков птиц, ни блеяния овец, пасущихся на дальнем краю луга, ни шума проезжавших по шоссе машин. Ничего. Вакуум.

Пока по траве не пробежал ветерок.

Фенн поежился, так как движение воздуха оказалось холоднее, чем моросящий дождь. Он повыше поднял воротник и нервно огляделся; необъяснимо сильно чувствовалось чье-то невидимое присутствие. Конечно же, ничего не было, просто луг и изгородь. Слева толпа, стена, церковь; справа дерево... дерево... Позади... деревья... Фенн не смог рассмотреть, что было позади дерева.

Ветер, уже не ветерок, зашумел в голых ветвях, шевеля искореженные конечности, заставляя их качаться, словно это были дремавшие щупальца, пробудившиеся к жизни. Уродливые конечности зашевелились, а шум ветра перешел в низкий вой.

Ветер трепал одежду людей, и они прижимались друг к другу. Некоторые попятились, явно напуганные, в то время как другие остались на месте, тоже в страхе, но и обуреваемые любопытством — а некоторые охваченные отчаянием. Многие упали на колени и склонили головы.

Фенн тоже ощутил, что его ноги странным образом ослабели, и ему потребовалось сделать усилие, чтобы остаться стоять прямо. Он увидел, как отец Хэган попытался пройти вперед, к девочке, но другой священник удержал его, схватив за локоть. Священнослужители что-то говорили друг другу, но они были слишком далеко от репортера, чтобы тот мог расслышать. Фенн наклонился, почувствовав, будто кто-то толкнул его сзади, и опустил, как мышцы спины напряглись, а волосы на ветру встали дыбом.

Но это прошло. Низкий вой прекратился, ветер стих. Дождь продолжал моросить, но уже не хлестал косыми струями.

Люди словно ощутили облегчение, некоторые прекрестились. Они оглядывались на стоящих рядом, ища утешения в присутствии других и оборачива-

ясь к священнику для обретения уверенности. Но отец Хэган был не в силах им помочь. Он смотрел на Алису Пэджетт и побледнел еще больше.

Она протянула руки к теперь уже неподвижному дубу и что-то говорила, хотя никто из присутствовавших не мог разобрать слова. Девочка смеялась, и от ее маленького тела исходила почти видимая аура радости. Но на дереве ничего не было, никакой фигуры, никакого движения, ничего вообще. Толпа издала недоуменный вдох, перешедший в стон.

Алиса больше не касалась ногами земли. Она парила в двух-трех дюймах над самыми высокими травинками.

Фенн заморгал, не веря своим глазам. Это просто невозможно. Левитация — это всего лишь трюк, выполняемый фокусниками при помощи каких-то ухищрений. Но здесь, в открытом поле, не могло быть этих ухищрений. И не было никакого фокусника, а только одиннадцатилетняя девочка. Господи Иисусе, что происходит?

Он почувствовал, как по телу прошел электрический разряд — резкая, покалывающая волна, которая каким-то образом перескочила с него на других, соединив всех сплошным покровом статического электричества. Фенн был загипнотизирован зрелищем и сомневался, не галлюцинация ли все это, отказываясь верить своим глазам. Каким-то потаенным уголком здравого рассудка он вспомнил о лежащем в кармане фотоаппарате, но не мог найти в себе ни сил, ни, что еще важнее, желания достать его. Он тряхнул головой — отчасти чтобы прояснить мысли, а отчасти чтобы ощутить что-то уж точно реальное. Сон, галлюцинация, телепатическая иллюзия оставались перед глазами, отказываясь подчиняться той части сознания, которая настаивала на нереально-

сти увиденного. Алиса Пэджетт висела над землей, и трава тихонько колыбалась под ее подошвами.

Текли минуты, и никто не смел пошевелиться или заговорить. Вокруг Алисы распространилась какая-то энергия, которая, хотя и невидимая, ощущалась всеми. Свечение, *если бы* было видимо, показалось бы ослепительно белым, с золотистым отливом по краям. Девочка не изменяла своего положения, не опускалась и не поднималась. Ее тело оставалось неподвижным, с протянутыми вперед руками, и только губы беззвучно шевелились.

Не многие вокруг оставались стоять. Ноги Фенна окончательно сдали, и он опустился на колени — вовсе не из благоговения, а от слабости, от охватившего его странного изнеможения, как будто из тела отхлынула вся энергия. Все тело онемело, и стало холодно!

Он кое-как приподнялся на одно колено и, чтобы сохранить равновесие, оперся рукой о землю. Священники оставались на ногах, хотя монсеньер схватил отца Хэгана за локоть, словно поддерживая. Казалось, они в недоумении и замешательстве от невероятного зрелища, и Фенну с некоторым удовлетворением подумалось, что теперь и они, видимо, испугались.

Он снова повернул голову к Алисе и увидел, что она опускается, медленно, медленно оседает. Прежде чем она коснулась земли, травинки, как мягкая подстилка, согнулись под ее ногами. Девочка опустилась и с восхищенной улыбкой обернулась к присутствующим.

И тут начались чудеса.

Маленький мальчик побежал вперед, вытянув руки, покрытые черно-серыми бородавками. Он упал у ног Алисы, подняв безобразные руки так, чтобы все их видели. Его мать, вся в слезах, хотела последовать за ним, но муж удержал ее, не зная, что сейчас произойдет, и только молясь, чтобы это помогло сыну.

Алиса улыbnулась мальчику, и черные бородавки с серыми краями начали бледнеть.

Мать закричала и вырвалась, она бросилась к сыну и крепко прижала его к себе, ее слезы падали на волосы мальчика и смешивались с дождем.

Над толпой пронесся крик, и все глаза обратились к девочке-подростку с дергавшимся лицом, руки и ноги которой непрерывно судорожно тряслись. Перед этим она вместе со своими родными опустилась на колени, но теперь со спокойствием на лице стояла на ногах. И хотя в ее движениях сквозила осторожность, не было никакого дерганья и выкручивания. Она взглянула на себя, осматривая руки и ноги, потом вышла вперед, медленно, но уверенно; ее грудь начала тяжело вздыматься от радости. Девочка опустилась перед Алисой Пэджетт на колени и заплакала.

Сквозь толпу стал проталкиваться какой-то мужчина с поврежденными катарактой глазами. Люди расступались и тихонько подталкивали его в нужном направлении, молясь за него.

Он упал, не дойдя до девочки, и лежал, всхлипывая; его лицо исказилось от мольбы. Мутность в зрачках стала пропадать. Впервые за пять лет он смог различить цвета. Он снова смог видеть мир, зрение заволакивали только слезы.

Девочка из одного с Алисой интерната, чьи родители, с тех пор как последняя внезапно исцели-

лась, обрели новую надежду, спросила у матери, почему этот человек на земле плачет. Ее слова звучали не совсем отчетливо, но мать поняла их. Для нее не было звуков прекраснее, так как семь лет из своей короткой жизни дочь не говорила.

Многие в толпе упали и распластались на земле или прислонились к стоявшим рядом, как марионетки с перерезанными веревочками. Фенну пришлось сесть на землю, колени больше не удерживали его. Его глаза перебегали с девочки на толпу, с толпы на девочку, с девочки... на дерево...

Из промокшей толпы раздался новый крик, перешедший в вой. Полный страдания женский стон.

Глаза Фенна пробежали по коленопреклоненным телам и остановились на закутанном в одеяло мальчике, который до того лежал у края полукруга. Теперь же мальчик сидел прямо, его глаза сияли каким-то вновь обретенным пониманием. Он сбросил одеяло, и со всех сторон к ребенку протянулись руки помощи. Но помощи ему не требовалось. Он стал подниматься, и его движения были одеревеневшими и неуклюжими, как у новорожденного ягненка. Вот он уже стоял на ногах, и руки взрослых поддерживали его. Мальчик двинулся вперед, с трудом сохраняя равновесие, покачиваясь, но стремясь подойти к девочке. Он шел, держась за взрослых, но сам переставлял ноги. Взрослые помогали ему, и только оказавшись совсем рядом с Алисой, он позволил себе опуститься на землю. Мальчик полусидел, полулежал там, сдвинув колени, тонкие ноги скрыла трава, туловище выпрямилось, и отец поддерживал его за плечи.

Отец и сын с благоговением на лицах смотрели на девочку.

Фенн был ошарашен. К нему вернулись силы, но он не чувствовал достаточной уверенности, чтобы встать. Господи Иисусе, что происходит? *Это же невозможно!*

Он посмотрел на двух священников — один был весь в черном, другой в облачении для воскресной службы: зеленое и желтое на белом фоне. Отец Хэган уже упал на колени, а высокий священник, монсеньер, медленно оседал рядом. Фенн не знал, испытали ли они схожую отупляющую слабость, поразившую его самого, или это был их жест смирения. Отец Хэган склонил голову к рукам и раскачивался взад-вперед, а монсеньер Делгард только смотрел вытаращенными глазами на девочку на лугу, которая казалась такой хрупкой под возвышавшимся над ней черным перекрученным деревом.

ГЛАВА 14

— Ишь, какая славненькая, жирненькая. Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый, сверкающий нож. Вот ужас!

Ганс Христиан Андерсен.
«Снежная Королева»*

Риордан устало покачал головой. В этом нет никакого смысла. За тридцать восемь лет его фермерства ничего подобного не случилось. Во всяком случае, с его скотиной. Он подал грузовик задом дальше

* Перевод А. Ганзен.

на луг и кивнул работникам, чтобы те поработали лопатами.

С удрученным видом подошел ветеринар и молча встал рядом. Риордан позвонил ему ранним утром, и когда ветеринар приехал, то понял, что большего сделать не сможет. Не выжили даже те ягнята, которых он вырезал из брюха матерей, сочтя что они достаточно созрели для дальнейшей жизни. Это было необъяснимо. Почему это случилось со всеми одновременно? Накануне в поле было волнение — самое невероятное событие из всех, что ему доводилось слышать — но суягные овцы были далеко от всего этого, на другом участке луга. Риордан вздохнул и провел рукой по усталым глазам, а работники тем временем подхватывали на лопаты крошечные поблескивающие трупики и швыряли в кузов грузовика. Овец, маток, которых ветеринару не удалось спасти, хватали за окоченевшие ноги и бросали в машину.

Посмотрев на серую церковь в отдалении, Риордан подумал: «Как это люди могут поклоняться такому злобному Богу?» Фермерство — нелегкий хлеб: всегда приходится ожидать несчастий, случайных бед, и даже трагедий. Вскосы могут погибнуть, скотина вечно подхватывает какие-нибудь болезни, что приводит к падежу. Болезни не милуют и работников. Но никогда не ожидаешь и не готовишься к такому, что случилось теперь. Этому не было никакого объяснения.

Повернувшись спиной к полю, он смотрел, как отъезжает тяжело нагруженный грузовик.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Интересно, я переменялась за ночь? Дайте-ка подумать: утром я встала такой же? Вроде бы припоминаю, что я чувствовала себя немножко не так. Но если я уже не та, то спрашивается, кто же я тогда? Да, нелегкая задача!

Льюис Кэрролл.

«Приключения Алисы в Стране чудес»

(Перевод Н. М. Демуровой)

ГЛАВА 15

Когда я читала волшебные сказки, мне представлялось, что такого не бывает, а теперь я сама оказалась среди этого!

Льюис Кэрролл.

«Приключения Алисы в Стране чудес»

— Боже милостивый, вы нездоровы, Эндрю?

Епископ Кейнс смотрел на священника, потрясенный переменой в нем. Хэган выглядел больным, еще когда епископ разговаривал с ним несколько недель назад, но теперь его вид ухудшился самым тревожным образом. Епископ Кейнс поспешил вперед и, взяв священника за руку, указал ему на кресло у стола, потом вопросительно посмотрел на монсеньера Делгарда, но лицо того ничего не выражало.

— Думаю, немного бренди вам не повредит.

— Нет-нет, я здоров,— запротестовал отец Хэган.

— Чепуха! Только чтобы улучшить цвет лица. Питер, и вам тоже?

Делгард покачал головой.

— Может быть, чаю? — сказал он, глядя на секретаршу епископа, которая провела их в кабинет.

— Да, конечно,— проговорил епископ Кейнс, возвращаясь к своему креслу за столом.— Мне, пожалуйста, и то и другое, Джудит. На всякий случай.

Он улыбнулся секретарше, и она вышла, но как только за ней закрылась дверь, улыбка епископа погасла.

— Я крайне встревожен, джентльмены. Я бы предпочел, чтобы вы пришли ко мне вчера.

Монсеньер Делгард прошел к освинцованному окну кабинета, выходящему на уединенный садик. Тусклое позднефевральское солнце светило на дальнюю часть опрятной, частично затененной лужайки, не в состоянии высушить сверкающую росу. Всю ночь и предыдущие полдня шел сильный дождь, и выглянувшее солнце словно еще не оправилось от сырости. Делгард повернулся к тучному епископу.

— Боюсь, это было невозможно.— Он говорил негромко, но слова наполнили обшитый темным деревом кабинет.— Мы не могли покинуть церковь, епископ, после того, что случилось. Слишком велика была истерия.

Епископ Кейнс ничего не ответил. Он поручил монсеньеру Делгарду присмотреть за младшим по рангу священником и его церковью, чтобы в случае чего взять ситуацию под контроль, если возникнет что-либо в связи с девочкой и ее видениями. Ему поручалось наблюдать, влиять и докладывать. Питер Делгард не раз сталкивался с якобы аномальными или сверхъестественными явлениями и имел репутацию человека, не теряющего способности здраво мыслить в самых экстраординарных ситуациях. Этого спокойного человека с холодной головой, иногда пугающего своей неколебимостью, знали, впрочем, и как человека сердобольного, способного переживать муки других словно свои собственные. Его власт-

ное спокойствие не помогало в полной мере постичь эту сторону его натуры, но сострадание присутствовало в его ауре так же явственно, как, должно быть, оно присутствовало в ауре самого Христа. Епископ доверял монсеньеру Делгарду, ценил его суждения, уважал его мудрость в вопросах, зачастую слишком необычных для восприятия его собственным рассудком. И побаивался этого высокого человека.

Делгард опять посмотрел в окно.

— Я также подумал, что отцу Хэгану надо немного отдохнуть,— сказал он.

Епископ Кейнс рассматривал сидящего в кресле священника. Да, это видно: отец Хэган выглядел так, словно потрясение было для него слишком сильным. Его кожа стала еще более серой, чем в прошлый раз, а глаза потускнели, и в них виделась подавленность.

— Вы выглядите опустошенным, святой отец. Это из-за того, что произошло вчера? — спросил епископ.

— Не знаю, епископ,— почти что шепотом ответил Хэган.— Я не слишком хорошо спал последние недели. А прошлой ночью вообще не сомкнул глаз.

— Не удивительно. Но нет нужды так волноваться. На самом деле это может оказаться торжеством.

Епископ понял, что Делгард смотрит на него.

— Вы не согласны, Питер?

Возникла пауза.

— Пока что слишком рано решать.— Сутулость монсеньера словно усилилась, когда он медленно отошел от окна и сел в свободное кресло. Делгард смотрел на епископа Кейнса глазами, видящими слишком многое.— То, что произошло, совершенно необъяснимо, это затмевает все виденное мною раньше. Пять человек исцелились, епископ, четверо из них дети. Пока что рановато говорить, насколько необрати-

мо их исцеление, но через два часа, когда я осмотрел их всех, следов болезни не обнаружилось.

— Конечно, мы не можем признать эти исцеления чудом, пока медицинские авторитеты не проведут тщательное обследование всех людей,— сказал епископ Кейнс, и в его тоне слышалось старательно подавляемое нетерпение.

— Пройдет немало времени, прежде чем церковь признает это хотя бы исцелением, не говоря уж о «чудесным»,— ответил Делгард.— Процедура будет весьма длительной, если не сказать большего.

— Совершенно верно,— согласился епископ.— Так и должно быть.— Взгляд Делгарда смутил его.— Вчера вечером, после вашего звонка мне удалось связаться с кардиналом-архиепископом. Он разделяет мое убеждение, что нужно соблюдать осторожность — ему не хочется, чтобы Римско-католическая церковь в Англии выставила себя в глупом виде. Ему нужен полный доклад о произошедшем, прежде чем что-либо появится в прессе, и все заявления должны исходить непосредственно от его имени.

Хэган покачал головой.

— Боюсь, это уже вышло из-под нашего контроля, епископ. Этот репортер, Джерри Фенн, вчера снова был там. Мы еще не видели утренний выпуск «Курьера», но, будьте уверены, событие получило там полное освещение.

— Он был в церкви? Боже милостивый, у него невероятная интуиция!

— Думаю, дело не в этом,— вставил Делгард.— Очевидно, слухи о том, что Алиса готовится к новому «посещению», распространились по Бенфилду задолго до воскресенья.

— Я запретил ее матери приводить девочку,— сказал Хэган.

В это время дверь отворилась и вошла Джудит с подносом.

— Думаю, это было неразумно.— Епископ Кейнс кивнул секретарше, чтобы она оставила поднос на столике у стены, затем подождал, пока она выйдет, и продолжил: — Очень неразумно. Нельзя запрещать людям ходить в церковь, святой отец.

— Мне подумалось, что Алисе лучше всего было бы на время воздержаться от посещений.

— Лучше всего для кого?

— Для Алисы, конечно же.

Делгард прокашлялся.

— Думаю, отца Хэгана беспокоило, что девочку могут травмировать ее навязчивые видения.

— Да, это одна из причин. А другая состоит в том, что я не хотел, чтобы церковь Святого Иосифа превратилась в ярмарочный балаган! — Его голос возвысился чуть ли не до визга, и двое коллег посмотрели на священника с удивлением, а Делгард и с беспокойством.

Епископ Кейнс с громким вздохом встал, подошел к подносу и протянул бренди бледному священнику.

— Знаю, рановато для напитков такого рода, но это пойдет вам на пользу, Эндрю.— Заметив дрожь в руках Хэгана, когда тот брал стакан, он бросил быстрый взгляд на Делгарда. Лицо монсеньера ничего не выражало, хотя он тоже наблюдал за отцом Хэганом.

Епископ снова повернулся к столику у стены.

— Вам без сахара, Питер? Да, я помню.— Он протянул чашку Делгарду, а свой чай и бренди поставил на письменный стол.— Расскажите мне еще про этого репортера,— сказал епископ, снова садясь на свое место.— Как много он видел?

Хэган пригубил бренди; вкус показался ему отвратительным.

— Он видел все. Он был там с самого начала.

— Что ж, не важно. Слухи все равно вскоре разошлись бы. Что нам нужно обдумать — это как он будет действовать. Где эта девочка, Алиса Пэдджетт?

— Я подумал, что ей с матерью лучше несколько дней побыть в монастыре в том же поселке. Там их не побеспокоит пресса.

— Мать согласилась?

— Она ревностная католичка и охотно следует нашему руководству. Но, боюсь, ее муж не таков. Сомневаюсь, что он позволит нам долго держать там Алису.

— Он не католик?

Отец Хэган сумел улыбнуться:

— Определенно нет. Он атеист.

— Хм-м-м, жаль.

Делгард не понял, что скрывалось за последним замечанием епископа: жаль, что тот человек не верит в Бога, или что он не католик, и церкви будет не так легко им манипулировать? Делгард сам был не рад тому, что в его душе зародились подобные подозрения насчет мотивов епископа Кейнса, он знал амбиции этого человека. Что ж, даже священнослужители не лишены подобного недостатка.

— Мне, возможно, придется повидать девочку и ее мать,— сказал епископ, задумчиво потягивая бренди.— Если Алиса в самом деле получила благословение, то это может повлечь определенные последствия для Католической церкви в Англии.

— Прилив религиозного рвения? — напрямик спросил Делгард.

— Возвращение тысяч к истинной вере,— ответил епископ.

Отец Хэган быстро перевел взгляд с одного на другого.

— Вы хотите сказать, что церковь Святого Иосифа может превратиться в святилище?

— Вы, конечно, и сами понимаете? — проговорил епископ. — Если девочке действительно явилась Пресвятая Дева, то на место пришествия со всего мира потянутся паломники. Это будет чудесно.

— Да, чудесно, — согласился Делгард. — Но, как я уже говорил, существует длительная и крайне до-тошная процедура, которую нужно пройти, прежде чем делать какие-либо заявления.

— Мне это прекрасно известно, Питер. Первое, что я должен сделать, — созвать Конференцию епископов и изложить им всю имеющуюся у нас информацию. Я попрошу о присутствии апостольских делегатов*, чтобы дело незамедлительно дошло до внимания Папы и, возможно, было обсуждено на следующем заседании Синода в Риме.

— При всем уважении, епископ, я чувствую, что мы, слишком торопимся, — проговорил Хэган, крепко сжав в руке стакан. — У нас нет доказательств, что Алиса действительно видела Богоматерь или что исцеления были чудесными.

— Вот в этом и нужно убедиться, — быстро ответил епископ. — Нравится нам это или нет, слухи быстро распространятся. Страшно подумать, какую сенсацию раздует этот репортер, Фенн. Пять исцелений, Эндрю, *пять*. Даже шесть, если считать саму Алису Пэджетт. Разве вы не понимаете, какое волнение это вызовет не только среди католиков, но и в сердцах всех, кто верит в Божественную Силу? Будет ли нет церковь Святого Иосифа объявлена святы-

* Полномочный представитель Папы Римского.

ней, совершенно не важно — люди все равно тысячами начнут стекаться — из простого любопытства. Вот почему Католическая церковь должна с самого начала взять ситуацию под контроль.

Отец Хэган словно сжался, но епископ был неумолим.

— Существует множество прецедентов, — продолжал он, — самый знаменитый из которых — Лурд. Церковные власти никак не желали признать, что Бернадетта Субиру действительно видела Пресвятую Деву, и на окончательное суждение повлияло не только ошеломительное свидетельство чудесных исцелений и очевидное излечение Бернадетты: повлияло само общественное мнение. Церковь не могла не обращать внимания на ситуацию, так как люди — и не только местные жители — не позволили бы. Вы понимаете, сколько народу стекается каждый год в Эйлсфорд? А ведь нет никакого свидетельства, что Дева Мария в самом деле являлась туда. В действительности церковные власти и не предполагают ничего подобного. Но ежегодно туда со всего мира стекаются паломники. То же самое можно сказать про святилище в Уолсингеме. Если людям хочется верить во что-то, никакой эдикт церкви не убедит их в обратном.

— Вы хотите сказать, что мы должны признать Алисину историю? — спросил Хэган.

— Вовсе нет. Все дело тщательно рассмотрят, прежде чем будет вынесено какое-то официальное суждение. Я хочу лишь сказать, что мы должны действовать быстро, чтобы справиться со всем, что еще случится в церкви Святого Иосифа. Вы не согласны, Питер? — Епископ посмотрел на высокого священника, который потупил взор.

Медленно, взвешивая слова, Делгард проговорил:

— Я согласен, что ситуация будет развиваться сама собой. Мы уже испытали это, когда вчера в церкви собралась огромная толпа. Даже сегодня утром, в рабочий день, когда новость еще не попала в прессу, собралось много народу. В известном смысле даже лучше, что мы сейчас на некотором расстоянии от этих людей. И тем не менее я чувствую, что пока мы не должны их воодушевлять.

— Нет-нет, конечно не должны.

— Прежде всего мы должны поговорить с каждым, кто вчера очевидно исцелился. Нужно также обратиться к их личным врачам, чтобы получить разрешение ознакомиться с их историей болезни. Думаю, от самих пациентов мы легко получим разрешение, так что врачи не должны возражать. Я предлагаю немедленно создать медицинскую комиссию, независимую от Католической церкви, чтобы эта комиссия полностью исследовала истории болезни шестерых счастливиц — конечно, включая Алису. При огромном интересе, вызванном вчерашним зрелищем... — Он смущенно улыбнулся — Я не вижу с этим никаких трудностей. Действительно, я уверен, что специалисты не откажутся провести это исследование.

Епископ Кейнс кивнул, избегая смотреть прямо в пронзительные глаза монсеньера.

— К тому же, — продолжал Делгард, — если нам суждено повторить пример Лурда, я чувствую, мы должны обдумать организацию собственного медицинского комитета на святом месте.

Епископ Кейнс больше не смог сдерживать нетерпение.

— Да, это будет разумно. Столько чудес было впоследствии разоблачено, а все из-за того, что в нужное время не провели тщательных исследований.

— Мы должны четко понимать, епископ, что здесь кроется опасность для самой церкви. Все это может поставить нас в смешное положение, если происшедшему найдутся логичные и здравые причины. В настоящую минуту одно из величайших таинств Католической церкви вполне может быть объяснено наукой, и от этого может поколебаться вера миллионов.

— Вы имеете в виду плащаницу?

— Да, Туринскую плащаницу. Термографическое исследование, инфракрасная спектроскопия, радиография, исследование под электронным микроскопом, химический анализ — все эти средства применялись, чтобы доказать или опровергнуть, что образ на холстине, найденной в тысяча триста пятьдесят шестом году, принадлежит Иисусу Христу. Но пока эти исследования ни к чему не привели. Излишне говорить, что церковь вызывает подозрения, препятствуя дальнейшим крайне необходимым, по мнению ученых, исследованиям. Я имею в виду датировку по радиоуглероду.

— Но для этого потребовалось бы уничтожить значительную часть холстины,— возразил епископ Кейнс.— Мы никогда этого не допустим.

— С тех пор как последний раз просили разрешения, методы тестирования значительно усовершенствовались. Понадобилось бы не более двадцати пяти миллиграммов материи. И все же мы говорим «нет», и люди задумываются, чего же мы боимся.

— Тем более мы не должны отказываться от исследований по данному вопросу. Думаю, нам нечего бояться, хотя я совершенно согласен: нужно соблюдать крайнюю осторожность.

— Я... я думаю, мы совершаем трагическую ошибку.

Два священнослужителя обернулись к отцу Хэгану. Он подался вперед в своем кресле и крепко сцепил руки.

Епископа Кейнса беспокоило и смутило выражение его лица.

— Почему вы так говорите, Эндрю? Что вас так встревожило?

Священник потер рукой висок.

— Просто ощущение, епископ. Не знаю, почему оно возникло, но я чувствую, все это несправедливо. Вокруг церкви какая-то атмосфера...

— А вы ее чувствуете... эту атмосферу, Питер? — спросил епископ.

Делгард ответил не сразу.

— Нет, кажется, нет. По крайней мере, не так, как говорит отец Хэган. Вчера в воздухе было напряжение, почти осязаемое, но его создавала сама толпа. Я и раньше бывал свидетелем массовой истерии, но не могу с уверенностью сказать, что здесь было то же самое. Несомненно, ученые будут строить теории о массовом гипнозе, коллективной истерии и вполне могут оказаться правы. Но я знаю, что упал на колени в благоговении пред тем, что открылось моим глазам.

— Перед девочкой?

— Перед тем, что она представляла. Или казалось, что представляет.

— Так вы ощутили ее святость?

— Не уверен. Я просто не могу вспомнить свои ощущения, помню лишь непонятную слабость. И кажется, она охватила не только меня, но и всю толпу. Возможно, это явление мог бы объяснить психолог. Или парапсихолог.

— Я имел в виду атмосферу в церкви, — тихо проговорил отец Хэган. — Стало так холодно!

Епископ слегка усмехнулся.

— Зима, сами понимаете. В церкви и должно быть холодно.

— Нет, это не просто физический холод. И он собрался не только в самой церкви — он в прилегающих землях, у меня в доме.

— Когда мы виделись в последний раз, я ощутил в вас какое-то напряжение, — не без участия проговорил епископ Кейнс. — Это одна из причин, почему я попросил монсеньера Делгарда помочь вам — а также из-за его опыта в таких необычных делах. По правде говоря, ваше здоровье, кажется, сильно ухудшилось с нашей последней встречи. Вы уверены, что эти странные ощущения не связаны с вашим общим состоянием?

— Уверен. Признаю, в последнее время мое здоровье оставляет желать лучшего, но мне кажется, это как раз и может вызываться данными обстоятельствами.

— Не вижу, каким образом, разве что известность так повлияла на вас. В этом случае...

— Нет!

Епископ удивленно заморгал.

— Простите, епископ, — извинился священник. — Я не собирался повышать голос. Пожалуйста, извините меня. Но есть кое-что еще, чего я не могу понять.

— Нам это известно, святой отец, — сказал епископ Кейнс, сдерживая раздражение.

— Я имею в виду не только Алису Пэдджетт. Есть кое-что еще.

— Да-да, вы уже говорили об этом. Не могли бы вы объяснить поточнее, что имеете в виду?

Священник сторбился в кресле и закрыл глаза.

— Хотел бы я знать, — проговорил он через минуту.

— Тогда, я думаю, лучше всего...— Кейнса перебил легкий стук в дверь.— Да, Джудит? — сказал епископ.

Секретарша появилась в дверях.

— Звонят из Лондона, епископ. По-моему, из «Дейли мэйл». Говорят, они бы хотели услышать ваше заявление относительно вчерашних событий в церкви Святого Иосифа в Бенфилде.

— Ну, джентльмены,— проговорил епископ,— кажется, история приобрела общенациональную известность. Соедините меня, дорогая, а потом, когда я закончу, свяжитесь с его преосвященством.

Он взял трубку, и Делгард не понял, выражает его улыбка смирение или предвкушение. Когда епископ начал говорить, монсеньер заметил, что руки отца Хэгана вцепились в подлокотники. Так крепко, что под бледной кожей побелели костяшки.

ГЛАВА 16

— Боюсь, что не сумею вам все это объяснить,— устиво промолвила Алиса.— Я и сама ничего не понимаю. Столько превращений в один день хоть кого собьет с толку.

Льюис Кэрролл.

«Приключения Алисы в Стране чудес»*

Вторник, утро.

Саутворт улыбался, наливая себе шерри. Он наполнил стакан почти до краев, хотя нормой считал полстакана — утренняя доза, которую он позволял себе. Однако сегодня было что отпраздновать.

* Перевод Н. М. Демуровой.

Чрезвычайное собрание приходского совета накануне вечером было созвано из-за «Бенфилдских чудес», удивительных исцелений, случившихся в воскресенье в церкви Святого Иосифа. И не только исцелений: многие утверждали, что видели, как Алиса Пэджетт поднималась в воздух. Саутворт, тоже присутствовавший там, не был уверен в этом, потому что ему загораживали видимость, но после захватывающих дух исцелений он был готов поверить почти во все. Левитация девочки могла и померещиться, таков был накал чувств собравшейся толпы, но исцеление конкретных людей померещиться не могло. Даже теперь, увидев это собственными глазами, Саутворт не мог до конца поверить.

К счастью, о мошенничестве речи не шло. Пятеро исцелились от действительных недугов, это подтвердили их собственные доктора и записи в медицинских картах из врачебных заведений, где эти пятеро лечились. От недугов и немощей не осталось и следа во всех случаях, кроме двух: мужчина, страдавший катарактой, так и не обрел полной ясности зрения, хотя утром сообщалось, что его зрение и дальше улучшается; а мальчик с парализованными ногами так и не мог свободно ходить без посторонней помощи, но иначе и быть не могло, ведь ножные мышцы ослабли за годы бездействия — ожидалось, что его состояние улучшится, когда мышцы окрепнут.

Попивая сухое шерри, Саутворт просматривал лежащую перед ним на столе газету. История уже получила мировую известность. Бенфилд буквально кишел журналистами. Пресса, телевидение, журналы — все хотели что-либо узнать. Поселок наполнила суета, которой раньше никто и предвидеть не мог. Местные жители были ошеломлены, но мир узнал об их существовании! И они, местные жители, от-

кликнулись на внезапное внимание. Не просто откликнулись — они купались в нем. Конечно, попадались и такие, кому не нравилась известность, кто предпочитал уютное, затхлое уединение, но их было меньшинство. Всеобщее возбуждение в Бенфилде передалось и совету, на заседании в понедельник. Никогда еще Саутворт не видел своих товарищей такими деятельными! И с какой готовностью они выслушивали планы по расширению дел!

После вечерних радиопередач и утренних заголовков не оставалось сомнений, что церковь Святого Иосифа станет святыней, даже если католическая власть откажется провозгласить ее таковой. Одна только известность несомненно привлечет тысячи паломников, туристов и любителей острых ощущений (одного из членов совета, управляющего одним из двух Бенфилдских банков, так увлекла эта идея, что он уже считал миллионы, чем вызвал хохот у коллег по совету, хотя втайне они тоже не отвергали такого варианта). Саутворт предположил, что церковь будет вынуждена брать плату за посещение, и это могло бы даже придать пикантность ситуации. Чего еще может желать любая религия для увековечения веры, кроме современного чуда? Саутворт лично знал главу епархии, епископа Кейнса, и предложил устроить встречу с ним, чтобы обсудить недавние события. Он смог бы также затронуть вопрос, как им объединить силы, чтобы встретить наплыв людей, который, несомненно, должен случиться в данном районе.

Поговорив с епископом в то утро, Саутворт удивился его благожелательному согласию с предложениями приходского совета. Да, он вполне понимает, как необходимо сотрудничество совета с церковью в грядущие месяцы, и он попытается всемерно со-

действовать планам совета при условии, что они не повлекут за собой профанации и не будут иметь отношения к какой-либо деятельности, нарушающей достоинство собственно Католической церкви. Такое заявление, хотя и несколько напыщенное, более чем удовлетворило Саутворта, и он заверил епископа Кейнса, что совет не имеет ни малейших намерений наживаться на святом чуде. Епископ решительно предупредил его, что пока что о чуде говорить рано, и, возможно, церковь никогда не признает таковым случившееся. В самом деле, происшедшее требует длительного исследования, чтобы все могли убедиться в истинности видений Алисы Пэдджетт и последовавших исцелений с точки зрения религии. Его преосвященство кардинал-архиепископ выразил свою озабоченность и призывал к осторожности.

Епископ Кейнс по-прежнему был уверен, что встреча между членами совета, монсеньером Делгардом, которому епископ поручил надзирать за церковью Святого Иосифа, и отцом Хэганом может на этой ранней стадии принести плоды. Ему будут докладывать обо всем, а он, в свою очередь, доложит Конференции епископов.

Саутворту это показалось превосходной идеей. Фактически он организует два собрания: одно неформальное, только с двумя священнослужителями, где воздаст должное их позиции (и, возможно, пригласит туда этого репортера, Фенна), а второе большое, с привлечением остальных членов совета. Таким образом он сможет несколько сгладить впечатление, ибо некоторые коллеги в местном совете чересчур открыто излагают свои замыслы. Как и Родни Таккер, не являясь католиками, они склонны забыть, насколько впечатлительны люди религиозные. Большинство членов совета принадлежали семьям с древней исто-

рией, как и он сам, их корни восходили к основанию самого поселка где-то в четырнадцатом веке. Поселок тогда назывался Бейнфелд, и общину образовали беженцы, спасавшиеся от ужасов чумы — бича густонаселенных городов. Те первые поселенцы процветали на богатых сельскохозяйственных землях этого района и остались здесь, довольные, что можно не обращать внимания на изменяющееся лицо Англии. Ничего потрясающего мир в Бенфилде никогда не случалось — может быть, лишь несколько незначительных преступлений, не повлекших за собой серьезных последствий. Но теперь появилась возможность выйти из мрака, возник шанс спастись от забвения, в которое поселок медленно, но верно погружался. И члены совета понимали это — понимали даже старые твердолобые консерваторы, боящиеся выглянуть за порог своего дома. Эти древние фамилии в сочетании с бенфилдским бесславным, бедным на события прошлым увидели шанс не просто оживить разлагающийся труп, но влить в него жизнь куда более блестящую, чем он когда-либо знал, и таким образом стать творцами своей новой истории.

И всех манило процветание, которое мог принести этот драматический и потрясающий случай.

Саутворт снова улыбнулся. Было трудно не улыбнуться.

Среда, ранний вечер.

Натянув одеяло до подбородка, она глядела в потолок, дожидаясь, когда Родни вернется из ванной. Чистоплотность была одним из его достоинств. Он всегда мылся до и после. Его *душа* не отличалась чи-

стотой, но это не слишком беспокоило Полу: ее собственные мысли были столь же похотливы.

Она провела руками по животу с чувственным ощущением, словно ее плоти касался чужой палец. Пола, по-прежнему незамужняя, прекрасно знала прелести собственного тела. Она посмотрела на соски, проверяя, выпрямились ли они, желая предстать перед своим нанимателем в наиболее соблазнительном виде, и для верности пощипала их. В туалете зашумело, и Пола ощутила раздражение затянувшимся ритуалом. «Успокойся,— сказала она себе,— сегодня не стоит его сердить. Сегодня ночь развития отношений». Она и так доставила ему немало неприятностей в прошлые недели, а теперь нужно немного милости, немного нежности, немного уступчивости. Это хороший баланс — держать его в беспокойстве и заинтересованности.

Родни был в приподнятом настроении, дела шли хорошо. Поселок зашевелился, наконец-то за своими патриархальными ставнями проснулся для большого мира. Все пришло в движение, и Таккер тоже.

Пальцы Полы опустились ниже, скользнув по жестким черным волосам, как змеи по траве; средний палец нашел углубление. Она раздвинула ноги, зная, что Родни любит, когда она ожидает его увлажненной, и задержала дыхание от удовольствия. Было что-то низкое и в то же время привлекательное в занятиях любовью в этом мотеле, что-то от самоунижения, приходившего с самомучением, и Пола пристрастилась к тому и другому. Она бы предпочла ужин вдвоем при свечах, а потом ночь любви в плюшевых апартаментах, чтобы энергия и фантазия поддерживались ледяным ведром с «Дон Периньон» (она умела делать некоторые вещи с завернутым в

льняное полотенце льдом). Но это не получилось, получилась мотель и джин с тоником — хотя бы так.

Она услышала плеск воды в раковине и более усердно взялась за себя, слишком хорошо зная, что ее наниматель не самый выносливый из любовников. Не раз она пропускала его оргазм и теперь всегда начинала раньше. Еле слышно застонав, Пола закрыла глаза.

Таккер подглядывал за ней из-за приоткрытой двери, наслаждаясь зрелищем. Он любил, когда она делала это сама, оставляя ему самый лакомый кусочек. Это избавляло его от изрядной части предварительной работы.

Пола вызывала в нем замешательство, ее настроение словно изменялось день ото дня. И это тревожило: в самые плохие дни в ее действиях проглядывалась явная истерия. Крича на него, Пола словно не заботилась о том, что кто-то может услышать, и дважды намекнула, что в конечном итоге было бы лучше, если бы Марция узнала об их отношениях. Ей обрыдло обращение с ней как со шлюхой. А Таккер не понимал, как же еще, черт возьми, обращаться со шлюхой.

Но сегодня и вчера она была сама сладость и свет и искренне восторгалась его личной удачей (или предстоящей удачей). Может быть, она просто уловила царящую в поселке праздничную атмосферу. А может быть, хотела участвовать в его новых планах.

Только что вымытый член Таккера проявлял свое нетерпение, не умекаясь в трусах. Будучи не из тех, кто заставляет близкую подружку ждать, Таккер бросился к постели, где движения Полы становились все безумнее. Она открыла глаза и похотливо улыбнулась ему, не замедлив движения руки.

— Наслаждаешься сама по себе? — сказал Таккер, расстегнув рубашку и аккуратно складывая ее поверх висевших на спинке стула брюк. Жесткие волосы на его обвисшей груди торчали сквозь майку, как пружины из старого дивана.

— Просто жду тебя, дорогой,— ответила она и медленно стянула с себя одеяло.

Она позволила ему пощекотать свое голое тело взглядом, потом сбросила одеяло на пол.

— Сними майку, милый,— проговорила Пола, пока Таккер пристраивался к ней. Ей не нравилось, когда на груди и животе оставался отпечаток ткани.

Таккер сел в постели и попытался стянуть майку, шаря по вздувшемуся пузу в поисках ее края. «Боже,— подумала Пола,— ну и кит!»

Выключив бра со своей стороны кровати, но оставив гореть со стороны Пола, он залез под одеяло. Без всякого вступления холодная рука обхватила ее правую грудь, как металлическую клешню игрового автомата.

— погоди, Род,— умоляюще прошептала Пола,— спешить некуда.— Она извивалась под ним, чтобы он понял, что в ее словах нет упрека или отказа.— И потом...— Она хихикнула.— У меня есть для тебя одна штучка.

Таккер насторожился. Штучки Пола обычно стоили того, чтобы помедлить.

Ее рука шарилась по его груди, по животу, потом прошла по жирной спине. Нежные пальцы погладили наросшее сало и нырнули под резинку трусов, лаская ягодицы. Он благодарно погладил ее по шее.

Пола что-то прошептала, и он переспросил:

— Что?

— Я говорю: ты сегодня утром виделся с Саутвортом?

Ее зубы сжали его сосок.

Таккер что-то буркнул, и она приняла это за утвердительный ответ. Но, не услышав ничего больше, отпрянула и посмотрела ему в лицо.

— Ну и? — сказала она.

— Что «ну и»?

— Что случилось на сегодняшнем собрании? Что решили?

— К черту! Я не хочу говорить об этом сейчас.— Он вскрикнул, когда она пустила в ход свои длинные ногти.

— Ты знаешь, я интересуюсь твоими делами, Родни.

— Мои дела — это ты, дорогая.

Он снова вскрикнул.

— Ты знаешь, что я имею в виду,— сварливо проговорила она.— У тебя есть идеи, Род. Ты мог бы ворочать делами в этом городишке.

— Да, это так. Во всяком случае, я думаю, все устроилось.— Он перевернулся на спину, на время забыв о похоти, амбициозные планы отодвинули физическую потребность.

— Они открыли путь еще для одного магазина?

— Нет-нет, не все так скоро. Но теперь они слушают Саутворта, он заставил их оторвать задницу от стула. И все идет так, дорогая, что может привести не просто еще к одному магазину. Это может привести к настоящему большому супермаркету, больше того, что у меня уже есть.— Он хихикнул, и она присоединилась.

— Так что я, вероятно, понадобится тебе, чтобы управлять им, а ты будешь все организовывать,— проговорила она лукаво.

— Хм. Ну да... Думаю, что так. Впрочем, еще рано об этом говорить, куколка. Знаешь, все может случиться.

Ей не были видны его нахмуренные брови.

«Еще как может», — подумала Пола. Если с этим святилищем дело выгорит, городишко захлестнут туристы и можно будет делать большие деньги. Она достаточно хорошо знала Таккера и понимала, что он окажется среди первых в очереди к получению прибылей. И она собиралась оказаться рядом, с Марцией Таккер или без Марции Таккер.

При воспоминании о встрече с Саутвортом он не смог сдержать улыбку. Владелец гостиницы был не из тех, кто чересчур выказывает эмоции, но даже он не смог скрыть свой восторг. Планы развития будут предложены совету Хорсгэмского округа в ближайшие месяцы, с неосмотрительной быстротой, чего раньше никогда не позволялось. Расширение — быстрое расширение — необходимо. Поселок уже наводнили любопытствующие, и, даже если больше никакого «чуда» не произойдет, легенда уже родилась. Об этом позаботились мировые средства информации.

Он снова хихикнул. Содержатель мотеля знал, что Таккеру не понадобится номер на всю ночь, и только потому приберег для него комнату. Мотель был забит, почти все номера занимали журналисты, а остальные — туристы, и ему с Полой нужно убрать-ся до десяти, чтобы освободить помещение для съемочной группы из Голландии.

— Ты над чем смеешься? — спросила Пола, тоже хихикнув.

— Просто подумал о грядущей славе, моя прелесть. Бенфилд и не поймет, чего удостоился.

Было нехолодно, но Пола поежилась, словно от ледяного прикосновения. Она отмахнулась от необычного ощущения.

— Ты будешь слишком занят, чтобы нам видеться, Род? — Ее голос снова стал вкрадчивым, и рука теребила его трусы.

— С тобой, дорогая? Ни в коем случае. Для тебя я всегда найду время. — Он застонал, когда она сдернула с него трусы и приподняла его жирное гузно. Физическая потребность снова вернулась. — Эй, а где «одна штучка»?

Пола села, ее выпирающие груди сдвинулись от резкого движения. Когда она отвернулась от него и наклонилась к чему-то рядом с кроватью, Таккер не удержался, чтобы не уцепиться за ягодицы. Она чуть взвизгнула и дернулась. Таккер поцеловал ее в ягодицы, гадая, что же она достанет.

Пола достала завернутую в бумагу бутылку, и он тут же догадался, что там. Таккер не переставал улыбаться, пока Пола разворачивала мятный ликер.

— Ты снова прошлась по складу? — спросил он беззлобно.

— Я знаю, ты не возражаешь, если я таким образом помогаю себе, Родни. Когда это к твоей же выгоде.

Она открутила крышку и сделала большой глоток ликера, прополоскала им рот и горло. Она проглотила, потом выпила еще, и ее язык загорелся, ощутив холодную, жалящую жидкость. Она поставила бутылку на полочку у кровати, ее глаза соблазнительно прикрылись, и Таккер загорелся от предвкушения.

Член, короткий, но коренастый, уже дергался, но Таккер знал, что это совсем не то подергивание, которое он ощутит, когда член обхватят ее губы.

Он снова заулыбался, когда она склонила голову к его телу. В конечном итоге это был хороший дек.

Четверг, раннее утро.

Алиса в ночной рубашке стояла у окна. Солнечные лучи слепили ей глаза, хотя несли мало тепла. Монашеская постель за спиной была измята, как будто девочка металась во сне. Пока в монастыре не слышалось никаких звуков, так как солнце еще только взошло. Но скоро монахини соберутся в помещении часовни на молитву, и мать Алисы будет среди них благодарить Бога за честь, оказанную ей и ее дочери.

Лицо Алисы ничего не выражало.

В монастыре жили всего двенадцать монахинь, это был просто большой дом, купленный десять лет назад у театрального актера, уехавшего за границу, в более солнечный климат. Стены дома были выкрашены в кремовый цвет, а двери и рамы — в белый. Уединение монахинь оберегала высокая кирпичная стена с тяжелыми черными воротами. За ней располагался просторный двор, где монахини держали свой «Моррис-110» и микроавтобус. Микроавтобус использовался по будним дням, чтобы собирать местных ребятишек, посещавших католическую школу в четырех милях от поселка, в которой монахини преподавали.

Накрепко запертые высокие ворота и окружающая монастырь стена служили надежной защитой от орд репортеров, нахлынувших на Бенфилд в последнюю неделю: они вскоре узнали, что маленькая Алиса Пэдджетт содержится в монастыре ради ее же покоя.

Монастырь располагался на южной окраине поселка, рядом с крутым поворотом, где шоссе сворачивало к Брайтону и оттуда другая, меньшая, дорога шла прямо на Даунс. На повороте стоял гараж, и

монахини знали, что владелец сдает его съемочным группам и фоторепортерам, чтобы те могли заглянуть за монастырскую стену. Обитательницам монастыря не оставалось ничего другого, кроме как молиться, чтобы это навязчивое внимание не повредило Алисиной душе.

Спартанская комната Алисы выходила на двор перед монастырем. Кроме маленькой койки в комнате были только стул, соломенная циновка и умывальник в углу. На стене висело простое деревянное распятие. Ночью с Алисой спали две ее любимые куклы, но каждое утро мать находила их в дальнем углу комнаты.

Молли Пэджетт спала в соседней комнате, и большинство ночей после переезда в монастырь проводила, лежа без сна, бормоча молитвы и прислушиваясь к любому шуму в Алисиной комнате. С тех пор как произошло чудо, ее глаза были постоянно красными от недосыпания, а судя по лицу и осанке, она словно постарела на десять лет. Эта женщина всегда была преданна церкви, а теперь вера стала у нее наваждением.

Алиса как будто не ощущала холода, стоя у окна, и порхавшие во дворе птицы не вызывали у нее интереса.

Она ненавидела этот монастырь, ненавидела его холодность, недостаток уюта. Ей не нравилась унылая серость монахинь. Ее пугали врачи, осматривавшие ее, бравшие анализы и задававшие вопросы. И она устала от вопросов священников, монахинь... и всех прочих, кто разговаривал с ней.

Ей хотелось уйти отсюда.

Хотелось вернуться в церковь.

Хотелось увидеть дерево.

Ее внимание привлекло какое-то движение внизу. С высокой стены на пустую клумбу во дворе спрыгнула кошка. Птицы уже улетели, и она лениво проплась по сырому булыжнику. Остановилась. Взглянула вверх. Увидела наблюдающую за ней фигурку в белом.

Кошка села и стала смотреть вверх.

Впервые за эти дни Алиса улыбнулась. Ее рука бесознательно коснулась бока и потеряла маленький бугорок в шести дюймах ниже сердца. Врачи проявили огромный интерес к странной припухлости, и мать объяснила им, что крохотная опухоль была всегда и местный врач говорил, что она не должна вызывать беспокойства. Все согласились, что беспокоиться не о чем, и больше не настаивали на исследовании этой странности.

Но теперь бугорок чесался и увеличился, хотя и ненамного. Алиса потеряла его, глядя на кошку, и ее улыбка не походила на улыбку одиннадцатилетней девочки.

ГЛАВА 17

*Я страха ощутить не мог,
Мой дух впал в забытье.
Казалось, времени поток
Не трогает ее.*

Уильям Вордсворт

— Эй, Сью, открой!

Фенн прижал ухо к двери и прислушался. Он знал, что это должна быть она, потому что звонил из автомата на углу всего несколько минут назад и повесил трубку, как только она ответила. Дважды на этой неделе Сью вешала трубку при звуке его голоса, и дважды ее не было, когда он заходил к ней. Ему

не принесло удовлетворения тоже повесить трубку при звуке ее голоса и еще больше захотелось ее увидеть. Пора кончать с этим хождением вокруг да около. Если Сью в самом деле хочет положить конец их отношениям — что ж, прекрасно; но пусть скажет об этом ему в лицо.

Это была тяжелая и прекрасная неделя. «Курьер» продал его статью о Бенфилдском чуде в большинство национальных газет как в Британии, так и за рубежом, а журналы, периодические издания и телевизионные компании предлагали солидные суммы за последующие статьи и интервью. Всего за четыре дня он стал важной персоной в масс-медиа, и феномен Алисы Пэдджетт неизменно связывали с его именем, поскольку это он написал репортаж с места обоих чрезвычайных событий: первого видения Алисы Пэдджетт и происшедшего с ней чуда, а также был свидетелем пяти чудесных исцелений, случившихся в следующее воскресенье, — что привлекло внимание миллионов во всем мире. Фенн взлетел высоко и наслаждался этим.

Внутри слышалось движение.

— Это я, Сью.

Тишина.

— Открой, Сью, я хочу только поговорить.

Звякнула дверная цепочка, щелкнул замок. В шестидюймовом просвете показалась Сью.

— Нам не о чем говорить, Джерри.

— Да ну? Это твое обдуманное решение?

— Ты выпил?

— Конечно.

Казалось, она сейчас закроет дверь, и Фенн просунул в щель руку.

— Сью, давай просто немного поговорим. Обещаю, что через десять минут я уйду, если ты этого захочешь.

На мгновение она заколебалась, и он приподнял брови в молчаливом «пожалуйста!». Сью скрылась, и Фенн с облегчением открыл дверь. Вслед за Сью он прошел через маленькую прихожую в комнату. Как всегда, там было тщательно прибрано и свет от маленькой лампы отбрасывал уютные тени. Фенн увидел, что Сью в халате.

— Так рано ложишься? — спросил он. — Всего начало одиннадцатого.

— Уже поздно наносить визиты, — ответила она, садясь в кресло.

Фенн понял, что она намеренно избегает дивана. Он собрался пристроиться на подлокотнике, но Сью покачала головой и указала на диван напротив. Пришлось со вздохом подчиниться.

Несколько мгновений они молчали, потом Сью проговорила:

— Ты делаешь себе имя.

Фенн прокашлялся; он терпеть не мог неловких сцен.

— Мне посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте. Это мечта репортера.

— Рада, что ты пожал урожай.

— Мы уже обсуждали это, Сью. Это моя работа.

— Я говорю без всякого сарказма, Джерри. Я действительно рада за тебя. И мне понравилось, как ты описываешь подробности: только факты, без лакировки, без преувеличений. Не как в первой статье.

— В преувеличении не было нужды. Правда сама по себе достаточно эффектна. — Он наклонился, преодолевая желание встать перед ней на колени. —

Так в чем же дело, Сью? Почему ты не хочешь видеть меня, говорить со мной? Черт возьми, что я такого сделал?

Она смотрела на свои руки.

— Не знаю, в тебе тут дело или во мне самой. Я вновь обрела веру, Джерри, и у меня не хватает времени ни на что другое.

— Ты хочешь сказать, что католическая вера включает любовь к кому-либо?

— Конечно нет. Просто я думаю, что ты не тот, кто мне нужен.

— Ужасно. Извини меня за мою греховность, но мы, кажется, неплохо ладили, пока ты не взялась за эти церковные дела.

— Вот именно! Я переменялась. А ты — нет.

— А какого черта мне меняться? Я не какой-нибудь католик!

— Ты стал свидетелем одного из самых поразительных чудес, какие бывали на земле. Почему это ничего не значит для тебя?

— Откуда ты знаешь? Ты не видела меня целую неделю. Сегодня вторник. С воскресенья я мог подать заявку о моем обращении!

— Брось шутить, Джерри. Я читала твои статьи. И вижу, что ничего не изменилось.

— Ты сказала, что они тебе понравились.

— Да, и сказала, что в них излагались только факты. *Холодные факты* — репортаж постороннего наблюдателя.

— А ты чего ожидала?

— Я ожидала, что тебя тронет увиденное! Я ожидала, что это заденет твою душу!

Фенн удивленно вытаращил глаза и покачал головой.

— Не понимаю.

Ее голос смягчился.

— И дело не только в этом. Ты действительно не понимаешь?

Он промолчал.

— Все остальные присутствовавшие перенесли в тот день глубокое эмоциональное потрясение. Я знаю, я со многими говорила. Они верят, что видели чудесное деяние Бога, чудесные исцеления, что несомненно доказало его существование, и от этого их жизнь приобрела новый смысл. Но ты ничего не почувствовал. Ты не можешь отрицать происшедшее, но это никак на тебя не повлияло. Что в тебе не так, Джерри? Что делает тебя таким... бесчувственным?

— Не сказал бы, что ты права. В последние дни у меня не было возможности добраться до отца Хэгана — он избегает всяких контактов с прессой, — но и он выглядит не слишком счастливым.

— Разве ты не видишь, что бедняга ошеломлен всем этим? Шесть чудесных исцелений! Левитация девочки, видевшей Пресвятую Деву. В его приходе! Понимаешь ли ты хоть чуть-чуть все величие происшедшего? Отец Хэган все еще пребывает в шоке, а собственная сдержанность не позволяет ему выплескивать эмоции. Так что не сравнивай свою реакцию с его, потому что с твоей стороны вообще нет никакой реакции, не считая того, что ты ухватился за возможность сделать себе на этом имя.

— Это не совсем так.

— Знаю. И не упрекаю тебя. Я просто хочу, чтобы было что-то еще, хоть какой-то признак того, что твой цинизм если и не сокрушен, то хотя бы немного поколебался.

Она заплакала, закрыв лицо руками, и Фенн ощутил непонятный прилив вины.

Он подошел к Сью, опустился на колени, нежно взял ее за запястья и отвел ладони от лица. Она посмотрела на него, и в глазах ее виделось глубочайшее страдание.

— Ох, Джерри...— сказала Сью и, вся дрожа, оказалась в его объятиях, уткнулась лицом ему в грудь.

У него сжало горло, в груди застыла тяжесть. Что-то в женском плаче вызывало в нем холод, отчего все внутри немело,— и потому его обвиняли в бесчувствии. Это обвинение часто бывало справедливым, но только в отношении конкретной женщины и конкретной ситуации. Фенн научился отстраняться, чтобы защищать свои чувства от чужих посягательств, пропускать мимо себя оскорбления и отказы; возможно, они забывались, но следы их оставались неизгладимыми. А от Сью и такой защиты не было. Он обнял ее крепче, сам чуть не плача.

— Извини,— вот и все, что он мог сказать... или подумать.

— В этом нет твоей вины, Джерри,— тихо проговорила она.— Ты такой, и с этим ничего не поделаешь. Может быть, я не права, ожидая от тебя чего-то другого.

— Я люблю тебя, Сью.

— Я знаю, а хотелось бы, чтобы не любил.

— Это невозможно.

— А ты пытался?

— Все время. Но без толку. Меня зацепило.

Она легонько отстранилась.

— Джерри, я уже не уверена в своих чувствах к тебе.

Больно. Боже, как больно. Он снова прижал ее к себе.

— Это все из-за того происшествия. Все изменяется слишком быстро, и это сбивает с толку. Только не делай из меня Антихриста, а?

— Верно, я вижу тебя по-другому. О, я знаю твои недостатки...

— Недостатки? Мои?

— Я знала их и старалась не обращать внимания. А теперь мы, кажется, поссорились...

— Но не я с тобой, малышка.

— Тогда почему ты не чувствуешь того же, что я? Почему для тебя это только стартовая площадка твоей карьеры, способ заработать?

На этот раз отстранился Фенн.

— Позволь мне кое-что сказать,— проговорил он.— Да, я воспользовался этой фантастической историей, которая сама свалилась мне в руки. Любой репортер, не зря жующий свой хлеб, поступил бы на моем месте так же. Но есть и другие, кто пользуется Бенфилдскими чудесами в своих интересах. Знаешь, после того как Алисе явилось первое видение и я написал статью, со мной связался человек по фамилии Саутворт. Это член местного совета, владелец бенфилдской гостиницы «Корона» и, насколько я смог узнать, вообще крупный собственник в этой области. Он и некто по фамилии Таккер — еще один бенфилдский жирный кот — хотели нанять меня, чтобы раскрутить ситуацию серией статей, привлечь внимание к этому местечку и возбудить больше интереса, чем ситуация вызывала в тот момент. Конечно, их предложение было выражено более тонко, но в этом и заключалась его сила! Они хотели устроить праздник прямо тогда.— Он сел на пятки.— Тебе бы понравилось, как я их отшил.

— Это ничего не значит. Два человека, не совсем...

— Ты была в последнее время в поселке?

— Конечно. Я ходила в церковь Святого Иосифа...

— Нет, не в церкви. В самом поселке. Все торговцы только и говорят, что о деньгах, которые вот-вот на них польются. Многие собственники планируют получить разрешение преобразовать свои постройки в сувенирные лавки, чайные, рестораны, меблированные комнаты — во все, что поможет выкачать деньги из туристов, которые уже там пасутся.

— Теперь ты преувеличиваешь.

— Преувеличиваю? Да ты присмотришься поближе! Бенфилд охватило какое-то безумие, и легко понять почему. Впервые в истории поселок оказался в центре общественного внимания. Может быть, это оттого, что всех нас уже тошнит от сообщений о несчастьях, войнах и разврате, оттого, что, когда случается что-то хорошее, возрождающее веру в само добро, мы впадаем в раж. Все любят чудеса, потому что они выходят за рамки прогнившего, вонючего мира, в котором мы живем. Не забывай, что нынче век науки, где все находит объяснение. Религия — ничто, просто слащавые истории для масс, любовь — химические процессы в теле, искусство — сочетание условных рефлексов. А теперь мы получили что-то действительно необъяснимое. Сегодня, в наше время!

— Но ты говоришь, в деревне хотят только сделать на этом деньги.

— Да, хотят. Но это не значит, что они не верят в чудеса.

— Но не все могут думать таким образом.

— Выражать все в денежных знаках? Нет, конечно нет. Много таких, кому происшедшее нравится само по себе, кто ощущает гордость за то, что Бенфилд оказался избранным для встречи с Мадонной.

Сью пыталась уловить нотку сарказма в его голосе, но так и не услышала ее.

— Да, они счастливы, и они не просто в благоговеином трепете. Ошеломлены — и полны благодарности! Найдутся некоторые, кто не захочет иметь ничего общего со всем этим; может быть, кое-кто уедет, но их будет меньшинство. Остальные, я полагаю, будут купаться в славе.

— В этом нет ничего плохого.

Фенн покачал головой.

— Нет. Но подожди — и увидишь, как все начнут соревноваться, кто расскажет журналистам собственную историю. Что знали Алису Пэдджетт с детства, что раз в неделю она приходила к ним в лавку покупать сласти, что они доводятся ей троюродными братьями и внучатыми племянниками, как их неприятности моментально улетучивались, когда они проходили мимо церкви Святого Иосифа, как у них исчезала мигрень, когда Алиса им улыбалась. Ты думаешь, чековая книжка журнализма — это отточенная фраза, но подожди — и увидишь, как много личных рассказов о бенфилдских чудесах продадут газетам. И погоди, ты узнаешь, сколько у семейства Пэдджеттов окажется «близких» друзей, и все будет сдобрено интимными подробностями их частной жизни. Весь облик поселка изменится, Сью, как и его характер.

Она смотрела на него, впервые осознав коммерческий аспект загадочного события. Для человека, чья профессия — журнализм, она казалась удивительно наивной — или, возможно, духовно все слишком усложняла.

Фенну совершенно не хотелось и дальше развеивать ее иллюзии, но он продолжал, стремясь оправдать свои мотивы:

— Довольно скоро ты не сможешь подойти к церкви, чтобы тебя не забросали религиозным хламом. Всевозможные Мадонны... Мадонны с лампочкой внутри, куклы Синди-мадонны, четки, открытки, крестики, медальоны... Продолжи сама. Все будет на продажу.

— Церковь не допустит этого...

— Ха! Церковь примет участие.

— Неправда!

— Неужели ты думаешь, что Католическая церковь с ее постоянной убылью последователей и всеобщим разочарованием среди верующих позволит себе упустить такой случай? Молодые священники уходят, некоторые жеңются, женщины требуют позволения принять сан. Даже Ватикан критикует за накопление огромных богатств и нежелание потратить их на помощь голодающим, неимущим, за то, что он не проклял со всей суровостью насилие в Северной Ирландии. Над Ватиканом открыто глумятся за его устаревшие взгляды на контролирование рождаемости и множество других, словно оторванных от сегодняшней действительности. Черт возьми, чтобы выжить, Церкви нужны чудеса!

Сью передернуло, и Фенн сдержал свой гнев.

— Посмотри, когда в восемьдесят первом году в Папу Иоанна Павла стреляли — шесть выстрелов, уцели, старик наспигован пулями,— миллионы католиков вернулись к своей вере. Даже неверующие ощутили скорбь. Когда он выжил, когда он чудесным образом выздоровел, все — все, кто не безумен или просто не явно злобен,— обрели новое почтение к папству. Миру напомнили о неизбежном триумфе добра. А теперь Церковь получила нечто еще более грандиозное: шесть исцелений, все при сви-

детелях, да еще, возможно, левитация и явление Богоматери. Этим невозможно не воспользоваться.

— Отец Хэган не позволит, чтобы на этом спекулировали.

— Над отцом Хэганом есть начальство. Я плохо знаю епископа Кейнса, главу епархии, но по той информации, что мне удалось собрать, можно догадаться, что он не лишен честолюбия. О да, среди церковных иерархов есть такие люди, ты сама знаешь. Очевидно, он уже запросил санкцию на приобретение луга рядом с церковью, и фермер, владеющий им, готов его продать. Кажется, недавно фермера постигло несчастье.

— В самом деле, лужайку, где Алису посетило видение, имеет смысл сделать частью церковной земли.

— Да, явный смысл. Когда лужайка станет собственностью церкви, там можно будет разместить паломников, которые скоро наводнят поселок. Держу пари, когда дело разрастется как снежный ком, епископ предпримет и другие шаги. Он уже назначил на завтра пресс-конференцию.

— Учитывая общественный интерес, в этом нет ничего удивительного.

— Что ж, подождем — и увидим, как он ее проведет. Насколько будет опровергать, насколько уклоняться от утверждений, а насколько разжигать интерес. Это о многом скажет.

— Ты пойдешь туда?

— А что, мне следует ее пропустить?

Сью вздохнула и откинулась в кресле, тыльной стороной руки вытирая лицо. Фенн встал и склонился над ней, ощущая возле паха ее колени.

— Извини за обличительную речь, малышка, но мне хотелось, чтобы ты поняла: я не единственный пассажир в этом особом вагоне.

Она приложила руку к его щеке.

— Я по-прежнему тебе не верю, Джерри.

Фенн застонал.

— Возможно, чудеса изменили нас,— сказала Сью.— В некоторых они выявили худшее, в некоторых — лучшее.

— Возможно, одни доверчивее других.

Ее рука застыла на его щеке.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он пожал плечами.

— Возможно, некоторые захвачены феноменом, не имеющим под собой ничего таинственного.

— Опять теория о «могуществе человеческого разума»?

— Может быть. Кто может возразить?

— Твои десять минут истекли.

— Ты упрямо не хочешь выслушивать чужие аргументы. Неужели все случившееся вдруг превратило меня во врага, Сью, в дитя сатаны, которого тебе приходится выслушивать? Ради Бога, когда-то мы долго и разумно спорили. А с этим глубоким религиозным чувством, что тебя постигло, неужели ты больше меня не любишь?

Сью не ответила.

— Хорошо, давай пока забудем все другие возможности и поверим, что эти так называемые «чудеса» имеют религиозный контекст. Мне кажется, Иисус Христос нанял двенадцать неплохих парней для связи с общественностью, чтобы нести Слово, и четверо из них написали по мировому бестселлеру. Его биографию. Пожалуй, меня не назовешь совре-

менным последователем, но разве в Библии не сказано об использовании самых подходящих доступных инструментов? Может быть, я один из них.— Он приподнял брови.

Сью нахмурилась, но Фенн понял, что попал в точку. Чуть погодя Сью прижала его голову к себе, и он улыбнулся ей в грудь.

— Я запуталась, Джерри, и по-прежнему не могу разобраться. Но может быть, я просто прячу голову в песок? Может быть, наши верования больше нельзя оскорблять или подвергать анализу? — Она поцеловала его в волосы.— Твой цинизм может быть здоровым — кто знает? Он облегчает жизнь.

Фенн придержал язык, не желая все испортить неуместной репликой, и, подняв голову, чтобы заглянуть Сью в глаза, сказал лишь:

— Я прошу одного: не бросай меня. Ты можешь не одобрять мой подход к этому делу или мой взгляд на него, но можешь быть уверена в моей честности. Думаю, это достойно хотя бы уважения.— Он поцеловал ее в подбородок.— Ладно?

Она кивнула, потом поцеловала его в губы, и он остро почувствовал, что воздержание вызвало в ней неутолимый голод.

За задвинутыми шторами было темно.

Фенн лежал и несколько секунд не мог ничего понять. Где он, черт возьми? Потом с облегчением сообразил. Он улыбнулся в темноте, вспомнив любовные ласки. Боже, Сью чуть не напугала его своей неистовостью. Ее физическая потребность в нем словно удивила ее саму. Впрочем, он не жаловался, хотя и был в полном изнеможении. Рядом на кровати послышался шорох.

Встревожило ли его ее беспокойство? Он придвинулся к ней, коснулся ее спины, и его встревожил жар. Фенн придвинулся ближе и, проведя рукой вдоль всего ее тела, ощутил липкую влагу. Сью дернулась, и ее голова повернулась на подушке.

— Сью? — прошептал Фенн.

Она что-то пробормотала, но не проснулась. Ее руки и ноги тряслись.

Он легонько потряс ее за плечо, стараясь пробудить от кошмара, но не желая пугать.

Сью повернулась к нему, по-прежнему во сне, ее дыхание было частым и неглубоким.

— Это не... — пробормотала она.

— Сью, проснись!

Фенн ощущал ее лицо, шею, грудь. Они были мокрые.

Он быстро перегнулся через нее и включил настольную лампу. Сью отвернулась от света, все еще что-то бормоча. Слова были еле слышны, но Фенн все же смог кое-что разобрать:

— Это не... она... не... она...

— Сью, проснись! — Он потряс ее сильнее, и вдруг ее глаза широко раскрылись. И уставились на него.

Ужас в них испугал Фенна.

Вдруг их словно заволокло, и Сью несколько раз моргнула. Она узнала его.

— Что случилось, Джерри?

Он с облегчением вздохнул.

— Ничего, малышка. Просто тебе приснилось что-то страшное.

Фенн выключил свет и снова улегся, обняв ее. Сью почти сразу уснула.

Но он еще некоторое время не спал.

ГЛАВА 18

— *Это черт подсказал тебе! Черт подсказал тебе!* — закричал маленький человек и в гневе так топнул правой ногой, что по пояс вошел в землю. Потом с пеной у рта ухватился обеими руками за левую ногу и разорвал себя пополам.

Братья Гримм. «Гном-Тихогром»

«Дейли мейл». Есть ли у Ватикана официальное заявление относительно Бенфилдского чуда?

Епископ Кейнс. На данной стадии мы можем сделать лишь одно официальное заявление: Римско-католическая церковь признает, что на территории церкви Святого Иосифа произошел ряд явлений, которые лучше описывать как «необычайные исцеления»...

«Дейли мейл». Извините, что перебиваю вас, епископ, но вы только что сказали про территорию церкви Святого Иосифа. Но ведь это произошло на прилегающей к церкви лужайке?

Епископ Кейнс. Совершенно верно, но в такой близости, что это можно рассматривать как территорию церкви. Наверное, следует проинформировать вас, что уже достигнута договоренность о приобретении этого участка церковью и в ближайшие день-два будут подписаны все необходимые документы. Однако вернемся к вашему первоначальному вопросу. Шесть необычайных исцелений — пока что следует с осторожностью называть их исцелениями, — случившихся на территории церкви Святого Иосифа, будут скрупулезно исследованы специальным образованным медицинским бюро, и результаты

его работы будут переданы Международному медицинскому комитету. Никаких объявлений, заявлений, утверждений не будет, пока Международный комитет удовлетворительным образом не проанализирует все аспекты этих шести отдельных случаев.

«Рейтер». Будет ли Международный комитет, о котором вы упомянули, тем же самым, что исследовал исцеления в Лурде?

Епископ Кейнс. Да.

«Католик геральд». Но комитет может лишь рекомендовать считать эти исцеления чудесными.

Епископ Кейнс. Совершенно верно. Как глава епархии, в которой произошли эти исцеления, принять окончательное решение, считать или нет их чудесными, могу только я.

«Таймс». У вас уже есть мнение?

Епископ Кейнс. Нет.

«Таймс». Совсем никакого? Даже после разговора с Алисой Пэдджетт и другими тесно вовлеченными в это,— например, с вашим собственным приходским священником?

Епископ Кейнс. Меня заинтриговали эти события, если не сказать большего, но на данной стадии я не могу выносить никаких суждений.

«Вашингтон пост». Скажите, епископ Кейнс, что представляет собой чудо в глазах Церкви?

Епископ Кейнс. Исцеление, необъяснимое с точки зрения современной медицинской науки.

«Дейли экспресс». Когда будет организовано медицинское бюро?

Епископ Кейнс. Оно уже организуется.

«Дейли экспресс». И как оно будет работать?

Епископ Кейнс. Ну, в него войдут не менее двенадцати специалистов...

«Журналь де Женева». Все — католики?

Епископ Кейнс. Нет, конечно же нет.

«Дейли экспресс». Но будет ли этот орган независимым?

Епископ Кейнс. Совершенно независимым, хотя директор бюро и несколько членов будут назначены Церковью. Остальные будут подобраны из заинтересованных медицинских и научно-исследовательских организаций. Будут исследованы медицинские карты всех исцеленных и проведены консультации с их лечащими врачами и больницами, где они проходили лечение. Сами исцеленные, естественно, подвергнутся всестороннему медицинскому обследованию, и будет составлено досье. Все материалы в конечном итоге поступят в Международный комитет, который вынесет окончательную рекомендацию.

Ассошиэйтед Пресс. И что послужит критерием? Я хочу сказать, для признания чуда.

Епископ Кейнс. Возможно, на этот вопрос захочет ответить монсеньер Делгард?

Монсеньер Делгард. Думаю, следует со всей ясностью заявить: медицинское бюро и Международный комитет коснутся лишь одного: объяснимы или нет эти исцеления. А не являются ли они чудом.

Ассошиэйтед Пресс. А в этом есть какая-либо разница?

Монсеньер Делгард. Епископ Кейнс уже сказал, что исцеление может быть необъяснимо с точки зрения современной медицинской науки. Комитет решит этот аспект, а не то, имели ли исцеления религиозный или мистический оттенок. То, что для медицины необъяснимо сегодня, может совершенно логично объясниться через несколько лет. А епископ и его советники должны исследовать духовные аспекты исцелений и решить, послужило ли их причиной божественное вмешательство.

Бюро и Международный комитет должны ограничиться конкретными вопросами.

Было ли исцеление внезапным, неожиданным, и действительно ли привело к выздоровлению?

Было ли исцеление полным?

Длительно ли оно? Это означает, леди и джентльмены, что, прежде чем выздоровление может быть подтверждено, должно пройти определенное время — скажем, три-четыре года.

Насколько серьезным было заболевание?

Не вызвано ли оно особым недугом? Например, немоть, вызванная умственным расстройством, отвергнет все предположения о чудесном исцелении.

Было ли заболевание объективно установлено тестами — рентгеновскими лучами или биопсией?

Причастно ли к исцелению каким-либо образом, хотя бы частично, предыдущее лечение?

Таковы критерии, которыми будут руководствоваться медицинское бюро и Международный комитет. Есть и другие, более специальные, но, думаю, те, что я перечислил, дали вам общее представление.

«*Психик ньюс*». Не могли бы вы сказать, монсеньер Делгард, каково ваше участие во всем этом?

Епископ Кейнс. Пожалуй, на этот вопрос отвечу я. Первое исцеление — когда Алиса Пэдджетт фактически вновь обрела способность слышать и говорить после нескольких лет глухоты и немоты — вызвало в обществе огромный интерес. И я почувствовал, что отцу Хэгану, чтобы совладать с толпой, которая неизбежно соберется в церкви Святого Иосифа, понадобится поддержка и руководство.

«*Психик ньюс*». Но в прошлом вы уже сталкивались с определенными случаями необычных явлений, монсеньер Делгард?

Монсеньер Делгард. Да, это так.

«*Психик ньюс*». Вы бы могли назвать их аномальными?

Монсеньер Делгард. (Пауза.) Полагаю, их можно так назвать.

«*Психик ньюс*». Изгоняли ли вы на практике нечистую силу?

Монсеньер Делгард. Да.

«*Психик ньюс*». Заподозрили ли вы и подозреваете ли сейчас, что в Алису Пэдджетт вселилась нечистая сила?

(Смех.)

Монсеньер Делгард. То есть дьявол?

(Смех.)

«*Психик ньюс*». Или злые духи.

Монсеньер Делгард. Я бы сказал, что это маловероятно. Девочка казалась мне вполне уравновешенной.

«*Психик ньюс*». Тогда почему же...

Епископ Кейнс. Я уже объяснил, почему временно послал монсеньера Делгарда в церковь Святого Иосифа. Можно сказать, не погрешив против истины, что на протяжении многих лет монсеньер Делгард исследовал для Церкви многие странные инциденты и изучал психические феномены, и роль его сводилась к тому, чтобы подвергать все сомнению.

(Смех.)

Видите ли, Католической церкви часто приходится подвергать необычные инциденты исследованию силами замешанных в них прихожан и священнослужителей. Понимаете, мы живем в особом мире, где человеческая логика не всегда применима к определенным событиям. Монсеньер Делгард рассматривает оба аспекта таких происшествий — естественный и неестественный, — и обычно ему удается обеспечить верный баланс. В церкви Святого Иосифа мы столкнулись, несомненно, с неестественными обстоятельствами, так что имело смысл попросить помощи и совета у кого-то, кто может оказать серьезное содействие в том, что касается общественных интересов. А факт, что монсеньер Делгард занимался изгнанием нечистой силы, не имеет к данному случаю никакого отношения. Еще вопросы?

«Дейли телеграф». Ходит слух, что заболевание Алисы Пэдджетт могло быть психосоматическим. Это правда?

Епископ Кейнс. Это решат бюро и медицинские авторитеты. Но, конечно, сомнительно, чтобы все остальные пять заболеваний имели психосоматический характер.

«Монд». Какова точка зрения Католической церкви на исцеление верой?

Епископ Кейнс. Иисус Христос был величайшим исцелителем верой всех времен.

(Смех.)

«Газетт» (Кент). У меня вопрос к отцу Хэгану. Несколько лет назад вы были священником-ассистентом близ Мейдстона.

Отец Хэган. (Пауза.) Да, в местечке под названием Холлингбурн.

«Газетт» (Кент). Вы пробыли там недолго, не так ли, святой отец?

Отец Хэган. Кажется, около шести месяцев.

«Газетт» (Кент). И покинули его довольно внезапно. Могу я спросить, по какой причине?

Отец Хэган. (Пауза.) Как помощник священника я перешел туда, где во мне больше всего нуждались. Часто нужда бывает весьма настоятельной, и переход из одного прихода в другой может быть внезапным.

«Газетт» (Кент). Значит, не было никакой другой причины для вашего отъезда из Холлингбурна, кроме той, что вы понадобились где-то в другом месте?

Отец Хэган. Насколько я помню, приходский священник церкви Святого Марка в Льюисе заболел и ему очень понадобился помощник.

«Газетт» (Кент). И не было никаких других причин?

Епископ Кейнс. Отец Хэган ответил на ваш вопрос. Можно перейти к следующему?

«Дейли телеграф». Может ли все это дело с чудесами оказаться мистификацией?

Епископ Кейнс. Очень искусной, вам не кажется? И с какой целью?

«*Дейли телеграф*». Разве Бенфилд не рассчитывает получить большие доходы от туризма?

Епископ Кейнс. Да, это возможно. Поселок уже оказался в центре мирового внимания, и я полагаю, любопытствующие заполняют церковь Святого Иосифа еще до того, как станут известны результаты расследования. Но если вы не считаете, что все эти дети и один взрослый — лжецы или великолепные актеры...

(Смех.)

...то не думаю, что ваше предположение имеет какую-то ценность. И, конечно, тогда в розыгрыше должны принять участие родители детей и лечащие врачи.

«*Ль'Адидж*». Алиса Пэджетт утверждает, что видела образ Мадонны. Не могли бы вы прокомментировать это?

Епископ Кейнс. Пока что нет.

«*Нью-Йорк таймс*». Кто-либо еще видел что-нибудь? Отец Хэган, вы присутствовали при двух случаях, когда девочка якобы видела Деву Марию. А сами вы ничего не видели?

Отец Хэган. Я... нет... Нет, не могу утверждать, что видел.

«*Нью-Йорк таймс*». Но вы ощутили, что происходит что-то странное?

Отец Хэган. Да, определенно в атмосфере что-то было, какая-то сильная напряженность, но я не могу это объяснить.

«Обзервер». Конечно же, это было как-то связано с настроением толпы, не правда ли?

Отец Хэган. Да, полагаю, что так.

«Обзервер». Простите, святой отец, я вас не понимал.

Отец Хэган. Я сказал, что, полагаю, так оно и было. В последнем случае — определенно. Несколько других присутствовавших детей словно впали в транс, как и Алиса, но когда я позже расспрашивал их, они ничего не помнили.

«Дейли миррор». Какие шаги предпринимает Церковь, чтобы ситуацией никто не воспользовался?

Епископ Кейнс. Не воспользовался?

«Дейли миррор». В корыстных целях.

Епископ Кейнс. Мне кажется, мы коснулись этого в предыдущих вопросах. Церковь мало что может сделать, чтобы не позволить местным торговцам и бизнесменам, скажем так, извлечь максимальную выгоду из создавшейся ситуации. Но это вряд ли относится к нашей компетенции, и мы можем только выразить надежду на проявление должной сдержанности и деликатности.

«Морнинг стар». Но не воспользуется ли ситуацией сама Католическая церковь?

Епископ Кейнс. С какой же стати?

«Морнинг стар». Для собственной рекламы.

Епископ Кейнс. Не думаю, что Бог нуждается в рекламе.

(Смех.)

«Стандард». Но реклама не повредила бы Церкви.

Епископ Кейнс. Напротив, такая реклама оказалась бы губительной. Многие верующие могут утратить свои иллюзии, если то, что они увидели в церкви Святого Иосифа и сочли истинным чудом, медицинские авторитеты впоследствии признают чем-то совсем иным. Это одна из причин, почему Католическая церковь крайне осторожна в подобного рода делах.

Ассошиэйтед Пресс. До такой степени, что доказать чудо церкви труднее, чем мирянам?

Епископ Кейнс. Да, в большинстве случаев так оно и есть. Фактически медицинское бюро в Лурде признало почти все лурдские исцеления не имеющими отношения к чудесному. Кажется, с тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года официально признано только шестьдесят чудесных исцелений.

«Обзервер». Многие утверждают, что видели в прошлое воскресенье, как Алиса парила в воздухе. Хотелось бы спросить у отца Хэгана и монсеньера Делгарда: действительно ли это имело место?

Монсеньер Делгард. Не могу сказать с уверенностью. Я был не так близко от Алисы, как некоторые другие. Если быть абсолютно честным, я не совсем четко помню.

«Обзервер». А вы, отец Хэган?

(Молчание.)

Монсеньер Делгард. Отец Хэган и я стояли вместе, так что видели одно и то же. Я не...

Отец Хэган. Мне кажется, Алиса действительно парила в воздухе.

(Беспорядочные вопросы.)

«Эко де ла Бурс». Вы действительно засвидетельствовали это?

Отец Хэган. Я лишь говорю, что мне кажется, будто это действительно было. Трава в поле высокая — возможно, Алиса просто привстала на цыпочки. Я не могу сказать точно.

«Обзервер». Но другие свидетели говорят, что ее ноги в самом деле оторвались от земли.

Отец Хэган. Возможно. Впрочем, я не уверен.

«Стандард». Если будет доказано, что исцеления были чудесными и Алиса Пэджетт действительно видела... м-м-м... Деву Марию, будет ли девочка признана святой?

Епископ Кейнс. Как вы докажете, что она видела? И прежде чем канонизировать человека, должно пройти какое-то время после его смерти.

(Смех.)

«Брайтон ивнинг курьер». Почему Алису прячут?

Епископ Кейнс. Ах, это мистер Фенн, не так ли? Ну, Алису Пэджетт не «прячут», как вы выразились. Судя по огромному числу журналистов, окруживших монастырь Богоматери Сионской в Бенфилде, я бы определенно не сказал, что ее местопребывание является для кого-то тайной.

Алиса отдыхает. Она испытала необычные переживания, как сами можете представить, и полностью истощена психически и эмоционально. Ей нужны тишина и покой — ее личный доктор очень тверд в этом предписании. И, конечно, она пребывает там с полного согласия ее родителей. Алиса — хрупкий ребенок и до недавнего времени считалась инвалидом. Она требует очень осторожного обращения.

«Брайтон ивнинг курьер». Она подверглась медицинскому обследованию?

Епископ Кейнс. Да, и очень доскональному.

«Брайтон ивнинг курьер». И допросу со стороны церковных иерархов?

Епископ Кейнс. Допрос — слишком сильное слово. Очевидно, ей задавали вопросы, но; уверяю вас, никакого давления не оказывалось. Думаю, единственную опасность для нее в данный момент представляет избыток ласки.

(Смех.)

«Брайтон ивнинг курьер». Как долго Алису продержат в монастыре?

Епископ Кейнс. Она не под арестом, мистер Фенн. Она совершенно свободна и вольна покинуть монастырь, когда этого захотят ее родители и ее доктор сочтет, что это в ее собственных интересах.

«Католик гералд». У Алисы были еще какие-нибудь видения с прошлого воскресенья?

Епископ Кейнс. Она ничего не говорила о каких-либо новых видениях.

«Дейли мейл». Она будет на мессе в это воскресенье? Я имею в виду церковь Святого Иосифа.

Монсеньер Делгард. (Пауза.) Алиса выразила такое желание. Однако мы должны обдумать возможные последствия такого шага. Нас несколько тревожит, что из-за всей этой шумихи, вызванной имевшими место... м-м-м... инцидентами, церковь Святого Иосифа будет переполнена любопытствующими и, очевидно, журналистами. Как только что сказал епис-

коп Кейнс, Алиса — хрупкий ребенок, и длительное возбуждение может оказаться для нее чрезмерным. Ее нужно оградить от этого.

«Интернешнл гералд трибьюн». Но рано или поздно ей придется встретиться с общественностью.

Епископ Кейнс. Это верно, но я думаю, что на данном этапе занимающаяся ею группа медиков, ее личный врач и Церковь предпочли бы, чтобы это случилось попозже. Однако в отношении ближайшего воскресенья еще ничего не решено.

«Брайтон ивнинг курьер». Но Алиса хочет пойти на мессу в это воскресенье?

Епископ Кейнс. В данный момент Алиса сама не понимает, чего хочет. Думаю, это вполне понятно.

«Брайтон ивнинг курьер». Но она хочет пойти.

Епископ Кейнс. Как сказал монсеньер, она выразила такое желание.

«Брайтон ивнинг курьер». Значит, это вполне вероятно?

Епископ Кейнс. Полагаю, я уже ответил на этот вопрос.

(Беспорядочные вопросы.)

Епископ Кейнс. Боюсь, нам пора заканчивать эту пресс-конференцию, джентльмены. Спасибо за ваши вопросы. Надеюсь, мы смогли кое-что прояснить. У нас плотное расписание, и теперь пора дать интервью для радио и телевидения. Спасибо, что уделили нам время, леди и джентльмены.

(Пресс-конференция закончилась.)

УИЛКС

*Узнала б матушка об этой доле,
Ее бы сердце лопнуло от боли.*

Братья Гримм. «Пастушка гусей»

Он не мог заснуть.

Голова гудела, простыни на узкой койке казались грязными и заскорузлыми. Ему не хотелось ни есть, ни пить, и он определенно не устал. Это по своей собственной воле он почти весь день провалялся в постели. Надо бы сходить в центр трудоустройства — да что толку? Снова предложат такую же вонючую работу: убирать посуду, как в прошлый раз, или копать ямы на дорогах, или стоять у машины на фабрике. Или, хуже того, общественные работы! Так их растак! Придется завтра опять клянчить у старухи. Боже, как не хочется туда возвращаться! «Посмотри на себя! Почему ты не подстрижешься? Так ты никогда не найдешь приличной работы! И посмотри, как ты одет! Когда ты последний раз гладил эту рубашку? И разве нельзя хотя бы почистить ботинки!»

И хуже всего: «Когда ты в последний раз ходил в церковь? Что бы сказал твой бедный отец, будь он жив?»

Дерьмо! Если бы не голод, он бы не вернулся!

Уилкс повернулся на койке. Складка на куртке терла кожу. Он посмотрел в темноту за окном. Боже, хоть бы какую-нибудь морковку заманить! Это бы его согрело. Впрочем, они знать ничего не хотят. Если у тебя нет денег, ты им неинтересен. Если ты никто, значит, ты и есть паршивый никто! Он снова повернулся и кулаком злобно ткнул в комья подушки. Он уже однажды привел сюда парня, но в этом не оказалось ничего хорошего. Само дрочение было еще ничего, но от поцелуев хотелось блевать.

Он усталился в потолок и натянул на голый живот одеяло. Ты вяпался, и эти ублюдки не дадут тебе выкарабкаться. Будешь ходить и ходить в дерьме крут за крутом, пока не придется жрать его, чтобы не утонуть. А потом нахлебаешься и все равно подохнешь!

Но ведь *они*-то выкарабкались! Эти трое глотнули дерьма и плюнули им прямо в морды смотрящих. Да, *они* нашли способ, и больше ничего не потребовалось.

Он улыбнулся в темноту. Да, они нашли способ.

Уилкс откинул одеяло и в носках прошлепал к шкафу, затем привстал на цыпочки и нащупал наверху маленький ящичек. Сняв его, он достал ключик из кармана куртки, висевшей на единственном стуле.

Забравшись обратно в постель, он вставил ключ, откинул крышку, достал из ящика маленький черный предмет и, улыбаясь в темноте, прижал его к щеке. Потом поставил ящик на пол и укрылся одеялом.

Лежа в темноте, Уилкс засунул предмет под одеяло, так что холодный металл оказался между бедер. Потом вздохнул и ощутил, как весь твердеет.

ГЛАВА 19

— *Здесь Дьявол — не проси других имен.*

— *Но наш Господь... — Молчи! Да, это он.*

Сэмюэль Тейлор Кольридж. «О Господе»

Фенн зевнул и посмотрел на часы. 7.45. Боже, значит, вот как выглядит рассвет.

По встречной полосе приближалась машина, и он устало махнул водителю рукой, словно они были

членами одного клуба для избранных. Тот посмотрел на него как на сумасшедшего. Фенн что-то немелодично напевал себе под нос, и только полное отсутствие слуха помогало ему самому выносить этот звук.

Он взглянул на Саут-Даунс слева, там сгустились тучи, их мягкие шерстяные днища скребли по вершинам холмов. Начинался еще один холодный, облачный день, из тех, что гасят величайший оптимизм, заглушают самый кипучий энтузиазм. Из тех дней, когда хочется оставаться в постели, пока добротный ночной мрак не сменит эти унылые сумерки.

Дома по сторонам дороги стояли редко, далеко один от другого, в большинстве своем они были большие, и их оттораживали друг от друга высокие ограды или стены, оберегая от назойливого внимания. Обычно дорога бывала забита, поскольку являлась главной магистралью от побережья к более крупным суссекским городам. Она прорезала поселки, как проволока сыр, но холодным, сырым воскресным утром — да еще в такую рань — чаще попадались на глаза птицы и кролики, чем автомобилисты.

Фенн прекратил пение, увидев впереди окраины Бенфилда, и остатки усталости улетучились, словно их высосало из головы пылесосом. Репортер улыбнулся, готовый насладиться обретенной особой привилегией и забыть только что покинутую теплую постель. Жаль, что в этой постели не было обнаженного тела Сью (хотя тогда вылезать было бы еще тяжелее), но они уже не были столь пылкими любовниками, как когда-то. Когда они спали вместе всего три ночи назад, Фенну представилось, что их отношения вернутся в то же состояние, но наутро он с разочарованием обнаружил, что ее новая отчужденность лишь слегка поколебалась. Хотя и не такая холодная, как раньше, и определенно не такая высо-

комерная, Сью ясно дала понять, что ей нужно побольше времени, чтобы все обдумать. Она любила его, в этом не оставалось сомнений, но еще не разобралась в самой себе, и любовные ласки не помогали ей в этом. Ладно, тебе решать, Сью. Ты знаешь мой номер.

Фенн был рассержен и расстроен переменной в ее настроении; особенно когда он был в гуще событий, когда не должен был ни на что отвлекаться. Он ругал себя за то, что не мог выбросить Сью из головы. Боже, он чуть ли не купил билет на Флит-стрит, а она держится так, будто он подделал банковский чек! Приглашение в это воскресное утро служило мерилom того, как возрос его престиж всего за несколько коротких недель. Привилегию разделили с ним лишь пять других журналистов, его коллег, выбранных из элиты мира журналистики. Может быть, он немного преувеличивал свою значимость, но его нынешняя позиция была неплоха.

Въехав в зону ограничения скорости, Фенн чуть отпустил акселератор. Дорога резко свернула вправо и влилась в другую, поменьше; слиянию помогал (или мешал) плавный, еле заметный подъем. Монастырь Богоматери Сионской был почти напротив, чуть левее, и Фенн, убедившись, что поблизости никого нет, затормозил. С этого места ему были видны верхние окна большого здания, выкрашенного в кремовый цвет, и на одно мгновение репортеру показалось, что оттуда на него смотрит бледное личико. Оно тут же исчезло, и Фенн не был уверен, не померещилось ли это ему.

У ворот маячил одинокий полисмен, на обочине поодаль стояла его патрульная машина. В стороне отсыревшим и жалким видом собралась группа репортеров. Они подозрительно смотрели на малолит-

ражку Фенна, когда он разворачивался на дороге. Фенн зарулил во дворик у стоявшего рядом гаража и заглушил мотор. Гараж был закрыт, и репортер догадался, что, по случаю воскресенья, он и не откроется. Выйдя из машины, Фенн направился обратно к монастырю.

Журналисты и операторы с опухшими лицами, ссутулившись, притопывая ногами по тротуару, приготовились принять его в свою среду: новичок хотя бы нарушил монотонность их зябкого бдения.

— Доброе утро, писаки,— сказал Фенн с улыбкой, приблизившись к ним, и подмигнул. Не обращая внимания на ответное бормотание, он прошел к воротам. Полисмен поднял руку.

— Я Фенн, из «Брайтон курьер».

Человек в униформе достал из кармана листок бумаги и сверился со списком.

— Все в порядке, проходите.

Полисмен открыл одну створку ворот ровно настолько, чтобы Фенн мог проскользнуть внутрь. Тот хмыкнул, услышав негодующие крики остальных репортеров.

На другой стороне двора за тремя широкими ступенями виднелась распахнутая дверь, за которой зияла неприветливая чернота. Фенн пересек двор и перескочил через две нижние ступени. Когда он вошел в темный вестибюль, из тени показалась фигура в капюшоне.

— Мистер?..— спросила монахиня.

— Джерри Фенн,— ответил он. Его сердце забилося чаще — то ли от прыжка через ступеньки, то ли от внезапного появления монахини.— «Брайтон ивнинг курьер».

— Ах да. Мистер Фенн. Позвольте ваше пальто. Фенн скинул пальто и протянул монахине.

— Денег в карманах нет,— сказал он.

Женщина удивленно взглянула на него, но улыбка тут же вернулась на ее лицо.

— Если изволите пройти, то увидите, что уже почти все собрались.

Она указала на дверь в конце вестибюля.

Фенн поблагодарил и пошел через зал, стуча каблуками по голым половицам. Помещение за дверью оказалось большим, и в солнечный день здесь было бы светло и просторно, но теперь природная яркость казалась тусклой. Комнату заполняли негромко разговаривающие люди.

— Мистер Фенн, рад, что вы приехали.

Он обернулся и увидел направляющегося к нему Джорджа Саутворта.

— Рад, что меня пригласили,— ответил Фенн.

— Остальные ваши коллеги уже здесь.

— Вот как?

— Небольшая группа известных журналистов. Вы шестой.

Фенну было приятно оказаться причисленным к элите.

— Ассошиэйтед Пресс, «Вашингтон пост», «Таймс» — и прочие в этом роде. Уверен, вы всех их знаете.

— Да, конечно.— Фенн покачал головой.— Я в замешательстве, мистер Саутворт. Почему я?

Саутворт обезоруживающе улыбнулся и потрепал Фенна по руке.

— Не надо так скромничать, мистер Фенн. Вы освещаете эту историю с самого начала. Более того, это вы привлекли к ней внимание всего мира. Мы не могли вас не пригласить.

— Пожалуй.

— Никак не могли. Не хотите ли чаю?

— Спасибо, нет.

— Уверен, вы поймете наше нежелание позволить юной Алисе присутствовать на мессе в церкви Святого Иосифа в это...

— Ваше нежелание?

— Ну, если честно, то нежелание епископа Кейнса. И, конечно, врачей: они считают, что вся эта кутерьма может ей повредить. Фоторепортеры, телевидение, толпа желающих оказаться рядом с ней, дотронуться до нее — все такое.

Фенн кивнул.

— И вы решили устроить службу приватно, без шума.

— Совершенно верно.

— Многие будут разочарованы.

— Несомненно. Честно сказать, будь моя воля, я бы позволил Алисе пойти сегодня в церковь, раз она так хочет. Но ее здоровье должно быть превыше всего.

— Она хотела пойти в церковь Святого Иосифа?

— Конечно.— Саутворт понизил голос.— Я слышал, она очень расстроилась, когда мать-настоятельница запретила. И все же, уверен, это для ее блага.

— Значит, вы просто пригласили сюда определенных членов... м-м-м...— Фенн осмотрел комнату.— Общества и средств массовой информации.

— Да. В действительности это моя идея. И епископ согласился. Видите ли, мы понимаем: публика должна знать, что происходит. Это ее право. А таким образом все увидят, что об Алисе должным образом заботятся.

— И узнают, что Католическая церковь не держит ее взаперти и не подвергает современным видам инквизиции.

Саутворт усмехнулся.

— Очень остроумно с вашей стороны, мистер Фенн. Фактически это и был мой аргумент для церковных служителей. А посредством немногих избранных представителей народных масс и, так сказать, сливок мировых средств массовой информации общественный интерес будет удовлетворен без ненужного, но неизбежного столпотворения.

И с максимумом рекламы, догадался Фенн. Казалось, что Саутворту (и Фенн не сомневался в причастности других местных бизнесменов) приходилось балансировать на натянутом канате между извлечением прибыли (а также сопутствующим риском навлечь порицание за это) и гарантией, что Алиса Пэдджетт будет укрыта от чужих глаз (а также гарантией, что все увидят их усилия в этом направлении). Он, Фенн, был тут необходим не как блестящий журналист, а как первооткрыватель всей этой истории, его репортажи следовали непосредственно за событиями, выгодно отличаясь от всех остальных. К тому же он был «местным» и поэтому, возможно, лучше улавливал здешние настроения. Ладно, не ерепенься, Фенн. Дело имеет смысл. И сегодня оно требует тебя.

— Сейчас я представляю вас некоторым людям,— говорил Саутворт.— Ваши коллеги уже познакомились с ними, но, уверен, они захотят поговорить с вами, как с человеком, который был «на месте происшествия». Месса начнется в половине девятого, так что у вас...— Он посмотрел на часы.— Около получаса для интервью.

— Я смогу поговорить с Алисой?

— Мы планируем короткую встречу после мессы. Боюсь, что всего двадцать минут, и только если Алиса почувствует себя готовой к этому. Уверен, она согласится.— Он придвинулся к Фенну и заговорщиц-

ки прошептал: — Я бы хотел пригласить вас завтра вечером на ужин. Думаю, вам было бы очень интересно поприисутствовать там.

Фенн приподнял брови.

— Я не забыл нашу небольшую беседу, когда все это только начиналось, мистер Фенн. Кстати, вас зовут Джерри, верно? Не возражаете, если я буду звать вас по имени? Это не так официально. Кажется, тогда вы говорили, что история, вероятно, скоро заглотнет.

Фенн криво улыбнулся.

— Кое-кто так же говорил о Ленноне и Маккартни.

— Думаю, ваше мнение было вполне справедливо. Но вы помните мое предложение? Да, видимо, у вас тогда возникли подозрения насчет моих мотивов. Но теперь вы видите, что рекламная машина сама по себе пришла в движение и не требуется никакого вмешательства с моей стороны или со стороны местного совета. Тем не менее может понадобиться некоторое управление изнутри, и, мне кажется, вы могли бы оказаться тут полезны.

— Не понимаю.

— Прочитав все ваши статьи в «Курьере», мы сочли, что вам можно доверять, и предлагаем вам написать полную историю Бенфилдских чудес.

— В моей газете?

— В любой, в какой захотите. Или в книге. Мы допустим вас на все заседания совета и ко всем другим решениям, дискуссиям и планам, касающимся этого дела.

У Фенна разгорелись глаза. Все это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. *Официальный хроникер Бенфилдских чудес!* Любой газетный редактор запрыгает, добиваясь прав на публикацию, а

любой издатель за право издать книгу отдаст свою правую руку (или правую руку менеджера по маркетингу). Здесь должна быть своя ложка дегтя.

— Почему мне? — спросил Фенн.

— Кажется, вы уже задавали этот вопрос. Или схожий. Ответ прост: потому что вы были там с самого начала. Касательно этого дела в вас больше внутреннего понимания, чем в ком-либо еще, не считая священников. Но даже они — отец Хэган и монсеньер Делгард — не были там с самого начала.

— И они согласятся?

— Я уже поставил этот вопрос перед епископом Кейнсом. Он заинтересовался, но с опаской.

— Вот как?

— Он прагматик и понимает, что история принадлежит почти исключительно вам. Однако он не совсем уверен в том, что, как говаривали в старину, «ваши намерения благородны».

— Не совсем?

— Простите?

— Ладно, не важно.

— И по этой причине я приглашаю вас завтра на ужин.

— Там будет епископ Кейнс?

— Да, вместе с отцом Хэганом и монсеньером Делгардом. Сначала мы обсудим обустройство места поклонения в церкви Святого Иосифа и участие в этом Бенфилда. Епископ Кейнс настаивает на необходимости полного взаимодействия между местным советом и Церковью.

— Они реагируют довольно быстро для духовенства, не правда ли? Я думал, пройдут годы, прежде чем Церковь официально позволит учредить святыню.

— В обычных обстоятельствах так бы оно и было. Но, к счастью или к несчастью, как ни следи за этим, паломники уже хлынули туда, и их ничем не остановишь. Епископ хочет быть готовым. Официально нельзя объявить церковь Святого Иосифа святым местом, но это не мешает людям считать ее таковым.

— А те два священника знают, что я приглашен?

— Да. Епископ Кейнс-сам сказал им.

— И они согласились?

— Неохотно. Наверное, епископ не оставил им выбора. Надеюсь, после всего этого вы заинтересовались?

— А как вы думаете? Когда и где?

— В моей гостинице в половине девятого.

— Я приду.

— Прекрасно. А теперь позвольте мне представить вас кое-кому.

Следующие двадцать минут Фенн провел, разговаривая с разнообразными «гостями»; среди них оказались местный депутат парламента от партии Тори, который сам не был католиком, но проявлял глубокий интерес ко всем религиям, несколько духовных лиц, чьи титулы Фенн тут же забыл, некоторые видные члены местного общества, мать-настоятельница монастыря и, самый интересный из всех, апостольский делегат в Великобритании и Гибралтаре. Насколько Фенн понял, он являлся официальным «посредником» между Католической церковью в Британии и Ватиканом. Скромный человек с тихим голосом, он, казалось, был искренне рад познакомиться с Фенном и тихонько отвел его в сторону, чтобы расспросить о репортажах, которые тот уже написал, а также о том, что он видел своими глазами. Вскоре репортер почувствовал, что его самого интер-

вьюируют, но ему нравились прямые вопросы священнослужителя и то внимание, с каким он выслушивал ответы.

Когда Фенн ощутил, что аудиенция закончилась, он осознал, что сам не задавал вопросов. Его удивил акцент священника, и одна из облаченных в серое монахинь, предлагавшая гостям чай и кофе, объяснила эту странность: преподобный Пьер Мельсак родом из Бельгии. Фенн взял предложенный сестрой кофе и пожалел, что не отказался от имбирного печенья, которое сопротивлялось любым попыткам откусить кусочек. Он оставил печенье на блюде, поморщившись от того, что заныли зубы, и стал потягивать тепловатый кофе, когда за спиной раздался хриплый голос:

— Привет.

Фенн обернулся и увидел темноволосую женщину, улыбнувшуюся ему. По крайней мере, улыбались ее губы — глаза были слишком сосредоточенны для легкомысленного веселья.

— Шелбек, «Вашингтон пост», — представилась она.

— Да, кто-то уже показывал мне вас. Как Вудвард?

— Редфорд был лучше. Вы Джерри Фенн, не так ли?

Он кивнул.

— Мне понравилась ваша статья. Может быть, мы встретимся позже?

— Это было бы неплохо. С какой целью?

— Сравним заметки? — Ее голос звучал с явным нью-йоркским акцентом.

— Отличная идея.

— Тем более что вы можете извлечь из этого выгоду.

— В каком смысле?

— В финансовом — каком же еще? — Улыбка наконец коснулась ее глаз.

— Хорошо..

Раздвижные двери, заменявшие одну стену, отъехали в сторону, и гул беседы затих. За ними открылась другая комната с белыми стенами и низким потолком. Фенн догадался, что когда-то здесь был двойной гараж, примыкавший к зданию, которое сестры из монастыря Богоматери Сионской преобразовали в маленькую молельню. Алтарь был прост: всего лишь покрытый белой скатертью четырехугольный стол, на котором стояло распятие. Рядом располагались скамеечки — в достаточном количестве, чтобы на них уместились жившие в монастыре монахини.

— Собогазоволите занять места,— обратился епископ Кейнс к группе избранных.— Сейчас начнется месса. Боюсь, не всем хватит места сесть, хотя наши добрые сестры вызвались стоять всю службу, так что прошу журналистов-мужчин встать в глубине.

Люди начали передвигаться в соседнее помещение, и Шелбек подмигнула Фенну.

— Поговорим после представления,— прошептала она.— Кстати, меня зовут Нэнси.

Он смотрел, как она протолкалась в молельню, направляясь к первым рядам. Ей можно было за просто дать как тридцать, так и сорок лет, но Фенн догадался, что, видимо, она все же ближе к последнему: где-нибудь тридцать шесть или тридцать семь. На Нэнси был скромный серый твидовый костюм — из тех, которым коренные нью-йоркцы умудряются придать деловой и в то же время привлекательный вид. Фигура у нее была стройной, и ноги при взгляде сзади (а это настоящая проверка ногам) удов-

летворили бы любого критика. При первой оценке американка казалась шершавой, колючей и хитрой — из той породы женщин, что способны устрашить пугливых представителей мужской породы (то есть большинство из них). Нэнси Шелбек могла вызывать интерес.

— М-м-м, нельзя ли освободить первый ряд для меня, матери-настоятельницы, Алисы, а также мистера и миссис Пэджетт? — сияя улыбкой, проговорил епископ Кейнс. — Монсеньер Мельсак, вы не присоединитесь к нам?

Маленький бельгиец так и сделал, и епископ снова обратил внимание на остальных собравшихся.

— Алиса сейчас будет здесь. После недолгой службы девочка первой подойдет к причастию. Можно попросить наших друзей из средств информации воздержаться от вопросов к девочке, когда она войдет? Обещаю, у вас будет возможность задать ей вопросы сразу после мессы. Конечно, всего двадцать минут, но вы должны помнить: девочка испытывает большое напряжение. — Он попытался обезоруживающе улыбнуться. — Вряд ли нужно говорить, что не позволяют никакие съемки, и прошу господ журналистов это понять. Так что если кто-то из вас прячет на себе фотоаппарат, то прошу так его и держать — не вытаскивать и не пользоваться.

Последнее его замечание было встречено тихими смешками, лишь двое из журналистов смущенно заулыбались.

Вскоре все устроились, и Фенн оказался сбоку в задних рядах. Он стоял выше остальных, поскольку из главного зала в молельню вели вниз три ступеньки. Ему подумалось, что будет неплохо прислониться к раздвижной двери, если служба окажется не

такой короткой, как обещал епископ. В воздухе чувствовалось ожидание — такое же возбуждение, что присутствовало в предыдущее воскресенье в церкви Святого Иосифа. Монахини, склонив головы и перебирая четки, преклонили колени у стены. Казалось, политики и некоторые другие важные персоны испытали неловкость, не зная порядка церемонии и боясь совершить какую-нибудь бестактность. Фенн поймал взгляд Нэнси Шелбек, когда она повернула голову, чтобы осмотреть и, несомненно, описать окружающих. Шепот стих, и все застыли в неловкой тишине.

Фенн обернулся к открывшейся у него за спиной двери. Неуклюже вошел какой-то мужчина, и репортер тут же узнал в нем Лена Пэджетта, отца Алисы. На нем был плохо сидящий, выдавший лучшие времена костюм, и недавняя химчистка придавала ему недолговременную нарядность. Лен Пэджетт, озираясь, прошел в молельню, и Фенн заметил в его глазах обиду и негодование. Репортер отодвинулся от двери, ища маленькую фигурку Алисы. Она появилась из темноты зала — нервное, напоминающее пугливого зверька создание. Лицо казалось бледным, широко раскрытые глаза бегали. На ней было светло-голубое платье, а белокурые волосы стягивал белый ободок. Отец что-то буркнул, и девочка пошла быстрее. Ее взгляд тут же устремился к широким окнам веранды, выходящим на монастырский садик, и Фенну она показалась молодым зверьком в клетке, тоскующим по воле, стремящимся вырваться из удушающей ласки плена.

Следом вышла Молли Пэджетт и с неопределенной улыбкой на лице повела Алису к алтарю. Последней появилась какая-то монахиня; она обернулась

закрыть за собой дверь и встала на пороге — как чайной.

Все головы повернулись к Алисе, которая подходила к ступенькам. Девочка на мгновение задержалась, обозревая открывшееся зрелище. Она казалась моложе своих одиннадцати лет, но в ее нежном лице произошла какая-то перемена, отчего Алиса уже не выглядела ребенком. Фенн не мог уловить, в чем заключалась эта перемена. Может быть, что-то в глазах...

Девочка повернулась к нему, словно почувствовав, что он наблюдает за ней. На короткое мгновение репортеру почему-то стало холодно. Потом это прошло — и он вновь смотрел в лицо маленького, робкого ребенка. Впрочем, какое-то неясное чувство осталось, но Фенн не мог понять, какое именно.

Алиса спустилась в помещение для богослужений, и епископ Кейнс поманил ее вперед. Она преклонила колени перед алтарем, после чего исчезла из виду, сев вместе с родителями на переднюю скамью.

Дверь за спиной Фенна снова открылась; когда повернулась ручка, монахиня, стоявшая перед входом, отступила в сторону. Вошел отец Хэган в ярком одеянии для мессы. За ним следовал монсеньер Делгард, как обычно, в черном. Первый священник пересек помещение, держа в руках укрытый кубок и опустив глаза. Монсеньер Делгард, проходя мимо Фенна, кивнул.

Оба прошли к алтарю и встали позади него, лицом к собравшимся. Фенн заключил, что Делгард в отсутствие ассистента будет прислуживать отцу Хэгану. И снова выражение лица последнего встревожило репортера: Хэган выглядел донельзя изможденным и нездоровым. Он поставил кубок на алтарь, и

даже с того места, где Фенн стоял, была заметна неуверенность в его движениях. Священник, наклонившись над алтарем, не отрывал глаз от кого-то сидящего перед ним. Фенн знал, что отец Хэган смотрит в лицо Алисы Пэджетт.

Несколько секунд Хэган не двигался, потом словно вспомнил, где находится, и служба началась.

К тому времени Фенн уже стал привыкать к мессам и с облегчением понял, что эта будет короткой. Но как ни коротка она была, он вскоре начал озираться по сторонам, совершенно не тронутый самой службой. Дневной свет этого утра, серый и унылый, лился в молельню через широкое окно в крыше, проделанное, вероятно, при перестройке гаража. Стены из грубого кирпича были покрашены глянцевой белой краской, а пол покрывали узорчатые плитки. В молельне не было окон, и только массивная дверь вела в монастырский двор. Собравшиеся, направляемые монахинями и присутствующими служителями церкви, отвечали на обращения священника, а Фенн старался отслеживать процедуру по книжке молитв, оставленной ему монахиней, которая разносила кофе. Несколько раз он сбивался и в конце концов оставил свои попытки. Было трудно понять, чем этот еженедельный ритуал привлекал таких, как Сю, которая была уравновешенной, чувственной и волевой женщиной, к тому же довольно остроумной и совсем не глупой. Что же могло зацепить ее во всем этом?

Что-то привлекло его взгляд. Внезапное движение наверху. Фенн посмотрел на стеклянную крышу и улыбнулся. По наклонному запотевшему стеклу пробиралась кошка. Она остановилась, и силуэт головы стал больше: кошка старалась заглянуть через

мутное стекло. Она поставила передние лапы на плоскость и помотала головой. На какое-то время ее тело словно застыло, потом она спустилась по наклонному стеклу и села, так что в поле зрения осталась лишь ее верхняя часть.

Фенн и другие репортеры вместе с остальными опустились на колени и замерли в напряженном внимании, а когда сидящие встали, все вместе для приличия присоединились к хору. Как понял Фенн, это делалось не из почтения к службе, а ради хорошеньких монахинь, которые могли обидеться, если присутствующие не придерживались установленного ритуала. Раздался звон колокольчика, и все склонили головы. Фенн, ощущая неудобство от стояния на коленях, понял, что пришло время для причащения, и приподнялся, уверенный, что в данный торжественный момент никто этого не заметит. Тишина в помещении смущала. В церкви гулкое эхо, шум движений в толпе, голоса детей и покашливание нарушали истинную тишину, но в маленькой молельне ничто не заглушало даже урчания в желудке.

Отец Хэган встал перед алтарем, держа в руках кубок и другие атрибуты причастия. Глаза его были почти закрыты.

Фенн видел, как епископ Кейнс нагнулся и что-то прошептал Алисе. На мгновение она замерла, и ему пришлось шепнуть снова. Девочка встала, ее белокурые волосы отсвечивали золотом, а белый ободок представлялся бабочкой в пшенице. Алиса казалась хрупкой, совсем маленькой, и Фенн ощутил волнение за нее. Она столько пережила, бедняжка, и он удивился, как она сумела сохранить такое спокойствие.

Девочка, по-прежнему не двигаясь, смотрела на священника.

Мать тронула дочь за руку, но Алиса не обратила на нее внимания. В конце концов встала мать-настоятельница и подвела девочку к отцу Хэгану. Священник посмотрел сверху вниз на маленькую фигурку, и его глаза расширились. Рука его, протягивающая облатку, заметно дрожала.

Фенн нахмурился, заметив, как напряжен священник. «Боже,— подумал репортер,— да он же боится! Что так могло его напугать?».

Алисины голова чуть отклонилась назад, и девочка открыла рот. Священник поколебался, потом словно решил на что-то и положил облатку Алисе на язык.

Ее голова склонилась, и на мгновение оба, девочка и священник, замерли.

Потом по ее маленькому тельцу прошла дрожь. Алиса упала на колени и издала натужный звук. Рвота хлынула на пол. На туфли священника. На его белые одежды.

ГЛАВА 20

*Она серебряный достала жезл,
Три раза в воздухе взмахнула им,
Пробормотала что-то, и без сил
Я наземь пал и замер, недвижим.*

«Элисон Гросс»
(неизвестный автор)

— Святой отец, вы почти не притронулись к супу. В нем чего-то не хватает?

Священник вздрогнул и посмотрел на Саутворта.

— Я? Гм... нет, конечно нет. Просто я не очень проголодался.

Саутворт с очевидным облегчением вздохнул.

Епископ Кейнс добродушно рассмеялся:

— Клянусь, вы таете прямо на глазах, Эндрю. Давайте, давайте, поешьте, нужно есть, если хотите одолеть грядущие месяцы.

Отец Хэган снова взял ложку и опустил ее в грибной суп, его движения были медленны, рассеянны. Епископ Кейнс и монсеньер Делгард обменялись беспокойными взглядами.

— Вы все еще нездоровы? — тихо спросил Делгард.

Другие за столом с интересом смотрели на священника. Его здоровье в последние недели резко ухудшалось, но перемена в последнюю ночь была особенно явственна.

Отец Хэган поднес ложку к губам.

— Наверное, просто холодно, — проговорил он неубедительно.

— Может быть, отвезти вас домой?

— Нет. Наша сегодняшняя дискуссия очень важна.

Епископ Кейнс вытер салфеткой губы.

— Не настолько, чтобы не позволить вам лечь в теплую постель. Думаю, так вам было бы лучше, Эндрю.

— Я лучше останусь.

— Что ж, ладно. Но я настаиваю, чтобы завтра же вы непременно обратились к доктору.

— В этом нет нужды...

— Непременно, — повторил епископ.

Отец Хэган кивнул и положил ложку. Он откинулся на спинку, ощущая странную удаленность от остальных. Порой казалось, что он смотрит в телескоп с другой стороны. Даже голоса, казалось, доносились откуда-то издалека.

Он взглянул на репортера, сидящего на другой стороне круглого стола, между владельцем гостиницы и епископом Кейнсом, и снова спросил себя: зачем они связались с этим человеком? Фенн не был католиком и с виду не проявлял ни малейшего сочувствия к религии. Ради объективности, сказал епископ Кейнс. Им нужен кто-то вроде этого Фенна, агностик, чтобы объективно написать о Бенфилдских чудесах, кто-то без предубеждений, вызывающий вследствие этого больше доверия. В конце концов, он опишет чистые факты — вот и все, больше ничего не нужно, поскольку сами факты могут убедить и, возможно, обратить в веру.

Прислушается ли к нему этот молодой репортер? Захочет ли услышать? И что он, Хэган, может сказать ему? Чего он испугался? Испугался ребенка? Испугался... чего? Ничего. Бояться было нечего. Совершенно нечего...

— ..Алиса чувствует себя хорошо,— говорил епископ Кейнс.— Боюсь, все эти вчерашние волнения оказались для нее чрезмерными. Ее личный врач провел всеобъемлющий осмотр и заверил, что беспокоиться не о чем. У нее слегка поднялась температура, и все. Что ей сейчас нужно — это несколько дней тишины и покоя.

— Рад это слышать,— сказал Саутворт.— Вчера она заставила нас всех поволноваться. Хорошо еще, что все это не произошло в церкви Святого Иосифа, на виду у всех. С вашей стороны было мудро, если можно так выразиться, епископ,— поместить девочку в монастырь.

— Да, мне кажется, при всей потребности людей увидеть Алису, в первую очередь следует учитывать ее собственные интересы.

— Означает ли это, что вы вообще не позволите ей бывать в церкви? — спросил Фенн.

— О нет. Нет. Было бы совершенно неправильно не пускать девочку в ее любимую церковь Святого Иосифа. Она знает эту церковь всю свою недолгую жизнь, мистер Фенн, это для нее второй дом. Фактически можно сказать, что она родилась там.

— Вы хотите сказать, что она там крестилась?..

— Думаю, было бы разумно совсем не пускать Алису в церковь Святого Иосифа.

Неожиданная фраза удивила всех сидящих за столом. Епископ Кейнс с явным неудовольствием уставился на приходского священника.

— Вы понимаете, Эндрю, что теперь это невозможно. Мать-настоятельница говорила мне, что видела, как девочка плачет из-за того, что так долго не была в церкви. Мы не можем долго держать ее взаперти.— Он быстро взглянул на Фенна.— Не то чтобы взаперти, вы понимаете. Алиса свободно может уйти отсюда, как только этого пожелают ее родители.

— Но сама она хочет уйти,— заметил Фенн.

— Конечно, девочке невесело жить в монастыре, мистер Фенн. Естественно, ей хочется видаться со своими друзьями, играть с ними, продолжать обычные детские занятия. И все это она получит, скоро.

— Не позволяйте ей возвращаться в церковь. Пока.

— Эндрю, мне непонятна ваша позиция в этом вопросе.— Спокойное дружелюбие покинуло епископа, хотя слова его звучали по-прежнему тихо.— Что именно беспокоит вас в девочке?

Фенн подался вперед и положил локти на стол, чтобы лучше расслышать ответ священника.

Отец Хэган неуверенно обвел глазами сидящих за столом.

— Я... сам не совсем понимаю. Просто... не надо...

— Расскажите, святой отец,— проговорил епископ Кейнс.— Думаю, настало время поделиться с нами вашим нежеланием принять эти довольно-таки удивительные события. Пусть вас не беспокоит присутствие мистера Фенна — у нас нет секретов от прессы. Если у вас есть какие-то сомнения, огласите их, чтобы мы могли это обсудить.

Открылась дверь, и бесшумно появился старший официант. Он быстро осмотрел стол и кивнул кому-то за дверью. Тут же вошла женщина, чтобы убрать пустые тарелки.

— О, прошу прощения, святой отец,— сказала она, когда уже собралась взять его тарелку.

— Ничего, все в порядке, я закончил.

Тарелку убрали. Никто не продолжал разговора, пока официантка не вышла и старший официант не закрыл дверь, тем самым отрезав зал от шума из ресторана и бара внизу. Саутворт счел разумным устроить ужин в отдельном банкетном зале на втором этаже, подальше от посетителей, из которых на этой неделе большинство составляли журналисты.

— Так в чем дело, Эндрю? — продолжил разговор епископ.

— Это трудно объяснить,— тихо сказал священник.

— Простите?

— Трудно выразить мои ощущения словами.

— Попробуйте.— Просьба прозвучала мягко.

— Что-то... что-то здесь не так. Не могу сказать, что именно, но ощущается, будто что-то неправильно. Церковь... Святого Иосифа... кажется какой-то... пустой.

— Пустой? Не понимаю.

— Кажется, я понял, что имеет в виду отец Хэган,— вмешался монсеньер Делгард. Все взгляды обратились к нему.— Меня тоже в последние дни беспокоила атмосфера в церкви.

— Тогда, может быть, вы просветите нас,— проговорил епископ Кейнс.

— Мне кажется, что церковь духовно пуста.

— Вы меня удивляете, монсеньер,— холодно сказал епископ.— Это замечание может быть воспринято как кощунство. Храм Божий не может быть духовно пуст — это невозможно. Такое заявление противоречит всем нашим верованиям.

— Церковь — это всего лишь здание из камня, епископ,— спокойно ответил монсеньер.

Лицо епископа Кейнса покраснело, и Фенн скрыл улыбку за бокалом вина.

— Может быть, лучше ограничить нашу сегодняшнюю дискуссию более... м-м-м... «материальными» аспектами сложившейся ситуации? — вмешался Саутворт.— Вы не согласны, Джерри?

— Пожалуй, нет. Я...

— Да, вы абсолютно правы,— ответил епископ Кейнс, не желая устраивать теологические дебаты перед репортером, который легко мог все истолковать по-своему.— Об этом мы можем поговорить в дальнейшем.— Он многозначительно посмотрел на двоих священнослужителей.

— Как хотите,— сухо согласился Делгард.

Отец Хэган открыл было рот, намереваясь сказать что-то еще, но, увидев строгое выражение на лице епископа, передумал.

Это разочаровало Фенна.

Саутворт не давал передышки.

— Один вопрос, который, я уверен, представители средств информации хотели бы задать, епископ: каково состояние здоровья Алисы в настоящий момент?

— Разве я еще не сказал об этом? — Кейнс по-прежнему смотрел на двоих священнослужителей, но повернул голову к Саутворту, чтобы послать ему теплую улыбку.

— Да, но я имел в виду состояние здоровья вообще. Вчерашний день — исключение.

— Да, именно так. Кульминация событий, если хотите. Рано или поздно они настигли бы ребенка. У монсеньера есть последняя информация от коллектива врачей.

— Медицинские заключения, как правило, держатся в секрете от посторонних, — сказал Делгард. Он кивнул Фенну. — Зачем бы это публиковать в прессе?

— Мы достигли взаимопонимания с мистером Фенном, — проговорил Саутворт.

Репортер удивленно посмотрел на него.

— Минутку. Единственное, в чем мы достигли взаимопонимания, это что я буду писать правду... Так я понял, — добавил он.

— Разумеется, мистер Фенн, — заверил его епископ Кейнс. — Мы не ожидаем ничего другого. Однако нам хотелось бы рассчитывать... м-м-м... на *благоразумную журналистику*.

— О, я умею быть *благоразумным*. Но хранить секреты не умею.

Он уловил взгляд, которым обменялись епископ и Саутворт.

— Хорошо, — проговорил Фенн, поднимая руки. — Я понимаю вашу дилемму. Вы хотите, чтобы

история была рассказана без прикрас, без преувеличений и правдиво. Хорошо, я и сам хочу этого. С другой стороны, вы хотите уважения к личной жизни и чтобы все, способное вызвать ненужные волнения, было приглажено, если не вообще вымарано. — Он замолк, чтобы набрать в грудь воздуха. — В первом я с вами согласен. Никаких преувеличений, никаких спекуляций. Что касается личной жизни, боюсь, она закончилась для Алисы, когда ей явилось первое видение. И не только для нее. Для вас тоже. И для всего Бенфида. И третье — насчет того, что может вызвать ненужные волнения... Что ж, это вам придется оставить на мою ответственность.

— Не уверен, что это хорошо, — сказал епископ.

— У вас нет выбора, — улыбнулся Фенн. — Послушайте, я знаю, что отец Алисы — старый отупевший пьяница, но на данном этапе не считаю, что это существенно для всей истории. Это не государственная тайна, но я не собираюсь упираться на это. Благо-разумно, не правда ли?

— Да, мистер Фенн, но это не большая уступка с вашей стороны.

— Верно. Но больше я ничего предложить не могу.

Ситуацию спас Саутворт:

— Почему бы нам не положиться на старую добрую уловку для журналистов — «не для печати»? Таким образом вы можете быть посвящены в ситуацию в целом, но профессионально ограничены в публикации подробностей.

«Или так, или убирайся вообще», — подумал Фенн и сказал:

— Ладно, если будет не слишком много «не для печати».

— Вы согласны, епископ?

Епископ Кейнс задумался.

— Вы понимаете, мистер Фенн, что мы не хотим ничего скрывать. Это не в обычаях церкви.

«Да ну?» — подумал Фенн. Готов ли Папа рассказать о третьей тайне Фатимы?* Или открыть все церковные финансовые источники, перечислить все компании и собственность, куда вкладываются средства? И есть много других секретов, которые заинтересовали бы общественность, но которые Католическая церковь держит в тайне.

— Мы хотим, чтобы публиковалась только правда,— продолжал епископ Кейнс,— но мы не хотим, чтобы она кому-либо повредила. Если вы согласны с нашей точкой зрения, я уверен, между нами не возникнет никаких трений. Уверен, найдется много журналистов, которые будут рады понять нас.

«Старый хитрый ублюдок. Ты знаешь, что я не могу отказаться».

— Ладно. Но одно условие: если я пойму, что вы скрываете что-то, о чем следовало бы сказать, если я сочту, что скрывать это аморально, то я об этом напишу.

— Вы подозреваете нас во лжи?

— Вовсе нет. Но вы можете скрыть информацию, которая не устроит Церковь, так как способна повредить ее образу в глазах людей.

* Фатима — деревня в Португалии, где в 1917 году с 13 мая по 13 октября местным крестьянам ежемесячно являлась женщина, называвшая себя Богородицей. 13 октября 70 000 человек засвидетельствовали после появления женщины «необычайное солнечное явление». В 1930 году Католическая церковь официально признала, что женщина действительно была Богородицей.

— Тогда мы позволим вам быть нашей совестью, мистер Фенн.

— Хорошо.

Саутворт с облегчением вздохнул, когда епископ Кейнс и репортер откинулись на спинки стульев.

— Вы хотели сообщить нам, что обнаружила медицинская комиссия,— напомнил он монсеньеру.

— Их отчет очень подробен и местами изобилует специальными терминами, и потому я попытаюсь изложить его как можно более сжато и понятно. Если вам потребуется полный текст, мистер Фенн, я могу предоставить копию.— Делгарт пригубил вино и отставил бокал в сторону.— Сначала позвольте мне обратиться к предыдущему недугу Алисы. В ее ушах и горле не было обнаружено никаких патологических изменений, что соответствует давнему мнению о психологической природе ее недуга. Не было обнаружено ни повреждений слуховых нервов, ни расстройства косточек, ушных улиток или барабанных перепонок в обоих ушах. Семь лет назад вполне могла быть занесена какая-то инфекция, повлекшая за собой болезнь, но нет никаких признаков необратимых последствий — никаких затвердений или костных образований в среднем ухе, никакого воспаления перепонки. Мастоидиты, отиты — воспаление среднего уха — уже давно не замечались. Что касается голосовых связок, никаких повреждений или заболеваний гортани не обнаружено. Состояние девочки всегда считали результатом истерии.

— Вы говорите, все эти годы Алиса страдала просто от устойчивой истерии? — недоверчиво переспросил Фенн.

— Все не так просто, но и не так необычно, как подразумевает ваш тон. Вполне могли присутство-

вать другие инфекции, не выявленные лечащим врачом, когда Алиса в четырехлетнем возрасте перенесла свинку, и эти инфекции могли привести ее к такому состоянию. Врач считал это обычной детской болезнью и на ранних стадиях не искал ничего большего. Обследование было предпринято потом, когда проявились последствия. Следует добавить, что в медицинском отчете нет никаких оценок действий терапевта — в настоящий момент мы имеем дело только с предположениями.

— Семейный лечащий врач видел этот отчет? — спросил Фенн.

— Нет. И, конечно же, он будет отрицать всякие намеки на свои упущения. Но мне бы очень не хотелось, чтобы вы сделали из этого самые неблагоприятные выводы. Сейчас пытаются найти теоретические обоснования предложить какое-то объяснение.

— Позвольте мне напомнить о недавней дискуссии,— проговорил епископ Кейнс, прямо посмотрев на репортера.— Кажется, вашим излюбленным словом было «благоразумие».

— Не беспокойтесь, я не собираюсь затевать судебный процесс против обиженного терапевта-практика, обвиняя его в том, что по прошествии стольких лет все равно не может быть доказано. И к тому же медицинская комиссия может оказаться совершенно не права.

— Да, вполне,— согласился монсеньер Делгард.— Однако главное, что она хотела выяснить: мог ли шок, не позволяющий Алисе слышать и говорить, психологически сохраняться в ее сознании? Чем больше она боялась своего недуга, тем крепче становилась психологическая блокировка. В медицинских

записях полно схожих случаев: страх перерастает в фобию, фобия — в физическую неспособность. Подсознание имеет собственную логику. Потребовался другой шок, чтобы разрушить психологический барьер, который Алиса сама воздвигла в своем сознании. Видение — воображаемое или реальное — освободило ее от вызванной ею же самой болезни.

— Вы говорите категорично. Стало быть, в исцелении Алисы нет ничего чудесного? — спросил Фенн.

— После семи лет глухоты и немоты она может слышать, может говорить. Была ли ее неспособность вызвана психическим или физическим расстройством, результат один...

«...Церковь... церковь... все случившееся с Алисой сконцентрировалось вокруг церкви...»

Отец Хэган, успокаивая себя, приложил руку к виску, надавил, погладил. Голоса снова зазвучали — отдаленно, как-то глухо, словно из глубин обширной пещеры. Или в церкви... в большой, темной церкви. Он начинал ненавидеть... эту церковь.

«Нет! Церковь — это храм Божий! Ее нельзя ненавидеть! А особенно священнику...»

— Общее состояние здоровья? — спросил епископ Кейнс.— Каково оно сейчас?

— Его можно описать очень просто и без всякого медицинского жаргона,— ответил Делгард.— Алиса — совершенно нормальный, здоровый ребенок. Возможно, она немного переутомлена, несколько замкнута, но после всего, что она перенесла, этого и следовало ожидать. Впрочем, есть одна ненормальность, но, по словам лечащего врача, это было у нее с самого раннего детства.

— И что же это? — спросил Фенн, не донеся до губ бокал вина.

Делгард поколебался, с опаской глядя на репортера.

— Это не для печати. Это не так важно, но может вызвать у ребенка некоторые личные беспокойства. Уверяю вас, это не имеет никакого отношения к исцелению.

Фенн задумался не более чем на секунду.

— Я не собираюсь ранить ребенка.

— Прекрасно. У Алисы на теле небольшая опухоль. С левой стороны, в нескольких дюймах ниже сердца.

— Опухоль? Боже милостивый!..— воскликнул епископ Кейнс.

— Не волнуйтесь, ничего серьезного,— успокоил его Делгард.— Это известно медицине как лишний сосок...

«...Лишний сосок... третий сосок... я кое-что знаю об этом... где-то что-то читал... Господи, что же?..»

— ...Беспокоиться не о чем. Он немного увеличился в размерах, с тех пор как врач последний раз осматривал девочку, но ее тело естественным образом растет. Нет никаких оснований полагать, что опухоль будет увеличиваться и дальше.— Монсеньер Делгард снова пригубил вино.— Так обстоят дела. Алиса Пэджетт выглядит совершенно здоровой, не считая этого легкого... м-м-м... дефекта.

— Это действительно очень хорошая вещь,— объявил епископ Кейнс.— Благодарю вас за ясный доклад, монсеньер. У вас есть какие-либо вопросы, мистер Фенн?

В это время дверь отворилась и вошли две официантки с тарелками.

— Ах, главное блюдо! — проговорил Саутворт.— Сегодня гостиница заполнена, джентльмены, поэто-

му вышла небольшая задержка. Предвестие грядущих месяцев, полагаю,— добавил он, сияя счастьем, и подумал: «А также грядущих лет».

Пока сервировали стол, присутствующие обменивались банальными фразами, и Фенн поймал себя на том, что вглядывается в потускневшие глаза отца Хэгана. Священник отвел взгляд, и Фенн остался в замешательстве. Хэган был очевидно нездоров: на его изможденном лице выступила испарина, а взор был помрачен; в движениях длинных тонких пальцев сквозила нервность. Епископ Кейнс должен был дать священнику отдохнуть. Что они затеяли? Уединение — вот что ему нужно, полное удаление от всего этого. А когда закрутится машина рекламы, будет еще хуже. *Это*, как Фенн понял из разговора с Саутвортом этим вечером, станет следующим пунктом повестки дня. Репортер улыбнулся при виде кружков телятины в соусе из зелени и отхлебнул вина, ожидая, когда подадут овощи.

Он слушал, как Саутворт, будучи хозяином гостиницы, прошупывает тему рекламы.

— Уверен, теперь все мы поняли, епископ, что столкнулись с ситуацией, из которой частные предприниматели со всей страны постараются извлечь доход. Я действительно считаю, что нам пора серьезно обдумать, как устроить официальное освещение...

— ...Несколько преждевременно...

— ...Нет, нисколько. Мы должны разработать план...

— ...Лурд не лучший образец для подражания, Джордж.

«...Я не могу есть. Епископ не должен был настаивать...»

— ...Снятый для визита Папы в Англию в восемьдесят втором...

— ...Но боже мой, организация этого съест около двадцати процентов прибыли...

— ...Каждое пенни окупится...

«...С каждой ночью ощущение все тяжелее... Даже когда рядом монсеньер... Чувство одиночества... пустоты...»

— ...Статуи, футболки, съемки службы...

— Эндрю, вам стоит попытаться поесть. Это пойдет вам на пользу.

— Что? Да, епископ...

— Антрекот «Рокфор» — одно из наших фирменных блюд, святой отец. Уверен, вам понравится.

— Конечно...

— ...Нас не должны видеть...

— ...Мне понятны ваши чувства, епископ, но церковь должна, не смыкая глаз, бдительно следить за миром бизнеса... как это всегда было в прошлом.

«...Ее глаза... Почему она так смотрела на меня?.. Почему она не смогла принять причастие?..»

— ...Исследования Института религиозных трудов, сам Ватикан, епископ...

— ...Не думаю...

— ...Сам банк... Не сомневаюсь, они примут скромное вспомоществование от Римско-католической церкви... Я уже говорил с управляющим... он член приходского совета...

«...Мясо... никакого вкуса... нужно поесть, епископ говорит, нужно поесть... Ее глаза... она знала... О чем они говорят?.. Нужно прервать их...»

— ...Проект центральной части, нечто вроде подготовленного для визита Папы в парк Феникс в Ирландии... Ошеломительная простота...

«...Не могу проглотить... мясо... не могу проглотить... О, Боже!.. оно разрастается... мясо растет... у меня... в...»

— Святой отец!

Делгард встал со своего места, его стул со стуком упал на пол. Монсеньер устремился к задыхающемуся священнику, встревоженный синеватой краснотой его лица и сдавленными звуками из разинутого рта.

Фенн бросился вокруг стола.

— Он задыхается! — крикнул он. — Ради бога, он чем-то подавился!

«...Заполняет меня... не дает дышать... растет, растет!...»

Отец Хэган судорожно бился на стуле, хватаясь руками за горло. Он пытался что-то сказать, пытался крикнуть, но слова сдерживал разбухший в глотке кусок мяса. Священник упал на стол, опрокинув бокал с вином, ножи и вилки подскочили от удара. Тарелка слетела на пол, когда Хэган выпрямился и, свалившись на спинку стула, издал страшный хрип в попытке глотнуть воздуха.

— У него сердечный приступ! — крикнул епископ Кейнс. — У него слабое сердце. Быстро! У кого есть таблетки?

— Нет, он подавился! — настаивал Фенн. — Наклоните его, и я стукну его по спине!

Делгард схватил судорожно корчащегося священника, и Фенн кулаком ударил его промеж лопаток. Отец Хэган неистово дернулся и издал рыгающий звук. Фенн ударил его снова.

— Бесполезно, оно застряло! — сказал Делгард.

— Я вызову скорую! — Саутворт выбежал из зала, радуясь, что избавился от зрелища агонии.

— Говорю вам, это сердечный приступ! — сказал епископ Кейнс.

— Ладно, положим его на спину и откроем ему рот. — Приложив руку ко лбу Хэгана, Фенн откинул

священника на спинку стула. Монсеньер Делгард взялся рукой за подбородок и еще шире открыл коллеге рот. Священник попытался вырваться; мýка, стремление наполнить горящие легкие воздухом, были невыносимы.

Фенн заглянул в открытый рот, в самую темноту горла.

— Там что-то есть, я вижу!

Он засунул пальцы в горло священнику, нащупывая, но не в силах достать застрявший предмет. Делгарду пришлось напрячь все свои силы, чтобы не дать Хэгану скатиться на пол.

— Мне не достать! Боже, мне не достать!

«...Руки... Руки на мне... не могу... не вдохнуть... Помогите мне, Господи!.. Глаза, ее глаза...»

Мышцы его горла судорожно сокращались, но кусок мяса не выходил, а только застревал глубже. И становился все больше.

Тело священника изогнулось в пароксизме страха, боли, удушья. Он упал на пол, схватившись за двоих людей, которые пытались спасти ему жизнь.

— Опустите ему голову! Может быть, так мы вытряхнем его...

«...Бесполезно... Слишком поздно... О Боже, какая боль!.. в груди... в руках... О Господи, нужно им сказать!..»

— Я понял, понял! Держите его, я могу...

Священник закричал, но этот звук был просто мучительным хрипом, сдавленным воплем смертельного страха. Его тело дико сотрясилось, лицо посинело...

«...В руки Твои...»

...В его глазах отразился страх приближающейся смерти...

«...Предаю...»

Из горла продолжали вырываться булькающие хрипы...

«...Дух мой...»

...Которые затихли через несколько секунд после того, как Хэган умер...

«...Помилуй меня...»

ГЛАВА 21

*Блеснул ли Бога светлый взор
На склоны наших мест туманных,
Чтоб встал здесь Иерусалим
Средь этих мельниц окающих?*

Уильям Блейк. «Иерусалим»

Холодно. Черт, как холодно, аж задница стынет!

Фенн запер дверь машины и поплотнее запахнул куртку. Пока он вставлял ключ в замок, от пара изо рта на боковом стекле возникло мутное пятно. Фенн выпрямился и посмотрел на церковь.

На этот раз при входе в церковный двор не толпились журналисты. Вероятно, прошедшие накануне похороны временно уняли их аппетит.

Фенн поплелся к воротам. Давно никем не топтанная обочина заросла жесткой, колючей травой. Под ногами хрустел щебень с острыми зазубренными краями. Одинокая фигура настороженно наблюдала за приближением Фенна.

— С холодным утром,— поздоровался он.

Человек кивнул.

— Я Фенн, из «Брайтон ивинг курьер»,— сказал репортер, подойдя к воротам.

— Я вас знаю,— ответил мужчина, добровольно прислуживавший в церкви Святого Иосифа,— но

лучше все же увидеть ваше журналистское удостоверение.

Фенн полез за бумажником, пальцы успели окоченеть от холода. Он раскрыл бумажник и показал удостоверение. Человек удовлетворенно хмыкнул.

— Я к монсеньеру Делгарду.

Человек отворил ворота.

— Да, он говорил.

Фенн шагнул внутрь.

— Утро нынче не очень хлопотное.

Человек тщательно запер ворота и посмотрел на репортера.

— Толпа появится позже. Большинство отправились в монастырь.— Он достал носовой платок и высморкался.

— Я проезжал мимо, там кое-кто собрался, но совсем немного.

— Наверное, насосались вчера. Пиявки.— Служитель посмотрел на Фенна без всякого выражения.

— Вы хорошо знали отца Хэгана? — спросил тот, не обращая внимания на грубость.

— Добрый был человек. Хороший человек, труженик. Наверное, это его и доконало, с его-то слабым сердцем. Нам его не хватает.

Фенн двинулся дальше, а мужчина у ворот все качал головой и сморкался.

Репортер подошел к дому священника, и дверь ему открыл молодой монах, которого он раньше или не видел, или не замечал. Теперь в церкви Святого Иосифа таких было несколько — они работали клерками, секретарями, просто присматривали за проходящими.

Монах улыбнулся и проговорил с мягким ирландским акцентом:

— Мистер Фенн? Монсеньер Делгард в церкви. Позвать его?

— Ничего, я пройду сам.

Фенн повернулся и пошел к церкви, а молодой человек несколько мгновений смотрел ему вслед, прежде чем закрыть дверь.

Репортер поежился. На фоне старых стен отчетливо было видно, как мгла вихрится вокруг разбитых, позеленевших надгробий. Фенн знал, что на другой стороне, в уединенном месте кладбища, рядом с внешней стеной появилась свежая могила, и ему совершенно не хотелось ее видеть. Зрелище того, как гроб с телом отца Хэгана опускают в яму, взволновало его так же, как во время похорон родителей, которые оба умерли в течение одной недели: мать от рака, а отец, как и священник, от сердечного приступа. Когда могилу закапывали, Фенн ощутил, будто земля действительно окончательно поглотила жизнь, а момент смерти был лишь первой фазой этого. Репортер знал и других, кого постигла преждевременная кончина (впрочем, смерть всегда кажется преждевременной, даже когда настигает стариков — не многие постоянно готовы к этому), но никогда она не влияла на него таким образом. С отцом и матерью это еще можно было понять, поскольку они умерли, когда он был еще подростком, и взаимная привязанность между родителями и сыном не успела дать трещину; но священник был почти совсем незнакомым, он как будто даже недолюбливал Фенна. Возможно, утрата казалась такой большой оттого, что репортер пытался спасти Хэгану жизнь и это

не удалось. Но все равно поделаться было ничего нельзя, так как посмертное вскрытие показало, что отец Хэган умер от сердечного приступа. Кусок мяса, которым он подавился, возможно, послужил причиной для паники, но он был не таким большим, чтобы вызвать удушье. Так почему же к чувству утраты примешивалось и чувство вины? Фенн не мог ответить себе на этот вопрос.

Двери церкви были закрыты, и он повернул тяжелое железное кольцо на одной створке, чтобы открыть ее. Стоял жестокий холод, но внутри было еще холоднее. Закрыв за собой дверь, Фенн направился к алтарю, к сидящей перед ним черной фигуре.

Когда репортер подошел, монсеньер Делгард не обернулся, его глаза были устремлены на витражное окно над алтарем, но взор обращен внутрь себя.

Фенн сел рядом со священником.

— Монсеньер Делгард?

Священник продолжал неотрывно смотреть на окно.

— Что здесь происходит? — проговорил он, и слова предназначались не репортеру.

— Простите?

Священник заморгал и посмотрел на пришедшего:

— Я не понимаю, что происходит в этой церкви, мистер Фенн. Я не понимаю, почему умер отец Хэган, почему он так чего-то боялся.

— Он боялся?

— Да. Он был смертельно напуган.

— Он был болен.

— Да, он был болен. Но дело не только в болезни. Что-то еще отнимало у него силы.

— Я не понимаю вас.

Священник вздохнул и опустил лицо к полу. Потом повернулся к репортеру.

— Вы верите в Бога, мистер Фенн?

Вопрос удивил Фенна и привел в некоторое замешательство.

— Думаю, что да. Не уверен. Наверное, я не слишком много задумывался об этом.

— Все задумываются об этом, мистер Фенн. Вы боитесь обидеть меня, потому что я священник?

— Нет, дело не в этом. Я действительно не уверен, вот и все. Я не могу поверить в какую-то великую фигуру Отца на небе, если вы это имеете в виду.

— Верить в это нет нужды. Было бы довольно наивно представлять Его таким образом. Тогда позвольте спросить вас: а вам не страшно *не* верить?

— Я полагаю, большинство людей не верят.

— Но вы?

— Считайте меня одним из толпы.

— Вы боитесь смерти из-за своих прошлых прегрешений?

— Нет. Я просто надеюсь, что, когда попаду туда, Он примет мои извинения. Послушайте, а какое отношение имеет это все к отцу Хэгану?

Взгляд монсеньера снова обратился на алтарь.

— Он был верующим, священником, поистине добрым человеком; и все же он боялся смерти.

— Возможно, он хранил в душе тайны, о которых вы не знали.

— Да, у всех у нас есть постыдные тайны. Обычно они тривиальны; важны — и постыдны — не они, а мы сами. Странно, накануне его смерти я слышал его исповедь и знаю, что ему было нечего бояться.

Фенн пожал плечами.

— Достаточно самой смерти. Это большой прыжок, и нет никакой гарантии, что мягко призем-

лишься. И что вообще приземлишься. Не важно, как сильно веришь. Сколь ни глубока твоя вера, никаких гарантий быть не может, верно?

— Это не совсем так, мистер Фенн, но я понял вашу мысль.

— Так что когда дело дошло до этого, отец Хэган был таким же, как и все мы: он боялся муки и опасался Великого Моменты Истины.

— Отец Хэган боялся того, что оставит здесь.

Фенн в замешательстве посмотрел на Делгарда.

— Он боялся того, что происходило в этой церкви.— Высокий священник снова повернул лицо к репортеру, опершись локтем на спинку скамьи и сцепив длинные пальцы.— Знаете, после первого так называемого чуда он почти не спал. Почему-то он больше не чувствовал себя в безопасности на территории собственной церкви.

— Я замечал, что с каждой следующей нашей встречей он выглядел все хуже и хуже. Но я отнес это на счет обычного заболевания.

— Впервые вы встретились с ним, когда обнаружили девочку в поле, так?

— Да. И тогда он уже не представлял собой образец здоровья. Но, как я уже сказал, с каждым разом он выглядел все хуже. Я решил, что это результат оказываемого на него давления.

— Боюсь, еще до того он испытывал тяжелый душевный стресс. Пока я жил здесь, мы вели долгие споры о церкви Святого Иосифа, о девочке, Алисе Пэджетт, и ее видениях. И о самом отце Хэгане. Он был несчастным человеком.

— И его... м-м-м... назначение в Холлингбурн имело какое-то отношение к его несчастью?

Черты Делгарда заострились.

— Кто сказал вам это?

— Никто. Я просто вспомнил неловкое молчание на пресс-конференции, когда местный репортер спросил его об этом. Что там случилось? Или это страшная тайна?

Священник вздохнул.

— С вашей настырностью вы все равно рано или поздно это выясните. Все в прошлом, да и на самом деле это не так уж важно.

— В таком случае расскажите.

— Понятно, все должно остаться между нами.

— Разумеется.

Делгарда это удовлетворило. Если бы он отказался рассказать, Фенн заинтересовался бы еще больше, стал копать и что-нибудь разузнал бы, а так он будет все держать в секрете — согласно заключенному несколько дней назад соглашению насчет информации «не для печати».

— Отец Хэган был молодым, новичком, когда его послали в Холлингбурн, — начал Делгард. — Он сомневался в себе, но усердно трудился, стремясь научиться. И он был очень раним, восприимчив. — Делгард замолчал, и нетерпение Фенна возросло.

— Вы хотите сказать, что у него был роман с одной из прихожанок?

— Не совсем так. Не совсем роман, и не с одной из прихожанок. — Делгард печально покачал головой. — Он... он привязался к своему старшему священнику.

— О Господи!..

— Позвольте прояснить: это не включало никаких сексуальных контактов. Иначе оба они не остались бы священниками.

— Тогда почему?..

— Распространились слухи. Это было маленькое местечко, где всё замечают. Привязанность — глу-

бокую привязанность — нельзя не заметить. Это привлекло внимание епископа той епархии, и он быстро вмешался, к счастью, пока ситуация не зашла слишком далеко.

— Простите за вопрос, но откуда вы знаете, что не зашла?

— Если бы это произошло, оба священника признались бы на исповеди.

— Вы очень высокого мнения о человеческой натуре.

— Они бы не солгали.

— И в результате отца Хэгана послали в другое место.

— Да. Другой священник — его имя не важно — покинул приход чуть позже. Я знаю, что случившееся мучило отца Хэгана на протяжении всей его духовной карьеры; мне также известно, что он больше не поддавался подобному искушению. Он с головой ушел в труды и молитвы.

— Но вина осталась с ним?

— Он был чувствительным человеком. Я не верю, что он снял с себя вину.

— Ваша религия особенно любит такие вещи, не правда ли? — Фенн не смог скрыть злобу в голосе.

— Недоброе замечание, мистер Фенн, и несправедливое. Однако споры о теологических идеалах Римско-католической церкви в данный момент довольно неуместны. Давайте ограничимся темой об отце Хэгане и его страхе перед этой церковью.

— Этого-то я и не могу понять с того вечера, когда он умер. Он сказал, что в церкви Святого Иосифа что-то не так, и вы как будто согласились.

— Посмотрите вокруг, мистер Фенн. Вам не кажется, что тут очень мрачно?

— М-м-м... да. Но снаружи туман, освещение скудное.

— Теперь закройте глаза и скажите, что вы ощущаете.

Фенн закрыл глаза.

— Что вы чувствуете?

— Чувствую себя идиотом.

— Не надо. Просто подумайте об этой церкви, о том месте, где находитесь.

Ему не хотелось. Не хотелось закрывать глаза в этой церкви.

— Нет!

Глаза сами раскрылись, и Фенн удивленно посмотрел на священника.

— Извините,— сказал репортер.— Не знаю, почему я закричал.— Он поежился.— Я... не понимаю, что случилось.

— Вы ощутили атмосферу? — осторожно прощупывал его Делгард.

— Нет, я ничего не ощутил.— Фенн нахмурился.— Боже, что это было? Я ничего не ощущал. Здесь пусто. Я хочу сказать не то, что никого нет... а то, что вы говорили в тот вечер. Будто церковь духовно покинута...

— Именно так я и сказал. Вы тоже это почувствовали...

— Я... я не знаю. Холодно, и жутко — скажем прямо. Но в пустых церквях всегда жутко.

— Не для духовного лица. Священник находит в пустой церкви только успокоение, место для молитвы, для медитации. Здесь такого нет, а только чувство безысходности.— Делгард изменил положение, передвинулся к краю скамьи и положил сомкнутые кисти рук на спинку перед собой. Фенн смотрел на

его профиль, нос с высокой переносицей, твердый подбородок, глубокие борозды морщин над бровями. С этой точки был виден только один глаз с тяжелым веком, и во взгляде чувствовались печаль и глубокая усталость. Когда священник заговорил снова, его голос звучал твердо, уверенно, но в нем сквозила и грусть.

— Если у Алисы в самом деле было видение, то ощущалось бы присутствие Святого Духа.

— Вы сами говорили, что церковь — это всего лишь здание из камня, — сказал Фенн.

— Я имел в виду, что это физический сосуд, который может быть наполнен или опустошен точно так же, как и любой другой сосуд. Епископ Кейнс должен был это понять. Эта церковь опустошена.

— Я не понял. Как вы можете это утверждать?

— Это можно только ощутить. Как вы сами ощутили только что. Отец Хэган получал эту травму в течение нескольких недель, но его восприятие было острее, ощущения сильнее. Вы сами наблюдали, как он изменялся физически, как жизнь вытекала из него.

— Он был болен. Сердце...

— Нет. Жизненная сила вытекала из него, как иссякала духовная сущность этой церкви. Я раньше должен был понять, что происходит, когда он рассказал мне о своих сомнениях. Он не верил, что исцеления были чудесными, мистер Фенн. И не верил, что Алиса видела Пресвятую Деву. Сначала он был не уверен. Алиса всегда была такой доброй девочкой, такой невинной. Ничто она так не любила, как помогать матери в церкви. Он знал ее с раннего детства...

— Еще до того, как она стала глухонемой?

— Да. Отец Хэган приехал в этот приход незадолго до ее рождения. Он видел, как она росла, дал ей первое причастие, поощрял ее играть с другими детьми, несмотря на недуг. И все же к концу... эти последние недели... он боялся ее.

— Боялся одиннадцатилетнего ребенка?

— Вы были в монастыре в прошлое воскресенье?

— Конечно, Когда ее стошнило.

— До того. Вы видели, как отец Хэган смотрел на нее?

— Вы правы, он был напуган. После всего, что случилось, я забыл. Он был в ужасе.— Фенн в задумчивости побарабанил пальцами по скамье.— Но он был болен. Извините, монсеньер Делгард, я не хочу отзываться о нем неуважительно. Но вы сами знаете, его суставы ослабли и он еле стоял.

— Да, возможно, но на то были причины. Стресс, в котором он находился, мог оказаться чрезмерным для любого.

— Вы хотите сказать, что известность...

— Я не имел в виду ничего подобного. Это была только часть всего. Я говорю о душевном страдании, которое он перенес, узнав, что его церковь подвергается поруганию, поняв, что ребенок используется для...

— Погодите-ка. Это все несколько притянута за уши, вам не кажется?

Священник улыбнулся, но улыбка получилась неестественной.

— Да, мистер Фенн. Да, вам могло так показаться, и не могу вас упрекнуть в этом. Вы прирожденный циник, а вероятно, циники меньше других страдают в этом мире.— Он посмотрел на репортера глазами, в которых читалась жалость.— А может быть, они страдают больше — кто знает?

Фенн повернулся лицом к алтарю, чтобы не встречаться глазами со священником.

— Именно ваш цинизм может помочь в этом деле, мистер Фенн,— услышал он голос Делгарда.

Репортер медленно повернул голову и снова посмотрел на священника.

— Вас не так легко заставить поверить во что-либо, верно? — сказал Делгард.— У вас нет глубоких религиозных верований, нет семьи, нет жены...

— С чего вы взяли? Вы ничего не знаете обо мне.

— О нет, вы ошибаетесь. Знаю. Видите ли, я долго беседовал о вас с мисс Гейтс.

— Со Сью? Она бы не стала...— Он запнулся, когда священник кивнул.

— Сьюзен теперь регулярно посещает церковь. Боюсь, сейчас она еще не пришла к решению относительно вас, мистер Фенн.

— Да, я заметил это. Но с чего бы ей говорить с вами обо мне?

— Дело в том, что я сам спросил ее.— Делгард оживился.— Мне нужна ваша помощь. Я разузнал о вас все, что мог,— во-первых, из-за вашей нынешней связи с церковью согласно эдикту епископа Кейнса, а во-вторых, потому, что, думаю, вы могли бы помочь нам другим образом.

— Вы снова ошиблись во мне.

— Ваш наниматель говорит, что вы хороший журналист. С вами многовато хлопот, но в основном на вас можно положиться. Очевидно, у вас пыливый ум или, как называет это редактор, хороший нюх. К сожалению, он не очень лестно отзывался о других сторонах вашего характера, но это не очень меня заинтересовало.

— Предполагаю, что он сказал.

— Хорошо. Значит, мы оба знаем о ваших грехах.

— Я не знал...

— Это Сьюзен рассказала мне о вашем непредубежденном, свободном отношении к большинству вещей, особенно где дело касается вашей работы. Должен признать, прочитав ваш первый репортаж об Алисе и церкви Святого Иосифа, я подумал, что вы слишком эмоциональны и вряд ли хоть сколько-нибудь объективны. Но Сьюзен объяснила мне, фактически дала понять, как объективны вы можете быть. Для меня это неприемлемо, но, наверное, мне следует с уважением отнестись к вашему образу мыслей, вашей манере. Вы сами *не верили* в то, что написали, но хотели, чтобы читатели поверили. Вы очень ловко устроили из случая сенсацию, не особенно веря происшедшему. Только прочитав статью второй раз и кое-что зная об авторе, можно выявить в ваших утверждениях сознательные двусмысленности. Такова ваша объективность — вы написали громкую, искреннюю с виду статейку, преследуя свои интересы. Иными словами, вы хотели сорвать куш. И, несомненно, вы его сорвали.

— Возможно, вы доверяете мне больше, чем я того заслуживаю. То есть если доверяете... Я немного запутался.

— У вас острый ум, мистер Фенн. И это то, что мне нужно. И также мне нужна ваша объективность.

— Вы можете объяснить, к чему ведете?

— Ваше циничное отношение к Церкви может означать, что вы так же цинично относитесь и к совершенно другим вещам. Это может дать вам преимущество.

— Перед чем?

— Перед окружающим нас ныне злом.

Фенн усмехнулся.

— Вот как?

— Видите ли, если вы не верите, вам будет не так страшно. Зло — это паразит, размножающийся на беспочвенных верованиях. Но ваше неверие не является такого рода невежеством. Вы поверите в нечто, если это будет убедительно доказано, и, кроме того, вы будете искать доказательств. Невежда не стал бы их искать. Этого-то я и хочу от вас, мистер Фенн. Я хочу, чтобы вы искали.

Фенн засунул руки в карманы куртки. То ли от беседы, то ли от атмосферы в самой церкви ему стало холодно.

— Однако что же именно мне искать, монсеньер Делгард?

— Я хочу, чтобы вы выяснили кое-что об этой церкви.

Фенн удивленно посмотрел на него.

— По-моему, это легче сделать вам.

— Объективность, мистер Фенн, и практичность. В следующие несколько месяцев я буду очень занят обустройством самой церкви Святого Иосифа, подготовкой к приему паломников, надзором за строительными работами, которые нужно произвести. Что касается объективности, то я слишком погружен в страшную атмосферу этого места, слишком вовлечен в трагедию отца Хэгана, чтобы видеть все в ясном, объективном освещении. Кроме того, я хочу, чтобы вы разобрались в этом поселке. Здесь нужен глаз следователя, человека, способного копать вглубь и находить ответы. Вы уже достигли соглашения с епископом Кейнсом и Джорджем Саутвортом, и это будет лишь частью той работы. Я прошу всего лишь

заняться поисками того, что могло случиться здесь в прошлом.

— Какого рода?

— Не знаю. Это предстоит выяснить вам.

Фенн пожал плечами.

— Ладно. Как вы сказали, это все равно часть моей работы.

— И еще одно: я хочу, чтобы вы разузнали побольше об Алисе Пэдджетт. И ее родителях. Я чувствую, что может обнаружиться нечто интересное, хотя и не знаю, что именно. Уверен лишь, что мы должны это выяснить.

— Думаю, у вас у самого начинают пошаливать нервы, монсеньер.

Делгард несколько мгновений холодно рассматривал его, потом сказал:

— Хорошо. Думайте так. Но прежде, чем вы уйдете, я хочу вам кое-что показать.

Он встал со скамьи, и Фенн быстро отступил в сторону, чтобы священник мог пройти.

Делгард преклонил колени перед алтарем, потом прошел в правую часть церкви. Встав у статуи Богоматери, он обернулся к Фенну.

— Вы бы не подошли, если вас не затруднит?

Фенн, по-прежнему засунув руки в карманы, подошел и с любопытством посмотрел на высокого священника, который кивком головы указал ему на статую.

— Отец Хэган говорил мне, что Алиса любила эту статую, что она проводила много времени, сидя перед ней. Можно сказать, это было ее наваждение. Если ее видения были всего лишь галлюцинациями возбужденного ума, вполне логично, что они приняли форму чего-то, что ее очаровало. Присмотритесь к этой статуе.

Репортер вспомнил, что рассматривал эту фигуру всего две недели назад, в день чудес. Тогда он заметил маленькую трещинку, бегущую из-под подбородка к боковой части шеи.

Теперь статуя вся была испещрена паутиной черных линий, словно поверхность белого мрамора покрыла сеть искривленных вен. Трещины шли от уголков губ Мадонны, как будто изогнувшихся в нелепой похотливой ухмылке. Даже ее невидящие глаза покрылись трещинами.

Вместо прекрасного сострадательного образа Мадонны на двоих мужчин смотрела сморщенная старая греховодница, ее поврежденные ладони глумливо подражали молитвенному жесту.

Фенн отступил назад, словно испугавшись, что каменная фигура сейчас коснется его.

ГЛАВА 22

*Госпожа, госпожа! Часы уже бьют!
Идите скорей, мы все уже тут.
Из болот и из озер,
Из камней и темных нор,
Из пещер и из лесов,
Из могил и из гробов,
Из темницы, из петли —
Все на сборище пришли!
Ее нет до сих пор?
Раздувайте костер!*

Бен Джонсон. «Чары трех ведьм»

Он шел к воротам по посыпанной гравием дорожке. Над головой смыкались голые ветви деревьев, образуя словно балдахин из паутины. Тонкие, по-зимнему колючие сучки стучали друг о друга под нагонявшим туман ветром. Шаги раздавались неестест-

венно громко, как в церкви, но тут хотя бы не было эха, и гулкие звуки не отражали пустоту святилища. Но темно под деревьями было почти так же, как в церкви.

Все это дело казалось совершенным безумием! Полный идиотизм! В чем Делгард пытался обвинить девочку? Ради Бога, ей всего одиннадцать лет! Каким образом, черт возьми, она могла принести кому-либо вред? Да и зачем? Он намекал, что она каким-то образом причастна к смерти отца Хэгана? Да Алисы там даже не было!

Фенн на мгновение остановился, тяжело дыша.

Делгард становится невротиком — параноиком — как отец Хэган! Он просто не мог говорить серьезно! А он-то, репортер, чуть было не поверил! Боже, он и сам чуть было не свихнулся, как те двое!

Засунув руки в карманы, Фенн пошел дальше.

Но статуя! Что за дребедень случилась со статуей? Внутренние дефекты в камне? Ха! Это что-то новое! Трещины разбежались, как спущенные петли на колготках. Может быть, кто-то потихоньку колол ее? Нет, невозможно. Тогда откололись бы куски. Статуя пугала. В ней было что-то... отвратительное! Боже, и все из-за Делгарда. Это он взвинтил нервы.

Фенн подпрыгнул, когда кто-то вышел из темноты.

— Все закончено, мистер Фенн?

— Боже... Вы меня напугали.

Человек хохотнул, открывая дверь перед репортером.

— Извините. Я просто прятался от ветра. Холодно.

— Да.

Фенн шагнул за ворота, радуясь, что покинул территорию церкви.

— Эй, Фенн! — послышался знакомый сипловатый голос.

Он обернулся и увидел журналистку из «Вашингтон пост».

— Как добыча? — спросила она. — Ты бледный как привидение.

— Погода, — ответил Фенн, направляясь к своей машине.

— Забавно. А у меня обычно краснеет нос. — Она не отставала.

У дороги ошивались два фоторепортера, но они утратили интерес, увидев всего лишь двух коллег-журналистов, шедших от церкви Святого Иосифа.

— Я видела, как ты проехал мимо по поселку, — сказала женщина, идя рядом, — и догадалась, что направляешься сюда. Как насчет того, чтобы продолжить разговор в гостинице?

Он открыл дверь машины и выпрямился.

— Нэнси — правильно?

— Да. Шелбек. Мы встречались в воскресенье.

Он кивнул.

— Залезай.

Без лишних разговоров она обежала машину с другой стороны, а Фенн залез внутрь и отпер ей дверь. Нэнси села и благодарно улыбнулась.

— Верно, — сказал он. — У тебя покраснел нос. — И завел двигатель.

Нэнси подождала, пока они выехали на дорогу, развернулись и покатали в сторону поселка, и только тогда спросила:

— Как это ты пробрался в церковь, когда никто больше не может?

— Туда можно пробраться через поле рядом.

— Спорим — нельзя. Они поставили там для охраны двоих священников.

Фенн быстро взглянул на нее. Даже с действительно покрасневшим носом, это была привлекательная женщина. Он заметил, что у нее зеленые глаза.

— Ты что-то собирался сказать мне? — спросила Нэнси.

— Что сказать?

— Почему тебе позволили войти.

— Римский Папа — мой дядя.

— Ладно, Фенн, перестань.

— Можно сказать, что я на службе у Папы. Мне официально поручено написать историю церкви Святого Иосифа и святых чудес.

— Черт, как тебе это удалось?

— Они сразу распознали аса, как только увидели.

— Извини, но ты, кажется, не очень счастлив. Маловато платят?

Он невесело рассмеялся.

— Знаешь, про деньги я забыл спросить.

— Какая небрежность! Впрочем, не сомневаюсь, ты сможешь добыть их другим путем.

— Уж постараюсь.

— По сути дела, об этом я и собиралась с тобой поговорить. Помнишь, я упоминала об этом в воскресенье.

— Ты говорила что-то о сравнении записей.

— Угу. Слушай, почему бы нам не остановиться и не выпить?

— В это время, утром?

— Уже одиннадцатый час. Почти пол-одиннадцатого. В вашей стране пабы рано открываются. Судя по твоему виду, тебе нужно взбодриться.

— Ты сама не представляешь, насколько права, — ответил он, качая головой.

Они уже подъехали к тому месту на окраине Бенфилда, где были открыты сразу две пивные. Фенн

включил сигнал левого поворота и подрулил к площадке. В этот ранний час там уже было припарковано несколько автомобилей, но репортер знал, что местные жители по утрам ходят в паб как в кофейню. Он видел, что они также заходили и в гостиницу «Корона», что стояла дальше по главной улице.

«Белый олень» представлял собой просто Г-образную стойку; полированная бронза и мощные балки под низким потолком придавали интерьеру ощущение древней солидности. В камине пылал только что разожженный огонь. За стойкой сидело не более дюжины посетителей. Некоторые Фенну показались смутно знакомыми, и он счел их за журналистов.

— Что желаете выпить? — спросил Фенн у журналистки из «Вашингтон пост».

— Нет, позволь заказать мне. Это я тебя пригласила.

Он неохотно согласился.

— Мне шотландское виски без льда и без воды.

Пока Нэнси заказывала у высокого бородатого бармена в очках, Фенн нашел свободное местечко у окна и с тихим вздохом уселся там. Боже, ноги ослабели. Эта статуя... Было трудно прогнать из головы ее отвратительный образ. Как могло такое случиться? Конечно, камень может потрескаться за годы — за долгие годы, — но прийти в такое состояние за две недели? Невозможно! А на что намекал Делгард? Что было в...

— Я взяла тебе двойное. Чтобы не заказывать снова.

Он бессмысленно уставился на женщину, потом на стакан.

— Спасибо. — Фенн взял виски и одним глотком отпил половину.

— Я была права,— заключила она, села рядом и стала потягивать напиток из своего стакана.

— Пиво? — удивленно спросил Фенн.

— Да. Хочу попробовать ваще пиво. Не хочешь рассказать, что у тебя на уме?

Фенн внимательно посмотрел на нее и заметил больше, чем сумел рассмотреть при первой встрече. Ее темные волосы имели рыжеватый оттенок — естественный, а не результат применения оттеночного шампуня (по крайней мере, так казалось). По-прежнему было трудно определить ее возраст, поскольку Нэнси была из тех женщин, которые выглядят то ли старше, то ли моложе своих лет, и никогда этого не угадаешь. Ее глаза — внимательные, настороженные — говорили, что она старше, может быть, к сорока, но кожа, белая и гладкая, и губы, не пухлые, но хорошей формы, говорили, что моложе. Ее нос был слишком прямым, чтобы делать ее хорошенькой, но придавал ей какое-то особое очарование. Американка сняла куртку, и ее фигура в свитере с закатанными рукавами и в прямых брюках казалась стройной, если не сказать подчеркнуто пропорциональной. Фенн заметил, что ботинки на высоких каблуках, которые были на ней и раньше, сделаны из тонкой бордовой кожи и модно скроены.

— Я чувствую себя как под микроскопом,— сказала Нэнси.

— Я просто задумался,— ответил он.— Ты совпадаешь с образом.

— М-м-м?

— Непреклонная нью-йоркская женщина-репортер.

— Спасибо. Ты умеешь обращаться с женщинами.

Фенн рассмеялся.

— Извини, я не думал, что это звучит так безобразно. По сути дела, это был комплимент.

— Да? Мне бы не хотелось выслушивать твои насмешки.— Она снова отхлебнула пива и полезла в сумочку за сигаретами. Покачав головой, он отказался от предложения. Нэнси прикурила от изящной зажигалки с эмблемой «Данхилл».— В чем дело, Фенн? — спросила она, путив вдоль стойки голубой дымок.

— Меня зовут Джерри,— сказал он спокойно.

Нэнси улыбнулась.

— Мне больше нравится Фенн.

Он улыбнулся в ответ, ему начинало нравиться ее общество.

— Пожалуй, мне тоже.

— Что, смерть священника, этого отца Хэгана, так тебя взволновала? Я понимаю, ты был там, когда случился этот сердечный приступ.

Фенн кивнул.

— Патологоанатом сказал, что это был сердечный приступ, но я уверен, что бедняга подавился. Я пытался спасти его.— Он сделал еще один большой глоток виски.— Я точно видел кусок мяса у него в горле. Боже, я даже пытался вытащить его!

— Но коронер определил бы, если бы смерть наступила от удушья.

— Может быть, она наступила от того и другого, не знаю. Может быть, Хэгану просто показалось, что он задыхается. Под конец священник был просто в истерическом состоянии.

— Будешь тут, когда сердце прихватит.

— Нет, я имел в виду не то. Он еще за несколько недель до этого был взвинчен.

Нэнси на мгновение задумалась.

— Я заметила, что в то воскресенье в монастыре с ним было что-то неладное. Так ты говоришь, что он был, мягко выражаясь, с приветом?

— Нет, ну... просто невротик. Его расстроило происходящее в церкви.

— Ну, для священника в этом нет ничего сверхъестественного. Он действительно сам стал свидетелем чуда. Но что ему не понравилось? Освещение в прессе?

Фенн понял, что слишком много болтает. Он сам репортер, и ему следует знать больше. И поспешил сменить тему:

— Ты хотела предложить мне сделку?

Нэнси приподняла брови.

— Где твоя британская сдержанность? Ладно, к делу. Как бы тебе понравилось сотрудничество со мной в этом маленьком предприятии? Мы работаем вместе: ты собираешь информацию, а я пишу статьи для моей газеты и плачу тебе солидные гонорары. И твое имя будет рядом с моим.

— Ты шутишь? На кой черт ты мне нужна?

— Я лучше пишу.

Он поставил свой пустой стакан.

— Мне нужно еще выпить.

— В этот час, утром? Эй, погоди, не дуйся. Послушай, ты хорошо пишешь, но — мне не хочется это говорить — ты провинциал. Постой, не вставай, просто послушай. У тебя еще нет опыта работы в национальных средствах информации. Я знаю, проверяла. У тебя нет опыта работы с хорошим редактором — я имею в виду, с таким, который шпынял бы тебя, пока ты все не выправишь, который *показывал* бы тебе, что не так...

— Меня шпыняли тысячу раз,— сказал Фенн, слабо защищаясь.

— Да, но шпынять можно по-разному. Я говорю лишь, что у тебя не было хорошего руководства. Конечно, у тебя высокий уровень, и, понятно, скоро ты получишь много предложений, но я могу распорядиться всем этим лучше. Поверь, много, много лучше. А если ты хочешь перейти к суммам...

Фенн больше не слушал. Он смотрел на только что открывшуюся дверь. Там стоял человек, оглядывая паб, как будто разыскивал кого-то. Какие-то двое сразу встали и поспешили от стойки к нему.

— Это Лен Пэджетт,— сказал Фенн, скорее себе, чем женщине.

— Пэджетт? Ах да, отец Алисы.

Фенн уже быстро пробирался к трем мужчинам, которые обменивались рукопожатиями. Нэнси последовала за ним.

— Мистер Пэджетт? — сказал Фенн, неуклюже присоединившись к группе и протягивая руку.— Мы уже встречались. Я Джерри Фенн, «Брайтон ивинг курьер».

Один из двоих мужчин быстро встал между Пэджеттом и Фенном.

— Не суйся, Фенн,— прорычал он,— Мистер Пэджетт наш. Мы с ним договорились.

— Кто вы? — спросил Фенн, но уже и сам догадался. Теперь он узнал в мужчине репортера одного из популярных изданий.

— Он собирается подписать эксклюзивный контракт с «Экспресс»,— сказал другой так же воинственно.— И это значит, что он не разговаривает ни с какими другими газетами.

— Не прикидывайтесь дураками. Вы не можете...

— Отвали.— Его оттолкнули, и первый из двоих взял Пэдджетта под руку.— Пройдемте куда-нибудь, где потише, мистер Пэдджетт, где можно поговорить. Договор ждет вашей подписи.

Пэдджетт пребывал в нерешительности.

— Можно мне сначала выпить?

— Там, куда мы поедем, выпивки предостаточно,— заверил его первый репортер.— Это недалеко.— И повел к двери.

Несколько других журналистов в баре, собравшиеся для принятия утренней дозы (просто чтобы прогнать холод после ночного бдения перед церковью и монастырем), забеспокоились.

— В чем дело, Фенн? — спросила подошедшая Нэнси.

— Эти ублюдки заключили сделку с Алисиным отцом. И не дадут ему ни с кем говорить.

Второй репортер «Экспресс» встал в дверях.

— Все правильно. Теперь он принадлежит нам.

— Минутку,— проговорила американка.— Он уже подписал какое-нибудь соглашение?

— Не твое дело.

Фенн хищно улыбнулся.

— Я слышал, что договор ждет подписи. Это значит, он еще не подписан.

Репортер «Экспресс» не стал тратить время на слова, а распахнул дверь, выскочил и захлопнул ее за собой.

— В чем дело? — Высокий бородатый бармен хлопал глазами за стеклами очков, когда толпа бросилась в погоню. Он приветствовал их бизнес, но не одобрял буйного нрава журналистов.

Снаружи на стоянке серебристо-серый «форд-капри» заводил двигатель, и к автомобилю бежал

репортер «Экспресс». Он открыл боковую дверь и прыгнул внутрь, когда машина уже тронулась.

Фенну и остальным преследователям пришлось отступить, чтобы не быть сбитыми.

— Куда они повезли Пэджетта? — крикнула Нэнси Шелбек.

— Наверное, в какую-нибудь гостиницу по соседству. Они на несколько дней запрут его там, где никто не найдет.

— Это не может быть законно.

— Законно, если он согласен.— Фенн бросился к своей малолитражке и заскочил внутрь, радуясь, что не запер дверь. Через ветровое стекло он видел, как другие журналисты спешат к своим автомобилям. «Капри» уже скрывался вдали на главной улице. Пока Фенн заводил двигатель, боковая дверь открылась.

— Смешно,— сказала Нэнси и расхохоталась.— Прямо кейстонские полицейские!*

У Фенна не было времени оценить ее юмор, как и велеть убратся из машины. Он включил первую скорость, с ревом проехал через стоянку и вырулил на главную улицу, едва взглянув, свободен ли путь. Ему повезло: «капри» с Пэджеттом и двумя журналистами пришлось остановиться у пешеходного перехода, по которому двигались, поглощенные беседой, две престарелые леди.

Фенн, торжествуя, похлопал по баранке.

— Попались, голубчики! Теперь не уйдут!

Нэнси громко рассмеялась.

— Не верю!

Покрышки пробуксовали по покрытию — и «капри» ринулся дальше. Головы внутри поверну-

* Название телесериала.

лись к Фенну, когда он нажал на педаль и помчался в погоню.

— Полегче, Фенн. Ради этого не стоит жертвовать жизнью!

Две машины с ревом мчались по главной улице, в то время как другие, с более медлительными журналистами, только выруливали со стоянки. С обеих сторон дороги стояли автомобили, превращая путь в узкий туннель и заставляя две машины притормаживать, когда появлялись встречные. Фенн знал, что, когда они выедут из поселка на шоссе, за «капри» будет труднее удержаться. Но у него было преимущество: он знал здешние дороги. Он догадался, что журналисты направляются в Брайтон, чтобы воспользоваться одним из тамошних отелей как тайником, и выругал их (хотя в душе и не мог упрекнуть) за авантюризм. Из-за своего участия во всем этом Фенн чувствовал себя некоторым образом собственником здешней истории и считал других газетчиков вторгшимися на его территорию. Из-за того, что узнал о Лене Пэджетте, и вследствие собственных умозаключений он не удивился, что тот купился на «чековую книжку журналистики». Чтобы делать деньги на изложении своей истории, рядом не должно быть больше никакой знаменитой личности; репортерам просто нужно выявить и устранить таковую.

«Капри» находился в пятидесяти ярдах впереди, приближаясь к концу поселка. Фенн видел вдали перекресток, небольшой изгиб, за ним — гараж, монастырь. Здесь не было машин, и он увеличил скорость в отчаянном стремлении догнать «капри», понимая, что тот повернет на шоссе, а не поедет прямо по проселочной дороге. Главная улица была забита спешащими за покупками жителями, многие из которых

неодобрительно качали головами, глядя на устроившие гонки машины. Возможно, они уже смирились с симптомами того, что грядет в некогда тихое местечко.

Нэнси Шелбек рядом с Фенном закусил губу, забавляясь гонкой и одновременно тревожась.

Они были уже у поворота. Из бакалейной лавки выходили покупатели с полными кошелками и не такими полными кошелками. Справа перед гаражом стояла огромная желто-зеленая цистерна, выкачивая содержимое в подземные баки. В витрине сбоку от эстакады сверкал девственно свежий автомобиль. Зеленый одноэтажный автобус, направляясь в поселок, преодолел еле заметный поворот и переехал через покрашенный в белое порожек на дороге. Когда автобус выехал на прямой участок, водитель нажал на акселератор.

«Капри», въехав на поворот, даже не притормозил.

Фенн, сам не зная почему, взглянул на кремовую стену монастыря впереди: что-то непреодолимо притягивало его взор.

Он увидел в окне маленькое белое личико на фоне черноты, отчего оно казалось отчетливее. Фенн инстинктивно понял, что это Алиса. Смотрящая на улицу. На автомобили.

Слишком поздно он заметил виляющую из стороны в сторону машину, словно водитель потерял над ней контроль. Они неслись прямо на нее. Фенн попытался выкрутить руль, чтобы не врезаться в виляющий «капри», но руль не влиял на движение, машина двигалась по своему усмотрению.

Фенн нажал на тормоз, но от паники слишком сильно. Колеса замерли — и машину занесло.

Зеленый автобус с искаженными от ужаса лицами в окнах, похожими на горошины в раскрывшемся стручке, отвернул от бешено вертящегося «капри», но было лишь одно направление, куда водитель мог направить его. На площадку перед гаражом. Где бензовоз выкачивал в баки свое содержимое.

«Капри» врезался в передний угол автобуса, его капот тут же смялся, двигатель поднялся вверх и прошел через ветровое стекло — прямо в лица сидящих внутри. Водителя автобуса после столкновения швырнуло вперед, и он влетел прямо под цистерну за долю секунды до того, как в нее врезался автобус. Водителю повезло: он умер, не успев понять, что произошло.

Длинная кишка, через которую бензин тек в подземные баки, порвалась, а от скрежещущего металла во все стороны полетели искры, попав на разлившуюся жидкость.

Увидев столкновение, Фенн закричал. Его собственная машина врезалась в витрину. Он лишь смутно запомнил ослепительную вспышку и оглушительный гром от взрыва цистерны.

ГЛАВА 23

— Твоя жизнь кончена! — И он швырнул ее на пол, за волосы втащил в комнату, на колюде обезглавил и всю разрубил на куски, так что кровь залила пол, после чего бросил в корыто к остальным.

Братья Гримм. «Чудо-птица»

Кто-то тряс его. Фенн застонал, но усилие, чтобы открыть глаза, было для него неодолимым. Щека прижималась к чему-то твердому.

Сквозь какофонию звуков, гремевших то ли в голове, то ли снаружи, пробился один голос. Фенн застонал. Боже, как болит голова!

Он попробовал открыть глаза. Это потребовало напряжения всех сил, как когда вырываешься из кошмара. Рядом было чье-то лицо, женское, и Фенн смутно припомнил его.

— Фенн, ты цел?

Он пока не мог ответить.

Чьи-то руки взяли его за плечи, оторвали от руля и прислонили к спинке сиденья. Фенн ощутил, как его челюсти сжались, а голова затряслась. Он снова открыл глаза, на этот раз почти без усилия. В лице Нэнси что-то было не так, но он не сразу смог понять, что именно. Оно было замазано красным, словно густым вишневым соком, словно темно-красными чернилами. Нет, кровью. Лицо было окровавлено. Фенн попытался сесть прямо.

— Слава Богу! — проговорила Нэнси.

— Что случилось? — сумел выдавить он, и, прежде чем Нэнси ответила, все всплыло в голове. Несущийся «капри», зеленый автобус, цистерна с бензином... О Боже, все эти люди!

Ветровое стекло малолитражки покрылось серебристой паутиной трещин, но сквозь боковое окно виделось блестящее крыло новенького автомобиля. Однако снаружи было темно, и это вызывало недоумение, пока Фенн не понял, что там клубится черный дым. Фенн повернулся к женщине рядом.

— Ты цела? Твое лицо...

— Это ничего. Я ударилась в стекло, когда мы врезались в витрину. — Она приложила руку ко лбу, и рука покрылась кровью. — Это не рана. Наверное,

просто ссадина.— Она сжала ему руку выше локтя.— Надо выбираться отсюда, Фенн. Бензовоз... он взорвался. Сейчас все вспыхнет...

Фенн открыл дверцу, и тут же на него пахнуло жаром, хотя машину отчасти загораживала боковая стена. Дым с каждой секундой валил все гуще, и Фенн закашлялся от едких клубов, попадавших в горло и нос.

— Вылезай, скорее! — крикнул он Нэнси.

— Мою дверцу заклинило!

Фенн, насколько мог, распахнул дверцу со своей стороны, ободрав крыло новенького «лендровера», стоящего рядом с разбитой малолитражкой. Нэнси бросилась из машины, едва не вывалившись на землю. Фенн удержал ее и быстро осмотрелся.

От витрины, через которую он проехал, почти ничего не осталось. Сверху, как прозрачные сталактиты, свисали огромные, ужасного вида осколки стекла. В зияющий проем валил дым, наполняя все удушающей густотой, а сквозь него уже рвался огонь. Пламя бушевало за стеклянной дверью сбоку от витрины и вдруг ворвалось внутрь, принеся с собой жар. Фенн понял, что горящий бензин, видимо, залил площадку перед гаражом и пожирает все, что может гореть.

Он оттащил Нэнси назад, захлопнул дверцу, и они протиснулись мимо машин в заднюю часть здания.

— Пригнись! — крикнул Фенн.— Старайся держаться ниже дыма!

В самом конце выставочного зала была отделенная стеклянной перегородкой конторка, и он быстро убедился, что там нет выхода наружу. В конторке никого не было. Нэнси согнулась вдвое, ее тело содрогалось от кашля.

Крепко прижав ее к себе для поддержки, Фенн осмотрелся в поисках выхода. И мысленно поблагодарил Бога, увидев слева дверь.

Нэнси еле волочила ноги, когда он потащил ее туда. Фенн на несколько мгновений отпустил ее и упал рядом на колени, ожидая, что приступ кашля пройдет. Глаза Нэнси заливали слезы, и лицо превратилось в красную маску засыхающей крови.

— Там выход, вон там! — крикнул Фенн, перекрывая шум пламени, треск горящего дерева и звон лопающегося стекла.

— Да,— выдохнула Нэнси, наконец овладев собой.— Все в порядке, только дай мне выбраться отсюда!

Фенн поставил ее на ноги. Женщина прижалась к нему, и они устремились прочь. Они так спешили, что прямо-таки врезались в дверь, и Фенн вытянул руку, чтобы смягчить столкновение. И тут же отдернул, обжегшись.

Он увлек Нэнси в сторону, прижавшись спиной к стене рядом с дверью. Нэнси вопросительно взглянула на него, но он лишь крикнул:

— Назад!

Присев на корточки, Фенн потянулся к дверной ручке. Она тоже раскалилась, и, преодолевая боль, он повернул ее и распахнул дверь.

Нэнси завизжала, когда внутрь ринулось пламя; оно ворвалось в помещение, как из пасти дракона. Оба упали на спину, чтобы избежать страшного жара, и, еле дыша, лежали на полу, пока огонь не отступил, облизывая края дверного проема. Через несколько секунд дверь сама загорелась.

Фенн и Нэнси поднялись и, шатаясь, рухнули на капот какого-то лимузина. Оба кашляли, глаза от ед-

кого дыма заливало слезами. Фенн сорвал с себя куртку и натянул себе и Нэнси на голову.

— Придется выйти спереди — через витрину! — крикнул он.

— Там слишком жарко! Ничего не получится!

— У нас нет выбора! Другого выхода нет!

Но к этому времени не стало никакого выхода.

Они оторвали лица от куртки и, не веря глазам, уставились на окна витрины. Разбитое машиной Фенна окно все было охвачено красно-желтым огнем, языки пламени пробрались внутрь и лизали потолок. Мощная бетонная колонна отделяла их от соседнего окна, где стекло уже начало лопаться от жара. Огонь охватил почти половину его поверхности, земля снаружи превратилась в огненную жижу от залившего всю площадку горящего бензина.

— О Боже, мы в западне! — простонала Нэнси.

Фенн судорожно осматривался вокруг. Должен быть другой выход! Потолок, стеклянная крыша. Через клубы дыма было видно, что потолок капитальный, и Фенн догадался, что наверху не крыша, а офис. Значит, должна быть лестница наверх. Но лестницы нет. Она, наверное, за дверью, которая теперь стала дверью в топку. Огонь наступал, жадно пожирая полихлорвиниловые плитки на полу выставочного зала и создавая дым более едкий и ядовитый, чем наверху.

Единственным выходом оставались витрины.

Фенн поставил Нэнси на ноги и склонился к ее уху.

— Нужно пройти через передние витрины!

Она покачала головой.

— Ничего не выйдет!

Фенн вытер рукавом глаза, достал носовой платок и завязал себе рот и нос, потом поднял ворот-

ник свитера Нэнси, так что тот укрыл ей нижнюю часть лица. Сдернув Нэнси с капота и держа куртку впереди, как щит, Фенн ковыляющей трусцой повел американку к передней витрине. Он оставил ее на корточках между своей малолитражкой и стоящим рядом «лендровером» и бросился к уцелевшей витрине. Когда на стекле появилась длинная изломанная трещина и, как выстрел, раздался треск, Фенн пригнулся. На одно долгое, жуткое мгновение показалось, что стекло сейчас обвалится и кинжальными осколками изрежет его тело на куски, но огромное стекло удержалось. Он снова двинулся вперед, одной рукой держа перед собой куртку для защиты от жара. Витрины были сделаны так, что стекла отодвигались, находили одно на другое, в зависимости от того, какую машину продавец хотел выкатить наружу, и Фенн прошел к самому дальнему от пылающего огня углу. Только теперь снаружи все было охвачено пламенем.

Он потянул ручку и закричал от боли: раскалившийся докрасна металл обжег пальцы. Обернув ручку курткой, Фенн попытался снова, но безрезультатно: или окно было заперто, или металлическая рама расширилась от жара, и ее заклинило. Он выругался, и это был скорее крик отчаяния, чем проклятье.

Жар и страх, что стекло сейчас рухнет, заставили его отойти назад. Фенн вернулся к Нэнси, которая прислонилась к дверце «лендровера».

— Не получается! Окно не открыть!

Она испуганно посмотрела на него и крикнула:

— Дерьмо! — Потом схватила Фенна за лацкан и притянула к себе. — А ты не можешь разбить это чертово стекло?

— Даже если смогу, огонь снаружи изжарит... — Фенн запнулся. — Идиот! — обругал он себя.

Оторвав Нэнси от двери машины, он распахнул ее и застонал от разочарования, поняв, что там нет ключей зажигания. Но тут же перекатился через капот «лендровера» к стоящей рядом «марине». Распахнув дверь, он убедился, что ключей нет и там. Фенн вернулся к Нэнси и опустил рядом.

— Ключи могут быть в конторке! — крикнул он. — Подожди здесь!

Он побежал к задней стене. Низко пригнувшись за машинами, когда миновал дверной проход с бушующим в нем пламенем, Фенн заметил, что пол вокруг уже горит. Кашляя и отплевываясь сквозь носовой платок, он добрался до конторки и стал торопливо выдвигать ящики, вываливая их содержимое на пол. Ключей нет, нет, нигде нет этих чертовых ключей! Фенн в отчаянии лихорадочно осмотрел помещение. Где эти долбаные ключи?.. Он громко застонал, заметив на стене пробковую доску с крючками; на каждой крючке висел промаркированный ключ. Фенн устремился к ним, проверил маркировку, нашел два с пометкой «лендровер» и, схватив оба, устремился обратно.

Его снова встретил удушающий жар, и Фенн понял, что скоро все здесь запылет. Он с трудом дышал короткими, резкими вздохами. Кислород пожирался пламенем, а остатки смешивались с дымом. Добравшись до Нэнси, Фенн шатался.

Он забрался в «лендровер», Нэнси нырнула в открытую дверь рядом.

— В баке нет бензина! — крикнула она.

— Есть, черт его дери! Как, ты думаешь, они отсюда выезжают? — Он вставил первый ключ, молясь, чтобы тот подошел. Мотор взревел.

— Прыгай назад и держись,— крикнул Фенн, прекрывая шум.

Не заставляя себя упрашивать, Нэнси открыла заднюю дверь и упала на сиденье. Она еле успела втянуть ноги, когда «лендровер» рванул, и дверь хлопнулась.

Фенн нажал на акселератор, и покрышки пробуксовали по пластиковому полу. Машина понеслась в окно, и Фенн поднял руку, прикрывая лицо, в надежде, что за пламенем не наткнется на что-то твердое.

Нэнси завизжала, когда «лендровер» пробил огромную витрину.

На ветровое стекло посыпались осколки, но оно выдержало. Машина въехала в море огня, и Фенн вовсю давил на педаль и держал руль прямо, ожидая каждое мгновение, что автомобиль взорвется.

Прошло чуть более двух секунд, когда они вырвались из огня, но обоим казалось, что прошла вечность. Запах, жар — и ужас — заслонили все остальное, а вид ослепительного бушующего вокруг пламени остался незабываемым кошмаром. Только инстинкт самосохранения, а не хладнокровие, заставлял Фенна давить на педаль.

Он издал торжествующий вопль, когда они вырвались из преисподней, но этот вопль перешел в панический крик при виде стоящей прямо на пути машины. Фенн резко вывернул руль вправо, «лендровер» занесло, и он боком врезался в стоящий автомобиль. Фенна отбросило влево, на пассажирское сиденье. Раздался лязг металла, и мотор заглох. Одной рукой Фенн вцепился в баранку, сумел приподняться и, не думая, выключил зажигание.

Он глубоко вздохнул, вонь пожара по-прежнему чувствовалась, но уже не так сильно. Однако, увидев зрелище перед собой, Фенн от ужаса выпучил глаза.

В дымное небо поднимались огненные шары, и сама их яркость, не говоря о жаре, резала глаза. Цистерна была объята огнем, и за пламенем виднелись только ее колеблющиеся очертания. Большая часть площадки перед гаражом тоже была в огне, горящая жидкость продолжала распространяться и жадно пожирать все на своем пути. Автомобильный салон полностью скрылся за стеной пламени, верхняя часть здания, где находился офис, уже почернела. В открытых окнах виднелись искаженные ужасом лица, люди кричали, их глаза искали внизу кого-нибудь, кто мог бы прийти на помощь... *На помощь, ради Бога, на помощь!*

Сама земля дрожала от жары, по ней ползли люди, спасаясь от огня. Зеленый автобус застрял в бензовозе, наполовину охваченный пламенем. Большинство окон разбилось, а внутри еще оставались пассажиры, и те, кто не сгорел сразу же и кто еще мог двигаться после первого взрыва, пытались выбраться и раздирали тела осколками стекла; раны тут же запекались от все возрастающего жара. Серебристо-серый «капри» стоял в нескольких ярдах от пылающего автобуса. Он как будто бы уцелел после столкновения, но пламя вокруг лизало его металлическое тело, расплавляя стекла в окнах.

Во все стороны, спасаясь от катастрофы, бежали люди, но один-два двигались навстречу, словно зачарованные опасностью, разрушением. Те, кого парализовал страх, припали к земле у стен или прятались за машинами.

Вдруг рядом Фенн увидел чье-то лицо, испаряпанное, залитое кровью, и, потрясенный, не сразу его узнал.

— Тебе удалось, Фенн! — крикнула Нэнси, ее голос звучал хрипло, как рыдание. Она обняла его за шею и прижалась щекой к нему так, что Фенн зажмурился. Это также помогло ему прийти в себя. Он высвободился и потянулся к ручке двери.

— Нужно убираться отсюда! — крикнул он Нэнси.— Под землей должны быть другие баки, до которых огонь еще не добрался! А когда доберется...— Он не договорил, но Нэнси поняла, что тогда будет.

Когда они вылезли из машины, на них, как из топки, пахнуло сухим горячим воздухом, и оба подняли руки, закрывая лицо. От заполнившей атмосферу копоти было трудно дышать. Фенн инстинктивно отвернулся от зрелища перед собой и тут же пожалел об этом.

Слева стояла бакалейная лавка, ее огромные окна рухнули внутрь, и там среди разгрома лежали тела женщин, которых взрывом бросило в окна, а вокруг, как обвалившаяся кладка, были раскиданы банки и пакеты. Некоторые женщины лежали неподвижно, другие бились в агонии. Фенн не понял, почему ноги одной женщины не двигаются, в то время как остальное тело неистово бьется, но тут же заметил, что она почти разрезана пополам упавшим стеклом. Другая, молодая и миловидная, если бы не перекошенное лицо, сидела перед окном, прислонившись к стене ниже рамы, и сжимала руками широкую рану на горле, отчаянно стремясь свести края вместе, чтобы жизнь вместе с кровью не вытекла из нее. Красная жидкость бежала меж ее пальцев.

Шум, смятение, крики о помощи заполнили его потрясенный разум. Чтобы прийти в себя, Фенн оперся рукой о «лендровер». Металл обжигал.

Чья-то рука потрясла его за плечо, и Нэнси кричала:

— Фенн, в той машине кто-то шевелится!

Он обернулся, прикрывая глаза, и посмотрел на горящие обломки. Она была права: на заднем сиденье «капри» кто-то шевелился, чьи-то руки колотили в заднее стекло.

— О Боже, это Пэдджетт!

Это прозвучало как стон, потому что осознание этого породило у Фенна новый приступ страха. Нэнси смотрела на него, и он знал, что она скажет.

— Ты должен ему помочь!

— Бесполезно! Я не подойду к машине!

— Ты не можешь позволить ему сгореть!

— Что я могу сделать?

Он кричал на нее, срываясь на визг. Какого черта ей от него нужно?

— Что-нибудь! Хотя что-нибудь сделай!

— Вон там женщина! — Фенн в отчаянии указал на окно супермаркета. — Она истекает кровью!

— Я позабочусь о ней! — Нэнси оттолкнула его от «лендровера». — Пожалуйста, Фенн, попробайся! — умоляла она.

— Вот она, эмансипация! — крикнул он, но бросился к бушующему огню, злясь на Нэнси и сам напуганный до чертиков.

Когда Фенн приблизился к горящим машинам, его обдало еще большим жаром, он сорвал с себя пиджак и выставил перед собой. Ему показалось, что он ощущает запах опаленного материала. Фенн про-

двигался дальше, чувствуя, что задыхается, а его кожа сохнет и горит. Было трудно дышать, идти было мучением. Жжение ощущали не только ноги, но и легкие. Он опустил свой щит только затем, чтобы бросить взгляд на «капри».

Лицо Пэджетта расплусилось, прижавшись к заднему стеклу, ладони побелели. Он пытался протиснуться через заднюю дверь, которая, очевидно, была заперта, и разинутым ртом хватал остатки кислорода, в ужасе выкатив глаза.

Фенну пришлось накинуть пиджак на голову, но это мало помогло. Он чувствовал горячий ветер вокруг, потом вдруг стало темно, когда густые клубы черного дыма заволокли площадку. Даже зимний ветер играл свою роль в разрушении.

Фенн споткнулся. Глаза слезились, легкие горели от ядовитого дыма. Он упал и покатился по земле, ему обожгло подставленную страшному жару спину. Кожа на руках и лице невероятно натянулась, словно села. Ему пришлось отступить. Бесполезно. Ближе не подойти. Если он попытается, то просто изжарится заживо.

Фенн пополз назад, упираясь в бетон каблуками и локтями, которые быстро ободрались до крови. Пиджак прикрывал лицо, но быстро обуглился, словно опаленный огнем. Через несколько футов Фенн приподнялся на колено и рискнул снова взглянуть на горящий «капри». Увиденное было столь ужасно, что он забыл о собственной боли.

Сквозь клубы дыма Фенн лишь мельком что-то уловил и не сразу понял, что же произошло. Из заднего окна «капри» появилась странная, неясная фигура. Она казалась размытой, словно искаженная

слезящимися глазами Фенна. Он поморгал и понял, что слезы уже высохли от обжигающего жара. И тогда до него дошло.

Пэдджетт вылезал из машины, но стекло не разбилось. Оно расплавилось и прилипло к его лицу и рукам, как густая, вязкая жидкость, которая пристала, припеклась к плоти, стала ее частью. Пэдджетт превратился в корчащееся бесформенное чудовище, в человеческую личинку, раньше времени вылупившуюся из своего сверкающего, клейкого кокона, обезумевшую в агонии, которая гнала ее вперед. Голова Пэдджетта была неестественно повернута, глаза остановились на Фенне, но ничего не видели, поскольку расплавленное стекло уже выжгло сетчатку. Часть лица и нос остались плоскими — стекло зафиксировало их в таком виде. По мере того как он медленно, выкручиваясь, вылезал, стекло вытягивалось, становилось тоньше, начало рваться. У его плеч и шеи появилась дыра, и дым от одежды смешался с паром, исходящим от тела. Пэдджетт визжал, но звук приглушался закрывавшим рот мягким прозрачным экраном.

И Фенн прикрыл глаза, но уже не от жара.

Он пытался встать, но то ли от головокружения, то ли от слабости не смог и пополз, кашляя и задыхаясь. Ему было необходимо оказаться подальше от этого ужасного, умирающего существа.

Это было слишком, жар заливал его. Руки отказывались слушаться, и Фенн перекатился на спину.

Пэдджетт уже горел. Его руки молотили воздух, одна колотила по багажнику «капри» словно в бесильной злобе. Волосы пылали, и в языках пламени от одежды стекло на лице стекало по коже блестя-

щими красными ручейками. Он упал ничком, но продолжал вылезать из окна, как автомат — обугленная фигура, не имевшая больше ни соображения, ни сил, ее толкала вперед только боль.

Бензобак «капри» взорвался, и страшная фигура скрылась из виду.

Новая волна обжигающего воздуха обдала Фенна, и он быстро перекатился на бок, бешено отталкиваясь ногами и ожидая, что вот-вот вспыхнет. Вокруг были другие люди: кто выпрыгнул из окон автобуса, кого застигла авария, когда они шли мимо гаража, кто подошел к пожару, чтобы помочь. Все ползли или ковыляли прочь, стараясь выбраться в безопасное место, где жар не настиг бы их, где можно вдохнуть свежего, влажного воздуха. Но огонь не исчезал. Он нашел новую поддержку, новую пищу, новую горючую жидкость для подпитки своих сил. Начали взрываться машины в самом гараже; банки с маслом и канистры с бензином вспыхнули белыми огненными шарами. В подземных баках температура приближалась к точке, когда взрыв неминуем.

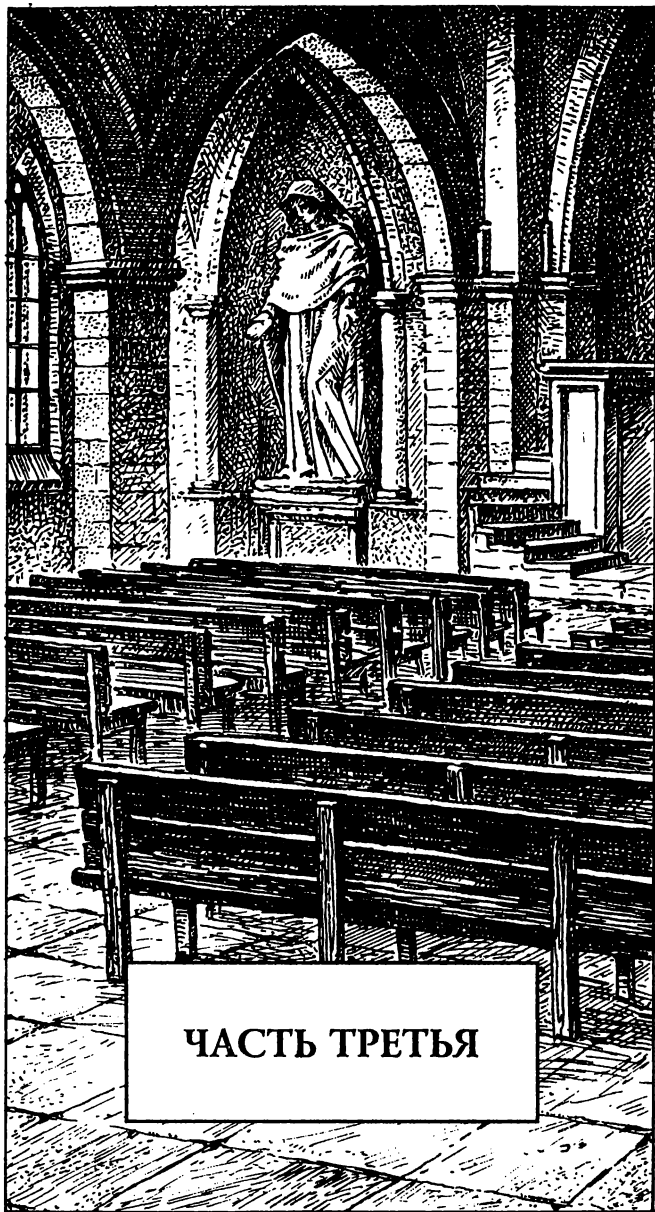
Фенн выругал себя, что не убежал, не нырнул в укрытие — переждать, пока не исчезнет опасность. Он слабо отталкивался от земли.

Его коснулся холодный воздух и словно закрыл все поры в теле. Жар отхлынул от кожи, исчезло жжение в глазах. Фенн приподнял плечи, повернулся на локоть, чтобы посмотреть, что случилось, и оглянулся назад, на пламя, не веря своим глазам.

Над площадкой клубился уносимый ветром дым, то застилая все, то приподнимаясь и открывая картину. Огонь затихал. Пламя словно сжималось, превращалось в клочки, с каждой секундой теряло свою

силу. Оно колебалось. Исчезало. Покореженные автомобили остались просто обгоревшими, тлеющими скорлупками, а бензоколонка — почерневшими, дымящимися руинами.

И из клубящегося дыма вышла крохотная фигурка: девочка с белокурыми волосами. Она медленно, без страха шла по месту катастрофы. Желтое платье развевал ветер. Девочка протянула руки — и остатки пламени погасли, исчезли совершенно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Мой милый друг, промчатся дни,
Раздастся голос грозный,
И он велит тебе: «Усни!»
И спорить будет поздно.
Мы так похожи на ребят,
Что спать ложиться не хотят.*

Льюис Кэрролл.

«Сквозь зеркало и что там увидела
Алиса, или Алиса в Зазеркалье»
(Перевод Д. Г. Орловской)

ГЛАВА 24

*Как хищник, взгляд стрелка суровый
Завидев из куста,
Дрожит злодей, услышав слово
Прекрасного Христа.*

Уолтер де Ла Мар. «Людоед»

Телепередача по каналу ITN на все регионы, воскресенье, ранний вечер.

«...Некогда мирный поселок Бенфилд в западном Суссексе. Сегодня тысячи людей собрались в католической церкви Святого Иосифа, надеясь хоть краем глаза увидеть Алису Пэдджетт, одиннадцатилетнюю школьницу, объявленную чудотворицей. Автомобили и автобусы образовали двухмильную очередь по обе стороны деревни, и, чтобы поддерживать порядок в толпе, пришлось вызвать дополнительные наряды полиции из близлежащих районов. У нас есть репортаж с места событий от Хью Синклера, который с утра находится в этой церкви...

Хью Синклер. Сегодня здесь наблюдаются необычайные сцены. Люди с раннего утра начали собираться у церкви Святого Иосифа — многие из них убежденные католики, другие просто зеваки, — чтобы

взглянуть на эту девочку, которая, как говорят, творит чудеса. Возможно, они ожидают увидеть чудо и сегодня.

Алиса Пэдджетт привлекла внимание всего мира всего несколько недель назад...»

Телепередача по каналу BBC1, воскресенье, поздно вечером.

«...Исцелила пять человек, страдающих от различных заболеваний. Трое из них признавались медициной неизлечимыми. Сама Алиса была глухонемой, пока, по ее собственным словам, не увидела Пречистую Деву. Хотя ее заявление было воспринято скептически, в частности самой Римско-католической церковью, остается неоспоримым тот факт, что она и пятеро других людей исцелились.

По различным оценкам, этим утром к церкви Святого Иосифа пришли не менее двух тысяч человек, и в течение дня это число удвоилось. Тревор Гривз сообщает из Бенфилда...

Тревор Гривз. Хотя толпа значительно убыла, по-прежнему у древней церкви Святого Иосифа стоят люди. Толпа как будто ждет того же явления, что якобы видела Алиса Пэдджетт. Сегодня днем атмосферу среди паломников можно было назвать не иначе как наэлектризованной. Не было никакой массовой истерии — чего так боятся власти при таких сборищах, — но было много обмороков, плача и молитв.

Когда в девять двадцать утра Алиса в сопровождении матери и под охраной священников и полиции прибыла на воскресную службу, ей было трудно подойти к церкви, не то что войти внутрь. Мессу отложили на сорок пять минут, а тем временем охран-

ники пытались оградить эту хрупкую девочку, бледную, в белом платье, очевидно опечаленную потерей отца, столь трагически погибшего в прошлый вторник...»

Радиопередача по каналу LBC, после полуночи

«...Интерес к Алисе Пэдджетт снова повысился лишь в прошлый вторник, когда, по утверждению очевидцев, она потушила пожар, который угрожал опустошить большую часть Бенфилда. Пожар возник от того, что машина, пассажиром которой был родной отец Алисы, столкнулась с автобусом и бензовозом. Огонь распространялся, усиливаясь вытекавшим из бензовоза горючим. Из бензовоза во время столкновения перекачивали бензин в подземные баки под гаражом, которые тоже угрожали взорваться, когда появилась Алиса и, по словам очевидцев, потушила пожар. По иронии судьбы Леонард Пэдджетт погиб до того, как его дочь сыграла свою роль.

Как Алиса остановила пожар, никто не знает, но бывшие на месте происшествия утверждают, что при ее появлении пламя как будто погасло само собой. Служащие пожарной охраны, осмотревшие место происшествия, утверждают, что этому нет никакого логического объяснения. В тот день прошел небольшой дождь, хотя стоял жестокий холод. Кроме первоначального взрыва, когда автобус врезался в бензовоз, не было никаких других взрывов, которые могли бы сбить огонь. На месте были обнаружены полуобгоревшие бревна; если бы пожар продолжался естественным путем, они должны были сгореть полностью. Также на земле остались негоревшие лужи бензина. Когда прибыли пожарные команды,

оставались лишь маленькие, разрозненные, относительно безопасные очаги возгорания. Более полный отчет ожидается в ближайшие дни, однако в настоящее время специалисты говорят очень мало.

Вчера я говорил с некоторыми людьми, съехавшимися со всей страны в бенфилдскую церковь Святого Иосифа. Многие из них страдают различными болезнями, и родственники или друзья привезли их, как полагают, на святое место...»

Выдержки из интервью в программе «Сегодня» по 4-му каналу ВВС, Великобритания, ранним утром в понедельник.

«...Мы не смогли добраться до места. Кто-то сказал, что девочка там, но мы не видели ее...»

«...Да, мы были в церкви. Считалось, что там нет фоторепортеров, но они были и все время снимали. Священники не могли справиться с журналистами и под конец, наверное, просто сдались...»

«...Она святая. Я видела ее. Она похожа на ангела. У меня был хронический артрит, но, как только я увидела ее, мне полегчало. Это она, я знаю, что дело в ней. Несомненно, это сделала она...»

«...Ну, мы вышли в поле рядом с церковью. Нас не хотели туда пускать, священники пытались повернуть толпу назад, но людей было слишком много — вы видели. Я хотел завести свою сестру внутрь церкви. Она калека. Но мы не смогли приблизиться. Даже кладбище было забито народом...»

«...О, нет, я не католик. Нет, я просто хотел посмотреть, из-за чего такой шум. Я видел, как она в машине ехала к церкви, и все. Только мельком, по-

ка она проезжала. Был выходной, и детям понравилась...»

«...Поселок просто забит. Сначала я вообще не мог выйти из своей лавки. Дела шли хорошо. Я работал в журнальном киоске до обеда. Впрочем, пришлось закрыться раньше — кончились запасы. Думаю, другие торговцы расстроились. Не могли открыться — понимаете, не имели разрешения. И тем не менее до конца недели дела должны идти отлично...»

«...Всю ночь я был на лугу. Я и несколько сотен других. Мы все хотели попасть на воскресную службу. Мне удалось, мне и жене. Да, я видел Алису. Вокруг нее распространяется аура, знаете, как вокруг святых...»

«...Святое дитя, это видно, едва на нее посмотришь. Она улыбалась, хотя должна была глубоко скорбеть по отцу. Я уверена, она улыбалась лично мне. Я ощутила, как ее любовь проникла в меня, словно заполнила меня всю...»

«...Я все еще слепой...»

Выдержки из интервью в передаче «Мир после часа», 4-й канал радио BBC, Великобритания, днем в понедельник.

«...Люди толкались, давились. Девочке передо мной стало плохо. Это было ужасно. Как будто опять вернулись “Биттаз”...»

«...Все чувствовали умиротворение, безмятежность. Это было прекрасно, по нам словно прокатилась волна любви...»

«...Кто-то наступил мне на ногу. Я подумал, раздробило пальцы...»

«...Мы не хотели уходить. Хотелось просто оставаться там и молиться. И хотя мы не попали в самую церковь, но ощущали присутствие Святого Духа...»

«...Я привез своего отца из Шотландии. Он очень плохо перенес путь — у него рак. Мы только мельком видели Алису, но отец говорит, что теперь ему гораздо лучше. В последние месяцы он не чувствовал себя так хорошо...»

«...Все в приюте — ну, почти все — захотели поехать туда. И настояли. Поскольку приют частный, они оплатили поездку. Всего набралось три автобуса. Остались те, кто не хотел ехать, и слишком больные...»

«...Она была совсем маленькая, но как-то получилось, что она выше всех. И словно излучала какое-то внутреннее сияние...»

«...Весь обед была давка, и вечером торговля шла так же ужасно — то есть так же хорошо. Одеться вокруг — сами видите. Я слышал, что во всех пабах в округе то же самое...»

«...Видимо, люди не хотят понять, что все дело в истинной вере. Алиса показывает им путь...»

«Стандард», вторник, поздний выпуск.

ПОХОРОНЫ ОТЦА ЧУДО-ДЕВОЧКИ

Сегодня состоялись похороны Леонарда Уильяма Пэджетта, отца Алисы Пэджетт, прозванной Бенфилдской чудотворицей. Он не был католиком и поэтому похоронен на общественном кладбище на окраине поселка. Пэджетт в возрасте 47 лет погиб в автомобильной катастрофе в прошлый вторник. Его 44-летняя вдова Молли была очевидно подавлена, и не только трагической смертью мужа, но и ордами

зевак и журналистов, осадивших кладбище. Алиса молча стояла у могилы и словно не замечала толпы, явно потрясенная второй за неделю трагедией в ее короткой жизни — за несколько дней до смерти отца от сердечного приступа умер ее приходской священник отец Эндрю Хэган, очень близкий ей человек...»

Стенограмма интервью, полученного BBC1 и транслировавшегося по всей Британии во вторник ранним вечером.

Вопрос. Конечно же, каноник Бёрнс, после всего случившегося на прошлой неделе Католическая церковь не может отрицать, что в этой девочке есть нечто необычайное?

Ответ. Меня там не было, и я не могу подтвердить происшедшее.

Вопрос. Да, но многие очевидцы утверждают, что Алиса потушила пожар. Некоторые даже говорят, что она прошла сквозь пламя.

Ответ. Сообщения очень запутанны, если не сказать большего. Разные очевидцы говорят, что видели разное. Некоторые утверждают, что она появилась и прошла сквозь пламя, другие — что пламя погасло при ее приближении. А некоторые говорят, что Алисы не было, пока пламя полностью не погасло.

Вопрос. И тем не менее она словно бы произвела нечто необычайное — вы так не считаете?

Ответ. Это трудно отрицать.

Вопрос. Пришла ли церковь к какому-либо заключению относительно произведенных Алисой чудес?

Ответ. Так называемых чудес. Они все еще исследуются.

Вопрос. Да, но считаете ли вы, что церковь — именно тот институт, который должен проводить такие исследования?

Ответ. Простите, я не уловил суть вопроса.

Вопрос. Может быть, этим делом лучше заняться парапсихологам? Или, по крайней мере, следовало бы включить одного-двух в проводящую исследование комиссию.

Ответ. В комиссию включены несколько медицинских экспертов...

Вопрос. Это разные вещи.

Ответ. Результаты наших изысканий будут открыты для всех научных организаций. Однако в настоящий момент мы предпочитаем опираться на более материальную основу.

Вопрос. Почему вы считаете, что в прошлое воскресенье не произошло новых чудес?

Ответ. Пока что я не признаю, что вообще были какие-то чудеса. К сожалению, средства массовой информации взвалили огромное бремя на это бедное дитя. Это они создали образ чудотворицы. Теперь люди ждут от нее чудес.

Вопрос. Действительно, церковь Святого Иосифа стала для многих святилищем. Но вряд ли в этом виноваты средства массовой информации — мы только сообщаем о том, что произошло.

Ответ. И спекулируете на этом.

Вопрос. Тут в самом деле есть пища для спекуляций. Как вы справитесь с тысячами людей, со-

бравшихся после такой рекламы посетить церковь? Кажется, в воскресенье там случились чуть ли не беспорядки.

Ответ. Ничего подобного. Толпа вела себя смирно, хотя многие крайне были разочарованы, так и не увидев Алису.

Вопрос. Ожидаете ли вы еще большего сближения в это воскресенье? А если да, то окажетесь ли на этот раз лучше подготовлены?

Ответ. Наверное, я должен подчеркнуть для публики, что ехать в церковь Святого Иосифа совершенно бессмысленно. Там действительно будет не на что смотреть.

Вопрос. Но правда, что сейчас там ведутся строительные работы?

Ответ. Да-да, это правда. Хотя мы просим людей не создавать ажиотаж, мы должны быть готовы к любому скоплению народа.

Вопрос. Значит, вы готовитесь — извините — к осаде?

Ответ. Надеюсь, осады не будет. Но верно: мы готовимся к большому числу посетителей, хотя делаем все возможное, чтобы погасить ажиотаж.

Вопрос. Спасибо за ответы на мои вопросы. А не могли бы вы сказать, в чем состоят ваши... гм... приготовления?

Ответ. Просто на лужайке, примыкающей к церкви Святого Иосифа, мы строим место для алтаря...

Вопрос. Там, где Алиса якобы видела Пресвятую Деву?

Ответ. М-м-м... Да. У центрального алтаря будет устроено как можно больше сидячих мест, но, бо-

юсь, многим все равно придется стоять на грязной земле, прямо на лугу. Воскресная служба будет проходить там, а не в самой церкви.

Вопрос. И последний вопрос, каноник Бёрнс: будет ли Алиса на мессе в это воскресенье?

Ответ. Этого я не могу сказать».

Беседа между строительным подрядчиком и монсеньером Делгардом в среду утром.

— Дерево оставить, монсеньер? Или срубить?

— Нет. В поле ничего не надо рушить. У вас есть план. Постройте вокруг дерева помост.

Телефонный разговор между Фрэнком Эйткином, редактором «Брайтон ивнинг курьер», и Главным офисом в Лондоне утром в среду.

«Эйткин. Не знаю, куда запропастился Фенн. Он звонил в пятницу, сказал, что накануне слегка обгорел на пожаре в Бенфилде. Да, он видел всю эту свистопляску накануне — ради Бога, он же был там! Нет, не знаю, почему он не принес заметку. Я говорил вам на прошлой неделе. Он сказал, что ему полагается отпуск, и решил взять его. Спятил? Конечно. Если хотите, чтобы я его уволил, сделаю это с радостью. Не хотите? Я и не думал. Нет, я звонил ему домой. Не отвечает. Я даже посылал за ним. Дома никого нет. Нет, с самой пятницы. Больницы? Он не так сильно обгорел, но все равно мы уже проверяли. Он просто исчез, пропал, испарился. Может быть, он халтурит на кого-то, кому не смог отказать. Конечно, как только история разрослась, я поднял ему жалованье. Наверное, недостаточно. Боже, я про-

инструктировал секретаршу на телефоне вежливо посылать к черту всех наших деловых друзей, если они попытаются связаться с ним. Нет, Фенн не сказал на сколько, но когда я его увижу, то переломаю его чертовы ноги. Хорошо, мистер Уинтерс, я не буду ломать ему ноги, когда увижу. Да, сэр, я поцелую его в задницу. Спасибо. Я сообщу вам, как только что-нибудь узнаю».

Выдержки из интервью LBC, звонок Брайану Хейзу, район Лондона, вторник утром, от Т. Д. Редли, профессора, специалиста по восточным религиям и этическим системам, Оксфордский университет.

«...Разумеется, восточные религии подчеркивают неповторимость Бога и рассматривают его как сверхъестественное существо. Чудеса может творить только Он один, хотя простые смертные могут молить его совершить чудо для них. Обычно это делается при помощи святых или таинственных сил. Теперь восточные религии в основном отвергают чудеса, так как в настоящее время имеется тенденция не привлекать внимания к этому различию между божеством и человеком. Для них подобные события являются частью всеобщей реальности и подчиняются всеобщему космическому закону. Но, конечно, этот космический закон лежит вне сферы материального. Хотя эти чудеса — назовем их так — для наших логических законов, для нашей природы, если хотите, являются исключением, их логика лежит за пределами этой реальности, и, конечно же, запредельная логика находится вне нашего понимания, но тем не менее сама по себе логична...»

Выдержка из утреннего выпуска «Гардиан» за вторник, статья «Мечты, Фрейд или самообольщение», автор — Никола Хинек, написавший «Бернадетта Субиру: стоящие за заблуждениями факты» (Ходдер и Стаутон, 1968).

«...В своей книге “Правда и мифы в Католической церкви” его преосвященство кардинал Бернар Бийе дает полный перечень явлений Девы Марии, которые якобы имели место в мире с марта 1928 года по июнь 1975. Всего их было 232, два из которых в Англии (в Стокпорте в 1947 году и в Ньюкасле в 1954)»

Статья из «Юниверс», пятница.

«ЕПИСКОПЫ ОБСУЖДАЮТ БЕНФИЛДСКУЮ ЧУДО-ДЕВОЧКУ

Любопытные события вокруг одиннадцатилетней школьницы Алисы Пэджетт в следующем месяце будут обсуждаться кардиналами и епископами в Риме. С беспрецедентной быстротой Святой Престол решил, что конференция состоится до завершения работы специального расследования, проводимого Церковным комитетом. Полагают, что существует некоторое опасение насчет истерии, которую вызывают утверждения девочки о явлении ей Пресвятой Девы и насчет ее способности творить чудеса.

Несколько высокопоставленных членов духовенства настояли на необходимости срочного созыва конференции, среди них кардинал Люпеччи, префект Конгрегации по доктрине, который вчера в Риме заявил: “В веке, когда ценности религии постоянно подвергаются нападкам, Римско-католическая церковь должна твердо возглавить движение по поддержке и восстановлению веры своих последователей.

Церковь должна постоянно искать божественного руководства и без такового будет игнорировать любые знаки и знамения. Пренебрежение же последним, то есть отказ определить, были ли они поистине посланы Богом, привело бы самую Святую Церковь к страшной опасности»».

Выдержка из передовицы «Психик нрюс» за пятницу.

«НЕУЖЕЛИ ЭТО ЭВОЛЮЦИЯ?

...Многие выдающиеся генетики полагают, что мы достигли биологической способности продвинуть себя на следующий уровень эволюции и что Алиса Пэдджетт — просто первая ласточка, первое проявление этого прогресса. Их утверждения, что генетически выведенная способность к обучению, которая всегда была искомым качеством человечества в процессе естественного отбора, теперь стала наиболее эффективным методом биологической адаптации к нашей культуре.

В быстро изменяющемся окружении, где культуры могут адаптироваться на протяжении поколений, в то время как биологические изменения требуют тысяч лет, психические чувства человека развиваются в быстро возрастающей степени, предоставляя нам такую психическую мощь, какую мы видели в последние недели в Бенфилде. Можно определенно утверждать, что Алиса Пэдджетт не является исключением или не будет таковым в ближайшие поколение-два. Были установлены тысячи случаев психических феноменов, в том числе психокинез, парадиагностика, психофотография, психометрия и, конечно, исцеление верой и левитация, которые встречались на протяжении веков. Случаи с Алисой были коварным

образом представлены в религиозном контексте, который должен быть развеян материалистическими взглядами сегодняшнего общества и опровергающими духовенство поразительными открытиями современной науки...»

Выдержка из разговора, подслушанного в «Пан-таверне» на Флит-стрит в пятницу, ранним вечером.

— ...Это все куча дерьма...

ГЛАВА 25

— Я думал, ты призрак или сон,— сказал он.— Призрака или сон нельзя укусить, и если закричишь, они не обращают внимания.

Фрэнсис Ходжсон Бернет. «Волшебный сад»*

Это был документ. Пожелтевший пергамент с неровными краями, листы, покрытые поблекшими письменами. Листы были везде: они летали в воздухе, валялись на полу, заслоняли видимость — везде, везде...

«Все в порядке,— сказал он себе.— Я сплю. Я могу прекратить это. Нужно только проснуться».

Но древние страницы начали сворачиваться, края стали тлеть. Коричневые пятна превращались в маленькие огоньки, выедавшие середину.

«Проснись».

Там было темно. Как в могиле. Но язычки пламени поднимались все выше и отбрасывали свет, отчето на стенах заплясали тени. Фенн повернулся и упал.

* Перевод И. Р. Сендерихиной.

Колени ударились о гладкий камень. Он протянул руку, и пальцы коснулись шершавого дерева. Он привстал и полуприсел на нащупанную скамеечку. В неровном свете виднелись другие скамейки, гладко оструганные, без украшений. Он увидел алтарь и содрогнулся.

«Проснись, Фенн!»

Язычки пламени стали больше, они охватили старые манускрипты. Это была церковь Святого Иосифа... но это была не она. Она была какой-то не такой... меньше... новее... но старше...

«Нужно выбраться отсюда! Нужно проснуться!» Он понимал, что это сон, поэтому нужно проснуться. Но языки пламени начали обжигать его, и голову заполнил дым. Вытянутую ногу опалило.

Он выпрямился на скамейке, и огонь поднялся вместе с ним. Фенн отшатнулся к алтарю и взглянул вниз, на горящие документы. Один лист лежал у ног, не тронутый огнем, но он тоже начал заворачиваться внутрь. На его поверхности не было древних надписей — всего одно слово, написанное твердой рукой, без прикрас:

«МАРИЯ».

Буквы пожирало пламя, и Фенн увидел, что другие листы пергамента вокруг имели на себе ту же надпись. Они тоже горели, пламя исступленно их пожирало.

«Проснись!»

Но он не мог проснуться, потому что понял, что не спит. Он посмотрел за пламя, в неф церкви, которая была церковью Святого Иосифа, но не была ею. В нефе медленно открывалась дверь. Его кожа от жара начала покрываться волдырями, но он не мог дви-

нуться, он был заперт в собственном страхе. Он знал, что горит, но мог только смотреть на маленькую белую фигурку, которая вошла в дверь. Он смотрел, как она приближается с застывшим лицом, с закрытыми глазами. Она прошла сквозь пламя, и пламя не обожгло ее.

И теперь ее губы улыбались, и глаза улыбались. И она смотрела на него, и это была не Алиса, это была...

— РАДИ БОГА, ФЕНН, ПРОСНИСЬ!

Он не понял, закричал ли во сне ли или когда проснулся. Сверху на него смотрело лицо, и длинные черные волосы ниспадали на обнаженные плечи.

— Господи, Фенн, я думала, никогда не разбуджу тебя. Извини, но мне казалось, что не надо давать человеку спать, когда у него кошмар.

— Сью?

— Вот дерьмо! — Нэнси откатилась от него за сигаретами, лежащими на столике у кровати.

Фенн захлопал глазами и сосредоточился на полке. Сновидение быстро поблекло. Он с опаской повернул голову к внезапной вспышке от спички.

— Привет, Нэнси!

Помахав спичкой, она пустила дым в потолок и задумчиво ответила:

— Ага, привет.

Фенн почувствовал, что весь липкий от пота, ощутил резь в мочевом пузыре. Он сел и потер шею, потом лицо, уколотившись о щетину на подбородке. Сбросив одеяло, Фенн свесил ноги на пол и несколько мгновений посидел на краю кровати. Потом крепко зажмурился и снова открыл глаза.

— Извини,— сказал он, как будто самому себе, и побрел в туалет.

Нэнси курила, ожидая, когда он вернется. Лампа у кровати заливала мягким светом ее голые руки и груди. Что за чертовщина с ним? Второй раз за неделю пришлось расталкивать его от кошмара. Что ли, пожар в Бенфилде так напугал его? И чем, черт возьми, он занимался всю неделю? Исчезал днем, не говорил, где пропадает, а вечером возвращался поздно и полупьяный. Она разрешила ему переехать в снятую ею квартиру в Брайтоне, так как он хотел спрятаться от остальных газетчиков — в частности, из собственной газеты — чтобы поработать над чем-то особенным, имеющим отношение к Бенфилдским чудесам, но не позволял ей вмешиваться. Конечно, он по-своему платил, но она надеялась, что к этому времени они уже вместе будут работать над проектом. Когда она упоминала про совместную работу, он только качал головой и говорил: «Пока еще рано, милая». Он использовал ее, и это было совершенно неправильно — ведь это *она* должна была использовать его.

В туалете зашумела вода, и через несколько секунд, почесывая под мышкой, в дверях появился Фенн. Нэнси вздохнула и стряхнула пепел в пепельницу. Он плюхнулся рядом и застонал.

— Не хочешь рассказать мне? — спросила она, и в голосе ее не было ни малейшей мягкости.

— М-м-м?

— Про твой сон. Тот же, что и раньше?

Он приподнялся на локтях и посмотрел на подушку.

— Я знаю, что там снова было что-то про огонь. Теперь все вспоминается довольно смутно. Да, еще там было множество манускриптов...

— Манускриптов?

Фенн понял свой промах. Нэнси с любопытством смотрела на него, держа сигарету у губ. Он прокашлялся, желая, чтобы так же легко удалось прочистить и голову. Во рту было такое чувство, будто что-то прокисшее сворачивается в комок, и Фенн мысленно проклял чертову попойку. Он быстро принял решение, понимая, что Нэнси из тех женщин, которые позволяют отодвигать себя в сторону лишь до поры до времени. Фенн был уверен, что она каждую ночь, пока он спит, пытается открыть его дипломат (дипломат с наборным замком, купленный специально, чтобы любопытствующие не совали нос), стараясь разузнать, что он разнюхал за день и почему материалы заперты — не иначе как они имеют особую ценность. Но горькая правда состояла в том, что ничего такого ценного, что стоило бы запираить, за неделю усердных поисков он так и не нашел. Пора объясниться с ней, и сделать это тем легче, что разглашать-то было нечего.

Он сел, прислонившись к спинке кровати, и натянул одеяло на голые ноги и живот.

— Хочешь посмотреть, что у меня в дипломате?

— Ты имеешь в виду свой переносной сейф? — ответила Нэнси, подтвердив его подозрения.

Не заставляя долго себя упрашивать, она соскочила с кровати и подбежала к дипломату, прислоненному к небольшому письменному столу. Квартира была настоящим рабочим кабинетом — одна из бесчисленных пустующих в несезонное время квартирок, что освобождаются на приморском курорте в зимние месяцы, идеальная для таких, как Нэнси, кто приезжает не слишком надолго и предпочитает немного сэкономить на отеле.

Она вернулась к постели, и Фенн зажмурился, когда дипломат плюхнулся ему на живот. Нэнси раздавила окурок и запрыгнула в постель рядом, торчащие коричневые соски ее маленьких грудей выражали то же нетерпение, что и лицо.

— Я знала, что рано или поздно ты со мной поделишься, — с улыбкой сказала она.

Он хмыкнул, большим пальцем набирая на замке код. Составив шестизначное число, Фенн щелкнул замками и поднял крышку. Дипломат до краев заполняли исписанные карандашом листы.

Нэнси схватила, сколько смогла, и повернула записи к свету.

— Что это за чертовщина, Фенн? — воскликнула она, увидев даты, имена, короткие пометки.

— Это плоды недельных кропотливых поисков. И отчасти причина кошмаров.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Нэнси, рассматривая пометки и ища чего-нибудь еще.

— Когда я был студентом, одно лето я работал в ресторане. Точнее, в довольно приличной чайной — знаешь, куда заходят светские дамы и тетушки выпить после обеда чаю и съесть пирожное. Место было бойкое, и работа оказалась для меня новой. Первые пару недель по ночам мне снились серебряные чайники и ошпаренные пальцы. На этой неделе мне снятся древние пергаменты. А этой ночью — и давешней — в сон вмешалось кое-что еще.

— Но к чему все это? Ты пишешь историю Бенфилда?

— Не совсем. Впрочем, я исследую ее. Ты знаешь, Церковь платит мне, чтобы я написал про Бенфилдские чудеса...

— Это не значит, что ты не можешь также писать и для нас.

— Мы уже обсуждали это, Нэнси. Это не мешает мне писать для кого-либо еще, но теперь я хочу в собственной голове получить представление обо всей этой истории.

— После пожара ты стал вести себя странно.— Она дотронулась до белых пятен у него на лбу: опухоли исчезли, но остались безобразные следы.— Ты уверен, что все прошло?

Он стряхнул ее руку.

— Ты будешь слушать или нет? Мне нужно было узнать историческое прошлое Бенфилда...

— Брось, Фенн. Я не покупаю это. Историю можно узнать в местной библиотеке. Я это сделала, как и другие репортеры.

— Я хотел проникнуть в сокровенные материалы.

— Ладно, считай меня дурочкой, я поверю.

Он раздраженно вздохнул.

— Просто выслушай, ладно?

— Ладно.

— В местную библиотеку я ходил прежде всего. Там нашлось не много: всего одна книжка, написанная парнем, который в тридцатые годы был сельским викарием, и пара томов по истории Суссекса.

— Да, не жирно.

— И я пошел в муниципалитет, в архив. Приходская служба очень мне помогла, но их записи хранили лишь события после тысяча девятьсот шестидесятого года. Оттуда я направился в архивы графства в Чичестере и там проторчал всю прошлую неделю. Наверное, тамошних архивариусов уже тошнит от одного моего вида. Я просмотрел каждый клочок бу-

маги, относящийся к Бенфилду, начиная с восьмого века — не скажу, что я много понял в более ранних записях. Много было или совершенно неразборчиво, или написано по-латыни. Даже более поздние записи читались нелегко, все эти «f» вместо «s» — ты знакома с этим.

— И до чего же ты хотел докопаться?

Он отвел глаза.

— Этого я не могу сказать.

— Почему? Что за страшная тайна?

— Никакой страшной тайны.

— Тогда почему же ты дошел до такого состояния?

Он снова повернулся к ней.

— До какого?

— Ты видел, на кого стал похож? — Она провела рукой по его подбородку. — Ты знаешь, как вел себя? Каждый вечер приходил навеселе, держал свои чертовы бумаги под замком, как государственные секреты. Потом эти кошмары, бормотание во сне — и ты трахал меня как какой-то зомби!

— Тебе не понравилась моя техника?

— Дерьмо! Ты что, думаешь, в этой койке ты просто платишь за постой? Ты меня за кого принимаешь?

Он положил руку ей на плечо, но она сбросила ее.

— Я думала, мы вместе возьмемся за это дело, — сердито проговорила Нэнси. — Я не вмешивалась и давала тебе продолжать работу, ожидая, когда ты мне все расскажешь. И теперь ты мог бы рассказать, но не хочешь. Ладно, дружок, раз мы не договорились, можешь уматывать.

— Эй, с чего это ты...

— Проваливай!

— Сейчас... сейчас... — Он нашарил под подушкой часы. — Сейчас четвертый...

— Дерьмо! Пошевеливайся.

— Я могу усовершенствовать свой стиль, — проговорил он, ладонью поглаживая ее сосок.

— Я не шучу, Фенн. Пошел вон!

Его рука проникла под одеяло и обвила ее талию.

— Я побреюсь.

Нэнси толкнула его в грудь.

— Можешь не бриться.

Он нежно провел рукой ей по бедру.

Она ударила его в плечо.

— Я серьезно, придурок!

Он перекатился на нее, и она плотно сжала ноги.

— Собрался вдруг стать пылким любовником? — прошипела Нэнси. — Думаешь, я упаду в обморок? Дерьмо!

Он соскользнул с нее, сдавшись, перекатился на спину и, глядя в потолок, вздохнул.

— Боже, какая ты грубая!

Нэнси села и посмотрела на него сверху.

— Да, я грубая и говорю серьезно. Ты воспользовался мною, Фенн, и не дал ничего взамен...

— Ладно, ладно, ты права.

— Догадываюсь, что это твой стиль — пользоваться людьми, ситуациями... Но с этой женщиной такое не пройдет.

— А ты сама разве не такая же, Нэнси? — тихо проговорил он. — Разве ты не такая же мерзавка?

Она поколебалась.

— Конечно, мы все используем друг друга. И для тебя я лишь средство. Вот почему я поняла, что ничего не получаю...

— Не договаривай. Я сказал: ты права, и, возможно, начинаю ощущать свою вину. На этой неделе у меня было странное ощущение, будто... Как будто эта девочка, Алиса, преследует меня. Постоянно, начиная с пожара, с тех пор, как она прошла сквозь пламя...

Нэнси молчала, все еще злясь, и он посмотрел на нее, словно ища ответа. Ее тело было худым, груди не такие упругие, как, вероятно, были когда-то, чуть заметные линии на шее говорили о прошедших годах. Жесткость черт лица смягчалась сумрачным освещением, но ярость в глазах было не приглушить. Даже в молодые годы, Фенн был уверен, ее нельзя было назвать красавицей, и все же была в ней привлекательность, которой могла позавидовать любая женщина, и это пробуждало в большинстве мужчин желание овладеть ею (лишь на одну ночь или на две — дольше с ней вряд ли удалось бы ладить).

— Ты знаешь, я тоже там была,— сказала Нэнси, встревоженная его взглядом.— На меня Алиса не так подействовала.

Фенн приподнялся на локте, так что лица их сблизились.

— Расскажи, а как она на тебя подействовала?

— Как?.. Эй, не хитри, ты просто меняешь тему!

— Нет, расскажи. Обещаю, я буду с тобой совершенно откровенен, когда расскажешь.

Нэнси с сомнением посмотрела на него, потом пожала плечами.

— Какого черта я теряю? — Она задумалась на несколько секунд, возвращаясь к тому вторнику, когда случился пожар.— Ладно. На меня она вообще не подействовала. Никак. Я не поверила в происшедшее и не верю до сих пор.

— Но ты сама видела.
— Да. И все равно не верю.
— Это безумие.
— Конечно. Я видела, как она появилась, видела, как огонь погас. Но что-то в этом...— Она пожала плечами.— Как-то не увязывается, или не может связаться.

Он покачал головой.

— А сама Алиса? Она вызвала у тебя какие-либо чувства?

— Она просто ребенок. Худенькая, маленькая девочка. Миленькая, но ничего особенного.

— Многие говорят, что она распространяет вокруг себя сияние, какую-то ауру святости.

— Для кого-то, может, и так, но не для меня. Если честно, она вызывает во мне ощущение какого-то холода.

— Почему?

— Ну, наверное, потому что она кажется не такой оживленной, как другие дети. Конечно, она многое пережила, но что-то в ней... Не знаю. Какая-то вялость. Как будто все чувства заперты где-то в глубине. Очевидно, она подавлена смертью отца, но на похоронах не пролила ни слезинки. Может быть, она плакала вдали от чужих глаз...

Фенн снова улегся.

— В последнее время она вызывает у меня те же чувства. Когда я впервые увидел ее, когда гнался за ней в поле, она была просто испуганной маленькой девочкой. Теперь же... теперь она кажется другой. Вероятно, на прошлой неделе она спасла меня от страшных ожогов, но я не могу отыскать в себе никакой благодарности. И... О Боже, вспомнил! Я видел ее прямо перед тем, как машина врезалась! Это

точно была она.— Он снова сел, положив руки на колени.— Она стояла у окна в монастыре и смотрела. Прямо перед тем, как машина... потеряла... управление...

— Что ты говоришь, Фенн?!

— Машины. Разве ты не помнишь? Сначала «капри» впереди, а потом моя потеряли управление. Автомобиль не слушался руля.

— Не помню. Я думала, «капри» занесло, а ты старался его объехать.

— И я так думал — до сих пор. Только теперь до меня дошло, Нэнси. Я не мог управлять этой долбаной машиной. А Алиса все время смотрела.

— Я тебя не понимаю. Черт возьми, что ты пытаешься сказать? Что она виновата?

Он медленно кивнул.

— Именно это я и говорю.

— Ты не в своем уме.— Нэнси снова достала сигареты и закурила.

— Если ей подвластен огонь, она могла повлиять и на управление машиной.

Нэнси открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом просто покачала головой.

— Странные вещи происходят вокруг нее,— настаивал Фенн.

— Черт возьми, это еще мягко сказано. Но могли добавиться другие факторы, эти так называемые чудеса могли быть вызваны психологическими причинами. И кроме того, в огне погиб ее отец. Ребенок не мог иметь к этому отношение.

Фенн провел большим пальцем по нижней губе.

— Нет,— тихо сказал он.— Нет, конечно нет.— И погрузился в свои мысли.

Нэнси провела рукой по его спине.

— Ты соби́рался поделиться со мной.

Фенн прислонился к спинке кровати, и Нэнси передвинула руку ему на бедро.

— Вкратце это звучит так, — сказал он. — Монсеньер Делгард всерьез озабочен происходящим в церкви...

— Ничего удивительного.

— Дай мне закончить. Он чувствует, что там творится что-то нехорошее...

— Все эти чудеса? Да он должен прыгать от радости!

— Возможно, должен, но что-то не прыгает. Его тревожит смерть отца Хэгана...

— Это явно больное сердце.

— Может быть, ты заткнешься и выслушаешь? Его также беспокоит атмосфера в церкви. Церковь кажется ему — по его же собственным словам — «духовно покинутой».

— И что это значит?

— Полагаю, это значит, что оттуда исчезла святость.

— Неужели ты это серьезно? Не хочешь же ты сказать, что в церковь вселились демоны? — Нэнси фыркнула.

— Нет. Церковь Святого Иосифа пуста. Там нет ничего. Отец Хэган перед смертью ощутил то же.

— Эй, я не могу написать такую белиберду.

— Ради Бога, я не хочу, чтобы ты что-то писала! Я говорю тебе это по секрету, потому что ты хотела знать. Ты укрыла меня на неделю, помогла мне спрятаться от этих стервятников, чтобы я смог разобраться во всем. И я плачу благодарностью, рассказав тебе, что узнал, но я не хочу раззванивать это на всю чертову страну!

— Не беспокойся, этого не случится. Мой шеф поставит на мне крест. А вот если ты скажешь, что там какое-то жульничество, то я от тебя не отстану.

— Да, может быть, все это какое-то изощренное жульничество — как знать?

— Тогда к чему все эти разговоры о «духовно покинутом» и прочей белиберде? Своим лавированием ты только лишаешь себя возможности написать отличную статью, Фенн. Вероятно, такого шанса больше в жизни не будет.

— Это трудно объяснить, но я тоже чувствую: происходит что-то нехорошее.

— Ты же циник. Это для тебя естественно.

— Спасибо, но я имел в виду нечто действительно страшное. Как и ты, я заметил в Алисе странность.

— Я только сказала, что она не кажется яркой личностью.

— Ты подразумевала нечто большее.

— Ладно, ты и твой священник считаете, что грядет что-то нехорошее. Так какой же смысл во всех этих изысканиях? Как это может вам пригодиться?

— Возможно, никак, но я мог открыть в истории церкви нечто такое, что пролило бы свет на все это дело.

— Ты хочешь сказать, что хотел отыскать в истории церкви Святого Иосифа какую-то мрачную тайну? Фенн, мне не верится. Я думала, ты обеими ногами стоишь на земле и твои скрюченные пальцы всегда готовы ухватить что подвернется. Я не упрекаю тебя, прими это как комплимент — я сама такая. Но ты начинаешь меня разочаровывать.

— Монсеньер Делгард оценил меня точно так же — потому-то и нанял для этих целей.

— Ах да, в этом есть смысл.

— Это не сумасшествие. Он хотел, чтобы кто-то взглянул на все это дело спокойно и рассудительно, не отвлекаясь на религию и насмехаясь над всякими дурными флюидами.

— Всего несколько мгновений назад мне казалось, он сделал правильный выбор. Теперь я засомневалась.

Фенн вздохнул и сполз по спинке кровати вниз.

— Да, возможно меня увлекло в сторону. Авария, пожар — наверное, я перепугался и всего напридумывал. Я мог запаниковать, и мне показалось, что машина не слушается руля. На дорогу могли пролить масло — потому и другая машина потеряла управление. И все равно... — Он высыпал все содержимое дипломата на пол. — Ни в истории церкви Святого Иосифа, ни в истории Бенфилда я не нашел ничего пугающего. По крайней мере, ничего такого, чего не случилось бы в любой другой английской деревне или городе за последние сто лет. Наверное, от этого должно быть легче.

Нэнси взглянула на разлетевшиеся листы.

— Ты не против, если я как-нибудь просмотрю твои записи?

— Смотри сама, там нет ничего, что тебя заинтересовало бы.

Она прижалась к нему, и ее рука двинулась по внутренней стороне его бедра.

— А как насчет нас, Фенн?

— А?

— Насчет того, чтобы поработать вместе?

— Мне показалось, ты хотела меня прогнать.

— Это было раньше. А теперь ты мне рассказал о своих заботах.

— Рассказывать-то и нечего было, правда?

— Да, но ты, по крайней мере, поделился со мной. Как насчет сделки?

— Я работаю на Католическую церковь, Нэнси.

— Брось, Фенн. Ты работаешь на себя — Католической церковью ты просто *воспользовался*. Это способ оказаться в гуще событий и получать всю нужную информацию. Сколько бы они тебе ни заплатили, ты получишь вдвое, возможно вчетверо, больше из других источников, когда работа на Церковь закончится. Разве прежде всего не поэтому ты согласился?

На его лице постепенно появилась слабая улыбка, но она казалась натянутой. Чуть погодя он сказал:

— Я не стану с тобой работать, Нэнси, но буду передавать тебе информацию, попытаюсь ввести тебя в гущу событий — и вообще обещаю помогать как смогу.

— До известной степени, да?

— До известной степени.

Она застонала, признавая, что проиграла.

— Наверное, так будет правильно. Впрочем, думаю, ты сглупил: я могла бы улучшить твою писанину, подправить стиль. Я бы действительно могла. И могла бы устроить тебе выгодную сделку с «Вашингтон пост».

Он склонился над ней и поцеловал в шею, ее поглаживание произвело свой эффект.

— Когда тебе возвращаться в Штаты? — спросил Фенн.

— Вскоре после того, как пойму, что разузнала все, что собиралась, об этих чудесах. Я не могу ос-

таться навсегда, это наверняка. Может быть, на пару недель — если, конечно, не стрясется что-нибудь еще интереснее.

— Трудно представить, что случится что-то еще более потрясающее.

Но он задумался. Всего несколько недель назад он говорил, что вся эта история скоро забудется и Бенфилд снова канет в безвестность. По своим собственным, личным мотивам он не хотел, чтобы так и вышло, но какой-то слабый инстинкт, ускользавший, как только Фенн пытался сосредоточиться на нем, предупреждал, что так было бы лучше всего.

Нэнси потерлась щекой о его лоб.

— Я говорю, Фенн, что если ты собираешься мне помочь, нужно сделать это поскорее. Не держи это в себе, ладно?

— Конечно,— согласился он, сам себе не веря. Он поможет ей, но, как уже сказал, до определенной границы. Журналисты вообще эгоистичные твари, когда дело касается их работы, и он не являлся исключением.

Ее рука поднялась выше, и пальцы приблизились к затвердевшему члену. Впервые на этой неделе (и к его облегчению) его желание стало не просто потребностью выполнить физиологическую функцию. Когда движения приобрели сладострастный ритм, по его телу пробежала дрожь.

Повернувшись к Нэнси и плотно прижавшись, он поцеловал ее в губы, но она не отпускала свою добычу и не нарушала ритм. Ее ладонь, ее пальцы были мягкими и знали, где нажать, когда сдавить крепче, а когда отпустить. Его поцелуй стал жестче, ее губы увлажнились. Она укусила его за нижнюю

губу, нежно, только чтобы возбудить, но не причинить боли. Ее язык искал его язык, и все тело напряглось, область возбуждения распространилась у него с поясницы на руки, бедра, ягодицы, соски. Его пальцы соскользнули по ее бедрам и поднялись к грудям, лаская их по очереди, надавливая и вытягивая выпрямившиеся соски, ладонью окутывая всю грудь, то сжимая, то нежно лаская.

Она чувствовала его страсть, и это было совсем не так, как во все прошлые разы на неделе. Сейчас он как будто вышел наконец из одурманенного состояния. Нэнси улыбнулась про себя. Или это она вывела его из транса?

Нэнси плечом повалила его на спину, но пока не желала отпускать. Она по-прежнему держала пальцы там, поддерживая напряжение, ровными движениями двигая кожу по твердой сердцевине, случайным усилением ритма увеличивая его возбуждение, а затем ослабляя, дожидаясь главного момента для обоих.

Его рука скользнула ей на живот, мышцы которого то расслаблялись, то напрягались под прикосновением. Он провел рукой ниже. Нэнси встала на колени, отпустив член, так что рука смогла гладить все его тело. Обе руки ошупали его живот и легкими круговыми движениями поднялись выше, нежно массируя кожу ладонями и растопыренными пальцами. Она провела руками по его груди, чуть задержавшись на сосках, потом наклонилась, чтобы поцеловать, пососать, увлажнить их, а потом тихонько подула, прежде чем двинуться дальше; ее руки гладили его по плечам, по шее, большие пальцы касались задней части ушей.

Фенн улыбнулся, и она поцеловала его улыбку, переместив тело так, что оказалась над ним. Она вытянулась и легла на него, их кожа соприкоснулась и слилась, и это было необыкновенное, острое ощущение, словно поры обоих сами открылись друг другу. Нэнси извивалась на его твердом теле, ее наслаждение стало возрастать и сосредоточилось в глубине между бедрами; оттуда текла влага. Нэнси развела ноги и обвила его бедрами. Его член уперся ей в живот, и она пошевелила ляжками, чтобы он сдвинулся. Она взяла его руки, сжимавшие ее талию, и потянула вверх, ее пальцы сплелись с его и сжали их, придавили руки к подушке, а тело всей тяжестью пригвоздило его к постели. Фенн застонал, извиваясь, чтобы доставить ей больше удовольствия.

Когда ощущение усилилось, она подняла колени, но по-прежнему сидела на корточках на нем, прижимая руки к подушке, и надвинула влагалище, такое влажное, такое живое, вниз на всю длину его члена, все ее тело содрогнулось от сладостного ощущения. Она снова двинулась вверх, так что касалась лишь кончика члена, и помедлила, сама все больше возбуждаясь; дрожь вскоре стала невыносимой, но слишком приятной, чтобы избавиться от нее.

Ее пальцы отделились от его рук и потянулись вниз. Нэнси приподнялась и потеряла член крепче, одной рукой то опускаая, то поднимая крайнюю плоть ласковыми, дразнящими движениями, как несколько мгновений раньше; вместе с ним она дразнила себя, позволяя его плоти проникать в нее лишь частично, чтобы щекотать внешние губы влагалища.

Фенн застонал и подал тело вверх, но она приподнялась вместе с ним, издав гортанный то ли сме-

шок, то ли стон. Она позволила ему больше, ее влажность сделала вход гладким, не причиняющим боли, а доставляющим удовольствие. Внутренние мышцы напряглись, сомкнулись вокруг, держа его внутри, а рука по-прежнему ласкала, гладя Фенна промеж ног, шевеля и нежно сжимая кожу у основания члена. Его бедра двигались круговыми движениями, а руки сжимали ее бедра, гладили их, поднимались выше вдоль тела, касались груди, снова опускались вниз, касались большим пальцем входа, дразнили ее и ублажали, как и она дразнила и ублажала его.

Для нее это было слишком. Она осела вниз, а он поднялся в нее каждой частью своего напряженного члена, окруженного теплом, влажностью, мышцами, которые высасывали из него соки искусными сокращениями, не требующими движений остального тела.

Оба покрылись глянцем пота, волосы Нэнси упали на лоб. Ее глаза под полуопущенными веками закатились, а губы приоткрылись, обнажив зубы, и улыбка была почти гримасой страдания.

Фенн взглянул на нее, и представшее глазам зрелище усилило его собственные чувства. Он задвигался в ней, но она контролировала все движения, финал не должен был наступить, пока она не будет готова, пока не наступит ее оргазм. И это случилось скоро.

Нэнси судорожно вдохнула, звук был почти вскриком. Теперь все ее тело двигалось, толкая член в себя, насколько возможно. Он помогал движению, обхватив руками ее бедра. Фенн приподнялся на постели, его пятки уперлись в матрац, и он издал рез-

кий стон, желая еще, еще. Руки Нэнси обхватили его бока и потянули его вверх.

Фенн ощутил, как соки в глубине забурлили и начали извергаться, вырываться наружу.

Нэнси ощутила изменение в нем, он еще сильнее затвердел, все его тело стало сильнее, жестче, напряженнее. И она была готова к этому. Смятение внутри было готово взорваться.

Ее тело напряглось, словно каждая жилка, каждый нерв втянулись внутрь. Она больше не могла дышать, сердце колотилось в напряжении, и ритм совпадал с ритмом ее движений. Потом наступил пик, она поплыла, воспарила, достигнув одной великой высоты, потом другой, оргазм пришел не одним изысканным всплеском, а серией головокружительных взрывов. Первые два или три распространились на ее сознание, так что коснулись ее всей, заставив каждый нерв вырваться из спокойствия, потом напряжение стало медленно исчезать, дрожь прекратилась, чувства отхлынули.

Ее плечи поникли, руки согнулись, не поддерживая ее, длинные темные волосы упали на лицо. Нэнси с улыбкой тихо вздохнула, когда наслаждение спало и его заменило глубокое удовлетворение.

Она медленно освободилась и легла рядом с Фенном, его сперма сочилась из нее по внутренней стороне бедра.

— Это было лучше,— еле выдохнула Нэнси.

— Всю работу проделала ты,— ответил Фенн, убирая сбившиеся пряди с ее мокрого лба.

— Да, но на этот раз ты здорово помог.

Они замолчали, их тела расслабились, мысли унеслись. Нэнси слышала, как дыхание Фенна постепенно становится глубоким и ровным.

ГЛАВА 26

*Жила-была девочка со светлой косичкой,
Ходила в платьице пестром,
И когда была доброй, была очень добра,
Но когда была злой, то была монстром.*

«Джемима» (неизвестный автор)

Походка монсеньера Делгарда стала заметно менее энергичной, а высокая фигура согнулась еще сильнее, чем обычно. На главной улице было темно и тихо, два паба еще не вынесли свою субботнюю ночную торговлю на тротуар, и шаги священника по бетону раздавались одиноко и громко. Лишь немногие витрины были освещены, а огни фонарей вдоль дороги светили слабо, отбрасывая тени, еще более угрожающие, чем естественная темнота. Опять стоял жестокий холод, с переходом от февраля к марту значительных изменений в погоде не почувствовалось. Священник поднял воротник пальто, задумавшись, только ли возраст виновен в том, что в кости проникает этот озноб. Он содрогнулся, ощутив, как холод кончиками щупальцев коснулся нервов.

Он различил впереди огни монастыря, хотя его обычно зоркие глаза словно застилала пелена. Голова болела, и холодный воздух не облегчал боль, а мысли были тревожны. Огни монастыря сияли, маня к себе, словно предлагая безопасное убежище, место уединения вдали от нависающей церкви. Но не ложное ли это убежище? Что пугает его в этом святом месте? Делгард отмел сомнения. В тех стенах нашла безопасность девочка, напуганный, ошеломленный ребенок. Но, возможно, этого ребенка кто-то использует...

В прошлом Делгард не раз сталкивался с таким феноменом, как «одержимость бесом», и помогал

жертвам победить зло внутри себя, помогал их душе избавиться от шизофренических эмоций, которые сковывали и терзали сознание. В последние годы усилия от таких психологических битв стали чрезмерными для его изможденного тела, его ум (или душа) требовали все больше времени для восстановления. Впрочем, с возрастом и сломанные кости срастаются дольше. Он вдруг повернул голову, словно плеча коснулся бестелесный перст.

Улица пуста. Любители достопримечательностей исчезли, дожидаясь дня, а репортеры удалились на ночь, нетерпеливо предвкушая воскресное утро перед днем напряженного труда. Делгард снова взглянул на монастырь и ускорил шаги, отказываясь признать, что бежит от пугающей неопределенности позади к тревожной неопределенности впереди.

Проходя мимо обгоревшего остова гаража, он вдруг подумал о Джерри Фенне. Взволнованный репортер позвонил Делгарду на следующий день после ужасного инцидента, рассказал, что случилось, что сам видел, а потом... ни звука. Фенн исчез и никому не сообщал, даже собственному редактору, даже Сьюзен Гейтс, где его найти и что он делает. Делгард беспокоился о репортере — не впутал ли он Фенна во что-то, чего тот не мог понять и от чего, следовательно, не мог уберечься? Этот парень был не дурак, и его цинизм обеспечивал ему некоторую защиту. Но лишь до известной степени. За определенной чертой он был так же уязвим, как и все остальные. Делгард вдохнул морозный воздух и выдохнул белое облачко — как будто вылетела душа.

У монастыря, заехав двумя колесами на поребрик, стояла патрульная машина, из которой полисмен наблюдал, как священник подходит к воротам.

Фары ослепили Делгарда, и он застыл на месте, словно парализованный кролик.

— Извините,— послышался голос из окна.— Монсеньер Делгард, не так ли?

Фары погасли, оставив священника на несколько мгновений ослепленным. Он услышал, как дверь открылась, и различил лишь темный силуэт приближающегося полицейского.

— Не ожидал посетителей в этот час ночи,— послышался голос.

Ворота монастыря открылись, и полисмен отошел в сторону, пропуская священника.

— Спасибо,— сказал Делгард, входя в монастырский двор.— Ночью не было журналистов?

Полицейский хмыкнул.

— Исключено. Сегодня суббота. Они или в пабах напиваются до бесчувствия, или спрятались под одеяло в ожидании завтрашних великих событий. Большинство предпочли второе, насколько я знаю эту породу.

Делгард молча кивнул и, пройдя через двор, поднялся по трем ступенькам к главной двери. У него за спиной ворота со скрипом захлопнулись. Он позвонил и стал ждать.

Казалось, прошло немало времени, прежде чем дверь отворилась, и холод охватил священника с новой силой, наказывая за то, что тот какое-то время не двигался. В дверях опасно показавшись монахиня, ее лицо было еле различимо, так как свет падал из-за спины.

— Ах, монсеньер! — проговорила она с облегчением, и дверь открылась шире.

— Меня ждет мать-настоятельница,— сказал он, входя.

— Да, конечно. Позвольте проводить вас...

— Рада, что вы пришли, монсеньер Делгард,— слышался голос с другого конца вестибюля.

Мать Мари-Клер, настоятельница монастыря, а также глава монастырской школы, подошла к нему; на груди ее поверх серой рясы блестел серебряный крест, отражая падающий сверху свет. Это была маленькая женщина, худая и хрупкая, какими обычно бывают монахини, но, казалось, гораздо более суровая. На узкой переносице поблескивали очки, а невыщипанные брови придавали лицу строгость, которая, Делгард знал, на самом деле не была присуща этой женщине. Ее руки были сцеплены на животе, словно она непрерывно молилась, и священник подумал, что, возможно, так оно и было. Настоятельница встала перед ним, и он увидел в глазах за стеклами очков тревогу.

— Простите, что я так поздно, мать-настоятельница,— проговорил Делгард.— Было много приготовлений к завтрашнему дню.

— Понимаю, монсеньер. Вы очень любезны, что пришли в столь поздний час.

— Она в своей комнате?

— Да, но не спит. Ей как будто бы отчаянно нужно вас увидеть.

— Так она знала, что я приду?

Мать Мари-Клер кивнула.

— Можно предложить вам выпить чего-нибудь горячего, прежде чем вы увидите с ней? Вы, должно быть, замерзли.

— Нет, спасибо. Все в порядке. Думаю, мне лучше сразу отправиться к ней.

— Вы не хотите встретиться с ней здесь? Или в моем кабинете?

Делгард улыбнулся.

— Нет, наверное, ей будет легче говорить в уединении своей комнаты.

— Как изволите, монсеньер. Я провожу вас.

Он поднял руку.

— Я знаю, где ее комната, мать-настоятельница. Пожалуйста, не беспокойтесь.— Делгард двинулся к лестнице, на ходу расстегнув пальто и отдав его сестре-монахине, которая отворила ему дверь.

— Монсеньер?

Он остановился и обернулся.

— Как вы думаете, было бы разумно позволить Алисе присутствовать на завтрашней мессе?

— Она хочет этого, мать-настоятельница. Она настаивает...

— Она всего лишь ребенок...— Монахиня не договорила.

— С которым нужно обращаться как можно бережнее,— мягко закончил Делгард.

— Но толпа. Столько народу...

— Мы не можем держать ее взаперти. Боюсь, люди заподозрят какую-нибудь зловещую причину.

— Но ради ее же пользы.

— Она так расстраивается, когда мы не пускаем ее в церковь. Я думаю так же, как вы, преподобная мать, но не все от меня зависит.

— Конечно, епископ Кейнс...

— Нет, не только епископ хочет показать Алису народу. Такие решения больше не принимаются единолично. Пожалуйста, не беспокойтесь о ее безопасности: девочку будут хорошо охранять.

— Меня беспокоит состояние ее ума, монсеньер.— В тоне настоятельницы не было ни порицания, ни горечи, а только забота и печаль.

— Нас всех это беспокоит, преподобная мать. Заверяю вас — всех.

Он начал медленно подниматься по лестнице, словно ему не хотелось добратся до верхнего этажа.

Мать Мари-Клер машинально потрогала серебряный крест на цепочке и прошла в крохотную модельню за вестибюлем, где горячо молилась до прихода монсеньера Делгарда. Монахиня, отворившая ему дверь, теперь заперла ее и прошла вслед за настоятельницей по вестибюлю, остановившись по пути, чтобы повесить пальто священника на вешалку под лестницей. Она смотрела на поднимающуюся по ступеням фигуру, пока монсеньер не исчез во мраке верхнего этажа, а затем вернулась к своим обязанностям по монастырской кухне.

На верху лестницы Делгард остановился, давая глазам привыкнуть к слабому освещению. С обеих сторон коридора располагались редкие двери, ведущие в кельи монахинь. Комната, которую он искал, находилась в середине коридора, справа. Священник удивился, что Молли Пэджетт так настоятельно понадобилось увидеться с ним этой ночью, и сказал себе, что скоро узнает причину. Он подошел к двери и тихо постучал.

Одно мгновение не слышалось ни звука, потом раздался голос:

— Кто там?

— Это монсеньер Делгард, — ответил священник тихо, не желая беспокоить спящих.

Дверь почти мгновенно открылась, и оттуда показалось бледное, утомленное лицо Молли.

— Большое вам спасибо, что пришли, — сказала она, и голос ее дрожал.

— Мать Мари-Клер сказала, что вам нужно...

— Да, да, мне нужно было вас видеть. Простите, что пришлось прийти в такой час. Пожалуйста, входите.

В комнате была одна койка, умывальник, жесткий, неудобный с виду стул, крохотный шкафчик для одежды — и больше никакой мебели, не считая черного распятия на стене. После мрака в коридоре единственная лампочка под потолком казалась неприятно яркой. Молли Пэджетт села на край кровати и сцепила руки на коленях, а Делгард отодвинул от стены стул и поставил рядом с женщиной. Он сел, позволив себе чуть слышно застонать от удовольствия, притворяясь, что кости болят сильнее, чем в действительности: он понимал, что женщина побаивается его, и старался казаться не таким грозным.

— Боюсь; от этой погоды мои суставы задеревенели,— с улыбкой сказал священник.

Молли улыбнулась в ответ, но ее улыбка была короткой, нервной.

Он ощущал себя слишком усталым для долгой преамбулы, но чувствовал, что нужно снять напряжение.

— Как они принимают вас здесь, в монастыре, Молли? С виду здесь не очень уютно.

Она посмотрела на свои руки, и он увидел, что они крепко сжаты.

— Они очень добры к нам, святой отец... простите, монсеньер.

Делгард наклонился и потрепал женщину по руке, его огромная ладонь скрыла обе ее руки.

— Все в порядке. Нет никакой разницы между монсеньером и простым священником — только прихотливый титул, вот и все. Вы выглядите усталой, Молли. Вы не спали?

— Не очень хорошо, монсеньер.

— Ну, это понятно: вы столько пережили. Разве врач не прописал вам что-нибудь? Что-нибудь, чтобы расслабиться, легче уснуть.

— Да-да, он дал мне какие-то таблетки. Но мне не хочется их принимать.

— Уверен, они не принесут вреда. Врач дал их, считая, что от них будет только лучше.

— Нет, дело не в том,— быстро проговорила Молли.— Видите ли, дело в Алисе. Я могу понадобиться ей ночью. Она может позвать меня.

— Уверен, о ней заботится кто-нибудь из монахинь.

— Ей может понадобиться мать. Если она проснется среди ночи и вдруг испугается. Ей понадобится мать...

Делгард увидел, что, прежде чем Молли склонила голову, ее глаза начали наполняться слезами.

— Не убивайтесь так, Молли,— ласково проговорил он.— Я знаю, что на вас свалилось тяжелое бремя, но обещаю: вам станет легче. Потеря любимого мужа, нечто странное, происходящее с Алисой...

Она подняла на него глаза, и сквозь слезы в них засияла внутренняя гордость, которой она не могла и не пыталась скрыть.

— С ней происходит нечто чудесное, святое, монсеньер. Леонард... Леонард... Он не мог этого понять, не мог оценить всего, что произошло с моей Алисой. Он не верил в Бога, монсеньер, и потому для него все это ничего не значило.

Священник был поражен отвращением в голосе женщины, когда она говорила о своем бывшем муже.

— Он думал, что мы просто сможем делать на этом деньги. Вы знали это, монсеньер? — Молли покачала головой, словно сама не могла поверить этому. — Он хотел делать деньги на моей девочке.

— Я уверен, он так же заботился о ее благе, как и вы, Молли. Не думаю, что он стал бы извлекать из нее прибыль.

— Вы не знали его так, как я. Сначала он возненавидел все случившееся, презирал Алису, словно она во всем виновата. Он не хотел пускать нас в этот монастырь, не хотел, чтобы мы жили в окружении добрых сестер. А потом понял, что маленькая Алиса может принести ему деньги. Все остальные получают барыш, говорил он, почему же ее родной папаша не может делать то же? Он собирался рассказать все газетчикам за самую высокую цену — все об Алисе, и обо мне, и о себе. Это был порочный человек, монсеньер!

— Молли, успокойтесь, пожалуйста. — Голос Делгарда стал твердым, хотя по-прежнему звучал тихо. — Вы слишком многое пережили, вы сами не понимаете, что говорите.

— Извините, я не хотела... — Ее тело раскачивалось на кровати взад-вперед, и теперь на колени закапали слезы.

— Вам принести чаю или воды?

Молли помотала головой, продолжая смотреть вниз, но раскачивание постепенно прекратилось.

Делгард ругал себя за то, что дал ей так расстроиться, это совершенно не входило в его намерения, но вспышка была так внезапна, так неожиданна. Он решил, что нет смысла исправлять ситуацию.

— Зачем вы хотели меня видеть, Молли? Из-за Алисы?

Она как-то вся сгорбилась и не сразу ответила, но в конце концов вытащила из рукава своей шерстяной кофты измятый носовой платок и вытерла глаза, прежде чем взглянуть на священника.

— Это больше касается меня и Лена,— ответила Молли срывающимся голосом.

Он подался вперед.

— Что вас тревожит?

— Я... я никогда не говорила об этом отцу Хэгану. Все эти годы я не признавалась ему. А теперь слишком поздно.

— Вы можете исповедоваться мне, Молли. Вы знаете: что бы вы ни сказали, это останется между нами и Богом.

— Я всегда стыдилась сказать ему, монсеньер.

— Я уверен, отец Хэган понял бы. Он бы не осудил вас, Молли.

— Я просто не могла...— Она содрогнулась, но словно бы с усилием овладела собой.

— Что вы не могли сказать приходскому священнику? — тихо спросил Делгард.

Молли не смотрела на него, и ее слова остались произнесенными.

— Он... Отец Хэган знал, что я была беременна, когда венчал нас с Леном. Я сказала ему, призналась, что...

Делгард молчал, сцепив свои большие руки.

— Но я не сказала ему всего,— скороговоркой прозвучали слова.

— Что же вы утаили от своего священника? — пришлось спросить Делгарду.— Вы знаете, что не может быть полного прощения, если вы не исповдавались во всем.

Молли тихо застонала.

— Знаю, знаю, но я не могла это сказать, не могла сказать ему!

— Можете сказать теперь мне, Молли. Нет нужды дальше терзать себя.

Она всхлипнула и приподняла голову, но глаза по-прежнему смотрели вниз.

— Дело в том... просто этот луг... лужайка рядом с церковью Святого Иосифа... она стала святым местом, монсеньер. Это святыня.

Делгард терпеливо ждал.

— Лен... Леонард обычно поджидал меня у церкви, пока мы не поженились. Он не мог войти, говорил, что там ему не по себе. Тогда я не понимала, как он ненавидит религию. А если бы знала, может быть, и не вышла бы за него.— Она вытерла платком мокрые щеки.— Я обычно работала в церкви даже в те дни, монсеньер. Я любила это место, как... как и Алиса любит. А Лен... я уже сказала, что он ждал меня.

Молли глубоко вздохнула, словно боясь признаться.

— Однажды он был там, сразу за стеной, и наблюдал за мной — я собирала увядшие цветы с могил. Он позвал меня через стену. К тому времени мы гуляли уже месяца два, но... но в действительности между нами ничего не было. Вы понимаете, что я имею в виду — ничего... ничего *действительно* серьезного.

Делгард медленно кивнул.

— Но в тот день... в тот день я не знаю, что нашло на нас обоих. Был вечер — довольно темно — и стояло лето. Теплый вечер после прекрасного дня. Мы поцеловались, стоя по разные стороны стены; конечно, никто нас не видел. А потом он поднял меня

и перенес через стену. Он был такой... такой сильный, такой настойчивый. И я не могла устоять, монсеньер, я ничего не могла с собой поделать.— Грудь Молли поднялась и опустилась, словно женщина задышалась, словно воспоминания о той страсти попрежнему жили в ней. Она покраснела, смущенная своими чувствами.— Мы легли под стеной, в том поле, на той святой земле, и любили друг друга. Я не знаю, что на меня нашло! Никогда раньше ни с кем я не заходила так далеко, пожалуйста, поверьте мне, но в тот день я оказалась беспомощна, меня захлестнуло. Нас обоих. Мы были как будто разные люди, будто чужие друг другу. Как будто и любви никакой не было, а просто... просто страсть, просто похоть! О Боже, смогу ли я когда-нибудь получить прощение?

Его сгорбленные плечи словно ссутулились еще больше, когда он проговорил:

— Конечно, вы прощены. Было глупо с вашей стороны держать в себе эту бессмысленную вину все эти годы. Если вам нужно отпущение грехов, я...

— Алиса была зачата в том поле, монсеньер, как вы не понимаете? А теперь там место поклонения Пресвятой Деве...

У него вдруг закружилась голова. Но это же смешно! Такой грех, происшедший так давно, не имел отношения к тому, что происходит сегодня! И все же от этого упоминания он почувствовал растущую слабость. Делгард боролся, чтобы скрыть свой ужас.

— Вы... вы исповедовались в этом грехе отцу Хэгану много лет назад.

— Он был новичком в приходе. И я оробела, когда это случилось — так близко от церкви, и вообще...

— Это не важно.

— Но это святая земля.

— Нет, Молли, это место за границей церковных владений. И даже теперь, даже теперь, хотя завтра на лугу состоится служба, место так и не освящено. В вашем признании не было нужды.— Он искал верные слова, понимая ее переживания, но деликатного способа спросить не было.— Почему... почему вы так уверены, что Алиса была зачата именно тогда? Разве не было других случаев...

— Нет-нет, монсеньер. Это случилось именно тогда. После этого мне было так стыдно, так стыдно! И я забеременела, почти сразу. Не спрашивайте, откуда я знаю — просто знаю. После этого я не позволяла Леонарду прикасаться ко мне, пока мы не поженились. Но я была счастлива своей беременностью. Я хотела ребенка. Несмотря на грех. Я чувствовала, что мой младенец — это дар Божий. Да так и получилось, разве вы не видели? Я была немолода, монсеньер, я могла остаться старой девой.— Она сдавленно засмеялась.— И чуть не осталась. Приходская старая дева! Возможно, потому я и проводила столько времени в церкви. Это стало моей жизнью. Но Бог даровал мне кое-что лично, чтобы я заботилась об этом даре, как о самой церкви. Это неправильно, да, монсеньер? За мой грех мне не мог быть послан такой дар, правда? Бог не поощряет грешников.

Делгард вздохнул. Признание этой женщины опечалило его, а собственное смущение привело в оторопь. Если бы были простые ответы! Священник должен скрывать свои сомнения, свое замешательство, он должен казаться сильным в своей вере, убежденным, что пути Господни всегда справедливы, и не допускать растерянности, вторгающейся в собственную веру. Как утешить эту женщину, когда ее вопросы

терзают его собственную убежденность? И когда ее слова вызывают особое отвращение внутри его. Это признание не имеет особого значения, но почему же оно так мучительно?

— Вы получили благословение ребенком,— услышал Делгард собственные слова,— и должны быть благодарны за это. Вам не следует чересчур задумываться об этом.— Не то, не то — но что еще мог он сказать? — Не мучьте себя тем, что случилось столько лет назад. Вы вырастили прекрасное дитя, воспитали его в духе церкви, как Господь и ожидал от вас. Успокойтесь, Молли, и не задумывайтесь больше. Господь может сейчас наградить за то, что вы совершите после.

Она улыбнулась, слезы по-прежнему блеснули в ее глазах.

— Кажется, я поняла, что вы сказали, монсеньер. Да, Алиса — это особый дар; Он избрал меня стать матерью... матерью...

— Помолчите пока. Чудеса еще не подтверждены. Вы не должны быть так уверены в этом, пока не должны.

Молли улыбнулась шире, словно говоря, что *она*-то уверена, *она*-то знает. На мгновение ее лицо омрачилось.

— Значит... значит, не было никакого осквернения святой земли?

— Какое же осквернение? Это произошло одиннадцать лет назад, задолго до того, как место стали считать.— Он помедлил.— Священным. Ваш грех заключался не в непочтительности, а в страсти, и за это вы уже прощены.

С ее плеч словно свалилась тяжесть.

— Спасибо, монсеньер. Извините, если я показала вам глупой.

Он похлопал ее по руке.

— Не глупой, Молли. Последние события встревожили ваш ум, но все это не так важно, как вы думаете. Я лишь хочу убедить вас отместить все тревоги. Грядущие недели, месяцы наложат свое, новое бремя. Вы не хотите произнести со мной короткую молитву?

— Покаяние?

— Нет, не покаяние. Я уже сказал вам, что грех, в котором вы признались, давно прощен. Давайте вместе помолимся, чтобы Господь дал нам силы вынести то, что может произойти в будущем.

Делгард склонил голову, и несколько минут они молча молились. Потом он перекрестил Молли и встал на ноги. Она улыбнулась ему, и он заметил оставшуюся в ее глазах плохо скрытую тревогу.

— Спасибо, монсеньер,— сказала женщина.

— Да пребудет с вами мир.— Прежде чем открыть дверь, он повернулся к Молли, и, сам не зная почему, спросил: — Больше ничего вы не хотите рассказать мне об Алисе?

Она как будто вздрогнула.

— Об Алисе? Что вы имеете в виду, монсеньер?

Несколько секунд он смотрел на нее, потом отвернулся.

— Это не важно, Молли.— Делгард открыл дверь.— Но если вам понадобится поговорить со мной, если что-либо в дочери вызовет у вас тревогу, пожалуйста, без колебаний обращайтесь ко мне.

Он закрыл за собой дверь и несколько мгновений стоял в темноте, собираясь с мыслями. Алиса, зачатая в поле, где теперь ей явилось видение! Это могло не иметь никакого значения. Конечно же, это могло не иметь никакого значения! Ее болезнь, ко-

гда она стала глухонемой... Тогда она тоже была в поле? Нет-нет, это не имеет к делу никакого отношения. Это просто странное осложнение после болезни. Не может быть никакой связи. Почему же на душе у него так тяжело? Почему его так беспокоит то, что рассказала Молли Пэджетт? Он коснулся пальцами лба и провел до переносицы, надавив, чтобы ослабить боль. Никогда он не испытывал такого сомнения. За все дни своей духовной карьеры он не был настолько неуверен, как сейчас. Возможно, внезапная смерть отца Хэгана поразила его больше, чем ему казалось. Делгард медленно пошел по коридору к лестнице, по-прежнему стараясь не разбудить спящих за дверями с обеих сторон. Отец Хэган казался так...

Он вдруг остановился, от прилива крови сердце бешено заколотилось. Из общей тени возникла тень человеческая.

— Кто?..

— Это я, монсеньер Делгард, мать Мари-Клер. Извините, что напугала вас.

Делгард смог вздохнуть.

— Мать-настоятельница, человеку моих лет не стоит переживать такой испуг.— Он пытался говорить легко.— Старому, изношенному сердцу шок не на пользу.

— Простите меня, но я хочу, чтобы вы выслушали кое-что,— проговорила она шепотом.

— Что же, преподобная мать? — спросил он, мгновенно насторожившись.

Настоятельница увлекла его с собой по коридору.

— Каждую ночь с тех пор, как с нами Алиса, я или одна из сестер останавливаемся у ее двери про-верить, не кричит ли она во сне. В двух случаях я

слышала за дверью голос. И сестра Теодора тоже слышала.

— Алиса не может уснуть? Многие дети, оставаясь одни, говорят сами с собой.

— О нет, монсеньер, дело не в том. Я бы даже сказала, что девочка спит слишком много и слишком часто. Однако доктор думает, что это хорошо, учитывая постоянный стресс.

— Вы хотите сказать, что она разговаривает во сне? — Его голос звучал слишком громко, и Делгард сдержал себя. — Тут не о чем тревожиться, преподобная мать. Это просто симптом смятения, в котором она пребывает. Смерть отца...

— Нет, меня встревожили ее слова, монсеньер. Они... странные, не детские.

Заинтригованный, Делгард придвинулся к двери, за которой спала Алиса.

— Что за слова? — прошептал он. — Что она говорит?

— Послушайте сами, монсеньер.

Он тихо повернул ручку и медленно приоткрыл дверь. Они прислушались. Делгард вопросительно взглянул на мать Мари-Клер, и она, хотя в темноте не видела его лица, ощутила недоумение священника.

— Она говорила всего несколько мгновений...

Ее голос прервался, когда с кровати послышалось бормотание. Монахиня приоткрыла дверь шире и проскользнула внутрь, Делгард последовал за ней. Ночник на столике у стены отбрасывал на голую комнату тусклый свет, открывая маленькую кроватку с белыми простынями и бесформенный ком под одеялом. Фигура пошевелилась, и священник с монахиней затаили дыхание.

— О, не отвергай меня, милый...

Делгард напрягся. Это был голос Алисы, тихий, но с каким-то изменившимся тембром. Священник напрягся, улавливая слова.

— ...Пусть твоя страсть наполнит меня...

В голосе слышался сильный акцент, гласные растягивались почти вульгарно.

— ...Безумный, совершенно безумный...

Едва разборчивые, то слишком тихие, чтобы слышать, то... слишком странные, чтобы понять.

— ...Грубо воспользовался мной...

Это был не иностранный акцент, а один из местных говоров, и Делгард не смог определить, в каком графстве так говорят. Вроде бы где-то на юго-западе. Слишком резко, жестко... Девочка назвала имя, но священник не расслышал его.

— ...Страсть, что бичует мое тело...

Он было двинулся вперед, но ощутил, как мать Мари-Клер слегка придержала его за руку.

— Лучше не тревожить ее, монсеньер,— прошептала монахиня.

Священник поколебался, ему хотелось услышать еще. Но Алисин голос перешел в невнятное бормотание, слова слились словно в один непрерывный звук. Прямо на глазах она словно погрузилась в глубокий сон, и вскоре слова совсем затихли, слышалось лишь ровное, глубокое дыхание.

Монахиня поманила Делгарда из комнаты, и он подчинился. Она тихо закрыла дверь.

— Что это за говор, преподобная мать? — спросил он, не повышая голоса.— Она каждый раз так говорит?

— Вроде бы каждый, монсеньер,— ответила настоятельница.— Пожалуйста, пойдемте со мной: я хочу еще кое-что показать вам.

Прежде чем последовать по коридору за темной фигурой, Делгард еще раз оглянулся на дверь. Спускаясь по лестнице, монахиня сказала:

— Трудно разобрать, что она говорит. Сначала я думала, что, может быть, во сне подсознательно действует затруднение речи. Столько лет немоты — это могло сказаться.

— Нет, я уверен, это невозможно. Если бы, наоборот, она заикалась наяву и говорила гладко во сне, это могло бы иметь какое-то объяснение.

— Я согласна с вами, монсеньер. Это была просто первая глупая мысль, и я ее быстро отмела. Кроме того, мне кажется, слова выговариваются отчетливо, хотя и странно на слух.

— Это какой-то диалект?

— Мне кажется, да, но не могу определить какой.

— И я тоже. Похож на корнуэльский, но не совсем.

— Да, не совсем. К сожалению, во сне Алиса говорит короткими обрывками, и не разобрать ни акцента, ни значения слов.

Они спустились по лестнице, мать Мари-Клер пересекла вестибюль и открыла дверь в свой кабинет. Она указала на кресло, и священник сел.

— Теперь можно предложить вам выпить, монсеньер Делгард?

Он покачал головой.

— Нет-нет. Возможно, чуть погодя. Вы сказали, что хотели что-то показать мне.

Настоятельница отвернулась и подошла к бюро с выдвижными ящиками. Прежде чем выдвинуть верхний, она сказала:

— Алисе приходится много времени проводить в одиночестве в своей комнате. Возможно, слишком

много для такой молодой девочки. В монастыре нечем ее занять, но она, кажется, любит рисовать карандашами и красками.— Монахиня выдвинула ящик и вынула папку.— Я собрала выброшенные ею рисунки за все время, что Алиса у нас.

Она повернулась и положила папку на свой письменный стол.

— Ее увлекает лишь одна тема.

— Ах да,— сказал Делгард.— Отец Хэган, до того как умер, показывал мне ее рисунки. Мать девочки позволила ему взять некоторые. На всех одно и то же — по нашим догадкам, это Пресвятая Дева.

— Да, монсеньер, верно. У Алисы не очень большие способности к живописи, но есть определенный... энтузиазм к этой теме. Я бы сказала, почти что наваждение.

— Девочка боготворит Марию.— Он позволил себе улыбнуться.— Кажется, это очевидно всем. Думаю, ее преданность...

— Преданность? Вы так думаете, монсеньер? — Мать Мари-Клер открыла папку и протянула ему первый лист. Священник взял, и рисунок задрожал в его руке.

— Не может...

— И та же фигура везде, монсеньер.— Монахиня разложила на столе остальные листы. Все отличались грубостью рисунка, одинаково безвкусными тонами, широкими, неумелыми мазками.

Даже нарисованная непристойность была одна и та же, хотя где-то напряженный фаллос мог отличаться от других размером и цветом, груди могли отличаться формой, на некоторых рисунках ухмыляющиеся красные губы более искривлены.

Они твердо верили в чудеса.

Фрэнсис Ходжсон Бернет.

«Волшебный сад»*

Бен несясь вдоль рядов скамеек — Индиана Джонс, бегущий от преследования сотен, нет, тысяч ревуущих арабов, готовый обернуться и, ковбойским кнутом выбить меч из рук любого, кто приблизится. Его воображаемый кнут, удобно пристроенный на левом плече, ничего не весил. Туда вдоль одного ряда, обратно вдоль другого. Один раз кнут соскользнул в мокрую траву, но Бен тут же подхватил его, задержавшись, только чтобы пристрелить огромного, семи футов ростом, злодея в черных одеждах, размахивающего длинным изогнутым мечом. Бен расхохотался над его удивленным вскриком и устремился дальше, к Затерянному Ковчегу, прежде чем до него доберутся грязные нацисты, чтобы завладеть чудесной энергией и завоевать мир. Индиана Джонс был лучше, чем Хэн Соло (пусть даже это был один и тот же человек), а Хэн Соло лучше, чем Льюк Скайуокер. Нужно бежать, несмотря на усталость, нельзя останавливаться, они не должны схватить его; несмотря на усталость, нужно бежать вперед, чтобы... Чья-то нога!

Он растянулся на земле, и чьи-то руки схватили его, чтобы поднять. Никаких повреждений — только ссадина на коленке. Бен стряхнул землю с джинсов, и чей-то голос сказал:

— Осторожнее, сынок, ты поранишься, если будешь так носиться.

* Перевод И. Р. Сендерихиной.

Бен ничего не сказал, помня, что он все еще Индиана Джонс, мужчина, не любящий много говорить. Руки отпустили его, и он одним прыжком освободился.

Лужайку быстро заполняли люди, скамейки ближе к помосту посередине — кроме тех, что были отведены специально для важных лиц и забронированы для определенных религиозных сообществ, — все больше и больше заполнялись, толпа расширялась, как распускающийся цветок. До мессы оставалось еще два часа, но люди уже проталкивались через недавно построенные ворота в поле, стремясь занять места поближе к алтарю. Многим хотелось просто увидеть чудо-девочку, другие стремились оказаться ближе, чтобы ее святость распространилась на них. Они боялись, что эта аура не достигнет задних рядов.

Солнце тускло светило сквозь облака, дул резкий ветер, который для инвалидов в толпе казался особенно немилосердным. Гул возбужденных и несколько испуганных голосов с ростом толпы усиливался. Дисциплинированные служители, молодые священники, вызванные на помощь распорядителю ожидавшейся грандиозной службы, не могли сдерживать дрожь, пробужденную заряженной атмосферой. Голоса почтительно приглушались, словно люди собрались в церкви, и шум объяснялся только огромным количеством собравшихся. Инвалидным коляскам было нелегко двигаться по полю, поскольку мягкую землю размесили тысячи ног, и инвалиды уже начали забивать боковые проходы, а служители про себя отметили, что на будущее нужно выделить сектор для таких калек.

Бен бежал дальше, на этот раз осторожнее, держась у менее заполненных скамеек, чтобы избежать

дурацких подножек. Семилетнему мальчику нравилась эта игра, он не замечал возраставшего напряжения, поглощенный своим самостоятельно сотворенным миром. На него мчался грузовик с грязными нацистами, и Бен перекатился через скамейку справа и выстрелил в лицо шоферу, когда машина проносилась мимо. Он уже снова был на ногах и бесстрашно мчался дальше. Его не напугаешь! Мальчик смутно сознавал, что скоро игра закончится: мама заставила его пообещать, что, когда в поле соберется слишком много народу, он вернется в церковь. А если ее там не окажется, то она в доме священника. Но пока народу не слишком много, еще множество пустых скамеек, множество темных арабских коридоров, множество...

Мужчина только что зашел на этот ряд, и несущееся вперед тело моментально сшибло его с ног и отбросило на скамейку, на которую он собирался сесть. Чтобы удержаться, он схватился за плечи мальчика, и Бен, от неожиданности задохнувшись, взглянул ему в лицо. Мужчина смог лишь улыбнуться, чтобы успокоить его, но это сделало лицо только еще страшнее.

Он отпустил руки, и мальчик медленно отстранился, не отрывая глаз от изъеденных язвами губ и носа — страшного последствия туберкулеза кожи лица. Мужчина поднял шелковый шарф. Он бы не пришел сюда с этим ужасным уродством, люди шарахались от него, друзья, так называемые близкие, боялись заразиться. Туберкулез кожи люди по-простому называли волчанкой, и это название вполне соответствовало болезни. Иногда люди обращались с ним как с волком, словно боясь, что он укусит их и они станут такими же, как он. Подобное кожное заболевание было редким, но для человека это не имело

значения, а только усугубляло чувство безнадежности, бессильной злобы на то, что именно ему досталось такое безобразное клеймо, вывести которое не способны никакие лекарства. Оставалась последняя надежда. Последняя надежда, сёгодня. Если нет, если он уже никогда не сможет ощутить чужих губ на своих, никогда не увидит чужих глаз без еле скрываемого отвращения в них, никогда не возьмет на руки ребенка, не ощутив, как тот напрягается, чтобы вырваться, — тогда во всем этом нет смысла, вообще нет смысла продолжать. Разве существовало в этой жизни что-то настолько ценное, ради чего стоило жить дальше? Лучше холодное, бесчувственное забытие, чем презренное существование. Он смотрел, как мальчик убегает от него, и попытался восстановить онемение души — единственный барьер от просачивающейся жалости к себе.

Бен бежал дальше, теперь боясь этого большого луга, этой стекающей толпы незнакомцев, вдруг показавшихся ему опасными. Пора найти маму. Индиана Джонс исчез без следа.

— Вам придется проехать дальше. Здесь негде встать.

— Пресса. — Фенн высунулся и показал констеблю свое удостоверение.

— Да, вам и восьми тысячам прочих. Проезжайте.

Фенн снова втиснулся в вереницу медленно ползущих автомобилей.

— Снова этот чертов карнавал! — пробормотал он себе под нос.

— Что? — спросила, не расслышав, Нэнси.

— Я удивляюсь, сколько народу приперлось на бесплатное представление.

— Думаю, у многих более веские причины, Фенн.

— Возможно.

Они доехали почти до дома священника, и Фенн увидел, что даже здесь все забито машинами — видимо, приехавшего духовенства. Он выругался.

— Мне надо было договориться с Делгардом насчет места для стоянки. Я вроде как официальное лицо.

— Думаю, зря мы не приехали пораньше.— Нэнси рассматривала медленно движущуюся толпу; очередь выплеснулась на дорогу, и там и сям полиция с распорядителями силились навести хоть какой-то порядок, чтобы люди сами себе не затрудняли проход. Автобус перед взятой напрокат машиной Фенна остановился, и репортер неохотно нажал на тормоз. Нэнси высунула голову в окно со своей стороны посмотреть, чем вызвана остановка.

— Там, впереди, скорая помощь — кажется, у выхода на лут,— сообщила она.— Да, выгружают. Боже, несколько носилок.

— Ничего удивительного. В следующий раз они привезут своих мертвецов.

Нэнси полезла в сумочку за сигаретами.

— Не пойму, почему в тебе по-прежнему столько цинизма,— сказала она, прикуривая.— Ведь ты должен признать, что в самом деле есть результаты.

— Знаю, но посмотри, только посмотри туда! — Он указал на другую сторону дороги, где на обочине стояли самодельные ларьки.

Сквозь просветы в окружавшей ларьки толпе виднелись статуэтки и висящие на рамах святые безделушки, а на натянутых между деревьями веревках болтались плакаты с изображениями Богородицы с младенцем Христом, Пресвятой Девы у распятия и тому подобного. Фенн и Нэнси мельком заметили

изображение Папы в ковбойской шляпе; еще один размытый плакат изображал сцену покушения на него. Торговцы выглядели угрюмыми, хотя торговля вроде бы шла бойко. Самым оживленным казался фургон мистера Уиппи, и Фенн подумал, уж не продаются ли там леденцы на палочке в виде Мадонны.

— Удивляюсь, как полиция это допускает!

— Вероятно, они слишком заняты толпой, чтобы обращать внимание на торговлю без лицензий,— ответил Фенн, снова трогая машину вперед, когда автобус двинулся.

— Похоже, в саму церковь сегодня никто не собирается,— заметила Нэнси, когда они приблизились к церковным воротам.

Фенн увидел, что полисмен торопит людей, проходящих мимо ворот, терпеливо объясняя самым настойчивым, что служба сегодня состоится не в церкви, а в поле.

— Кажется, им не очень это нравится.

— Неудивительно — снаружи чертовски холодно.

— Инвалидам это не сулит ничего хорошего.— Фенн покачал головой.— Не понимаю, как врачи это позволяют.

— Нельзя изменить человеческую природу, Фенн. Если им кажется, что они смогут исцелиться, ничто их не удержит. Например, как бы ты сам себя чувствовал, если бы у тебя была неизлечимая или смертельная болезнь? Разве ты бы не воспользовался последним шансом, даже если бы это был один шанс из тысячи — или из миллиона?

Он пожал плечами.

— Кто знает?

— Ты бы от этого ничего не терял.

— Если не считать, что имел бы довольно глупый вид.

— Что глупого в попытке воспользоваться шансом выжить?

Фенн промолчал в знак согласия, а через некоторое время махнул рукой:

— Вон выход в поле. Смотри, какая там давка.

Теперь было видно, что вереницы людей стекаются к воротам с двух сторон, образуя в проходе сумятицу.

— Эх, если бы я продавал билеты! — пробурчал Фенн.

Они медленно проехали дальше. Автомобили, автобусы и фургоны вдоль дороги стояли бампер к бамперу, и только площадь непосредственно вокруг церкви и у выхода на лужайку полиция удерживала свободной.

— Выскочишь здесь, пока я найду место, где встать? — предложил Фенн.

— Хочешь увидеться с Делгардом, да?

Он кивнул.

— Тогда я от тебя не отстану.

— Смотри сама.

— Приклеюсь как липучка.

— Ладно.

Автобус впереди наполовину заехал на обочину, и водитель на повышенных тонах объяснялся с полисменом. Догадавшись, чем закончится спор, Фенн свернул к заднему колесу автобуса и остановился. Этот маневр был встречен злобными гудками ехавших следом автомобилей, которым пришлось объезжать взятую напрокат «фиесту» Фенна под напором ползущих следом машин.

— Черт возьми, что ты делаешь?

— Дорога не так широка, чтобы автобус тут встал, и, высадив пассажиров, он уедет дальше.

— Что-то не похоже, что он собирается ехать,

— Уедет.

Фенн оказался прав. С последним возмущенным жестом водитель снова исчез в кабине и завел мотор. Не сигналив и не выжидая просвета в потоке машин, он влился в него, а Фенн быстро занял освободившееся место. Две машины сзади последовали его маневру.

— Выходи,— торжествуя, проговорил репортер, вытягивая ручной тормоз.

Они вылезли из машины и пошли назад к церкви Святого Иосифа, держась на другой стороне дороги от медленно движущейся очереди.

— Сегодня здесь, наверное, тысячи и тысячи,— заметила Нэнси, укутывая шею в шарф от холода.

— И на прошлой неделе были тысячи.

— Да, но не столько. Даже Папа не собрал бы такую толпу.

Вскоре им пришлось выйти на проезжую часть, чтобы обойти группы, толпящиеся у ларьков. У ближайшего лотка они остановились, чтобы рассмотреть товары поближе.

— Невероятно,— проговорил Фенн, одновременно качая головой и улыбаясь.— Смотри! Фляжки со Святой Землей с лужайки Мадонны. Иисус бы заплакал!

Нэнси взяла маленький куполообразный прозрачный флакон с водой, в котором виднелось убогое изваянное изображение Девы Марии. Она взболтала сосуд, и образ почти скрыли снежинки.

Фенн снова покачал головой в изумлении и ужасе, когда увидел семидюймовую святыню, опять же

пластиковую — маленькие красные свечки в подсвечниках по обеим сторонам от фотографии Алисы, очевидно наспех вставленной на место какой-то другой святой картинки. Черно-белое изображение было репродукцией газетного снимка, и от увеличения ясно виднелись зерна печати.

Нэнси указала на раскрашенный белым грот, где поочередно вспыхивали огоньки, освещая то Мадонну, то другой образ — несомненно, Бернадетту Лурдскую.

Они видели, как какой-то паломник взял куколку, имевшую отдаленное сходство с Алисой Пэдджетт, и механическая пародия на детский голос проговорила: «Слава Марии всемилостивой, Господь...»

— Не верится,— сказал Фенн.— Как они смогли так быстро все это изготовить?

— Это называется предприимчивостью,— ответила Нэнси, ее не позабавила эта выставка пошлости.— Просто быстрая подгонка товаров, которые продавались годами. Держу пари, под многими табличками «Алиса-чудотворица» или «Бенфилдская Богоматерь», если поскрести, обнаружатся совсем другие надписи.

Они пошли дальше мимо медальонов всевозможной формы и размеров, простых и витиеватых распятий, фаянсовых изделий, сумок, даже зонтиков, соблазняющих тем, что и их коснулась святость. Фенн и Нэнси подошли к человеку, торгующему открытками с видами суссекских деревень, в том числе и Бенфилда. На предложение купить такую открытку Фенн только замахал руками.

Оказавшись напротив церковных ворот, они перешли дорогу, шмыгнув меж еле двигавшихся автомобилей, и нырнули в очередь. Замеченный ранее

полицмен, который направлял толпу, преградил им путь.

Фенн вытащил свое удостоверение.

— Меня ждет монсеньер Делгард.

Полицмен обернулся к одному из распорядителей, который шнырял за воротами.

— Вам что-нибудь известно о мистере Джеральде Фенне?

Маленький человек, говоривший с Фенном в прошлый раз, кивнул:

— Все в порядке, можно его пропустить.

Ворота отворились, и Нэнси двинулась вслед за Фенном.

— Простите, мисс, только мистер Фенн.

— Но я же с ним.— Нэнси открыла сумочку и вынула свое удостоверение.— Смотрите, я тоже пресса.

— Мисс, м-м-м... Шелбек? — Полицмен рассмотрел карточку и снова обернулся к маленькому человеку.

— Нет, насчет нее ничего не знаю.

— Очень жаль, мисс, вам придется воспользоваться другим входом, дальше. Здесь позволено входить лишь официальным лицам.

— Но я же говорю: я с *ним*.— Она указала на Фенна, который подавил ухмылку.

— Я бы рад сделать для вас исключение, но боюсь, что не могу.

— Фенн, ты не поговоришь с этим парнем?

— Извини, Нэнси. Полагаю, порядок есть порядок.

— Мерзавец! Ты знал, что так выйдет.

Фенн, притворно сокрушаясь, развел руками.

— Откуда я мог знать?

Губы Нэнси сжались в прямую линию.

— Послушайте, сержант, я из «Вашингтон пост». Я здесь для того, чтобы освещать...

— Не сомневаюсь в этом,— последовал вежливый, но твердый ответ.— Вы сможете выполнить свою задачу, если встанете в очередь. Можете пройти вперед и просто показать там свое удостоверение.

— Но...— Нэнси поняла, что спорить бессмысленно.— Мы еще встретимся! — крикнула она Фенну, прежде чем скрыться в толпе.

Широко улыбаясь, Фенн прошел за ворота. Но пока он шагал по затененной дорожке к церкви, улыбка его постепенно погасла. Ему стало не по себе, словно древнее здание наблюдало за ним, а пасть черного дверного проема была разинута специально, чтобы сожрать его душу. Если существовала такая вещь, как душа. Фенн не был в этом уверен (он так и не пришел к определенному мнению на сей счет — а кто пришел?), но ему казалось, что он верит в некую «искру» жизни, в какую-то внутреннюю сущность, которая направляет жизнь человека, генерирует энергию и мысли посредством химических импульсов. Верит в некий направляющий свет, если угодно, который не обязательно приводит в движение все остальное. Тогда что же такое Бог? Искра побольше? А его искра и искры прочих — просто осколки той большой искры? Или Бог — это то, чем хотят представить Его разные религии? А важно ли это? Для него, Фенна, нет. А может быть, и для Бога тоже.

Но церковь вызвала в нем замешательство. Холод в ней был словно бы еще заметнее, чем во все предыдущие разы. «Духовно покинутая» — странное выражение для любого, кто не имеет определенных верований в этом направлении, так почему же

оно кажется ему таким подходящим? Да, его разочаровало, что расследование последней недели не открыло никакой глубокой тайны или нечестивых деяний, связанных с церковью Святого Иосифа или поселком, но только потому, что это могло бы обеспечить интересный, возможно интригующий, сюжет. И все же остался ли он тем же циником, каким был, когда только взялся за расследование, или это просто попытка отделаться от иррационального после неудачи в поисках страшных тайн? Фенн помнил, с какой одержимостью поначалу атаковал архивы. Пожар, смерть священника и отца самой Алисы, смутные намеки монсеньера Делгарда посеяли в душе сомнения и подозрения, вызвали определенный страх, который он не мог понять и не мог отместить. Возможно, неделя неустанных подвигов изгнала этот страх, а множество исторических фактов и дат, не относящихся к предмету исследований, заслонили истинную цель поисков.

Он остановился у обветшавшего здания и посмотрел на невысокую башню. Ее происхождение уходило в глубь веков — никто не знал, насколько стара ее история, — и Фенн задумался о том, скольким событиям стали свидетелями эти древние камни, как под этим куполом текло время и перемены усугублялись с каждым проходящим веком. Камни остались (или частично остались) от еще досредневековой Англии и дожили до эры микросхем и космических кораблей, прошли через колдовство и суеверия к эпохе материализма. Если бы церковь была человеком, если бы камни и цемент были плотью и кровью, окна — глазами, алтарь — мозгом, как бы на всем этом отразились колоссальные перемены, какое влияние они оказали бы на это живое существо? И смогла

бы его духовная аура вынести натиск растлевающего материализма? Или проходящие годы помогли бы обрести мудрость и познать нечто, далеко превосходящее все достижения науки?

Он вздохнул. Боже, Фенн, ты еще философствуешь! Перед тобой всего лишь куча камней, у нее нет чувств, нет мозга, нет души. Рукотворное здание, построенное и обставленное Римско-католической церковью. Хватит заниматься всякими измышлениями! Чьи-то шаги заставили Фенна вздрогнуть.

— Вам помочь? — Это был другой священник, не тот молодой ирландец, с которым Фенн говорил в церковном домике более недели назад.

— Да. Моя фамилия Фенн. Я ищу монсеньера Делгарда.

— Да, мистер Фенн, я слышал о вас. Монсеньера Делгарда я только что видел в доме священника.

— Спасибо.

Репортер направился в сторону указанного дома.

— Он сейчас занят, готовится к мессе.

— Я не отниму у него много времени,— через плечо бросил Фенн.

По дороге к дому Делгарда репортер увидел на лугу за церковным кладбищем толпу. Он задержался и, невольно взглянув на отдаленный дуб, заметил построенные там помост и алтарь.

— Время начинать представление,— пробормотал Фенн, двинувшись дальше.

Он постучал в дверь дома священника, потом позвонил — его обычный способ объявлять о своем прибытии, когда имелись обе возможности,— и удивленно приподнял брови, услышав голос Сью.

— Привет,— сказал Фенн.

— Здравствуй, Джерри.

— Ты теперь служишь в церкви?

— Только помогаю. Столько всего происходит! —

Она отошла в сторону, пропуская его. — Ты к монсеньеру Делгарду? — спросила Сью и сама себе ответила: — Конечно к нему.

— Я рад тебя видеть. — И он действительно был рад, хотя она выглядела усталой: под глазами залегли тени, и ее волосы были не такими блестящими и пышными, как обычно. — Плохо спишь, Сью?

— Что? — Она убрала с лица прядь волос, оглянулась, словно в смущении, и проговорила с фальшивой непринужденностью: — Нет-нет, я в полном порядке. Просто много работы.

Он придвинулся ближе.

— В двух местах: на радиостанции и в церкви?

— Да нет, церковь не отнимает много времени.

— И что ты тут делаешь?

— Я здесь не одна: еще несколько женщин из поселка приходят помогать. Мы прибираем в церкви, в доме. Покупаем продукты для монсеньера — ты знаешь, он ужасно занят. Сегодня утром я сидела на телефоне — он звонит не переставая.

— И открываешь дверь посетителям?

— Да, и это тоже.

— Бен с тобой?

— Он где-то поблизости, на луку, наверное. Я много раз пыталась до тебя дозвониться.

Она озабоченно посмотрела на него, и он улыбнулся, радуясь услышанному.

— Я ушел в подполье. Мне показалось, что лучше на время спрятаться ото всех.

— Ты не появлялся в «Курьере».

— Да, я кое-что раскапывал для монсеньера Делгарда. Извини, что ты не смогла меня найти, но я не думал, что тебе захочется.

— После того, что случилось на прошлой неделе, после пожара? Ты думал, меня это не взволнует? Я слышала, что ты был там, слышала от других.— Ее глаза подозрительно заблестели.

— О Гос... Извини ради Бога, Сью, но, знаешь, ты со мной вела себя несколько странно. Я сомневался, захочешь ли ты меня снова видеть.— Он погладил ее по руке.

Она потупилась и хотела что-то сказать, но рядом, в прихожей, зазвонил телефон.

— Мне нужно подойти.

Сью отвернулась и взяла трубку.

— О, епископ! Да. Вам нужен монсеньер? Нет, сама я пока не была, но один из священников говорил мне, что народу собралось очень много...

Из двери в конце холла появился Делгард. Увидев Фенна, он улыбнулся и приветственно взмахнул рукой. Сью протянула ему трубку и прошептала:

— Это епископ Кейнс, интересуется, что здесь происходит.

Делгард кивнул и взял трубку, а Сью снова повернулась к Фенну.

— Сейчас не слишком спокойно,— сказала она тихо, чтобы не мешать священнику.

— Может быть, увидимся позже? — спросил Фенн, чувствуя себя глупо из-за необходимости об этом спрашивать.

— Ты действительно хочешь?

— Что за вопрос?

— Где ты пропадал на прошлой неделе? Я имею в виду: где ты жил?

Соврать было нетрудно. Но он решил просто не говорить.

— Поговорим об этом после.— Фенн сам удивился, что не сказал тотчас же, что жил в отеле в Чи-

честере, недалеко от дома, где хранится исторический архив Суссекса.

— Ты ничего от меня не скрываешь?

Решив, что честность хороша до определенной степени, он ответил:

— Ничего.

Делгард положил трубку и подошел к ним.

— Джеральд, я очень рад вас видеть. А то я подумал, что, возможно, отпугнул вас.

Сью внимательно посмотрела на священника, но ничего не сказала.

— Вы не представляете, сколько всего мне пришлось перелопатить,— заявил Фенн.— С тех пор как окончил школу, я столько не вбивал себе в голову.— И добавил:— Впрочем, я и в школе этим не увлекался.

— Расскажите по дороге в церковь? Мне нужно взять облачения для мессы.

— Вы участвуете в ней?

— Получается, я унаследовал этот приход, по крайней мере на время. Сьюзен, вы присмотрите за Алисой и ее матерью, пока мы сходим в ризницу?

— Алиса здесь? В этом доме? — удивленно воскликнул Фенн.

— Я подумал, что лучше заранее поместить ее сюда, тогда нам не придется прокладывать ей дорогу через толпу желающих увидеть ее вблизи. Мы просто выйдем через двор на луг.

— Неплохая мысль. Можно мне увидеть девочку?

— Мне действительно нужно подготовиться к службе и не терпится услышать, что вы разузнали. Лучше бы вы проводили меня в церковь.

— Конечно. А потом?

Священник не ответил, а, взглянув на часы, обратился к Сью:

— Епископ Кейнс едет из Уортинга, он будет здесь минут через двадцать, если не задержится в какой-нибудь пробке. Вы бы подождали здесь вместе с Алисой и матерью-настоятельницей до его прибытия, а потом проводили их на места за пять минут до начала службы.

Сью кивнула.

— Думаю, епископ может приехать не один.

— Я займусь приготовлениями, монсеньер.

Он благодарно улыбнулся и вместе с Фенном вышел на улицу. По дороге назад к церкви Делгард сказал:

— У вас усталый вид, Джерри.

— Знаете, я как раз собирался то же самое сказать вам. И Сью тоже. Кажется, она здесь слишком усердствует.

— Возможно, и все мы.— Священник повернул голову, чтобы рассмотреть лицо репортера.— Она добрая женщина, очень способная, очень искренняя. Она призналась мне, что одно время ее вера поколебалась, но теперь как будто вернулась с новой силой.

— Из-за Алисы?

— Говорят, Лурдское чудо заключалось не в исцелении больных, а в том, что оно укрепило веру у паломников, а неверующих заставило поверить.

— Похоже, Сью тоже подцепила эту инфекцию.

Священник рассмеялся.

— Удачное выражение. Это действительно похоже на инфекцию, хотя никаких дурных проявлений нет, есть только добрые.

— Это смотря с какой точки зрения.

— Ах да — насколько я понимаю, это породило проблемы в ваших отношениях. Но неужели вы упрекаете в этом Сьюзен, Джерри?

— Не совсем.

Делгард решил, что лучше сменить тему: в настоящее время существовало много более важных предметов для обсуждения и тревоги. Фенн импульсивный и определенно эгоистичный молодой человек. В некоторых отношениях его скептицизм был здоровым и явно соответствовал избранной профессии, но в других оказывался разрушительным. Репортер распространял вокруг себя атмосферу бессердечности, которая зачастую маскировалась под маской беззаботности, и все же Делгард подозревал в Фенне чувствительное сердце, которое опять же скрывалось под внешним безразличием. За годы выслушивания исповедей, вникания и утешения священник научился понимать человеческий характер, и это позволяло ему не так сурово судить — нет, не судить, а просто составлять мнение о Фенне. Этот человек был непрост, но чрезвычайно привлекателен, его недостатки могли раздражать, но скоро забывались.

— Нашли что-нибудь интересное, Джерри? — спросил Делгард.

Фенн глубоко вздохнул.

— Ничего, что имело бы отношение к нашей... к вашей проблеме. Я привел мои заметки в некоторый порядок и отпечатал для вас, перечислил конкретные имена и даты, но могу вкратце рассказать прямо сейчас.

Они подошли к церковным дверям, и Фенн пожегил, оказавшись в полумраке.

— Холодно.

— Да, — ответил монсеньер и больше ничего не добавил.

В церкви было пусто; священник, с которым Фенн говорил ранее, или скрылся в ризнице, или ушел к собравшимся на лугу.

— Присядем здесь.— Делгард указал на скамью.
— Я думал, вы торопитесь.
— Есть время поговорить. Пожалуйста, начинайте.

Они сели — Фенн на одну скамью, Делгард на другую, впереди. Он повернулся лицом к репортеру, спиной к алтарю.

— Ладно, значит, так,— проговорил Фенн, доставая из кармана блокнот.— Боюсь, это место ничем особенным не знаменито. Больше скажу: оно не знаменито совсем ничем. Первое официальное упоминание о нем относится к семьсот семидесятому году, когда саксы построили замок неподалеку от Стретхэма. Его владелец имел грамоту от Осмунда, короля западных саксов, на пятнадцать гайдов* земли, чтобы завещать их бенфилдской церкви. Предположительно, это была как раз церковь Святого Иосифа, поскольку не осталось никаких записей о существовании в то время какой-либо другой церкви. Кстати, само поселение с течением времени изменяло свое название: Бейнефелд, Бейндрилл, Бейнфилд — и, наконец, Бенфилд.

До прихода саксов местные жители пользовались путем через всю территорию, с востока на запад, и этот путь проходил через поселение, в конце концов ставшее городком. Следует помнить: эта часть страны была тогда почти сплошь покрыта лесами, и поселение, вероятно, располагалось на поляне в лесу.

Следующее официальное упоминание относится к земельной описи, которую в тысяча восемьдесят пятом году провел Вильгельм Завоеватель, же-

* Гайд — мера площади, равняющаяся 100 акрам.

лая знать, как велико его королевство и кто именно его населяет. С тех пор никаких особых событий здесь не было. Небольшие волнения в период Реформации и Гражданской войны в следующем веке. В семнадцатом веке шестьдесят два жителя умерли от чумы. Ничего важного до тех пор, пока в восемнадцатом веке поселок не стал перевалочным пунктом на пути из Лондона в Брайтон. Да, тогда здесь появилась собственная мануфактура для приходских бедняков. Около тысячи восемьсот восьмидесятого года здесь построили железную дорогу, она действовала несколько лет, пока ветку не закрыли. Ее могут восстановить, учитывая нынешний интерес к Бенфилду.

В старых документах неоднократно встречаются одни и те же фамилии, некоторые восходят к тринадцатому и четырнадцатому веку. Одна из них — Саугворт. Двое представителей других старинных родов — Бекшилд и Осуолд — до сих пор вместе с ним входят в местный совет. Также несколько раз упоминается Смайт, а еще Бридгэм, Вулгар, Адамс и Чарльз Даннинг, который кое-чем прославился: во времена Генриха Восьмого он был посвящен в рыцари. Большинство же были вольными землевладельцами и фермерами. Во время Гражданской войны между некоторыми семействами разгорелись конфликты: одни поддерживали Карла Первого, другие примкнули к Кромвелю. Зная деревенские нравы, можно заключить, что семейства до сих пор друг другу пакостят. Некоторые жители занимались контрабандой. Полагаю, от побережья открывался свободный путь с множеством укромных мест для хранения товаров. Вот, пожалуй, единственное мошенничество, имевшее здесь место, — по крайней мере, зафиксированное. — Фенн улыбнулся.

Делгард ждал продолжения и, не дождавшись, нахмурился.

— И все? — спросил он удивленно.

— В основном все. Подробности можете прочесть в моем письменном отчете. Простите, ничего не могу сообщить об убийствах, языческих жертвоприношениях, сжигании ведьм — просто ничего такого здесь не было.

— Да, признаться, я несколько разочарован.

— Я вас понимаю. Оказаться в тупике всегда досадно.

— А сама церковь? Должно быть что-нибудь еще про церковь.

— Да, есть. Но не много. В Англии Суссекс был одним из последних языческих оплотов. С севера его отрезали леса, с востока и запада — болота, а с юга — море. В то время Августин и его последователи-христиане из Рима получили от местных жителей короткую исповедь. Все началось с епископа по имени Уилфред, которого штормом прибило к берегу Суссекса. Епископ пришел в ужас от местного варварства и решил вернуться и обратить дикарей в истинную веру. Что и сделал двадцать лет спустя — и добился своего. История говорит, что Бенфилд, или Бейнфилд, как он тогда назывался, был одним из последних оплотов язычества. Интересно, что первая христианская церковь — а мы можем лишь предполагать, что это была церковь Святого Иосифа, — была построена на месте языческого капища. И кладбища.

В глазах Делгарда сохранялась ледяная холодность — отражение внутренних мыслей. Священник не смотрел на Фенна.

— Вероятно, это не важно. Многие церкви строились на месте языческих алтарей — как твердое и

символическое опровержение старых верований. А кладбища всегда почитались, и христианами, и язычниками.

— Разумеется. С моей стороны это просто изложение фактов, а никакой не на́мек.

Священник кивнул.

— Продолжайте, прошу вас.

— Первым местным викарием, о котором упоминают, был...— Фенн сверился с блокнотом.— Некто Джон Флетчер. Это было в тысяча двести пятом году. Между прочим, церковные книги хранят записи лишь до тысяча пятьсот шестьдесят пятого года, и в них содержатся сведения исключительно о браках и смертях. Информацию о Флетчере я получил из одной книжки об этой деревне.

— Вы уверены?

— Да. Но я открыл кое-что еще. Сейчас расскажу. Как я уже сообщал, Бенфилд особенно долго сопротивлялся епископу Уилфреду и его последователям, когда те принялись обращать суссекский народ в истинную веру. Было пролито немало крови. Впрочем, когда была основана церковь, больше проблем не осталось — по крайней мере, о них не упомянуто. Разве что в связи с Карлом Вторым: местный католический священник был роялистом и участвовал в тайной переправе короля через Даунс на побережье, откуда тот на лодке бежал во Францию. Кромвель казнил священника. Кроме этого бенфилдское духовенство ничем себя не проявило: никаких скандалов, растрат церковной кассы, никаких беззаконий.

— Но записи восходят лишь к концу шестнадцатого века. Мы не знаем, как эту церковь затронуло распространение протестантизма в Англии. Это были трудные времена для католиков.

— Реформация принесла перемены и проблемы всем церквям в этих краях, но относительно церкви Святого Иосифа я не нашел ничего особенного. Несколько представителей местной знати столкнулись с большими неприятностями, когда отказались присягнуть на верность Генриху Восьмому как главе англиканской церкви, но большинство решило смириться с этим ради поддержания мира. Кроме того, многие извлекли выгоду из перехода в иную веру: Генрих распродал земли, оказавшиеся свободными после упразднения монастырей, и местное дворянство их скупало.

Что-то зашевелилось в памяти Делгарда, мелькнула какая-то беспокойная мысль, но каждый раз, когда он пытался сосредоточиться на ней, она исчезала, как спугнутый сон.

— В Бенфилде были и противостоящие друг другу группировки,— продолжал Фенн,— и это противоречие, вероятно, использовалось для продолжения вражды, возникшей еще раньше. Как бы то ни было, в архивах нет никаких записей, касающихся этого периода. И это опять-таки приводит к тому, о чем я говорил раньше.

Делгард наклонился к репортеру, словно слушая исповедь.

— Где-нибудь в церкви есть старый сундук? — внезапно спросил Фенн.

Священник удивленно взглянул на него.

— Старый сундук из вяза или дуба? — продолжал репортер.— Укрепленный полосами из суссекского железа. И да, еще: он должен иметь три замка.

Священник медленно покачал головой.

— Мне ничего не известно о подобном сундуке. Я его не видел.

— Может быть, он хранится где-либо еще?
— Здесь есть только ризница и склеп. Уверен, ни там, ни там сундука нет.

— А в доме священника? На чердаке?
— Какого он размера?
— Точно не знаю. Примерно, пять футов на два. Старинный, еще четырнадцатого века.

— Нет, в доме священника его нет. А почему это важно?

— Потому что в нем хранятся древние документы, церковные ценности, книги и записи. Я нашел упоминание о нем в архиве. Генрих Восьмой приказал, чтобы в каждой церкви за счет прихожан завели крепкий сундук, где хранились бы церковные записи. Это случилось в тысяча пятьсот каком-то году, но, согласно архивам, в Бенфилде уже был такой сундук еще за двести лет до того. В нем мы могли бы найти кое-что о церкви Святого Иосифа.

Делгард внезапно понял, что сундук действительно важен. Он имел какое-то отношение к ускользающей мысли, которая мелькнула в голове мгновение назад.

— Я осмотрю склеп позже, после мессы.

— Я могу проделать это сейчас.

Делгард поколебался, посмотрел на часы, и сказал:

— Хорошо. Пойдемте вместе в ризницу, и я дам вам ключи. Вход в склеп снаружи.

Он встал, высокий человек в черных одеждах, его глаза скрывались в тени. Фенн, все еще сидя, посмотрел на него снизу вверх и вспомнил, каким неколебимым показался ему священник при первом взгляде на него. Теперь часть той силы ушла, словно Делгард сжался — его энергия не исчезла, но убывала.

Хотя перемена была еле различима, Фенн не сомневался, что это не просто плод его воображения.

— Вас что-то смущает? — спросил священник.

Фенн отвлекся от своих мыслей.

— М-м-м, нет, просто задумался. Пойдемте за ключами.

Они пошли к ризнице, и их шаги неестественно гулко прозвучали под сводами церкви. Фенн взглянул на статую Мадонны. На ней не осталось ни единого белого пятнышка.

ГЛАВА 28

— Да ведь он голый! — закричал вдруг какой-то маленький мальчик.

Ганс Христиан Андерсен.
«Новое платье короля»

Подсунув руки под ляжки, Бен елозил ягодицами по жесткой деревянной скамейке — и так и сяк. Мать с закрытыми глазами сидела рядом, не обращая внимания на шум вокруг.

У Бена прошел страх, теперь он видел кое-что и пострашнее мужчины со странным лицом: людей без ног, детей с огромными головами и бессмысленными выпученными глазами, женщин с невероятно распухшими, трясущимися, как студень, руками и ногами, и беспокойные глаза, смотрящие из бесформенных груд на инвалидных колясках.

— Мамочка, мне холодно, — пожаловался он.

— Тише! — одернула его Сью. — Сейчас начнется месса.

Она огляделась вокруг, удивляясь огромной толпе. Там и сям над морем розовых лиц развевались

знамена, обозначая районы и религиозные объединения. На груди у многих сидящих в том же ряду, что и Сью, виднелись значки паломников из Лурда. На земле у ног Сью лежал обгоревший листок, с отворачиванием выброшенный одним из паломников, который получил его от девочки, лишь только ступил на церковные земли. Листок требовал пожертвовать последователям преподобного Сан-Мён Муна из «Церкви объединения», чтобы тот приобрел экономическое влияние. На сияющей с листка круглой, как луна, физиономии отпечатался грязный каблук, испортив товарный вид восточному Мистеру Счастье. Несколько облаченных в белое фигур, расположившихся на несколько рядов дальше, сначала вызвали у Сью недоумение — их яркие ленты и хламиды как будто не принадлежали ни к одному из известных ей духовных орденов, — но сидевшая рядом женщина, заметив удивленный взгляд, подтолкнула ее локтем и доверительно сообщила:

— Это просто светское общество. Они называют себя Рыцарями Святой Гробницы. Мы в Лурде часто их видим.

Сью и Бену посчастливилось сесть неподалеку от недавно устроенного алтаря, который возвышался на помосте в пяти футах от земли, чтобы все собравшиеся могли видеть церемонию. Молодой священник, исполнявший обязанности младшего распорядителя и знавший Сью как добровольную помощницу, заставил паломников потесниться на скамейке, чтобы выделить место для нее и сына. Единственным свободным местом оставалась скамейка впереди, да и та теперь заполнялась духовенством, монахинями и элитой местного светского общества. Среди последних Сью увидела знакомые лица. Одним из них

был человек по фамилии Саутворт. Он, тихо посмеиваясь, болтал о чем-то с епископом Кейнсом, как будто они дожидались начала концерта под открытым небом, а не богослужения.

По другую сторону от центрального прохода оставили свободным обширное пространство для инвалидных колясок, и на скамейках позади расположилась бригада скорой помощи из церкви Святого Иосифа, молодые женщины в накрахмаленных белых халатах — очевидно, частные сестры милосердия, и родственники инвалидов. Пресса не получила никаких особых привилегий, разве что журналистам позволили войти раньше остальных, и потому многим удалось найти места впереди, где они и собрались — одни были необычайно сосредоточены и держали блокноты наготове, другие, уже видевшие все это раньше (хотя, надо признать, и *не совсем* это) — отпускали недовольные замечания и подумывали, не будет ли святотатством закурить. Фото-репортеры сместились к краям скамеек, и многие примостились на корточках прямо на траве в центральном проходе, когда их отогнали от самого алтаря. Телеоператоров на луг не пустили, но за высокой изгородью вдоль дороги маячили их передвижные вышки, и телекамеры сфокусировались на перекрученном дубе и скромном помосте перед ним.

Некоторые из собравшихся негромко затянули гимн, со стороны других групп доносились протяжные молитвы.

Сью ощущала напряжение и знала, что все вокруг чувствуют то же. Во всяком случае, возбуждение в это воскресенье было явно сильнее, чем на предыдущей неделе. Ожидание нарастало. Даже у Бена разгорелись глаза, его обычная скука от «присутствия»

ничем не проявлялась, на нее не было и намека. Он озяб, но Сью чувствовала, что его дрожь сродни ее собственной, вызванной отнюдь не холодом. Причина была в радостном возбуждении, охватившем всех присутствующих. Вдруг всё затихли, а потом по толпе прокатился тихий стон, как при лицезрении чуда. В недавно проделанном проходе в стене, отделявшей луг от владений церкви, показалась Алиса.

Молли Пэджетт держала дочь за руку, и мать-настоятельница из монастыря провела их обеих к скамье перед алтарем. Лицо Молли побелело и исказилось от напряжения, но лицо Алисы не выражало ничего. Она не отрывала глаз от дерева и даже не взглянула на толпу, которая благоговейно взирала на чудотворицу. Воцарилось безмолвие.

Бен вскочил на ноги, стремясь увидеть то, на что смотрели взрослые, но ему не хватало роста, чтобы заглянуть через их головы. Прежде чем мать успела его остановить, мальчик забрался на скамейку и увидел Алису. Это не произвело на него никакого впечатления.

Фенн спустился по ступенькам, стараясь не поскользнуться на их замшелой поверхности, и вставил длинный ключ в заржавевший дверной замок. Ключ повернулся на удивление легко. Фенн толкнул дверь и несколько мгновений постоял, давая глазам привыкнуть к открывшейся за дверью темноте. Ему вспомнилась старая телепередача, которую он смотрел маленьким. Она называлась «Внутреннее святилище» и каждую неделю начиналась с того, что медленно отворялась старая дверь в склеп и раздавался классический скрип. Ему в кошмарах снилась эта дверь и нечто страшное, что крылось за ней, но на-

утро воспоминания стирались, как мел — тряпкой. Однако теперь стояло утро, и это был не сон. Фенна встретил сырой, затхлый запах.

Репортер улыбнулся собственной нервозности. Делгард заверил его, что в церкви Святого Иосифа больше не держат в склепе покойников.

Фенн пошарил рукой по стене за дверью, нащупывая выключатель. Выключатель нашелся, и репортер включил свет.

Тусклая лампочка осветила четыре стены, и Фенн пробормотал:

— Чудесно!

Он вошел и ощутил, как под кожу прокрался свежий — нет, пробирающий до костей — холод. В дальней темной нише что-то метнулось прочь. На полу валялись картонные коробки. Посередине стоял старый стол с разбитой поверхностью, а к столу, как пьяная, прислонилась заляпанная деревянная стремянка. За кругом света маячили какие-то серые тени.

Фенн огляделся, надеясь сразу увидеть сундук, и его глаза различили под толстым слоем пыли какой-то приземистый прямоугольный предмет. Направившись к нему, Фенн промочил ноги в собравшихся на полу лужах. Присев на корточки, он протянул руку к заплесневелой крышке.

Монсеньер Делгард обернулся к собравшимся, его огромные руки лежали на бортиках кафедры, глаза смотрели в гуцу ожидающих лиц, а не в лежащий перед ним молитвенник. Он резко набрал в грудь воздуха, его ссутуленные плечи почти выпрямились.

Боже правый, здесь тысячи, *тысячи!*

Зачем они пришли сюда? Что им нужно от ребенка?

Его сердце скорбело о пришедших больных, ка-
леках и инвалидах, которые смотрели на священни-
ка горящими глазами, приоткрыв рот, с улыбками,
оживившими затравленные лица. О, Господь всеми-
лостивый, помоги им в их вере! Не дай отчаянию по-
разить их! Случившееся с девочкой нельзя повторить,
они должны понять это. Пусть сегодня все кончит-
ся! Покажи им, что здесь нет никаких чудес!

Два искусно встроенных в кафедру микрофона
на несколько мгновений нестройно загудели.

Легкий ветерок коснулся страниц молитвенника.

Чувства собравшихся словно обдали священни-
ка волнами эйфории, и голова закружилась от этой
направленной энергии. Бесчисленное количество рас-
красневшихся лиц перед ним напоминало розовую
гальку на колеблющемся пляже, подъем у входа на
луг вздымался, как приливная волна, а высокие из-
городи вдоль дороги напоминали морскую дамбу.
«Безумие,— сказал себе Делгард.— Глупый обман, в
котором должна принять участие Католическая цер-
ковь». Внизу ободряюще улыбался епископ Кейнс.
Саутворт повернул голову и смотрел на толпу. При-
сутствовали и многие другие священники — как за-
лог истинности и божественности происходящего,
пусть даже это и жульничество. Но нет, здесь нет ни-
какого жульничества! Алиса Пэдджетт — чистое дитя!
Ее юная душа не может быть греховной. Возможно,
это он, священник, греховен в своих сомнениях, гре-
ховен его отказ признавать то, что он видел собст-
венными глазами. Возможно, ему не хватает смире-
ния поверить, что это дитя способно вызвать такие
духовные силы. Возможно...

Держа руки ладонями от себя, Делгард поднял
их до уровня плеч и начал богослужение. Алиса вни-

мательно наблюдала за ним, но ее глаза как-то остекленели и смотрели прямо сквозь него... смотрели... смотрели не на него... а на дерево...

Покрывало казалось липким на ощупь, и Фенну потребовалось сделать над собой усилие, чтобы взяться за него и сдернуть. Под покрывалом оказался деревянный ящик, и от света по крышке во все стороны разбежались крошечные черные твари. Фенн сразу понял, что это не тот сундук, который он ищет, — ящик был слишком мал и не такой уж древний, — но все же решил открыть его: кто-нибудь мог переложить документы туда. Замка не было, и он поднял крышку.

От поднявшейся пыли Фенн несколько раз чихнул и слезящимися глазами уставился на старые книги и бумаги. Когда он попытался достать их, крышка откинулась наотмашь. Книга оказалась потертым требником, написанным по-латыни. Мертвый язык. Использовать его могли разве что твердолобые религиозные фанатики, поскольку Ватикан решил, что современный язык неблагозвучен для молитв. Под верхней книгой лежала другая такая же, а под ней — еще одна: ящик был полон ими. Бумаги оказались пожелтевшими текстами гимнов. Вот и все. Фенн, разочарованный, закрыл крышку. Это было бы *слишком* просто.

Опершись руками на колени, репортер еще раз осмотрел склеп. Боже, как тут холодно! Он двинулся к центру; лампочка под железным колпаком всего в шести дюймах над головой отбрасывала на пол тени от носа и бровей. Два каких-то насекомых кружились вокруг лампочки, не ведая, что ищут смерти от этого лже-солнца.

Сколько древних костей крылось под этим полом? Фенн задумался. Языческие кости, останки нечестивцев. Не витают ли тут их души? Он осознал, что сам себя зачем-то запугивает, и мысленно дал самому себе пинка. «Давай, Фенн, действуй, а потом сможешь уйти!»

Последовав этому совету, он подошел к груде ящиков за кучей стульев в углу склепа и, немелодично насвистывая, стал ее разбирать. Достаточно просто просмотреть, не имеет смысла все внимательно разглядывать — он ищет старый большой сундук, слишком большой, чтобы его легко удалось припрятать. Старый радиатор отопления, потревоженный движением, начал скользить вдоль стены, к которой был прислонен, и со страшным грохотом упал на пол; шум эхом отразился от сырых каменных стен.

Фенн замер, сгорбив плечи, пока эхо не затихло. «Прошу прощения», — извинился он перед призраками.

Он взгляделся в серые силуэты, молчаливо маячившие неподалеку. Они стояли как чахлые привидения, и репортер, приблизившись, содрогнулся от их уродства. Их было четыре, и две статуи сохранили остатки блеклой краски на своих гипсовых одеждах, а две другие начинали жизнь белыми, но теперь почернели, почти как окружающий их мрак. «Там, наверху, есть одна ваша подруга, которая скоро к вам присоединится», — молча сказал им Фенн, вспомнив почерневшую, потрескавшуюся Мадонну. Ближайшей фигурой был безносый, с отбитым подбородком Христос. Он словно что-то держал в согнутой руке, другая рука была по локоть отбита. Фенн слегка нагнулся, заинтересовавшись странным предметом. «Очень мило», — пробормотал он, обнаружив, что Хри-

стос держит каменное сердце с торчащим из него, как яблочный черенок, крестиком.

Статуя сзади была выше, она вся выпвела и выглядела устрашающе. Вероятно, она тоже представляла собой Иисуса, хотя при отсутствии головы было трудно сказать наверняка: сохранился лишь остаток бороды. Следующая статуя была маленькая, как и первая. Чуть согнутая фигура изображала человека, несущего на плечах ребенка. Посох отсутствовал, и лица у обоих — у бородатого мужчины и у ребенка — были изуродованы, но Фенн легко догадался, что это святой Христофор и младенец Иисус.

Он быстро повернулся к лампочке, которая на мгновение потускнела.

— Не смей! — крикнул он, и свет вновь разгорелся.

Фенн снова переключил внимание на статуи. В одной, самой дальней, чудилось что-то знакомое. Он прищурился, сетуя на тусклый свет. Металлический колпак, отсекая половину лучей, помогал мало. Протиснувшись мимо первой статуи, репортер уставился в просвет между двумя следующими, преграждавшими путь. Лицо четвертой статуи, невидящими глазами смотрящее назад, было то же, что у статуи наверху. Это была Мария, и выглядела она совершенно безмятежной.

Фенн озадаченно нахмурился. На расстоянии казалось, что фигура находится в таком же бедственном состоянии, как и другие — запачканные, потрескавшиеся, с отбитыми частями, — но, вероятно, просто плохое освещение бросало обманчивые тени, поскольку при ближайшем рассмотрении никаких дефектов или грязи на статуе не обнаружилось. Фенн

попытался протиснуться еще ближе — было что-то странное в ее невидящих глазах...

Положив одну руку на безголовую фигуру, он наклонился вперед. Белое лицо улыбалось. И у репортера возникло жуткое чувство, что глаза видят его. Другой рукой он коснулся святого Христофора, и фигура с ребенком опасно покачнулась. Фенн придерживал статую и придвинулся поближе к Деве в тени. Вероятно, это была игра света — улыбка на каменных губах как будто стала шире. Он поморгал. Губы статуи приоткрылись.

Фенн словно отупел, как будто какую-то часть мозга порастил леденящий холод. Глаза без зрачков гипнотизировали. Его дыхание участилось, но он не замечал этого. Ему нужно добраться до этой статуи, прикоснуться к ней, ощупать эти приоткрытые губы.

Свет стал тусклее. Или так казалось, потому что Фенн весь сосредоточился на этих влажных губах, этих пронзительных глазах? Сзади послышался неясный шум, но репортер не обратил внимания на звук и не заметил мерцания.

Оставался всего лишь фут, может быть, несколько дюймов, но он не мог пробраться дальше — не пропускали другие статуи. Фенн наклонился вперед, вытянул шею, и два «охранника» Марии тут же начали опасно крениться в его направлении.

Он не мог подойти ближе, но, прежде чем свет погас, статуя Марии двинулась к нему.

Священник: Братья и сестры, подготовимся к празднованию священного таинства, покаемся в наших грехах.

Ветерок зашевелил флаги и платки на головах, заиграл волосами на непокрытых головах. Люди закашляли в тишине. Где-то заплакал ребенок.

Священник: Господи, мы грешны пред тобой. Господи, помилуй.

Все: Господи, помилуй!

На вышке, возвышавшейся над полем, оператор удивленно уставился на свою камеру.

— Эй, что там происходит? — крикнул он, невзирая на продолжавшуюся мессу.— Напряжение скачет. Сделайте что-нибудь!

Священник: Господи, прояви к нам свое милосердие и любовь.

Все: И даруй нам спасение!

Оператор тихо проклял аккумулятор своего «Никона».

— Надо же! Выйти из строя именно сейчас!

Он не замечал, что некоторые из коллег столкнулись с той же проблемой.

Священник: Да помилует нас Бог, простит нам наши грехи и приведет нас к вечной жизни.

Все: Аминь!

Женщина-репортер, тихо что-то говорившая в свой миниатюрный кассетный магнитофон, нетерпеливо потрясла его, когда крутящиеся зубчики замедлились и остановились.

— Дерьмо! — выругалась она, сдерживая голос, и постучала магнитофоном по ладони.

Священник: Господи, помилуй.

Все: Господи, помилуй.

Священник: Помилуй нас, Боже.

Все: Помилуй нас, Боже.

Священник: Господи...

Монсеньер Делгард зажал руками уши, когда микрофоны невыносимо засвистели, а потом замолкли.

Из-под прикрытых век он видел, как Алиса встала со скамьи и пошла к нему.

Статуи с обеих сторон от Фенна с грохотом упали, и он упал вместе с ними. Он закричал, вдруг заметив, что вокруг кромешная темнота, и к крику присоединился стук камня. Что-то ударило репортера по пальцам, но он не почувствовал боли. Огромная тяжесть навалилась ему на плечи, прижав к полу, оглушив ударом. Фенн инстинктивно попытался откатиться, но справа что-то мешало. Он в ужасе отпрянул, вспомнив о статуе Мадонны, как она двинулась, как она хотела его... желание в ее глазах...

— Нет! — завопил он, и его голос разнесся по пахнущему тленом помещению.

Репортер лягался, отпихивал, толкал, напрягался. Статуя была неимоверно тяжелой и всем весом прижала его к полу. Ему удалось вывернуться и одной рукой ухватиться за холодный камень. Камень был мокрым от слизи, и пальцы скользнули по его поверхности. Кое-где они пробежали, видимо, по плесени, но она ощущалась как мягкая, гниющая плоть.

Фенна бросило в жар, его кожу обдавало зловонное дыхание.

Ему удалось просунуть руку под неподъемный камень, и репортер закричал, упершись что было сил.

Со скребущим звуком статуя чуть-чуть соскользнула. Фенн повернулся, опираясь на локти, хватая ртом нечистый воздух, его грудь тяжело вздымалась. Во что бы то ни стало надо выбраться отсюда, сама темнота душила! Рассудок говорил ему, что склеп полон мертвыми, неодушевленными вещами, но воображение настаивало, что они могут двигаться, дышать, видеть. Могут трогать.

Его ноги скребли по сырому полу. Фенн зажмурился в темноте, боясь, что статуя сейчас задушит его. Дверь! Сквозь дверь проникал дневной свет! Нужно добраться до двери!

Он пополз по изуродованным фигурам через липкие лужи, образовавшиеся на неровном полу как застойные подземные озера, он сбивал в сторону ящики и все, что попадалось на пути. Потом попытался встать на ноги, но снова упал. Фенн отчаянно стремился к свету, отчаянно стремился вырваться из этих холодных, безжизненных пальцев, которые тянулись за ним из темноты...

Только свет мог снова превратить эти пальцы в камень. Но теперь в сером прямоугольнике дверного проема стояла какая-то тень, какая-то темная масса, которая заслонила свет, двинувшись к Фенну. Фигура протянула к нему руку.

Из толпы больше не доносилось ни звука, больше никто не кашлял, дети не плакали, никто не бормотал молитвы. Как будто все присутствующие как один затаили дыхание. И хотя происходящее видели только те, кто стоял рядом с помостом, какое-то массовое сознание породило напряженность, которая вихрем пронеслась по толпе, как рябь по поверхности пруда. Все, не дыша, смотрели на середину.

Потом из толпы донеслось приглушенное, сдавленное «а-а-а-ах!», когда по ступеням к алтарю поднялась крохотная фигурка. В глазах у всех светилось изумление. Телеоператоры на своих вышках только расстроено застонали, сетуя на столь несвоевременную поломку генератора и не заметив, что их конкуренты столкнулись с той же проблемой. Полисмен за воротами, не зная, что происходит внутри, только нахмурился, услышав треск помех из портативного радиоприемника, когда попытался вызвать подмогу. Собравшимся вскоре стало не по себе, и кое-кто двинулся к забитому выходу с поля.

Делгард ощутил дрожь в коленях, когда по ступенькам к нему с радостным личиком поднялась девочка. Она была такая маленькая, такая хрупкая, а ее глаза видели что-то такое, чего не видел больше никто. Алиса прошла мимо, и Делгард ощутил, как все жизненные силы отхлынули от него, словно она непонятым душевным магнитом притягивала к себе энергию. Он покачнулся и, чтобы не упасть, ухватился за кафедру. Позади алтаря возвышался дуб — как черный перекрученный гигант, как маячившее вдали чудовище, которое словно манило к себе девочку.

Алиса встала перед деревом, и ее глаза полуприкрылись, так что между век виднелись белки. Она медленно подняла лицо кверху, словно смотрела на что-то в ветвях, и улыбка растаяла. Белокурые волосы откинулись на спину, и девочка развела руки, будто для объятия. Ее учащенное дыхание, которое вырывалось короткими вздохами, стало замедляться, сделалось ровнее, глубже, спокойнее. И остановилось.

Воздух колебался вокруг нее, а над головой словно сгустились тучи. Но потом сквозь них пробилось солнце и залило чистым светом поле, алтарь, дерево.

Алиса медленно повернулась лицом к толпе, все ее хрупкое тело содрогалось от какого-то исступленного внутреннего восторга, и все присутствующие ощутили в себе прилив такого же восторга.

Алиса вдруг широко раскрыла рот, словно невидимое лезвие полоснуло ее, хотя улыбка осталась на ее лице и стала еще безмятежнее. Но вся толпа так же разинула рты, когда девочка начала подниматься в воздух.

— Фенн, черт побери, что с тобой?

Он прекратил борьбу и больше не пытался отпихнуть склонившуюся над ним фигуру. В голове начало проясняться, хотя панический ужас еще не отступил.

— Кто... кто это? — спросил он дрожащим голосом.

— А ты думаешь кто, идиот? Это же я, Нэнси!

Она снова протянула к нему руку, и на этот раз Фенн не оттолкнул ее.

— Нэнси?

— Да. Помнишь? Твоя *подруга*, которую ты кинул у ворот.

Он кое-как поднялся на ноги, и ей пришлось удерживать его, когда Фенн попытался броситься в дверь.

— Успокойся, — скомандовала американка. — Здесь вокруг много хлама — сломаешь свою чертову шею.

Нэнси взяла его под руку и удержала от поспешного бегства. Они пошли к двери. Но на последних шагах Фенн не выдержал, вырвался и бросился наружу. Нэнси догнала его на улице, когда он прислонился к церковной стене. Изо рта его текла слюна, словно его только что вырвало.

Нэнси дала ему несколько секунд, чтобы прийти в себя, потом проговорила:

— Ты, кажется, собирался рассказать мне, что там произошло?

Фенн только разевал рот, словно ему не хватало воздуха.

— Я была по ту сторону стены,— сказала Нэнси, озабоченная его состоянием,— и мельком заметила, как ты прошел через кладбище к лестнице, ведущей в склеп. Мне понадобилось время, чтобы проскользнуть мимо святой мафии.— Ее голос смягчился.— Что случилось, Фенн? Ты выглядишь так, будто столкнулся с настоящим призраком.

Он протяжно вздохнул и повернулся к ней. В его глазах стояли слезы, и, еле дыша, Фенн проговорил:

— Я... я... думаю, что... может быть.

Нэнси хмыкнула. Теперь, при свете дня, на свежем воздухе, ему самому это казалось смешно. Но *он* был там, *он* видел это.

— Там... там была фигура...

— Ты говоришь про статую. Я слышала стук, когда ты ее сшиб, но звук был такой, будто упала не одна.

— Их было четыре. Но одна... позади... статуя Марии... была не такая. Это была не статуя. Она двигалась.

— Эй, Фенн, ты это серьезно? Ты просто наткнулся на нее, и она опрокинулась. Я видела, как ты вылезал оттуда с совершенно безумным видом. Кстати, почему ты копошился в темноте?

— Свет был. Наверное, лампочка перегорела.

— Да, и ты перепугался до смерти. И тогда, наверное, опрокинул статую.— Она рассмеялась.— Очень мило.

Он покачал головой; все это казалось таким нереальным.

— А что ты искал? — Она насторожилась и перестала улыбаться.

— А? Ну, один сундук, старый сундук. Мы подумали, что он может быть в склепе. В нем могли оказаться некоторые ранние церковные записи.

— Давай спустимся и снова поищем.

Нэнси повернулась, но Фенн схватил ее за руку.

— Нет, его там нет. Я бы заметил.

— А ты уверен, что не просто трусишь?

— Я бы его заметил!

— Ладно, ладно, верю. Слушай, богослужение уже началось, так давай поспешим, чтобы не слишком опоздать. Как знать, может быть, сегодня опять день чудес. — Она взяла его за руку и потянула от стены, но, повернувшись к нему лицом, удивленно воскликнула: — Да ты весь дрожишь! Боже, ты действительно перепугался!

— погоди минутку, я буду в полном порядке.

Но будет ли он в порядке, когда придет пора спать?

— Конечно. — Нэнси провела пальцем ему по щеке. — Успокойся. И мы тихонько пойдем на поле.

Она повела его от церкви, от черной дыры, ведущей в склеп, но то и дело поглядывала ему в лицо и хмурилась. Ей был понятен его страх, когда он повалил в темноте статуи, — она и сама испугалась, услышав тот грохот. От прогулки через кладбище с его замшелыми старыми могилами и покосившимися надгробиями ей стало не по себе даже при свете дня. Маленькие земляные холмики, разбросанные там и сям, тоже не улучшали атмосферу. А когда Нэнси подошла к лестнице, уходящей вниз, в какую-то мрачную яму, она уже не просто слегка нервничала.

Только решив, что Фенн упал и покалечился, она рискнула спуститься. И все же, как ни страшно там было, его паника казалась до смешного чрезмерной. Странно. Казалось, он не из тех, кто шарахается от призраков.

Когда они подошли к недавно проделанному проходу в стене, отделявшей кладбище от луга, Нэнси почувствовала себя неуютно, но не могла понять почему. Фенн был слишком занят своими мыслями и ничего не заметил. Тревога постепенно охватывала ее по мере приближения к лугу. Все дело было в тишине. На девяти-десяти акрах земли собралась толпа, и вокруг висела абсолютная, жутковатая тишина.

Нэнси остановилась, и Фенн удивленно взглянул на нее. Наконец и он заметил отсутствие каких-либо звуков. Когда они посмотрели на возвышавшийся впереди алтарь, то поняли причину этой тишины.

Монсеньер Делгард опустился на колени, одной рукой по-прежнему держась за кафедру. Те, кто видел его, кто смог оторвать глаза от парящей в пяти футах над землей девочки, подумали, что это жест смирения, не догадываясь, что священник охвачен слабостью. Служители у алтаря, опустившиеся на колени чуть раньше, теперь полусидели, полулежали на помосте, опираясь на руки или локти.

Взор Делгарда затуманился, священник смотрел на девочку словно сквозь тонкую пелену. Свободной рукой он вытер лоб, и рука была словно свинцовая. Он не верил своим глазам и твердил себе, что это невозможно. Но это был не сон — вот она, рядом; ее лицо было по-прежнему повернуто к небу, руки разведены, и легкий ветерок колыхал юбку. Делгард беззвучно шептал молитву.

Один за другим, повинувшись какому-то импульсу, люди начали соскальзывать с сидений и преклонять колени, но это не было произвольным действием, а вызывалось благоговением. Вскоре по полю словно прокатилась волна, сопровождавшаяся еле слышным шорохом. У многих на лице виднелись слезы, у других — благоговейная улыбка; одни закрыли глаза, не в силах смотреть на исходящее от девочки сияние, но другие видели только крохотную неподвижную фигурку, которая мерцала вдаль. Все ощущали себя ничтожными перед этим чудо-ребенком.

Делгард попытался встать, но не было сил. Разинув рот, он смотрел, как Алиса наклонила голову и ее глаза, ее прекрасные голубые глаза широко раскрылись. И медленно, неуверенно, многие из тех, кто лежал на носилках или беспомощно сидел в коляске, поднялись и заковыляли к алтарю. Они собрались там толпой искалеченных, трясущихся тел, поддерживая друг друга и глядя вверх умоляющими глазами. Тихим гортанным бормотанием калеки благодарили девочку и Мадонну за то, что, как они чувствовали, происходило с ними.

Вдруг раздался вопль. Мужчина с безобразно распухшим, покрытым рубцами лицом протолкался через толпу инвалидов и рухнул на ведущих к алтарю ступенях.

Протянув трясущуюся руку вверх, он взмолился: — Помоги мне! Помоги мне-е-е-е... — Голос перешел в тихий пронзительный стон. Поднятая рука ударила по лицу, и человек закричал. Когда он отнял руку, гнойные волдыри на его щеках, губах и подбородке начали лопаться.

Только Бен, который все хорошо видел, поскольку остался стоять, когда все опустились на колени, ничего не понимал.

— Здравствуйте! Как вы поживаете? — громко зашебетала она.— Сегодня день совсем не такой, как вчера. Я так рада, и вы, наверное, тоже, да?

Элинор Портер. «Поллианна»*

Риордан осторожно закрыл дверь в коровник, не желая тревожить животных: они и так уже заволновались. Он прошел через двор, направляясь к черному ходу в дом; свет из окон манил к теплу внутри. Риордан покачал головой и еле слышно что-то пробормотал. Времена и без капризов домашнего скота были нелегкие. Он на мгновение остановился, прислушиваясь, и холод сомкнулся вокруг него, как манжета прибора для измерения давления. Чертова собака снова завывала, как привидение в ночи. Это была обычная дворняга старого Фейрмена — с нее все и начиналось. Следующим будет его собственный Бидди, потом пес Риксби в доме дальше по дороге. Три ночи они так были, а ведь даже луна на небе не полная! Словно по сигналу в доме заскулил, а потом завыл его лабрадор Бидди.

Может быть, это из-за прожектора на лугу они были всю ночь. Свет, падая на проклятое дерево, в самом деле казался довольно жутким. Может быть, пес Фейрмена видел свет из своей конуры, и это было для него непривычно. Риордан не любил это дерево, еще когда владел полем, хотя и сам не понимал почему — наверное, оно просто казалось безобразным,— но земля использовалась под пастбище, так что дуб никому не мешал и не доставлял хлопот. Но

* Перевод А. Иванова и А. Устиновой.

теперь луг принадлежал Церкви, и Церковь заплатила за него немалую цену. Риордан так и не понял, почему они сочли это мертвое дерево каким-то особенным. Девочка творила перед ним странные вещи, ну и что? Как бы то ни было, освещенное таким образом оно чертовски раздражало. И пугало собак.

Он услышал, как в доме жена ругает Бидди, кричит, чтобы пес замолк. Есть некоторый шанс, раз она начала.

А как раздражают все эти люди, толпящиеся на лугу по воскресеньям! Это тревожит скотину, коровы шарахаются от этого места, жмутся к дальнему краю собственного поля, словно толпа их укусит, закатывают глаза, когда он загоняет их, и все дрожат, будто пугаясь грома.

Риордан встал посреди своего двора и оглянулся на покрытую силосную яму и гараж, рассматривая луч света, упавший с голубого, цвета индиго неба, на отдаленный участок. Почему-то ему стало не по себе. Этот серебристый незванный гость, незнакомый и неприветливый, нарушил спокойствие сельской ночи. Риордан посмотрел на звезды, на чистое небо: ни одно облачко не затуманивало мерцающие созвездия, и все же в воздухе чувствовалась гроза, электричество покалывало нервы. Явление казалось таинственным и не понравилось ему, совсем не понравилось. Когда собаки воют по ночам — это обычно предвещает смерть, а нынче, стоя во дворе, когда холод и тьма охватывали его, как будто были неразлучны с подавленностью, Риордан ощутил, что вой предупреждает о чем-то еще. О чем-то еще более страшном.

О, дьявол, хватит несчастий! Он аккуратно долил пива в стеклянную кружку, не обращая внимания на сильные голоса с другого конца стойки. Взяв деньги, он позвенел ими и небрежно двинулся к источнику неприятностей. А увидев троих местных, устроивших гвалт, устало вздохнул.

Бармен хотя и не отличался крутым нравом, но был мужчиной крупным, и одного его появления обычно хватало, чтобы усмирить даже самых буйных из посетителей. Прощлой ночью ему пришлось дважды вмешиваться в стычки. Хотя он ценил рост торговли, вся эта шумиха и пришедшие с ней беспорядки не радовали. «Белый олень» всегда был тихим местечком — по крайней мере, относительно тихим, — и хозяин хотел, чтобы таким он и оставался.

— Давайте-ка, парни, успокойтесь.

Они посмотрели на него обиженно, но как будто с уважением. Однако в просвистевшей у головы кружке не чувствовалось никакого уважения. Бармен только ошеломленно уставился на троих наглецов, которые протолкались через заполненный людьми бар и, грязно выругавшись на прощание, исчезли за дверью.

Когда кружка ударилась о полку за стойкой и разлетелась вдребезги, все разговоры затихли. Теперь посетители встали и смотрели на бармена, так же удивленные, как и он. Кельнерша бросилась за шваброй, чтобы вытереть пролившееся пиво и убрать битое стекло, а бармен только озадаченно покачал головой.

— Что с вами со всеми? — проговорил он, а посетители только сочувственно покачали головами.

Разговоры возобновились, ручеек перешел в бурный поток, а бармен вернулся обратно за стойку и

налил себе двойное виски, нарушив собственное правило никогда не пить до десяти. «Этих троих больше не пускать», — хмуро сказал он себе. Раньше они никогда не буянили, однако не было никакой уверенности, что не устроят скандала в его заведении в будущем. Куда катится Бенфилд? В последние несколько недель поселок был оживленным, но настроение как будто стало меняться. Ночью над домами словно висела какая-то тяжесть, как летом, когда собирались грозные черные тучи, однако сейчас не было никаких туч, а воздух странно наэлектризовался.

Бармен сморщился, проглотив свое виски, но внезапный прилив тепла принес облегчение.

— Ты обещал, старый ублюдок!

Таккер поднял короткопалую руку, словно успокаивая женщину; его глаза не отрывались от дороги впереди.

— Еще рано, Пола, — примирительно проговорил он. — Я еще не знаю, собираются ли этот план выполнять.

— Ты знаешь, подонок! Сейчас все выполняется! Все!

— Нет-нет, нужно подождать, пока даст добро окружной совет, а ты знаешь, как они медлительны. И даже если они дадут разрешение, понадобится еще год или больше, чтобы построить супермаркет.

— Ты говорил, что собираешься прикупить парочку магазинов на главной улице и объединить их.

— Конечно, я бы купил, но сейчас никто не продает, пока в поселке продолжается такой бум.

Это была неправда, так как он уже принял заманчивое предложение купить две расположенные рядом друг с другом лавки — их владельцы старели

и скорее боялись расширения торговли, чем стремились к этому. Но не было смысла говорить об этом Поле, пока сделка не заключена. И что за шило засело у этой женщины в заднице?

— И все равно, даже если ты построишь новый супермаркет, почему ты не разрешишь мне управлять старым? По крайней мере, я буду знать, чего ждать.

— Пола, есть еще многое, чем нужно управлять...

— Ты обещаал!

Пола ударила его по руке, и автомобиль вильнул в сторону.

— Черт тебя дери, Пола, что с тобой? Мы чуть не вылетели с дороги!

Он завизжал, когда она стремительно схватилась за руль.

— Пола!

Одной рукой отталкивая ее, а другой выравнивая машину, Таккер мысленно проклял тот день, когда связался с этой дурой. Да, он ошибся в Поле. Она была не только тупа, но и скрытна. «Ягуар» замедлил движение и свернул с главной дороги в боковое ответвление. Таккер остановил автомобиль и выключил двигатель и фары.

— Ну послушай, милая...— начал было он.

— Тебе наплевать на меня! Я нужна тебе лишь для одного!

«Недалеко от истины»,— подумал он и сказал:

— Не сходи с ума. Ты знаешь, как много значишь для меня.

— Тебе наплевать! Ты хоть что-нибудь дал мне?

— А эти сережки на Рождество...

— Ублюдок! Ты даже не понимаешь, о чем я говорю.

Хотя машина стояла на месте, его руки по-прежнему сжимали руль, а глаза смотрели на дорогу впереди. Обезумевшая птица или летучая мышь забила в ветровое стекло. Таккер еще крепче стиснул руль, его слова вырывались через сжатые губы:

— Тогда объясни, о чем ты говоришь, Пола.

— Я говорю о моей жизни! Обо мне! О моем будущем! Я помогала тебе — твоему делу и тебе. Я работала на тебя день и ночь, никогда не жаловалась...

Он закатил глаза.

— ...Всегда была под рукой, когда была нужна тебе — для работы или для развлечения. Я от столько-го отказалась ради тебя!

— Черт побери, о чем ты? Я дал тебе превосходную работу, я дарил тебе подарки, я возил тебя...

— В задрипанный мотель! Вполне в твоём духе! А лучшие подарки ты дарил своей жене! Я видела, как она красовалась на улице в своей вонючей шубе и драгоценностях!

— Ты хочешь шубу? Я подарю тебе!

— Не нужна мне твоя паршивая шуба! Я хочу кое-что побольше!

— Только скажи что!

— Я хочу супермаркет!

На несколько мгновений в машине повисло изумленное молчание. Потом Таккер, не веря, переспросил:

— Ты хочешь супермаркет? — Его голос повысился на несколько октав. — Ты спятила!

— Мне не нужен он весь, только часть. Я хочу быть твоим партнером. — Ее голос, наоборот, на несколько октав сел.

Таккер не мог поверить своим ушам.

— И как ты предполагаешь объяснить это Марции?

— Ты можешь сказать, что тебе нужен партнер по бизнесу.

— Нужен партнер? Ты? Ты шутишь! — Он попробовал рассмеяться, но из горла вышел лишь какой-то сухой хрип. — Ты хороша в постели, Пола, и неплоха в вычислениях и распоряжениях. Но вести дело — действительно вести дело — и быть партнером? В любви ты ловка, дорогая, но для меня это не главное. Можешь убираться!

Она бросилась на него, крича, царапая, колотя, пиная, дергая за волосы, плюя в лицо. Таккер попытался схватить ее за запястья, но ее руки яростно, истерически молотили его.

— Пола!

Машина закачалась от ее неистовства.

— Пола!

— Я скажу ей, подонок! Я все скажу ей! Ты не будешь обращаться со мной как с кучей дерьма! Она все узнает, ублюдок!

— Пола!

Его руки нашли ее горло, и это было прекрасно, соблазнительно. Он сжал.

— Ты подонок, я скажу...

О, это было восхитительно! Это заставило ее замолчать! Ее горло было мягким, податливым. Таккер ощутил эрекцию. Да, это восхитительно!

— Ты... Ты...

Было темно, но он видел белизну в ее глазах и запахах ее страха. «Ну, будешь еще шантажировать меня? Приняла меня за дурака, да? Глупо с твоей стороны, мерзкая ленивая корова!» Мышцы ее шеи пытались сопротивляться давлению, и это тоже было приятно, ему хотелось продлить удовольствие.

Ее ногти впились ему в жирную грудь, но даже это не доставляло неудовольствия. В общем, это было тоже приятно.

Он видел, как изо рта высунулся язык, словно в скорлупе проклюнулся клювик. Теперь из ее горла раздался забавный звук — скулящий, булькающий. «Это лучше, сука, это лучше, чем все твои предыдущие слова!» Такой звук был гораздо приятнее. Таккер надавил сильнее. Забавно, какой маленькой может стать шея, если ее сдавить. Вероятно, достаточно одной руки, когда смерть...

...Когда смерть...

«Боже, что я делаю?»

— Пола!

Он отпустил ее горло, и она упала, как тряпичная кукла.

— Пола, извини, я не хотел...

Ее глаза уставились на него, из горла все еще раздавались хрипящие звуки.

Он склонился над ней.

— Я не хотел...

Она вскрикнула, но звук был странным, словно выдавился из расплющенной трубы. Он дотронулся до руки Полы, и она неистово дернулась. Что он пытался сделать? Что это на него нашло?

Он хотел снова дотронуться до нее, и на этот раз она бешено отпрянула. Таккер отскочил, но не успел отстраниться, и ногти расцарапали ему щеку. Пола шарила по двери, нащупывая ручку. Наконец нашла, толкнула дверь, и в свете мелькнули ее круглые ягодицы, когда она вывалилась из машины. Пола лежала на дороге, воющие звуки по-прежнему вырывались из ее горла, и Таккер, выпучив глаза от страха, схватился за рычаг переключения скоростей.

— Пола! — крикнул он снова.

Она встала на колени, ободрав их о бетонное покрытие, потом, шатаясь, поднялась на ноги и побежала, спотыкаясь и хватая ртом воздух.

— Пола! — позвал он. — Никому не говори...

Она уже исчезла, ее поглотила ночь, а он еще долго сидел за закрытыми дверями, в коконе темноты, удивляясь, что это на него нашло и почему он попытался задушить любовницу. Это же совсем на него не похоже.

Саутворт закрыл бухгалтерскую книгу, и его губы изогнулись в удовлетворенной улыбке. Он расслабил узкие плечи и, положив локти на стол, прикоснулся пальцами к подбородку. Его улыбка стала еще шире, и Саутворт откинулся в кресле.

Все шло хорошо, просто чудесно. Бенфилд изменился почти что за одну ночь, когда нахлынули туристы, торговцы расцвели от новых дел, пабы и рестораны были забиты день и ночь. И его, Саутворта, гостиница, с тех пор как начались чудеса, была постоянно бронирована. Боевой дух в поселке был высок, возбуждение посылало местным жителям волны адреналина, заставляя вновь приходить в состояние боевой готовности. И все это достигнуто за два месяца — невероятное ускорение событий, чудесных уже в этом смысле.

В ближайшие месяцы, когда духовенство справится со своими вполне предсказуемыми колебаниями и учредит истинную святыню, торговля возрастет десятикратно, поскольку паломники съезжались со всего мира, чтобы увидеть Пришествие. Саутворт уже вел переговоры о партнерстве с единственным местным агентом по путешествиям, доходы которого раньше постепенно снижались из-за деревенской бережливости. Их новое предприятие будет называться «Тур Святого Иосифа». Саутворт лично вложил в него капитал (в эти дни банки особенно охотно открывали ему кредит), чтобы купить парк автобу-

сов, которые смогут охватить все Британские острова, а заграничные связи агента помогли заключить альянс с другими, иностранными туристическими агентствами. Такое партнерство, не считая очевидных финансовых поступлений от самого туристического бизнеса, принесет огромный доход его гостиничному делу.

Вскоре начнутся работы по строительству нового отеля, более современного, которым легче управлять и который лучше приспособлен для быстрого оборота. В Бенфилде была и другая собственность, которой он тайно владел, — магазины, что он по дешевке приобрел в годы, когда их владельцы отказались от попыток устроить себе достойную жизнь в захолустье. Саутворт оформил эти магазины на имя фирмы, и его поверенный провел переговоры так, что больше никто не знал истинного покупателя, даже — особенно — товарищи по местному совету. Наниматели, которым он сдавал недвижимость, перенесли известный шок, когда он за несколько месяцев удвоил, а то и утроил арендную плату. Вряд ли они могли пожаловаться, во всяком случае не во время бума, а если откажутся платить — что ж, найдется множество других, стремящихся въехать на их место. И их арендная плата будет еще выше.

Саутворт встал из-за стола и прошел к бару. Он было потянулся к бутылке шерри, но передумал и вытащил бренди. Коньячная рюмка приятно зазвенела, когда ее края коснулось горлышко бутылки. Саутворт не спеша пригубил, довольный собой: ведь это он первым заметил открывающиеся возможности и ухватился за свой шанс.

Сложнее всего было с отцом Хэганом, епископ оказался более восприимчив к уговорам; впрочем, у епископа Кейнса были и свои мотивы. Конечно, Са-

утворт сожалел о безвременной кончине священника, зато была ликвидирована небольшая помеха. Действительно ли Хэган мешал? Епископ Кейнс, уважаемое среди духовенства лицо, а также трезвый политик, несомненно вмешался бы и деликатно устранил сомневающегося священника. В частных беседах с Саутвортом епископ, по сути дела, намекал, что отцу Хэгану скоро понадобится длительный отдых: весь этот шум оказался чрезмерным для человека с таким слабым здоровьем. Монсеньер Делгард, священник, имеющий большой опыт работы с так называемыми «феноменами», должен был действовать одновременно как исследователь и надзиратель. Саутворт знал, что у епископа не было другого выбора, кроме как послать человека такой уникальной квалификации, и удивлялся, как точно и хитро были составлены инструкции для Делгарда — выдерживался точный баланс между скептицизмом и доверчивостью к посланию Божьему. И теперь вряд ли кто-нибудь стал бы отрицать чудеса.

В воскресенье на глазах у тысяч и тысяч свидетелей произошло еще несколько чудес (в Бенфилад съехалось от восьми до десяти тысяч паломников, по разным оценкам, и большая часть их не поместилась на лугу, где проходило богослужение). Конечно, пока что еще ничего не утверждается, поскольку это могло быть лишь временное улучшение: мальчик, чье состояние оценивалось как послеенцефалитное слабоумие (повреждение мозга инфекционным вирусом), мог испытать просто временное просветление сознания; у девочки, которую не покидали приступы астмы, способные довести ее до смерти, через неделю-две болезнь могла возобновиться; мужчина с обширным склерозом, приковавшим его к инвалидной

коляске, мог обнаружить, что ткани не возродились чудесным образом, и вернуться в свою коляску. И были другие, множество других, некоторые буквально смертельно больные, утверждавшие, что «чувствуют себя лучше» или «испытывают прилив сил». Впрочем, один случай был бесспорным.

Один мужчина в одиночку пришел на луг у церкви Святого Иосифа. Этот мужчина из стеснения скрывал лицо от толпы. Его нижняя челюсть, губы и нос были поражены язвами и струпиями, местами плоть была изъедена до кости. В народе это называлось волчанкой, а в медицинских терминах — туберкулезом кожи. Когда он встал рядом с Алисой, чье хрупкое тело взмыло в воздух (среди множества собравшихся некоторые клялись, что не видели, как она взлетела, но они стояли в отдалении, кое-кто в самых последних рядах, и могли просто не разглядеть), его лицо вдруг стало волдыриться, струпия отвалились, а язвы заросли. Прямо на глазах у множества присутствовавших лицо преобразилось, и, когда он обернулся к толпе, все засвидетельствовали чудо. К концу богослужения (когда девочка с побелевшим, напряженным лицом вернулась на свое место среди собравшихся) глубокие щербины на лице мужчины затянулись молодой кожей. Самые ярые циники не могли отрицать того, что физически произошло перед глазами тысяч.

Даже монсеньер Делгард не мог не признать такой изумительный факт.

Саутворт, прихватив с собой бренди, вернулся за письменный стол. Его ум будоражили новые перспективы, которые открывала чудо-девочка. Это было его чудо — оживление собственных надежд. Имя Саутворта не канет в пучину забвения вместе с Бен-

филдом, а, так же как и поселок, снова станет значительным, прославит свою многовековую историю.

Он поднес рюмку к губам, не понимая, почему к этим счастливым мыслям примешивается какой-то инстинктивный жуткий страх.

Священник устало поднялся с коленей, закончив последнюю за день молитву. Суставы хрустнули от усилия, и Делгард с трудом выпрямил одеревеневшую спину, чувствуя себя старым и изможденным. Повернувшись, он сел на край кровати, слишком изнеможенный, чтобы приступить к вечернему туалету. Чуть дрожащая рука провела по лбу, словно могла стереть усталость. Не много раз в своей жизни он ощущал себя таким опустошенным, обычно такое состояние следовало за особенно утомительным обрядом изгнания нечистой силы — редкие случаи, но не такие исключительные, как кто-то мог бы подумать — или когда был очевидцем самых ужасных проявлений этого мира: в Биафре, в Бангладеш, в Эфиопии. Когда ему было чуть за двадцать, он помогал при последствиях взрыва в Нагасаки, и, возможно, это было страшнее всего; ядерное оружие выставило человека во всем его могуществе и во всей его отвратительности. И в такие времена душевные силы покидали Делгарда, он погружался в глубины отчаяния и безнадежности, но человеческий дух находил в себе силы подняться на поверхность. Впрочем, каждый раз путь наверх становился все дольше, годы и события делали груз все тяжелее. Но откуда душевная усталость теперь?

Отцу Хэгану перед смертью не было нужды говорить об этом, это читалось по его внешности — усталость души отражалась в погасшем взоре. Но почему подавленность парит над церковью, над до-

мом священника? Почему, когда чудесным образом исцеляются больные, когда по всей стране, а согласно прессе, и по всему миру повышается интерес к религии, может быть, даже возрождается сама вера, его, Делгарда, одолевает такой страх? Совет епископов собрался в тот же день подробнее расспросить Алису, и девочка, как и раньше, спокойно и уверенно заявляла, что говорила с Девой Марией. Ее спросили: откуда чудеса? И почему Богоматерь выбрала именно ее, простое дитя? Чем она заслужила такую милость? И какова была цель пришествия Богоматери? Алиса на все вопросы дала один ответ: в свое время Пресвятая Дева откроет свой замысел, а пока это время еще не наступило.

Такой ответ никого не удовлетворил.

Епископы разделились: одни поверили, что у девочки в самом деле было божественное видение, другие утверждали, что нет никаких свидетельств его божественности. Было еще рано утверждать, чудесны ли случившиеся исцеления, а что касается левитации, то подобную иллюзию можно наблюдать в цирках по всему миру. Когда утверждали, что Алиса не могла исполнить трюк перед таким количеством людей на открытом месте, находилось возражение, что индийские факиры являли схожие чудеса в схожих обстоятельствах при помощи массового гипноза. Чтобы усилить свой аргумент, возражавшие вспоминали, что не все видели, как Алиса взлетела, и более того, ни одна телекамера не зафиксировала этого явления. Их механизмы как будто таинственным образом кто-то повредил, и осталась только чистая пленка. Но само это, как утверждали «сторонники» чудес, явилось свидетельством аномального явления. Их оппоненты усмехались, но выражали сомнение, что это делает явление святым. Дебаты продолжались до глу-

бокой ночи и не привели ни к какому заключению. Епископы собирались снова встретиться утром в Лондоне и продолжать расследование до тех пор, пока замершему в нетерпении миру не будет выдано какое-то официальное заявление — хотя бы в тщательно подобранных выражениях, избегающих признания чего-либо со стороны церкви.

Отказ телекамер и микрофонов привел Делгарда в замешательство. Священник гадал, не было ли это связано с упадком его собственной энергии в то воскресенье. Тогда он опустился на колени от вдруг охватившей его слабости, и все поблизости тоже оказались на коленях, хотя теперь и утверждали, что ими руководило благоговение. Может ли быть какая-то странная сила, которая выкачивает энергию из тела и рукотворных механизмов? Это казалось невозможным. Впрочем, так же как левитация и чудесные исцеления. Однако Католической церкви были знакомы и случаи левитации, и чудесные исцеления. Можно вспомнить святого Фому Аквинского, святую Терезу Авильскую, святого Хуана де ла Круса и святого Иосифа Купертинского, а также множество людей, благословленных чудом стигматов — появлением кровоточащих ран, напоминающих раны Христа на кресте. А самые ошеломительные чудеса случились в Фатиме, в Португалии, когда около семидесяти тысяч человек засвидетельствовали, как солнце закружилось на небе и опустилось на землю. Массовая галлюцинация? Этим объясняется явление в Фатиме и то же самое произошло в Англии в это воскресенье? Человеку свойственно стремиться к логическим, рациональным объяснениям — таков самонадеянный ответ ученых. И все равно — что вызвало по-

добную галлюцинацию? Ведь Алиса — всего лишь ребенок.

Делгард подошел к окну и посмотрел на ночное небо. Он видел на лугу яркий прожектор, выхватывающий перекрученный силуэт дуба. Этот вид тревожил священника. Лучше бы дерево скрывалось в темноте. Вандалы — возможно, просто поклонники, лелеющие то, что олицетворяло это дерево, так же как Церковь лелеет дерево Креста — начали отдиирать кору, растаскивая старое дерево на сувениры или личные священные реликвии, и теперь дуб приходилось охранять, само освещение действовало как средство устрашения. Дерево господствовало над лугом как никогда раньше.

Делгард сдвинул шторы: зрелище почему-то показалось ему отвратительным. Но когда он разделся и лег, глаза не закрывались и смотрели на тени вокруг, а свет проникал сквозь ткань, напоминая, что дерево по-прежнему там, как злобещий часовой. Ожидает.

Голова Алисы крутилась из стороны в сторону, колотясь о подушку с силой, которая раздробила бы и более твердый предмет. Ее губы шевелились, а бледное тело покрылось потом, хотя в комнате стоял зимний холод. Слова, что шептала Алиса, полные страдания и муки, произносились голосом, вряд ли напоминавшим голос одиннадцатилетнего ребенка.

Простыни и одеяло сбились комом у ее тонких ног, которые вытянулись и дрожали.

— ...Да, милый Томас, наполни меня твоим семенем...

Ее таз судорожно дергался, ночная рубашка задралась до груди.

— ..Сладчайший сердцем, исполненный доброй силы...

Ее маленькая грудь вздымалась и опускалась во сне.

— ..Рассей себя во мне...

Она застонала долгим, завывающим стоном, но в последовавшем вздохе был экстаз. На мгновение ее тело замерло, веки задрожали, но не открылись. Она снова застонала, и на этот раз звук был томным.

— ..Полнее, чем когда-либо...

Стоны перешли в глубокие вздохи восторга, усиливающие испытываемое наслаждение. Что-то маленькое и черное юркнуло по ее белому животу.

Снаружи, в коридоре с дверями в кельи сестер, стояла закутанная в черное фигура и прислушивалась, затаив дыхание и напряженно сжимая дверную ручку.

— ..Укроти их языки, мой жрец...

Глаза Алисы распахнулись, но она продолжала спать.

— ..Проклятая Мария... проклятая МАРИЯ...

Глаза монахини в ужасе расширились, рука еще крепче сжала дверную ручку.

— ..ПРОКЛЯТАЯ МАРИЯ...

Тело Алисы выгнулось, пятки и плечи вдавились в постель. Черная тварь на животе чуть не соскользнула, и девочка закричала в муке, когда острые иглы вонзились в ее нежную плоть. Но не проснулась.

Она упала на постель и неподвижно лежала на спине, больше не издавая ни звука.

Монахиня, мать Мари-Клер, мать-настоятельница монастыря, одной рукой бессознательно сжимая крест у себя на груди, толкнула дверь — медленно, тихо, будто в страхе. По мере открытия двери луч света из коридора становился шире, тень монахи-

ни, как призрак, удлинялась на полу. На настоятельную пахнуло холодом, и холод был неестественным, мучительным.

Она вошла медленными, тихими шагами.

— Алиса,— прошептала мать Мари-Клер, не желая будить девочку, но не уверенная, что та спит. Ответа не последовало, но до слуха монахини донесся другой звук, странный, хотя не совсем незнакомый. На лбу ее собрались озадаченные морщины. Мари-Клер подошла к кровати и взглянула на лежащую там полуобнаженную фигурку.

И увидела что-то маленькое и мохнатое на детском животе.

В ужасе поднеся распятие к губам, она разглядела кошку.

Монахине стало плохо, когда она поняла, что кошка сосет Алисин третий сосок.

ГЛАВА 30

*Берегитесь, ребята! Ведьмы идут!
Они вернулись, они снова тут!
Высоко их вешали — да что толку:
Петля колдуньям не страшна нисколько!
И пусть закопали их глубоко,
Кошку и ведьму убить нелегко.
Всякому вздору в книгах не верьте —
Злые колдуньи не подвластны смерти!*

Оливер Уэнделл Холмс.
«Берегитесь, ребята!»

Двое выбрались из склепа на свет. Тот, что пониже, первым выскочил с каменной лестницы, словно радуясь, что покинул затхлое подземелье. Фенн стоял на кладбище, засунув руки в карманы пальто, и ждал, когда выйдет священник.

Делгард поднимался медленнее, его ноги двигались так, словно к ним были привязаны гири, а плечи ссутулились больше, чем обычно. Фенна беспокоило состояние священника — его бледность и поведение слишком напоминали отца Хэгана перед смертью.

Монсеньер подошел к нему, и они двинулись мимо надгробий к стене, отделяющей кладбище от луга.

— Вот так,— сказал репортер, по пути намеренно сбив верхушку кротовины.— Никакого сундука, никаких сведений об истории церкви.

Они прочесали все подземелье под церковью. Нервы Фенна натягивались каждый раз, когда приходилось туда спускаться, и только присутствие высокого священника удерживало его от бегства. Лампочка светила, несмотря на утверждения Фенна, что в прошлое воскресенье она перегорела; тем не менее оба вооружились фонарями на случай, если свет снова погаснет.

— Этого не может быть.— Голос Делгарда звучал глубоко, глаза сосредоточились на земле под ногами.— Сундук не мог потеряться, если в нем хранились документы, относящиеся к первым дням церкви Святого Иосифа. Должно быть, он где-то в другом месте.

Фенн пожал плечами.

— Его могли украсть или уничтожить.

— Могли.

— Ну, и где его искать?

Они уже подошли к стене, и оба смотрели на середину луга.

— Знаете, от этого дерева у меня мороз по коже,— сказал Фенн, не дожидаясь ответа на свой вопрос.

Монсеньер Делгард хмуро улыбнулся.

— Понимаю ваши чувства.

— И у вас тоже, да? Как-то не сочетается с местом для богослужений.

— Думаете, эта земля святая? — спросил священник, кивнув на луг.

— Вы священник, вы мне и ответьте.

Священник не ответил.

Рабочие на лугу устанавливали скамейки, ряды раскинулись вширь, покрывая чуть ли не весь луг. Обустройство вовсю продвигалось, временный алтарь предыдущего воскресенья заменили новым, большим по размерам и украшенным резьбой, рядом расположился небольшой жертвенник. Вдоль проходов стояли шесты, на которых позже должны были появиться флаги, а вокруг возвышения, где богомольцам надлежало преклонять колени во время причащения, соорудили перила. Эти приготовления придавали месту действия обыденность, которая противоречила исключительным событиям, происшедшим всего несколько дней назад.

Делгард подумал о Молли Пэджетт и об иронии того отнюдь не непорочного зачатия, что произошло здесь. Его беседа с матерью Мари-Клер этим утром заставила задуматься о результате незаконного совокупления двенадцать лет назад.

— Думаю, нам жизненно важно найти этот церковный сундук, Джерри, — сказал священник, положив руки на холодную каменную стену.

— Не уверен. Что это даст? Вероятно, он тоже полон старыми тревниками и текстами гимнов, как и ящик в склепе.

При воспоминании о подземелье его плоть словно примерзла к костям.

— Нет, я уверен, что это важно.

— Чем вызвана ваша уверенность? Похоже, мы хватаемся за соломинку.

— Просто ощущением — очень сильным ощущением. Другие найденные вами записи восходят к концу шестнадцатого века — почему не раньше, почему начинаются именно тогда?

— Кто знает? Может быть, тогда впервые вспомнили, что нужно вести какую-то документацию.

— Нет, идея о ведении записей возникла гораздо раньше. Вероятно, их спрятали преднамеренно.

— Это ваше предположение. Не могу поверить...

— Все еще не верите, Джерри? В прошлое воскресенье вы поверили, что статуя Девы Марии шагнула к вам. Вы говорили, что ее глаза и губы были живыми, что она даже пыталась соблазнить вас. А сегодня? Во что вы верите теперь?

— Я не знаю, что произошло!

— Но совсем недавно вы были в склепе. Там не было чудесной статуи — только старый потрескавшийся камень, в котором трудно узнать Пресвятую Деву, лежал позади трех других таких же обезображенных статуй.

— Я наткнулся на нее и опрокинул.

— В местах сколов многолетняя пыль и грязь, свежих повреждений нет. И у Пресвятой Девы начисто отсутствует лицо. — Делгард просто излагал, в его тоне не было возражения. — Вы можете поверить, что случилось нечто, не имеющее логического объяснения?

Теперь Фенну нечего было ответить. Но в конце концов он проговорил:

— Почему вы так уверены, что в древних записях содержится ответ?

— Я не уверен, совсем не уверен. Но сегодня утром ко мне приходила мать-настоятельница монастыря — по-моему, несколько взволнованная. — Это было мягко сказано: монахиня прямо-таки сходила с ума от тревоги. — Алиса снова говорила во сне. Прошлой ночью мать Мари-Клер подслушивала за ее дверью, как и я всего несколько дней назад. Многие из сказанного она не разобрала, но слова были похожи на те, что мы слышали вместе. Она процитировала мне две фразы: «Наполни меня твоим семенем» и «Укроти их языки». Мать Мари-Клер также расслышала слово «священнослужитель».

— Древний слог. Напоминает Шекспира.

— Именно. И Алиса говорила со странным акцентом, удивившим меня тогда. От этого слова ее казались искаженными, бессмысленными. Сегодня мне вспомнилась новая трактовка пьесы Шекспира, которую я несколько лет назад видел в Национальном театре. Мне следовало сказать «старая» трактовка, поскольку все актеры говорили на старом, времен Елизаветы, языке, и не только в смысле употребления слов. Специалисты-филологи обучили их произношению тех времен. Тот язык значительно отличался от нынешнего во всех отношениях. Так вот, Алиса во сне говорила на этом языке.

— Она во сне цитировала Шекспира?

Делгард терпеливо улыбнулся.

— Она говорила на языке того периода, а возможно, еще более раннего, и правильно использовала его выражения.

Фенн удивленно поднял брови.

— Вы уверены?

— Нет. Однако это дает основу, от которой можно оттолкнуться. Каким образом девочка Алисино-

го возраста — и вспомните, бо́льшую часть прожитых лет она была совершенно глухой — может знать язык, которого никогда не слышала и на котором ничего не читала?

— И как вы это объясняете? Одержимость бесом?

— Хотел бы я, чтобы все было так просто. Пожалуй, мы можем назвать это перенесением в прошлое.

— Вы имеете в виду возвращение к предыдущим жизням? Я считал, католики не признают реинкарнацию.

— Пока что никто еще не доказал, что перенесение в прошлое имеет отношение к реинкарнации.

По-прежнему держа руки в карманах, Фенн сел на стену. Пока они с Делгардом говорили, начал моросить дождик.

— Не удивительно, что вам так хочется взглянуть на записи в старом сундуке. Знаете, пару недель назад я бы расхохотался над этим. А теперь могу лишь выдать притворный смешок.

— И есть еще кое-что, Джерри. Кое-что еще, и я должен был вспомнить об этом раньше.— Пальцами одной руки священник сжал виски, стараясь подавить головную боль.— В тот вечер, когда умер отец Хэган, когда мы ужинали в гостинице «Корона»...

Фенн кивнул, предлагая Делгарду продолжить.

— Помните, я тогда говорил об общем состоянии Алисы? Я еще сказал, что она вполне здорова, если не считать некоторой усталости и замкнутости.

— Да, я помню.

— Я также сказал, что врачи заметили у нее на боку, ниже сердца, некий нарост.

— Вы назвали это... вроде бы лишний сосок и сказали, что нет повода для беспокойства.

— Да, лишний сосок. Когда я произнес это слово, то случайно посмотрел на отца Хэгана и заметил, что он вдруг взволновался еще сильнее, чем во все время ужина. Это ускользнуло у меня из памяти из-за случившейся потом трагедии. Думаю, мое упоминание задело в нем какую-то струну, нечто таящееся на заднем плане сознания. И я имел глупость не догадаться сам.

— Простите мое нетерпение, монсеньер, но я вспотел от любопытства. Вы скажете мне, что же вы вспомнили?

Делгард оттолкнулся от стены и оглянулся на церковь. Дождик покрыл его лицо мокрыми точками.

— Мать-настоятельница сказала мне, что прошлой ночью обнаружила в комнате Алисы кошку. Кошка лежала на спящей девочке и сосала ее.

Фенн, втянувший голову в плечи от дождя, резко поднял ее.

— Что за околесицу вы несете?

— Кошка сосала Алисин третий сосок.

Лицо Фенна исказилось отвращением.

— Она точно это видела? Не ошиблась?

— О нет, мать Мари-Клер видела это вполне определенно. Когда она сказала мне, я вспомнил то, что забыл раньше.— Делгард отвел глаза от церкви и посмотрел прямо на дерево на лугу за стеной.— Я вспомнил старые народные предания о ведьмах. Было широко распространено мнение, что ведьмы имеют на теле отметину. Это может быть синее или красное пятно, какая-нибудь вмятина, углубление. Такие вещи называли чертовой отметиной. Довольно естественно, что в те полные предрассудков времена рубцы, родинки, бородавки и прочие наросты на теле относили к дьявольским меткам, но были и

другие выступы или опухоли, которые без сомнения указывали на ведьму, являлись неопровержимым доказательством вины.

— Лишний сосок?

Делгард кивнул, не отрывая глаз от дерева.

— Вы знаете, кто такой ведьмовской посредник?

— Очень смутно. Это что-то вроде проводника из мира духов?

— Не совсем так. Вы думаете о спиритическом посреднике, о духе, помогающем медиуму входить в контакт с потусторонними душами. А ведьмовской посредник считается посланником дьявола, это звериный дух, помогающий в ворожбе и колдовстве. Обычно это небольшой зверек, вроде куницы, кролика, собачки, жабы или даже крота.

— Но чаще всего — кошка, правильно? Я читал волшебные сказки.

— Не пренебрегайте такими сказками, они часто основываются на фольклоре, дошедшем до нас из глубины веков, и могут содержать долю истины. Дело вот в чем: таких духов-зверей ведьмы посылали с нечестивыми, зачастую злонамеренными поручениями и за это награждали их каплями собственной крови. Или кормили из лишнего соска.

Репортер был слишком ошеломлен, чтобы фыркнуть.

— Вы говорите о колдовстве — сейчас, в двадцатом веке?

Делгард кисло улыбнулся и наконец оторвал глаза от дерева.

— В наши дни от этого ни в коем случае нельзя отмахиваться: на Британских островах множество ведьмовских гнезд. Но я говорю о чем-то гораздо

большем. У вас колдовство ассоциируется с детскими сказками. А что, если эти мифы основаны на реальности, на чем-то таком, что люди тех времен не могли понять и потому называли колдовством? Колдовство они понять не могли, но признавали его существование. Сегодня мы смеемся над подобными идеями, потому что так нам удобнее и потому что современная наука и техника отвергают подобные понятия.

— Вы меня запутали. Вы говорите, что маленькая Алиса Пэджетт — ведьма или что этого не может быть? Или что в ней воплотилась какая-то древняя колдунья?

— Я не говорю ничего подобного. Но я думаю, нам надо покопаться в прошлом, чтобы найти там какую-то связь с творящимся у нас сегодня. Эта сила должна откуда-то исходить.

— Какая сила?

— Сила зла. Разве вы не чувствуете ее вокруг? Вы сами испытали ее в воскресенье в склепе. И та же сила ослабила, а потом и убила отца Хэгана.— Делгард не добавил, что чувствует такое же давление на себя.

— В этих чудесах нет ничего злого,— возразил Фенн.

— Этого мы пока не знаем,— ответил священник.— Пока мы не знаем, куда и к чему все это приведет. Мы должны продолжать поиски, Джерри. Мы должны найти ключ к разгадке. Мы должны найти ответ, пока не поздно, пока еще есть возможность бороться с этой силой.

Фенн тяжело вздохнул и сказал:

— Лучше посоветуйте, где еще можно поискать этот сундук.

Фенн — полный кретин. Он должен был заметить эту связь! Возможно, это поиски притупили ему мозги. Наверное, легко быть объективным, когда работа сделана и остается лишь прочитать записи. И все же она могла ошибиться — возможно, сундука здесь вовсе нет.

Нэнси стояла в приделе, перед массивной, изъеденной временем дверью. Интересно, заперта ли она? Нэнси надавила на железную ручку, и глаза ее удовлетворенно блеснули: ручка повернулась, и дверь легко открылась. Какой смысл запирасть такое заброшенное место?

Когда Фенн сказал ей, что старого церковного сундука, который он ищет, в церкви Святого Иосифа нет, Нэнси поняла, где он может быть. Если бы Фенн не хитрил с ней, она бы ему сказала.

«Вот и получай, Фенн, за то что кинул меня!»

Она распахнула дверь шире и вошла в придел. Внутри стоял полумрак, свет еле проникал через толстое свинцованное окно.

Сундук был сделан в четырнадцатом или пятнадцатом столетии и исчез, видимо, в шестнадцатом, так как с этого времени начинались найденные Фенном записи. Это явилось для нее путеводной нитью.

Нэнси закрыла дверь, и та сначала заскрипела, а потом совсем захлопнулась, нарушив тишину приглушенным стуком. Нэнси оглядела миниатюрную церковь, ей была приятна царящая здесь тишина, понравилась атмосфера старины. Прямо перед ней стояла свинцовая купель — темный, украшенный надписями металл навевал мысли о других временах, о другой эпохе. Почти все скамьи были отгорожены панелями по грудь высотой, узкие двери позволяли пройти от одной к другой. Каждая семья,

видимо, сидела на своей скамье, запершись на собственном молебном островке, решила Нэнси. Лак на деревянных панелях облез, и их голый вид соответствовал стилю самой церкви. Не больше чем в тридцати-сорока футах дальше, в конце узкого прохода между скамьями виднелся алтарь.

Значит, вот сюда приходил молиться хозяин поместья, представила Нэнси. Мило.

Она обошла купель и тут же торжествующе вскрикнула. Он был тут. Несомненно, это он!

Сундук стоял у стены справа, прямо под полированной деревянной доской с выписанными золотом именами священников, служивших в церкви с 1158 года до настоящего дня. Нэнси взглянула на длинный, приземистый сундук, с трудом веря глазам, но почти не сомневаясь, что это именно тот, который искал Фенн. Сундук точно совпадал с описанием: сделан из толстых вязовых или дубовых досок, стянутых железными полосами. Дерево потрескалось и почернело — признак древности, а на передней стороне виднелись три необычного вида висячих замка.

Нэнси присела на корточки рядом с ним, все еще торжествующе улыбаясь, и потрогала все три замка.

— Прекрасно! — громко проговорила она. — Теперь остается лишь достать чертовы ключи!

Она встала и огляделась. Где же священник? Очевидно, он не живет здесь — рядом с церковью не было дома, только большой особняк вдали. Доска перед глазами гласила, что с 1976 года здесь служит отец Патрик Конрой из Сторрингтона. Ах, вот в чем дело. Очевидно, чтобы устраивать здесь шоу, священник приезжает на автобусе из соседнего прихода. Придется ехать в город или в поселок Сторрингтон

разыскивать его. Да и позволит ли он заглянуть в сундук? Вероятно — нет, да что там — наверняка не позволит. Впрочем, Фенн через свои церковные связи мог бы получить разрешение. Черт, придется рассказать ему!

Если только...

Если только ключи не хранятся в церкви. Вряд ли, но почему бы не посмотреть? Может быть, в ризнице?

Нэнси быстрыми шагами прошла по проходу к нефу. За высокими стенами маячили тени, снаружи плыли тяжелые, низкие тучи. Через дыры в крыше свистел ветер. Послышался тихий скребущийся звук: где-то в углу мышь грызла пол.

Нэнси замедлила шаги; какое-то шестое чувство сказало ей, что в церкви она не одна.

Она остановилась и прислушалась. Скребущийся звук замолк, словно мышка тоже поняла, что в церкви появился кто-то еще. Тучи снаружи сгустились, свет померк.

Нэнси осторожно двинулась дальше. Она заглядывала поверх высоких перегородок между скамьями, чуть ли не ожидая, что там кто-то молится. Справа, рядом с алтарем показалась закрытая дверь в ризницу. Слева был угол, помещение уходило в ту сторону, возможно образуя боковой притвор. Но деревянные панели со стертым лаком указывали, что там была еще одна скамья, отдельная от остальных. Видимо, там сиживал владелец поместья со своим семейством, объяснила себе Нэнси.

Оттуда не доносилось ни звука, но в груди ее, как ледяная заноза, засело опасение.

Возьми себя в руки, дура! Может быть, здесь кто-то есть, ну и что? Господи, это же церковь! Нэнси кашлянула — громко, в надежде, что это вызовет у

молящегося какую-нибудь реакцию. Послышится шорох коленей по полу, или раздастся ответное покашливание. Хотя что-нибудь, говорящее, что этот кто-то не прячется. Но не раздалось ни звука.

«Уйти глупо»,— убеждала себя Нэнси. Глупо, слишком по-детски. Она пошла дальше, нарочно громко стуча каблуками по каменному полу.

Первым, что она увидела, поравнявшись с перегородкой, была картина на дальней стене. Над камином висело изображение Мадонны с младенцем в стиле Перуджино. Ниша, по сути дела, представляла собой маленькую комнатку, построенную, очевидно, для удобства помещика и его семейства, владевших тюдоровским особняком и деливших землю с крохотной церквушкой. Нэнси подошла ближе. Дверь в перегородке была открыта.

Внутри на скамье сидела какая-то маленькая, закутанная в черное фигура.

Нэнси чуть не присвистнула от облегчения, увидев, что это монахиня.

Но наряд ее был странным. Он состоял не из двух оттенков серого, как у монахинь в поселке, и юбка была длиннее. Лицо скрывалось под надвинутым капюшоном.

Монахиня сидела боком к Нэнси, сгорбившись, спрятав руки между коленями. Фигуру скрывали свободные складки одежды.

— Простите,— тихо, осторожно проговорила Нэнси из дверного проема, положив руку на перегородку и крепко схватившись за нее.

Монахиня не пошевелилась.

— Извините... что потревожила...

Слова Нэнси замерли на губах. Что-то здесь было не так. О Боже, здесь что-то не так! Она отшатну-

лась, не понимая, чего испугалась, но зная, что эта сидящая фигура внушает иррациональный, необъяснимый, смертельный страх. Но ноги не слушались, не могли унести ее от этой темной закутанной фигуры.

Колени подогнулись, а когда монахиня медленно обернулась к Нэнси, теплая струйка промочила трусы.

ГЛАВА 31

— «Кто там?» — «Я, что была прекрасной,
Как дивный сон; я ожила опять.
Из тьмы веков я вырвалась сюда,
Чтоб в дверь вам постучать».

Уолтер де Ла Мар. «Призрак»

В ветровое стекло бил дождь. Фенн проехал в высокие железные ворота и сбавил скорость, ожидая оклика, но сторожа не было. «Наверное, не сезон», — объяснил себе репортер. Вероятно, до весны владения закрыты для публики. Он снова разогнался, не обращая внимания на знак, ограничивающий скорость десятью милями в час.

Снаружи низко висели темные тучи, перегруженные дождем, и капли на стекле были всего лишь предисловием к тому, что собиралось разразиться. С обеих сторон вздымались деревья, их хилые ветви напоминали тревожно поднятые окаменевшие руки. Глаз уловил слева какое-то движение, и Фенн нажал на тормоза. Дорогу перебежала лань и исчезла за деревьями, как летучий светло-бурый призрак. Фенн позавидовал ее пугливой грации. За несколько секунд лань скрылась из глаз, словно ее проглотил неподвижный лесной тайник.

Взятая напрокат машина продолжила путь и снова затормозила, подъехав к открытым воротам, колеса загремели по жердям. Фенн нахмурился: из-за унылой погоды сумеречный день казался вечером. Зима в Англии была бы терпима, если бы не тянулась по восемь-девять месяцев в году. Дорога повернула, выбежала из деревьев к широкой панораме зеленых полей. Вдали, как сменная декорация, оказался туманный Саут-Даунс, скрывающийся в мрачном сером небе.

Дорога пошла немного под уклон и раздвоилась: основная часть устремлялась прямо, а другая, поуже, уходила влево, к видневшемуся на возвышении за вязами ограждению, ненавязчивой автостоянке для посетителей достопримечательности. Не более чем в четверти мили за стоянкой возвышалась маленькая церквушка.

Степли-Парк, Бархэм. Большой тюдоровский особняк был родовым поместьем Степли. Церквушка двенадцатого века носила имя Святого Петра.

Фенн мысленно выругал себя за то, что оказался таким тупицей; он должен был связать одно с другим. Все лежало на поверхности, все содержалось в записях, которые он сделал в архиве. Беда в том, что он слишком погряз в истории и не уделял внимания незначительным с виду мелочам. Ну, теперь это не так важно, Фенн был почти уверен, что сундук в этой церквушке и является тем самым, который он разыскивает. Раньше в этот же день, после ухода от Делгарда он по совету монсеньера пошел в собор в Арундеде, надеясь найти там документы, относящиеся к церкви Святого Иосифа, и там узнал о церкви Святого Петра в Степли и о самом поместье Степли.

Землями Степли раньше владела Католическая церковь, и церковь Святого Петра стояла в этих владениях, пока во времена Английской Реформации земли и недвижимость не сменили владельца.

В 1540 году, с распадом монастырей, когда монастырская собственность «законно» перешла короне, Генрих VIII подарил поместье Степли, а все земли — Ричарду Стаффону, лондонскому мелкому торговцу, который и жил здесь со своей семьей до самой Контрреформации, до короткого, но кровавого царствования королевы-католички. Стаффону повезло — его и его семью отправили в изгнание вместе со многими протестантами, в то время как триста остальных сожгли на костре как еретиков.

Извилистыми путями земли перешли к сэру Джону Вулгару — в награду за его преданность Католической церкви во времена Генриха. Вулгар был богатым суссекским предпринимателем, а его единственный сын стал священником в бенфилдской церкви Святого Иосифа.

Фенн остановил машину и осмотрел панораму, давая информации утрястись в голове. Он установил связь между Степли и Бенфилдом по своим суссекским записям, смотритель в Арундеде просто напомнил об этом. Дальнейшую информацию, касающуюся Реформации, добавил священник, когда Фенн только что покинул Сторрингтон.

Этот священник, отец Конрой, служил в сторрингтонском приходе и каждую неделю справлял мессу в церкви Святого Петра в Степли-Парке. Последнее, очевидно, входило в обязанности каждого сторрингтонского приходского священника. Он подтвердил, что в церкви в самом деле хранится большой древний сундук, похожий на тот, что описал Фенн, и звонок монсеньеру Делгарду (к которо-

му отец Конрой не скрывал своего уважения) дал ему право передать ключи репортеру. Фенн также добился разрешения забрать документы, которые сочтет полезными, если составит полный их список, подпишет и даст Конрою проверить, что берет. Священник должен был лично сопровождать репортера в церковь, но разные дела не позволили. Это устроило Фенна — он предпочитал рыскать в одиночку.

Священник рассказал множество подробностей о Степли-Парке и церкви Святого Петра. Первоначально вокруг церкви располагалась маленькая деревушка, но после таинственной вспышки чумы в начале пятнадцатого века, убившей большинство жителей, ее сочли рассадником заразы. Соответственно, дома вокруг церкви уничтожили. За годы произошли большие перемены и перестройки, каждый новый владелец поместья вкладывал средства в строительство независимо от того, был ли он католиком или нет, поскольку, как и сам особняк, церковь представляла собой историческую ценность и привлекала множество туристов, которые заполняли владения в летние месяцы. Отец Конрой припомнил, что где-то читал, будто сундук привезли в церковь Святого Петра из Бенфилда в знак признательности за витраж, который сэр Джон Вулгар подарил церкви Святого Иосифа.

На дорогу в двадцати ярдах от машины села ворона, словно маня ехать дальше. У Фенна эта порода птиц не вызывала восхищения — слишком большие, слишком черные. Он пустил машину потихоньку вперед, под крышками хрустел гравий. Птица спокойно отошла в сторону и одним глазом смотрела, как Фенн проехал мимо.

Автомобиль разогнался под уклон. Лежавшие в траве под деревьями олени с черными спинами, вы-

тянув шею, с любопытством разглядывали его, самцы с большими угрожающими рогами смотрели так, словно дожидались его приближения. Фен свернул в ответвление, направляясь к пустой, заросшей травой автостоянке, и олени в этой части, как один, встали и неторопливо отошли прочь — осторожно, но без боязни.

Трава за ограждением была коротко подстрижена, места для машин аккуратно размечены узкими неглубокими канавками в земле. Коровы на лугу замычали, и звук эхом отразился от деревьев, словно они тоже не одобряли присутствие чужака.

Фенн взял с сиденья сумку и открыл дверь машины. На него тут же набросился ветер. Этот ветер с неудержимой силой налетел на Даунс с моря, принес с собой холод и сырость. Подняв воротник куртки и щурясь от хлещущего в лицо дождя, Фенн перекинул через плечо ремень сумки и направился к церкви.

К средневековой церквушке от стоянки шла длинная прямая тропинка; справа примерно в четверти мили виднелся особняк — внушительное здание в тюдоровском стиле, однако выглядевшее почему-то пустым и безжизненным. Да, вероятно, теперь оно и было таким, поскольку Фенн ранее узнал, что владелец несколько лет назад умер, а его семья жила в особняке всего несколько месяцев в году, предпочитая зимой более солнечный климат.

Репортер пробирался по узкой тропинке, а церковь маячила впереди, как видение за плывущим увеличительным стеклом, и он ощутил себя одиноким и несчастным. Как и замок в отдалении, церковь Святого Петра была построена из серого камня, местами позеленевшего от времени. Часть крыши была покрыта замшелым шифером, остальная — красной

черепицей. Поверхность толстых стекол в освинцованных окнах чуть волнилась, словно стекла в рамах все еще не остыли и не затвердели. Теперь Фенн заметил причудливость здания и представил, как в разные времена к нему пристраивались новые части, и каждая отражала свою эпоху. Тропинка шла вокруг церкви, вероятно ко входу, поскольку с этой стороны никаких дверей не было видно. Пространство, которое репортер преодолел, было пустынным, а вокруг церкви росли деревья, преимущественно дубы, и ветер шумел в голых ветвях, издавая тревожный звук, что только усиливало чувство одиночества. Маленькие сучки отламывались и уносились ветром, не достигнув земли, более толстые жертвы шквальных порывов валялись вокруг. Над горизонтом теперь сияла полоска серебра, отделяющая его от тяжелых туч. Контраст между хмурыми облаками и небом поражал.

Фенн ступил с тропинки на жесткую траву, чтобы подойти к церковному окну, и, ухватившись рукой за подоконник, заглянул внутрь. Там царил неприветливый мрак, и репортер разглядел лишь ряды скамей с высокими перегородками. Он убрал руку и выгнул шею, чуть не вдавившись носом в стекло в попытке рассмотреть больше. Напротив виднелось другое окно, через которое проникал свет, но Фенн смог различить лишь очертания купели и скамейки рядом. Его взгляд привлекло какое-то движение, и это было так неожиданно, что репортер отпрянул на несколько дюймов и почувствовал ком в горле. Но он тут же понял, что движение было не внутри церкви, а отражалось в стекле.

Фенн быстро обернулся, но ничего не увидел. Только качающуюся ветку.

«Жуть,— сказал он себе.— Жуть, жуть, жуть».

Вздернув ремень на плече, он вернулся на тропинку и пошел к фасаду церкви. Когда репортер дошел до угла, ветер накинудся на него с новой силой, бросая в лицо дождь, как ледяную крупу. Наверху маячила квадратная башня, слишком широкая и короткая, чтобы быть величественной, она поднималась не более чем на сорок футов, и ее верхушка была почти такой же серой, как небо в вышине. Внизу башни располагалась ржавого цвета дверь, унылая и не впечатляющая, вопреки древней истории, находящейся за ней. Перед дверью были не запертые железные ворота, всего в нескольких дюймах от деревянной поверхности, как будто в прежние времена кто-то неправильно понял идею двойных рам.

Прежде чем войти в церковь, Фенн обошел ее с другой стороны. За кремневой стеной было маленькое кладбище, надгробья там стояли так тесно, словно покойников хоронили стоя. Там и сям виднелись более просторные участки, и некоторые памятники как будто бы регулярно чистили, также в траве валялось два-три прогнивших деревянных креста, обозначая места упокоения тех, кто не мог себе позволить большего. Напротив церкви стояла на двух столбах ограда, за ней — кусты по пояс высотой, за ними — казалось, что ничего. Земля, очевидно, круто обрывалась вниз, а на другой стороне до самых склонов Даунса тянулся лес.

Фенн вернулся к дверям, мокрые волосы прилипли ко лбу. Радуюсь, что укроется от непогоды, он открыл железные ворота, потом массивную дверь. Дверь захлопнулась за спиной, и ветер снаружи превратился во всего лишь приглушенное дыхание.

Как и во всех церквях, где бывал, а таких насчитывалось не много, Фенн ощутил себя неловко, словно он вторгся сюда и его присутствие свидетельству-

ет не о почтении, а о недостатке такового. Интерьер определенно был необычным, с этими закрытыми скамьями, низким сводом потолка и крохотным алтарем. Рядом с алтарем возвышалась кафедра, за ней виднелась дверь — видимо, в ризницу. Может быть, сундук там? Священник в Сторрингтоне забыл сказать об этом.

И тут Фенн увидел его, не более чем в пяти футах справа от себя. Его глаза загорелись, и он печально улыбнулся. «Идиот», — сказал себе репортер, вспоминая опыт поисков в склепе. Над сундуком висела доска с именами и датами. Фенн подошел ближе, поняв, что это список священников, служивших в церкви Святого Петра, и разыскал знакомое имя:

«ПРЕП. ТОМАС ВУЛГАР 1525–1560».

Томас был сыном сэра Джона, священником из Бенфилда. Предположительно, он прибыл сюда после того, как отцу подарили поместье, так что если он умер в 1560 году, то служил здесь всего несколько лет. Фенн быстро подсчитал возраст священника к моменту смерти — тридцать пять, не много по современным меркам, но для того времени не так уж мало.

Дождь начал хлестать в окно с новой силой, колотя в толстое стекло, словно просился войти.

Фенн порылся в карманах, ища ключи, чтобы открыть три замка, и помедлил, прежде чем вставить в скважину первый. «Может быть, это безумие», — сказал он себе. Как могло случившееся — *если* что-нибудь значительное случилось — более четырехсот лет назад иметь отношение к происходящему в церкви Святого Иосифа сегодня? То, что девочка во сне говорила на старом, несовременном языке и имела

на теле вырост, который раньше считался ведьмовским знаком, еще не означало, что ответ кроется где-то в истории. Действительно ли Делгард был убежден в этом или просто отчаялся? Алиса-чудотворица была современным феноменом, при чем тут прошлое?

Ветер словно колотил по старым церковным стенам; новый шквал дождя обрушился на окна, как тысячи осколков шрапнели.

Какой-то звук заставил Фенна повернуть голову.

Он выпрямился, ощутив тревогу.

Звук повторился.

— Кто здесь? — спросил репортер.

Ответа не последовало, шум тоже затих. Только ветер и дождь снаружи.

Фенн дошел до середины прохода между скамьями и замер. Снова звук. Тихий, скребущий звук.

Может быть, кто-то и есть, успокоил себя Фенн. Мышь, или залетевшая птица. Так почему же он так уверен, что в церкви он не один? Он почувствовал, что за ним наблюдают, и глаза машинально обратились к кафедре. Но там было пусто.

Снова звук. Кто-то или что-то в конце церкви.

— Эй, кто здесь? — крикнул Фенн с наигранной храбростью.

Он направился к алтарю, воздержавшись от навистывания веселой мелодии, глаза бегали вправо-влево, оглядывая скамьи. Все были пусты, но последняя уходила за угол, там располагалась глубокая ниша. Фенн был уверен, что звук исходил оттуда. Дойдя до угла, он остановился, дальше идти почему-то не хотелось. У него было отчетливое ощущение, что не нужно смотреть на то, что пряталось там. Звук снова слышался, на этот раз громче, и Фенн вздрогнул.

Он сделал несколько быстрых шагов вперед и заглянул в нишу.

Пусто.

Репортер с облегчением вздохнул.

Это было странное помещение с камином в дальнем конце и висящим над ним изображением Богоматери с младенцем. С обеих сторон по всей длине стен тянулись мягкие сиденья. Снова послышался звук, и Фенн увидел за окном ветку дерева, от порывов ветра скребущую по стеклу. Облегчение было слишком сильным, чтобы Фенн хотя бы улыбнулся своему страху.

Возвратившись к сундуку, он опустился на колени и повернул ключ в первом замке. Когда ничего не произошло, репортер вспомнил про железный прут, который дал ему отец Конрой. В соответствии с инструкцией он вставил его в дырочку сбоку замка, надавил и снова повернул ключ. Замок распался на две части.

После повторения этой процедуры еще два раза на каменный пол упали отдельные половинки остальных замков. Прежде чем поднять крышку, Фенн нервно провел языком по пересохшим губам.

В притворе раздался стук, будто кто-то колотил кулаками в дверь. «Ветер,— сказал себе Фенн,— просто ветер».

Крышка была тяжелой и сначала противилась усилиям. Потом приподнялась, петли застонали от непривычного движения. Фенн откинул ее, прислонив к стене. Когда он заглянул внутрь, его обдало затхлым запахом, словно выскочил наружу освобожденный зверь.

Сверху валялись древние выцветшие одеяния. Фенн вытащил их и повесил на край сундука. Под

ними лежали пожелтевшие бумаги и разные книги, потертые и покособившиеся от времени. Одну за другой он перебрал несколько книг, быстро пробегаая страницы, и сложил тома на пол, убедившись, что они не намного уходят в глубь веков. Фенн чувствовал, что некоторые из документов окажутся интересными для историка, но для него они не представляли ценности. Потом он вытащил несколько растрепанных книг в кожаных обложках; страницы внутри были тонкие и с неровными краями. Открыв одну, репортер увидел, что это нечто вроде грассбуха — приходно-расходная книга церкви Святого Петра. Аккуратными столбцами шли суммы выплат за выполненные для церкви работы. На первой странице виднелась дата — 1697. Другие книги были старше, но того же века.

Еще были разрозненные документы, несколько книжек с латинскими мессами, а потом Фенн обнаружил то, что искал. Их было три — три книжки примерно двенадцать на восемь дюймов с жесткими обложками из пожелтевшего пергамента; листы внутри стянуты скрученными пергаментными стежками, продетыми сквозь скрепляющую страницы кожу. Записи на страницах были чрезвычайно старательны, каждая буква имела точный наклон, а чернила побурели и, к сожалению, выцвели. И что еще печальнее — все записи были сделаны на латыни. Но первая книга датировалась 1556 годом.

Фенн нетерпеливо осмотрел остальные две, их даты охватывали следующие годы. Когда он взял третью книгу, листы из растрепанного вороха бумаг посыпались обратно в сундук. Фенн полез за ними и заметил, что один лист не имеет даты. Записи были сделаны теми же бурыми чернилами и в схожем с

предыдущими стиле, но почерк был не такой аккуратный: буквы расплзались и плясали. Все было также написано по-латыни. Фенн собрал другие рассыпавшиеся листы, быстро просмотрел в поисках даты и улыбнулся, найдя одну.

Крыша громко застонала, когда на нее навалился ветер, что-то оторвалось — вероятно, кусок шифера — и упало вниз; звук удара смягчила мягкая земля вокруг церкви. Фенн тревожно взглянул вверх и успокоил себя тем, что церковь противостояла таким ударам много веков и вряд ли рухнет именно сейчас. Тем не менее он быстро открыл сумку и засунул туда три пергаментных тома, сначала сложив рассыпавшиеся листы в книгу, из которой они вывалились.

В дверь церкви что-то бешено колотило, за окнами ничего не было видно — так разошелся дождь. Фенн начал запихивать другие книги, листы и одежды обратно в сундук, не желая продолжать исследования: слишком хотелось поскорее убраться отсюда. Такое же чувство черной подавленности он испытывал в склепе. Крышка сундука с тяжелым стуком захлопнулась, и Фенн выпрямился, радуясь, что закончил. Теперь скорее в машину, прочь из этого жуткого места с его душераздирающим ветром, из этой убогой и мрачной церкви... До сих пор он не замечал, как темно стало вокруг.

Отводя глаза от алтаря, Фенн ступил в проход между скамьями: Завывания ветра снаружи напоминали вой погибших душ. Дверь впереди неистово сотрясалась, и что-то заставило Фенна попятиться. Откидывающийся запор подпрыгивал, словно снаружи им играла нервная рука. Деревянная дверь сотрясалась в раме, так что Фенн ощутил давление на нее и рвущуюся внутрь бурю.

И в душу запустила свои мокрые, покрытые чешуей пальцы догадка. Что-то еще, кроме ветра, рвалось в церковь. *Что-то* хотело добраться до него.

Он все пятился, не отрывая обеспокоенных глаз от двери, и приближался к алтарю, ряд за рядом проходя скамьи и перегородки, за которыми что-то могло прятаться. Краем глаза Фенн увидел кафедру, которая возвышалась, как приготовившийся к нападению хищник. Справа была странная отделенная ниша с пустым камином и женщиной, держащей на руках младенца Христа, с окном, за которым скреблась ветка, словно умоляя впустить... с закутанной в черное фигурой, сидящей у пустой каминной решетки...

Фенн замер. Ноги его парализовало, горло сжало.

Голову фигуры, склоненную к коленям, скрывал капюшон. Она начала подниматься и поворачиваться к Фенну.

И тут дверь в притвор распахнулась с такой силой, что все в церкви затряслось.

ГЛАВА 32

*С тех самых пор позабыла она
И лунный и солнечный свет,
В глубь от мира ушла навсегда,
Ни дня, ни ночи там нет.*

Дж. Р. Р. Толкин. «Невеста-тень»*

Фенна отбросил назад скорее шок, чем сила ветра. Он споткнулся и упал, ударившись спиной о твердый пол, но не ощутил боли, а испытал только потрясение.

* Перевод М. Виноградовой.

В церкви завывал ветер, душераздирающие вопли вырвались на свободу, так что даже свинцовая купель словно затрепетала от ярости. Одежду трепало ветром, волосы развевались, воротник куртки хлестал по щеке. Фенну пришлось отвернуться от первого порыва и зажмуриться. В дверь ворвался дождь и, подхваченный ветром, забрызгал стены и скамьи. В замкнутом пространстве каменного здания рев усиливался и оглушал безумными воплями.

Справа что-то двинулось, что-то черное, маленькое, оно поднялось с сиденья в боковой нише и встало в проходе. И потянулось к Фенну.

Он не посмел взглянуть в ту сторону. Он чувствовал присутствие этого существа и краем глаза видел темную фигуру. Но не хотел видеть.

Он поднялся на колени и несколько мгновений поколебался, кружащийся вихрем ветер раскачивал его тело. Фенн попытался встать, но ноги не держали, хотя буря была не уже такой неистовой: ее сила отразилась от стен и разбилась на отдельные потоки. Он двинулся вперед, волоча за собой сумку и боясь шторма, рвущегося через открытую дверь, но еще больше боясь фигуры в капюшоне, которая смотрела на него.

Фенн дернулся, словно от прикосновения, но рассудок говорил, что стоящее у ниши существо не могло до него дотянуться. Казалось, что жесткие пальцы скребут спину, раздирая плоть под одеждой. Щеки тоже ощущали прикосновение когтистой лапы, и он задохнулся от резкой, хотя и нереальной боли. Еще больший жар — а Фенн всем телом ощущал страшный жар, словно опаливший кожу, — коснулся вытянутых рук, и когда он взглянул на них, то увидел

вспухающие красные волдыри. Его голову дернуло, словно чьи-то длинные пальцы вцепились в волосы и потянули вверх. Тело изогнулось, как будто кривые когти царапали спину.

Однако черная фигура не могла до него дотянуться.

Шатаясь, Фенн встал на ноги — страх придал силы — и двинулся по проходу, борясь с ветром, как тонущий с потоком, стремясь к серому просвету двери. Он рухнул на перегородку, схватился за ее край и толкнул себя вперед, чувствуя на затылке злобный взгляд. Ветер, ударив гигантскими невидимыми руками, сбил его на пол, и Фенн снова упал.

Большая деревянная дверь болталась на петлях, колотя по стене так, что потрескалась штукатурка. Снаружи несущийся на ветру дождь превратил пейзаж в туманные движущиеся силуэты.

Фенн боялся оглянуться. Он не понимал, откуда возникла темная фигура, но знал, что оно там, это горящее злобой неземное существо. Он снова пополз, и тут что-то дернуло его за ногу. Фенн закричал, а обжигающая хватка стала крепче и потащила его назад.

Его рука потянулась к краю скамьи, другая цеплялась за щели в неровном полу. Сердце так колотилось, что было готово выпрыгнуть из груди. Теперь Фенн вопил, обрушивая ругательства на существо, тянувшее его назад. На руках вздулись жилы от усилий в попытке вырваться. Он лягался, испуганный, но и разъяренный, глаза застилали слезы злости и растерянности. Фенн до крови ободрал колени о камень, под ногтями скребущей по полу руки выступила кровь, но он все лягался и лягался, закрыв глаза и не переставая кричать.

Вдруг он освободился и теперь пинал воздух. Фенн обнаружил, что снова движется вперед, а ветер по-прежнему давит на плечи, хлеща в лицо ледяными дождинками. Репортер встал на ноги и заковылял к двери, так и отказываясь взглянуть через плечо, чувствуя затылком горячее, зловонное дыхание. Шаги становились медленнее... медленнее... медленнее... Что-то влекло Фенна назад, навевая кошмар, когда ноги вязнут в трясине... кошмар детства, где...

...Где тяжелой поступью приближается чудовище Франкенштейна, протянув руки, чтобы схватить его... Огромные косолапые ступни шаркают по земле...

...Ухмыляющийся великан Фи-Фай-Фо-Фам замачивается своим топором...

...Хлюпает тварь, возникшая из Черной лагуны*...

...Мертвый сын, вернувшийся из могилы, стучит в запертую дверь к своей матери, которая сжимает обезьянью лапу, чтобы впустить его...**

...Существо, которое всегда поджидает его в темноте у подножия ступеней в погребке...

...Зеленое привидение, стучащееся среди ночи в окно спальни ...

...Норман Бейтс***, переодетый в платье матери, прячется за занавеской душа...

...Белая фигура у ножки кровати, не дающая ему вырваться из кошмара, пока не растворится в ночи...

...Холодная рука, которая схватит за лодыжку, если он высунет ногу из-под одеяла...

* «Тварь из Черной лагуны», фильм Д. Арнольда (1954).

** Из рассказа Уильяма Джекобса.

*** Убийца, герой фильма А. Хичкока.

..Все спутники детских кошмаров собрались здесь, за спиной, все ночные страхи крадутся за ним; их воображаемые щупальца обвивают его...

И, как кошмар, это должно прекратиться, когда ужас станет невыносимым.

Облегчение было подобно пушечному выстрелу. Фенн проскочил в дверной проем, поскользнулся и грохнулся на дорожку. Он перекатился, приподнялся на локте, и дождь бил его по задранному вверх лицу с такой силой, что, казалось, несомненно должны остаться вмятины. Сводчатый дверной проем маячил рядом, за ним таилась темная пещера, наполненная химерами; наверху вздымалась толстая башня, и на короткое мгновение Фенну представилось, что он сам с крепостного вала смотрит на собственную распростертую на дорожке фигуру. Он зажмурился от дождя и созданной воображением картины.

Отталкиваясь пятками и локтями, Фенн начал отползать от угрожающей двери, его одежда промокла насквозь, сумка волочилась по дорожке следом. Когда он сполз на обочину, за шиворот полезла холодная мягкая трава. Широко раскрыв глаза, Фенн с побледневшим лицом посмотрел назад, на церковь. Вопль в мозгу требовал встать и скорее бежать прочь. Вскочив на ноги, Фенн увидел за церковной изгородью бегущую фигуру.

Она поднялась из моря зелени, как ныряльщик, вынырнувший на поверхность, и побежала, прокладывая путь в листве, от Фенна, от церкви.

Фигура показалась ему знакомой, но мысли были слишком взбаламучены, и в первые мгновения он не узнал ее. Когда Фенн наконец понял, кто это, то взволновался еще больше. Схватив сумку и зажав ее под мышкой, он бросился к изгороди, помогая себе

одной рукой, перевалился через нее и упал в листву с другой стороны. К тому времени, когда он встал на ноги, фигура уже скрылась.

По низкой поросли волной пробежал ветер, и Фенн покачнулся.

— Нэнси! — позвал он, но буря заглушила ответ.

Набирая скорость, Фенн бросился сквозь листву, на ходу зовя Нэнси. Он не просто боялся за нее. Она была нужна ему, потому что он боялся за себя.

Фенн бежал сквозь дождь, сквозь ветер, он почти ничего не видел и безрассудно проламывался через кусты. Потом упал, заскользил вниз, перевернулся, еще раз, и покатился в незамеченный овраг. Стебли и ветки хлестали по лицу и рукам, и казалось, что падение никогда не кончится, что мир никогда не остановится. Фенн скатился на мягкое дно, и листва, словно озорными руками, закрыла ему глаза.

Он сел и, покачав головой, попытался прогнать головокружение. От этого стало только хуже, и мир еще несколько секунд продолжал вращаться. Когда же вращение прекратилось, Фенн стал высматривать бегущую фигуру. Он находился в узкой долине, на другой стороне которой высился лес. Через долину шла грунтовая дорога, исчезающая вдали за выступом. Прямо впереди, всего в двухстах ярдах, виднелся коровник, каких Фенн еще не видывал. Коровник был очень старый и, судя по состоянию, им уже давно никто не пользовался. Прямо под соломенной крышей, подпертой толстыми столбами, виднелся просвет: стены не доходили до крыши, а поднимались лишь до определенного уровня. Бревна выпвели, время оставило на них свой след, но солома на крыше была густой и только потемнела.

Фенн понял, что Нэнси там.

Он встал и подобрал сумку. Потом, сторбившись под проливным дождем, бросился к коровнику. Ветер на дне оврага был не так силен, его шум не так громок. Фенн быстро обернулся и взглянул наверх, но церковь Святого Петра скрылась из виду — даже башни не виднелось за ложным горизонтом. Кусты наверху склона качались туда-сюда, склоняясь, но упруго противостоя стихии.

В коровнике не было двери, а только широкий проход в середине стены, и его пополам делил столб от пола до крыши. Оттуда, где стоял Фенн, было видно, что внутри все завалено старыми бревнами, досками и какими-то ржавыми механизмами. Входить не хотелось, так как внутри было еще темнее, чем в церкви, и так же зловеще. Только слышавшиеся сквозь приглушенный шум ветра всхлипывания заставили его войти.

Фенн нашел Нэнси примостившейся за штабелем бревен у задней стены сарая, она спрятала лицо в коленях, а руками обхватила плечи. Когда он дотронулся до нее, она дернулась.

— Нэнси, это я, Джерри, — тихо проговорил он, но Нэнси не смотрела на него.

Фенн опустился рядом на колени и попытался обнять ее. Вздвигнув, как зверек, она вырвалась и прижалась к заплесневелой стене сарая.

— Ради Бога, Нэнси, успокойся. Это я. — Он нежно привлек ее к себе и стал качать. — Это я, — повторял Фенн притворно успокаивающим голосом, поскольку сам еще не совсем переборол истерику.

Потребовалось некоторое время, прежде чем он смог приподнять ее голову и заставить посмотреть на него. И выражение ее глаз испугало его так же, как то существо в церкви.

ГЛАВА 33

*Проснитесь мертвые! Эй, вы! Эй!
Как сладко им спится в каюте своей!
Пусть в мире, на палубе, над океаном,
Кого-то хлещет любви ураганом.
Сюда не проникнет ни шум, ни свет:
Ни в двери, ни в окошке ни щелочки нет.
Мы заперлись крепко, вам же надо
Лечь на погосте и в церкви рядом.
В каждой могиле ваш дом, ваш дом!
Миру конец, мы идем, идем!*

Сэр Уильям Дейвнант.
«Проснитесь, мертвые! Эй вы!»

Делгард снял очки и потер уголки утомленных глаз. Ультрафиолетовый свет придавал лицу синевато-белый оттенок, холодное искусственное освещение беспощадно выделяло усталые морщины. На столе перед священником лежали выцветшие документы с истрепанными временем краями. Рядом расположился толстый, крепко переплетенный том — помощь в переводе с древнего, но бессмертного языка пергаментов. Больше не нуждаясь в особом освещении, чтобы рассматривать выцветшие письма, Делгард выключил лампу и быстро что-то записал в блокноте. Потом положил ручку, взял очки и пальцами потер лоб. Его плечи еще больше ссутулились.

Когда священник убрал руку со лба, его глаза были безумны, полны неверия. Это не может быть правдой! Эти записи сделаны в сумасшедшем бреду терзаемым виной человеком, родившимся пятьсот лет назад.

Во рту пересохло, и Делгард бессмысленно провёл языком по губам. Он чувствовал натяжение кожи и одеревенелость суставов: сказывалось напря-

жение последних дней. Священник повернул голову к репортеру, развалившемуся в кресле рядом, и ему представилось, как при движении кости трутся одна о другую. Фенн быстро уснул; усталость, а возможно, и скука избавили его от ночного бдения вместе с монсеньером.

Нужно разбудить репортера и рассказать ему о прочитанном, но какое-то мгновение Делгард не мог это сделать. Он чувствовал потребность очиститься, помолиться, чтобы Всевышний укрепил его душу и направил его. И помолиться об оскверненной душе того, кто погиб много веков назад.

Священник встал, и его высокая фигура покачнулась. Ему пришлось на несколько мгновений опереться руками о стол, прежде чем он ощутил, что может выпрямиться. Комната перестала кружиться, но все равно он чувствовал слабость. Делгард отодвинул стул и прошел к двери, но прежде чем выйти, остановился и обернулся к репортеру.

— Джерри, — позвал он, но недостаточно громко.

Тот продолжал спать, да и неудивительно: его ум нашел успокоение от ужасов прошедшего дня. Когда вечером Фенн принес манускрипты, весь вид его говорил о растерянности и крайнем нервном истощении. Циник, не веривший в призраков, поверил — нет, *точно знал*, — что видел привидение. Ему пришлось торопливо проглотить две рюмки виски, прежде чем он пришел в себя настолько, чтобы связно рассказать обо всем.

Делгард пожалел, что отпустил Фенна в Бархэм одного, ему следовало раньше понять опасность.

После инцидента в церкви Святого Петра — инцидента, описанного Фенном во всех подробностях, словно он нуждался в объяснении всего словами — репортер нашел скрывавшуюся рядом американ-

скую журналистку, Нэнси Шелбек. Она отказалась отправиться в больницу, где, Фенн надеялся, получила бы необходимый уход после перенесенного потрясения, а он боялся оставить ее дома одну в таком состоянии. Поэтому отвел ее к Сью Гейтс, где американка и провалилась в забытье.

Забытье. Усталость сказалась и на Фенне. Чье-то невидимое присутствие, витавшее *здесь*, на этих церковных землях, как паразит, вытягивало из человека психические силы. Слабость, которую он ощутил при явлении чудес, странная атмосфера, флюиды в самом воздухе — все говорило о том, что происходит какая-то реакция, возможно, переход существующей энергии в новую форму. И катализатором этой реакции, физическим и психическим, теперь Делгард был уверен, являлась Алиса Пэджетт.

Он оглянулся на выцветшие манускрипты. Ответ лежал там, написанный по-латыни, на древнем языке, знаком священникам с момента возникновения христианской религии. Это казалось невероятным, но он уже не раз был свидетелем невероятного. Связь с временами многовековой давности таилась в этих письменах, в искаженных, причудливых каракулях, свидетельствующих об измученном, безумном человеке, написавшем эти позорные слова. И этот человек был священником, священнослужителем шестнадцатого века, который согрешил не просто против веры, но против всего рода людского.

И что делало его проступок еще более непостижимым — это проблески понимания в век предрассудков и невежества. Этот человек знал о парапсихических силах, сумел выделить их из заблуждений колдовства и все же поощрял ложные воззрения своих ближних, пользовался ими в собственных це-

лях, и, поступая так, вызвал против себя еще более страшные силы. Люди того времени верили, что уничтожили ведьму под руководством и по наущению своей правительницы, королевы по имени Мария. *Мария Тюдор*. Но они уничтожили нечто большее, чем мифическое изобретение,— они уничтожили кого-то, чьи чрезвычайные душевные силы смогли пережить физическую смерть человеческого тела. И в конце концов, когда определенные психические элементы соединились, они смогли вновь создать ее собственную физическую сущность.

Колдовство, имя Мария, духовная энергия, вызванная религиозным рвением,— все это были хоть и странные, но необходимые составляющие. Современный священник, который согрешил, зачатый во грехе ребенок — это катализаторы. И самую важную роль в метаморфозе сыграла именно Алиса, поскольку была зачата на *том самом* поле, где почти пять столетий до того изрезали, а потом заживо сожгли *ту самую* монахиню.

Делгард прислонился к дверному косяку, в голове проносились невероятные, безумные мысли.

Мог ли существовать вековой метемпсихоз, переселение души умершей в другое тело? Получила ли Алиса ту самую искру ее сущности? Она выросла, воспитанная своей матерью, набожной женщиной, преклоняющейся перед именем Марии, а в возрасте четырех лет ее постигло серьезное несчастье, и врачи не могли дать удовлетворительное объяснение ее недугу. Через семь лет она так же необъяснимо исцелилась. Чудесным образом. И такими же чудесными представлялись исцеления других. Но не были ли они вызваны психическим воздействием?

Делгард покачал головой, запутавшись в своих мыслях.

Алиса говорила на чуждом ей языке, взрослым голосом, произносила староанглийские слова, содержание которых было... тревожным, похотливым. В нее вселился бес? Или... или это было перевоплощение? Как католическому священнику, подобная идея должна была показаться ему абсурдной, но Делгард не мог избавиться от этой навязчивой мысли.

Но даже она подавлялась главным вопросом: зачем и кому нужно все это?

Его с такой силой охватило предчувствие, что во всем теле возникла слабость и пришлось ухватиться за косяк, чтобы не упасть. В предчувствии беды не было ничего нового — это ощущение преследовало Делгарда уже несколько недель, но теперь он понял, что беда надвигается. Краткий взгляд был подобен физическому удару, поразившему его и мгновенно оставившему лишь полное опустошение, страшное знание о... о чем? Ни о чем. О пустоте, страшной своей абсолютностью. И ничего ужаснее он не испытывал за всю свою жизнь.

Необходимость опереться на святую землю заставила Делгарда, пошатываясь, выйти из комнаты. Было нужно помолиться, найти духовное покровительство, чтобы бороться с нависшим злом.

Он распахнул входную дверь, и ночь снаружи показалась черной, как та пустота, свидетелем которой он стал мгновение назад.

Холодный сквозняк прошел по прихожей и прокрался в комнату, где спал репортер. Ощутив холод, Фенн беспокойно заворочался, но продолжал дремать, хотя сон не был убежищем, а продолжал дневные кошмары. Уголки выцветших листов на столе заколыхались от холодного дуновения.

Сью посмотрела на часы. Скоро одиннадцать. Что так задержало Джерри? Или он собирается оставить здесь Нэнси Шелбек на всю ночь? Но он говорил, что вернется.

Помешивая ложкой кофе, она вышла из кухни в комнату. Дверь в спальню была приоткрыта, и Сью на несколько мгновений остановилась и прислушалась. Дыхание Нэнси как будто стало ровнее, глубже, естественный сон прекратил прежние беспокойные детские всхлипы. Сью села на диван и поставила дымящуюся кружку на столик перед собой. Погрузившись в мягкие подушки, она закрыла глаза.

Но вдруг раскрыла их и вскочила, чтобы задержать шторы на окне. Почему-то ей показалось, что в комнату вторгается ночь. Вернувшись на диван, Сью рассеянно помешивала кофе.

Что случилось? Почему они оба так напугались? Вечером Джерри сбивчиво рассказал, как нашел эту американку, пребывающую в глубоком шоке, в бархэмской церкви, и попросил позаботиться о бедняжке, пока он не вернется. Он куда-то спешил и прижимал к себе сумку, будто в ней лежало жалованье за год. Сказал, что ему необходимо увидеться с монсеньером Делгардом и показать ему нечто очень важное. Что могло иметь такую важность? И прежде всего, зачем он и эта женщина отправились в бархэмскую церковь? И что их так напугало там?

Сью растерянно потеревала подбородок. Почему Фенн привел американку именно сюда? Почему он так бестактен? Ясно, что между ними что-то есть. И все же Сью знала, что нечуткость Джерри часто бывала напускной, что он прекрасно понимал, какие чувства вызывает в других, и предпочитал, чтобы эти чувства находили выход. Но на сей раз внутреннее

отчаяние заслонило в нем все намеки на любовные игры — ему требовалась от Сью помощь, и то, что здесь замешана женщина, с которой у него что-то было, не имело к этому никакого отношения.

Сью отхлебнула кофе. Черт с ним! Она уже пробовала порвать с ним, какое-то время даже пыталась презирать его, но бесполезно. Ее религия, работа на церковь, время, проводимое с Беном, — все было затеяно, чтобы заменить его, но замена оказывалась краткосрочной и, если быть с собой до конца честной, никогда не была удовлетворительной. Сью находила обновленное духовное знание, но оно не заменяло эмоциональных потребностей, не могло заместить или удалить другую любовь, любовь человека к человеку. Сперва, всего несколько недель назад, Сью казалось, что она может обойтись без физической любви. Душевные травмы, зависимость от другого человека (особенно когда этот другой не попадал в такую же зависимость), ревность, ответственность — было бы лучше обойтись без подобных переживаний; но постепенно до нее дошло, как важно любить и быть взаимно любимой со всеми вытекающими из этого тревоблениями. Во всяком случае, как важно это для нее.

Сью нахмурилась, держа кружку обеими руками и опершись локтями о колени. Она уже пыталась вырваться, ей казалось, что она нашла другое убежище, альтернативу, но оказалось, что одинаково важно и то и другое. Прошло уже несколько дней, как она поняла это, но появление Фенна этим вечером, похоже, задело какие-то струны в душе. Возможно, его вдруг проявившаяся ранимость так тронула ее. А возможно, мысль о том, что эта другая женщина что-то значила для него. Страх потерять его всегда был главным мотиватором.

Именно этого она старалась...

От раздавшегося вопля Сью расплескала кофе на руки. Она быстро поставила кружку на стол и бросилась в спальню. Нашупав выключатель, Сью зажгла свет и в ужасе уставилась на женщину, которая пыталась зарыть голову под подушку. Сью подбежала к кровати.

— Все в порядке, вы в безопасности, тревожиться не о чем...

Нэнси металась, в страхе колотя перед собой руками.

— Нэнси! Перестань! Теперь все в порядке.— Голос Сью звучал твердо, и она пыталась повернуть американку лицом к себе.

— Не надо, не надо...— Глаза Нэнси ничего не видели, она старалась вырваться, и длинные ногти тянулись к лицу Сью.

Та схватила ее за запястья:

— Успокойся, Нэнси! Это я, Сью Гейтс. Вспомнила? Джерри привел тебя ко мне.

— Не трогай меня!

Сью прижала руки испуганной американки к ее груди и навалилась сверху.

— Успокойся. Тебе никто не причинит вреда. Тебе что-то приснилось.— Она говорила ровным тоном, повторяя одно и то же, и в конце концов Нэнси перестала так неистово вырываться, ее глаза обрели осмысленность и сфокусировались на лице Сью.

— О, не-е-е-т! — простонала американка и заплакала, ее худое тело сотрясли рыдания.

— Все хорошо, Нэнси. Ты в полной безопасности.

Та обхватила Сью руками и прижалась к ней, как испуганный ребенок к матери. Сью успокаивала ее, гладила по голове, чувствуя неловкость, но сочувст-

вие не позволяло оттолкнуть несчастную. Снизу, с улицы, донесся смех — это полуночники расходились по домам. Часы у кровати отсчитывали минуты.

Прошло некоторое время, прежде чем рыдания Нэнси затихли и она отпустила свою утешительницу. Но американка вся дрожала и что-то бормотала.

— Что? — Сью легонько отстранилась. — Я не слышу.

Нэнси с трудом вдохнула.

— Выпить, — сказала она.

— Кажется, у меня есть немного бренди. Или джину. Что лучше?

— Все равно.

Сью оставила ее, прошла на кухню и открыла буфет, где держала скудные запасы спиртного, взяла пузатую бутылку бренди и полезла в другое отделение за стаканом. Подумав, она прихватила два: у самой тоже нервы были на взводе.

Сью протянула Нэнси стакан, и та схватила его обеими руками, а когда поднесла к губам, то чуть не расплескала янтарную жидкость. Она выпила и закашлялась, держа бренди на вытянутой руке перед собой. Сью забрала у нее стакан и подождала, пока пройдет кашель.

— Постарайся пить помедленнее, — сказала она, когда Нэнси снова протянула руку за стаканом.

Журналистка последовала ее совету, а Сью от хлебнула из своего.

— Спа... спасибо, — наконец выдохнула Нэнси. — У тебя не... не найдется сигареты?

— Извини, нет.

— Ничего. Наверное, у меня есть в сумке.

— К сожалению, у тебя не было сумки, когда Джерри привел тебя сюда. Наверное, ты оставила ее в машине.

— Ох, дерьмо! Она осталась у церкви, где-нибудь в кустах.

— А что случилось? Почему ты там ее оставила? Нэнси посмотрела на Сью.

— Разве Фенн не сказал тебе?

— У него не было времени. Он говорил что-то про церковь Святого Петра в Бархэме, попросил меня позаботиться о тебе и смылся. Что ты делала в церкви?

Нэнси глотнула бренди и, закрыв глаза, прислонилась головой к стене.

— Я искала там кое-что и, думаю, он искал то же самое.

Она рассказала Сью про сундук и древние записи, которые могли оказаться в нем. Ее голос все еще подрагивал от напряжения.

— Наверное, они и были у Фенна в сумке,— сказала Сью.

Нэнси оторвала голову от стены.

— Так он нашел их?

— Наверное. Он сказал, что должен кое-что передать монсеньеру Делгарду.

— Так он отправился туда — к Делгарду, в церковь Святого Иосифа?

Сью кивнула.

— Знаю, это звучит странно,— проговорила Нэнси, сжимая ее руку,— но что я говорила ему? Я... я просто не могу ничего вспомнить после того, как убежала из этой чертовой церкви.

— Не знаю. Ты была в шоке.

— Да, еще бы.— Нэнси вся содрогнулась.— Боже, кажется, я видела что-то вроде призрака!

Сью удивленно взглянула на нее.

— Ты не похожа на человека, шарахающегося от призраков.

— Угу, и я так думала. Но в церкви я чуть не описалась.— Нэнси снова закрыла глаза, пытаясь оживить воспоминания. Когда в памяти всплыл образ, глаза распахнулись.— О, нет! — проговорила она и снова зарыдала: — Нет, нет!

Сью ласково встряхнула ее.

— Успокойся. Что бы там ни было, теперь вы в безопасности.

— В безопасности? Черт возьми, я увидела там что-то мертвое! Как можно быть в безопасности от такого?

Сью пришла в замешательство.

— Наверное, тебе показалось. Ты же не могла...

— Не говори мне этого! Я знаю, что я видела!

— Не надо снова так волноваться.

— Волноваться? Черт, я имею право волноваться! Говорю тебе, я увидела такое, что никогда меня не оставит, чего я никогда не забуду!

Из глаз у Нэнси снова хлынули слезы, и зубы застучали по краю стакана, когда она попыталась выпить. Сью помогла ей, поддерживая за руку.

— Спасибо,— сказала Нэнси, когда ей удалось отхлебнуть еще бренди.— Я не хотела так вопить. Просто... ты не представляешь, как это было страшно!

— Ты не хочешь рассказать мне?

— Нет, не хочу, я хочу стереть это из памяти. Но знаю, что оно никогда не сотрется.

— Пожалуйста, это может тебе помочь.

— Можно еще бренди?

— Возьми мое.

Они обменялись стаканами. Нэнси потребовалось еще два глотка — если это можно назвать глотками,— прежде чем она заговорила снова. Она выговаривала слова медленно, словно старалась контролировать их, осмысливать в уме.

— Я была в церкви — в церкви Святого Петра, что в поместье Степли. Ты знаешь ее?

— Я слышала о ней. Но никогда там не была.

— Много потеряла. Я нашла там сундук...

— Ты говорила, что вы искали какие-то древние записи...

— Верно. Фенн говорил, что определенная часть истории церкви Святого Иосифа утеряна. Мы искали сундук, где могли лежать эти записи. Он хранился в церкви Святого Петра.

— Вы пошли туда вместе?

— Нет, по отдельности. Фенн не хотел подпускать меня к этому делу. Ты знаешь его.

Сью промолчала.

— Я нашла сундук — я была уверена, что это он. И тут услышала — может быть, просто почувствовала, — что в церкви есть кто-то еще. Я прошла к алтарю посмотреть. Там у алтаря что-то вроде алькова — отгороженное место со скамейкой. И там кто-то сидел. Это было похоже... похоже на монахиню.

Нэнси еще глотнула бренди.

— Но это была не монахиня, — продолжила она. — Это была не монахиня... — Ее голос сорвался.

— Рассказывай, Нэнси, — осторожно попросила Сью.

— На ней была накидка с капюшоном, ряса, что ли, но не такая, как носят теперь. Она была старая, я уверена, чертовски старая. Сначала я не видела лица. — Нэнси снова затряслась. — Но она... оно... повернулось ко мне. Боже, Боже, это лицо!

Сью почувствовала, как волосы у нее встали дыбом и по коже побежали мурашки.

— Рассказывай, — повторила она в ужасе, но и странным образом зачарованная.

— Это было просто обгоревшее, обугленное пятно. Глаза черные, просто щели с почерневшими хрящами. Губы и нос сгорели, и зубы торчали, как обгоревшие пни. Там не осталось ничего, никаких черт, ничего человеческого! И чувствовался запах, я чувствовала запах горелого мяса. А она двинулась. Она была мертвая, но двинулась, стала подниматься и пошла ко мне. Она дотронулась до меня! Она дотронулась до моего лица своей обгоревшей рукой с обрубками пальцев! И попыталась схватить меня. Она дышала мне в лицо! Я ощущала это, чувствовала запах! Ее пальцы, просто обгоревшие обрубки, коснулись моих глаз! И она смеялась, Боже, она смеялась! Но продолжала гореть! Ты понимаешь? Она все еще горела!

ГЛАВА 34

*И никогда спокойный сон,
Тебе не смежит веки,
Проклятьем будешь ты клеймен
Навеки, навеки.*

Роберт Саути.
«Проклятие Кехамы»

Фенн проснулся, весь дрожа. Он потер глаза и оглядел комнату.

— Монсеньор! — позвал репортер.

Дверь была открыта, и оттуда задувало холодом. Фенн устало вылез из кресла и пересек комнату. Выглянув в темный коридор, он снова позвал священника. Ответа не последовало. Репортер заметил, что входная дверь тоже открыта. Может быть, Делгард пошел в церковь? Фенн шагнул назад в комнату и посмотрел на часы. Боже! Почти час ночи!

Его взгляд упал на маленький письменный стол и разбросанные по нему документы. Бросив последний взгляд в прихожую, репортер закрыл дверь и подошел к столу. Взяв несколько листов старого пергамента, он понял, что это те самые документы, что выпали из манускрипта в церкви поместья Степли. Несколько секунд Фенн рассматривал их, будто слова могли перевестись сами, потом положил обратно на стол. Верхние страницы записной книжки Делгарда были загнуты, словно сквозняком. Репортер пригладил их и прочел первую. Не отрывая глаз от строчек, он медленно сел.

Пролистав страницы, Фенн увидел, что монсеньер если не все, то большую часть перевел, а также добавил собственные замечания. Усталость улетучилась, и репортер прочитал первую заметку Делгарда:

«(Местами слова неясны, многие части почти что невозможно разобрать. Почерк неровный, каракули не похожи на аккуратные записи в манускрипте, из которого эти листы выпали, хотя автор, видимо, тот же. Перевод будет как можно ближе к оригиналу, но чтобы в некоторых местах прослеживался хоть какой-то смысл, приходилось прибегать к собственной интерпретации и угадывать смысл текста. Кроме того, латынь кое-где неправильна — видимо, вследствие поврежденного ума писавшего. Д.)»

Фенн снова взял один лист пергамента и нахмурился, вглядываясь в каракули. Поврежденный ум, или перепуганный?

Взглянув на дверь, он подумал, не следует ли пойти поискать Делгарда. Репортер не знал, сколько времени прошло с тех пор, как священник ушел, но, су-

дя по множеству записей, перевод занял несколько часов. Фенн сердился на себя, что заснул. Странное время Делгард выбрал, чтобы пойти в церковь, впрочем, Фенн мало знал о жизни подобных людей: может быть, это в порядке вещей — проявлять свою набожность в столь поздний час. С другой стороны, Делгард мог просто выйти проведать двух молодых священников, в чьи обязанности входило не спать всю ночь на примыкавшем к церкви лугу. Среди этих сумасшедших вокруг было бы разумнее нанять охрану, но, видимо, у церкви в этих делах свои методы.

В комнате и при закрытой двери было по-прежнему холодно. Фенн заметил, что огонь в камине почти погас, обгоревшие поленья тлеют, и лишь белесые участки золы нарушают их черноту. Он подошел к камину и подбросил еще два полена; когда они упали, угли коротко озарились пламенем. Репортер отряхнул опилки с рук. Хотелось, чтобы поленья разгорелись, а то холод начинал пробираться до костей.

Сырые дрова зашипели, и снизу их начали лизать язычки пламени. Фенн удовлетворенно хмыкнул и повернулся к столу. Почему-то взгляд притянуло к окну, к просвету между шторами. Он плотно запахнул их, словно ночь снаружи злобно подглядывала, и снова сел, придвинув к себе большой блокнот Делгарда. Репортер начал читать, и его снова охватил озноб.

Октябрь семнадцатый день, года 1560.

Она умерла, но еще не лежит в земле. Ночью я видел ее пред собой — злобное порождение ада, которое не может обрести покой и не дает покоя мне, гниющее творение могилы. А ведь когда-то я ласкал ее. Впрочем, ее красота не пострадала. И теперь пре-

лестная, проклятая Элнор не оставит меня, не уйдет, пока я числюсь в ее порочном выводе.

Да, я заслужил такую судьбу, ибо мои грехи вопиют и нет им прощения от Бога на небесах. Может быть, мое безумие — это начало искупления, и это лучший удел, чем ад, в который она влечет меня. Но она возвала ко мне, и конечно, она, моя Элнор, получит меня.

Мои руки дрожат, так как она здесь! Присутствие ее трупа делает воздух зловонным!

(Здесь рукопись невозможно прочесть или догадаться, о чем идет речь. — Д.)

Мой отец, этот благородный лорд, запретил мне исповедоваться епископу, поскольку видит в моих глазах одно безумие и хочет приглушить мои сумасбродные излияния. И так он держит меня пленником в этой убогой церквушке, и только слуги и местные крестьяне терпят вид моего упадка. Я больше не свободный человек, поскольку пал в его глазах, и нельзя упрекнуть его за это. И все же сколько мне еще слышать его язвительные насмешки:

«Что раз уж золото ржавеет, то от железа ждать чего ж?
А вера коль в попе не велика,
Чего же ожидать от мужика!»

Но несмотря на все его презрение, я знаю, что он не понимает всей глубины моего греха. Надо спешить! Хотя мой лоб горит, а руки дрожат как в лихорадке, нужно записать, чтобы другие могли прочесть о той, чья месть безгранична и не связана земным временем. Дай мне силы, всемилостивый Господи, и не откажи мне в мужестве выполнить этот долг, чтобы другие узнали ее подлость и были предупреждены. Эти слова разоблачают мою вину.

Вы, кто читает это, не сочтите меня сумасшедшим. Но не упускайте из виду нашего Спасителя, который в вас, дабы не соблазнило вашу душу это признание.

(На этом месте сплошные каракули, многое зачеркнуто. Как будто автор не мог изложить мысли на бумаге. — Д.)

Долгие годы я служил в церкви Св. Иосифа в Бенфилде, и там я познал радость. Деревня была моим домом, сельчане — моими доверчивыми чадами. Я прекращал распри, и люди внимали моим речам, поскольку верили в слово Божье. Женщины изливали мне свои печали, и я был рад облегчить жизнь этим простым людям, так как это придавало смысл моей жизни и добродетель моей душе. Дети побаивались меня, так как лицо мое неприятно. Однако молодым приличествует страх перед Божьим служителем на земле. Мою святость уважали, и в моем приходе господствовала истинная вера на протяжении всех смутных еретических времен.

(Он упоминает о Реформации и учреждении англиканской церкви во время царствования Генриха VIII. — Д.)

Никто не подрывал моей веры, но Зло проникло в мою душу и продолжает владеть ею.

Это настоятельница монастыря привела ко мне Элнор, не зная, что творит зло. Элнор, эта проклятая монахиня, с виду была чиста и нежна — дитя, невинное дитя, и я не узрел в ней измены Богу и роду людскому. Душа ее была чернее сажи, а ум ее полон коварства, и вся она вооружена ложью. Ее госпожа считала ее совестливой, но эта благонравная душа не проникла в изощренную порочность Элнор.

Ей предстояло прислуживать в церкви, помощница была мне очень нужна, поскольку у меня было множество дел. И тогда во мне зашевелились низменные желания, побуждения плоти, которых я не мог подавить, нечестивые мысли поколебали мое целомудрие. А она как будто с самого начала знала о моей скрытой греховности, поскольку ее глаза ясно смотрели прямо мне в душу. Такова была ее тайна. Слишком скоро я понял, что Элнор не похожа на остальных женщин и что ее святые занятия — всего лишь игра извращенного ума. И все же именно ее ум впервые отвлек меня от моих обязанностей. Мои занятия касались астрономии, медицины, физики и даже древнего эзотерического искусства алхимии, а в медицине и в алхимии ее знания намного превосходили мои.

(Как сын богатого дворянина, он вполне мог обучаться таким разнообразным наукам. Но как могла быть столь образованной монахиня? — Д.)

Вскоре меня очаровали ее познания — и так я попался.

С самого начала она была не похожа ни на одного из верующих, кого я знал — а сказать по правде, вообще ни на одну из женщин. Элнор прилежно выполняла свои обязанности, но в ее улыбке скрывалась какая-то тайна, ее взгляд слишком долго задерживался на мне. Вскоре я был околдован — и впоследствии это слово оказалось вполне верным. В первые дни я видел только ее простодушную невинность, а не истинную сущность, которая дурачила меня. Мы вместе молились, и больше всего она преклонялась перед Благой Богоматерью, дочерью Св. Анны. В то время на деревню напал мор — это была не чума,

но болезнь многих приковала к постели. Двое детей умерли, но они от рождения были слабыми. Так что Богу воздали за его милость и за то, что послал таких искусных смертных для заботы о больных, ведь ее искусство врачевания вскоре стало всем известно, и даже лекари — шарлатаны, хотя и доброжелательные люди — выражали свое восхищение. К нам в нашей работе присоединились еще две святые сестры. Эти две новые помощницы, их звали Агнесса и Розамунда, остались при церкви и после того, как мор прошел. Все говорили, что ее рукой движет Божий промысел, что она, лишь взглянув на человека, будь он главой магистрата или простым пастухом, могла определить, сухость в нем или холод, жар или влага.

(Считалось, что человеческое тело составляют четыре природных элемента: Земля, Вода, Воздух и Огонь. Земля — холодная и сухая, Вода — холодная и влажная, Воздух — горячий и влажный, Огонь — горячий и сухой. Болезнью считалось нарушение равновесия между этими четырьмя качествами. — Д.)
(Картинки. — Д.)

И так она управлялась со своими простыми снадобьями и средствами. Она также пользовалась образами, которые носились на шее, когда к тому склонялось положение планет — энергия, нисходящая на образы, приносила больным большую пользу. Бывало я упрекал Элнор за такую практику, но она только улыбалась и говорила, что только вера, и ничто иное, приносит исцеление. Если мне и казалось это нечестивым, я мирился из-за возникшего во мне глубокого интереса. Так я поддался первым чарам Элнор и не догадался посоветоваться с настоятель-

ницей. И тогда таинственная болезнь поразила мое собственное тело, что еще больше продвинуло меня к падению. Настоятельница послала Элнор занять мною, и в бреду я ощутил на себе ее руки, облегчающие боль, вытирающие горячую испарину — и разжигающие тлеющее во мне желание. Возможно, это ее снадобья разожгли во мне страсть. Так я попал в сети и с тех пор оказался ее пленником. Мое падение было полным, мое влечение к ней ненасытным. Я слишком застенчив, чтобы описать все, что происходило во время нашей греховной связи, — достаточно сказать, что наши плотские акты доходили до скотства такого низменного, что, боюсь, моя душа погибла и никогда не возродится к Божьему свету.

(Здесь опять неразборчивые записи, многие прочесть совершенно невозможно. Утверждая, что не будет описывать свои непристойности с этой женщиной, он кажется, до некоторой степени все же попытался это сделать. Не ясно, то ли вина подсознательно сделала его записи неразборчивыми, то ли страх, то ли вновь охватившее его возбуждение. Кажется, тут имели место святотатство и использование священных предметов. Там и тут называются какие-то имена, но не могу найти в них смысл. — Д.)

Когда впервые Элнор обнажила предо мной свое тело, то обнажила также и свои мысли. Она говорила о вещах древних и о том, что еще не произошло на нашей земле, говорила о голосах, исходящих от умерших, и о силах, которые сотрясают воздух, как тихие громы — силах, доступных только Избранным. Она уподобляла эти бестелесные силы огромным не-

видимым приливным волнам, ищущим вход в ограниченный мир людей, Фуриям, которые, вырвавшись на волю, уничтожат и создадут заново свой образ. Я спрашивал ее, 'не о дьявольской ли силе она говорит, и она смеялась надо мной и заявляла, что нет большей силы, чем человеческая воля. Я робел от такого кошунства и верил, что она колдунья, но с течением времени понял, что дело не только в этом. Магия была для нее лишь следствием воли, а также результатом действия снадобий, ядов, которыми орудуют алхимики и целители, но не колдуны. Я безвозвратно погиб, потерялся в ней: эта порочная монахиня поглотила всю мою жизнь. Мое слабое тело, столь изошренно бичуемое ее инструментами, жило только для ее удовольствий. И я искал ее Знания, но до сих пор пребываю в недоумении.

«Откуда идет твое Зло? — спрашивал я ее.— И откуда идет твое Добро?» Ведь она по-прежнему исцеляла больных. «Почему ты чтить священное имя Пресвятой Девы, но оскорбляешь ее, занимаясь развратом пред ее образом? Зачем избирать праведный путь служительницы Христа, когда твои деяния не лежат на Его пути? И зачем ты превратила эту бедную душу в пленницу?» Эти вопросы я задавал много раз, но она не отвечала до тех пор, пока не прошел год, пока, наверное, она не убедилась, что невидимые цепи, сковавшие мою волю, уже не ослабнут. Она исцеляла больных, и ее имя превозносили наряду с именем Марии, а сама она превозносила Марию, говоря, что передает от Пречистой Девы силу, которая еще не до конца проверена. «Я монахиня,— говорила мне Элнор,— потому что хочу быть выше остальных, чтобы меня почитали и слушались. Я стану настоятельницей, я добьюсь этого доверия, и ты, пре-

красный Томас, поможешь мне в этом — разве твой благородный отец не имеет огромного влияния на церковь?» Пока я пишу, в церкви становится все холоднее, и облачка пара изо рта рпускаются на страницы, прежде чем рассеяться. Ветер сотрясает двери и окна, и демоны выслеживают меня. Не подходи, Элнор! Эта земля священна, ее святость не осквернена. Но мои пальцы немеют от холода и словно становятся хрупкими. О, Боже, будь милостив к этим несчастным и позволь мне дописать эту летопись!

Кажется, я слышу голос, зовущий меня снаружи. Может быть, это скулит какой-то ночной зверь, но боюсь, это голос моей мертвой возлюбленной. В церкви полумрак, и лампа не освещает темных углов. Здесь нет мне покоя, и не будет, пока не упокоится она. Но кто ей в этом поможет? Уж наверное не я.

Сказать по правде, я понял суть Элнор, но так и не могу противиться ее воле. Она смеялась над моими словами и презирала мой ужас. Она говорила про яд для настоятельницы: коварным убийцей должен был стать серный мышьяк.

Отравление должно было быть медленным, чтобы не возбудить подозрений. Настоятельница будет страдать от долгой и изнурительной болезни, и даже искусный и нежный уход сестры Элнор не спасет престарелую женщину от смерти. О, коварная ведьма! И все же ты не ведьма. И не колдунья. Милая, проклятая Элнор — ты нечто большее, гораздо большее.

Слишком поздно я узнал о ее планах, я был несчастным, совращенным глупцом. Слабый, развратный последователь греха! Помоги мне, Господи, прежде чем я умру!

Но Элнор так погрязла в своей похоти, что ее гибель была делом ее собственных рук. И блажен

Господь, приведший ее к гибели. Мои прихожане почитали ее, они считали ее чистой сердцем, и она вылечила многих болящих. Они приносили ей дары — одни пустячные, другие истинно ценные. Последние она тайно складывала в склепе церкви Св. Иосифа, чтобы их не нашла настоятельница, а пустячные отдавала монастырю. И все считали ее чистой и бескорыстной.

Дети толпами ходили за сестрой Элнор, за этим злобным чудовищем разврата, обожали ее, искали ее благословения, поскольку знали от старших, что это пришла на землю святая — а ее черное сердце радовалось: ведь они были для нее как агнцы для волка. Что делает душу такой черной? Тому нет ответа в этом мире, он лежит во тьме, где темные духи сговариваются с чертями, как уничтожить человеческий покой.

Долгими часами она молилась в церкви, распростершись пред алтарем, чтобы все видели ее набожность. А ночью, когда никто не видел, она оскверняла тот же алтарь такими делами, что и сейчас слова застревают у меня в глотке — ведь я охотно соучаствовал в этом. И все же не понимаю, что привело меня к такому позору, какой злой дух пробудил во мне такую низкую похоть. Я объясняю это тем, что ее воля управляла моей, ее мысли правили моими — но в сердце я понимал, что эта воля должна была сначала исходить от меня. Ее соблазн был так чертовски сладок, муки моего тела так дьявольски восхитительны! Ее детское лицо, ее белое тело, эти дьявольские врата меж ее бедер, и она велела мне пить из этих врат, и они были слишком чудесны, чтобы отказать.

Но я отвлекся, мои мысли разлетаются. Мой отец, этот неколебимый покровитель церкви, считает ме-

ня сумасшедшим, и, возможно, так оно и есть. Но я не укрылся, как сумасшедший, в бреду, и в моих грезах нет утешения.

На третий год моего знакомства с Элнор стали распознаться подозрительные слухи. Мой облик изменился. Я никогда не был крепок, но теперь меня одолела слабость, все ясно видели, как я сторбился. Было больше невозможно скрывать мою одержимость молодой монахиней. И еще хуже — стали исчезать дети: они пропадали в окрестных лесах и больше их никто не видел. Всего трое, их имена я уже записал.

(Уже записал? — Д.)

Как эти простые крестьянские дети верили в добрую сестру Элнор и как мне пришлось зажимать им рот, когда на их детские тела обрушилось ее зло! Всемилостивый Боже, не может мне быть прощения за участие в этих делах! Я даже не смог помолиться на тайных могилах.

(Имена, должно быть, упоминаются в предыдущих неразборчивых записях. Священник — детоубийца! — Д.)

Настоятельница совсем ослабела, ее жизненные силы убывали с каждым днем. Ее заведение было скрыто, так как Элнор не хотела, чтобы заподозрили, будто кто-то приложил руку к смерти престарелой настоятельницы. Эта дочь дьявола стала бесстыднее и еще требовательнее в своей невоздержанности. Мои усилия уже не удовлетворяли ее похоти, и мои муки еще меньше могли насытить ее. И кроме того, красть детей в этой округе стало опасно. Ее аппетиты обратились на двух молодых монахинь, что каждый день

приходили в церковь Св. Иосифа. Одна охотно приняла свое унижение, так как ее сердце уже было погублено Элнор; другая сначала подчинилась, но потом со стыдом убежала. Эта монахиня провела свою жизнь в угрызениях совести, но первая исповедовалась в смертном грехе больной настоятельнице.

Гнев придавал матери-надзирательнице сил. Но и хитрость ее была велика, поскольку сундуки моего отца были всегда открыты для Церкви. Его преданность нашему святому Римскому Папе не поколебалась ни в еретические времена лютеранина Генриха, ни во времена смутного царствования молодого Эдуарда. Теперь мой отец был обласкан королевой Марией и справедливо вознагражден за свою силу духа и преданность. Сделать его врагом было бы не очень мудро со стороны настоятельницы, которая часто пользовалась его щедростью.

Эта умная женщина послала за мной, и, поняв, что все пропало, я сдался на ее милость. Проклятия обратились на злую соблазнительницу, сестру Элнор, чьи волшебные снадобья лишили меня здравого смысла. Я плакал и бичевал себя пред настоятельницей, я признался в самых страшных и греховных блудодеяниях с Элнор и просил прощения. Но я не сказал всего, поскольку боялся за свою жизнь.

Хотя настоятельница и смотрела на меня с отвращением в глазах, но все же даровала мне прощение. Дух Элнор был подчинен призраками, отвергавшими христианский путь. Она была дочерью Сатаны, и ее колдовство одолело мою волю. Простой смертный, я мог оказать лишь слабое сопротивление, когда мои силы высасывались, а тело наполнялось колдовскими снадобьями. Я жаждал принять все кары, прекрасно понимая, что в них мое спасение, я хотел

верить, что был всего лишь беспомощной жертвой воровжбы. И в тот день мы обсудили, как покарать сестру Элнор.

Настоятельница не сомневалась, что Элнор — ведьма и богохульница, и, хотя я знал, что она представляет собой нечто большее, но с готовностью согласился. Добрая королева Мария объявила, что и ведьм, и диссентеров* следует изгнать из ее королевства и из мира смертных. Ходили слухи, что более двухсот еретиков уже сожжено на костре, и графство Суссекс приняло участие во многих из этих сожжений. Я лично видел два неподалеку от Льюиса. Послали за саммонером, и в его присутствии я обвинил сестру Элнор как ведьму и еретичку.

(Саммонер — человек, которому платят за то, чтобы он приводил грешников на церковный суд.— Д.)

Настоятельнице это понравилось, она как будто была рада моему искреннему раскаянию. Когда саммонер отправился готовиться к заточению Элнор, настоятельница велела мне предупредить мою паству о злодеяниях Элнор, чтобы больше никто от них не пострадал. В ее глазах сверкнул огонек, когда она намекнула, что на суде Элнор сможет все отрицать и призвать к ответу меня самого. Я прекрасно понимал, что истина действительно потребует этого, и подозревал, что настоятельница, моя новая защитница, тоже понимает это. Я поспешно отправился обратно в Бенфилд, мой лоб горел, как при настоящей лихорадке. Я заботился о своей безопасности и хотел оградить доброе имя моего отца. В деревне я

* Диссентеры — члены протестантских сект, отделившихся от англиканской церкви в XVI—XIX вв.

быстро рассказал нескольким прихожанам, что мы с настоятельницей разузнали об Элнор, и слух распространился, как лесной пожар. Эти добрые люди пылали гневом, поскольку их вере нанесли такое оскорбление, которого они не могли перенести. Те, чьи дети пропали, взывали к возмездию, и их крики подхватили односельчане, вооружившись палками и дубинами. Они поспешили в церковь Св. Иосифа — неистовая, яростная толпа, и я последовал за ними, возбужденный их страстью — разве не был и я соvrащен порочностью Элнор? Среди нас были дети, которые некогда поклонялись святой монахини, а теперь презирали ее. И так внезапен был наш приход в церковь, что мы застали Элнор пред алтарем, у подножия статуи Пресвятой Богоматери, в объятиях молодой монахини Розамунды, которая так легко поддавалась разврату. Как и я. Элнор с воплями выволокли из церкви, ее соучастницу в разврате отпихнули в сторону. О, как я съезжился, когда встретил взгляд Элнор! Словно сто отравленных кинжалов вонзились мне в сердце. Она сразу поняла, что это я предал ее, и столько злобы было в ее глазах, что я упал на землю. Моя паства решила, что ведьма наслала на меня чары, и люди пальцами и палками выцарапали ей глаза. Но даже когда она завопила, ничего не видя, люди не сжалились, а продолжали колотить ее за ворожбу. Элнор кричала, что это я, их духовный поводырь, был ее сообщником во грехе, но я полностью отрицал все ее обвинения, велел пастве не обращать внимания на ложь еретички, а взглянуть на дьявольскую отметину у нее на теле. Я знал, что у нее на теле есть третий сосок (*Алиса! — Д.*) — аномалия, которую невежды считают кормящей грудью для ведьмовского посредника. С нее содрали монашеские одежды и нашли про-

клятую отметину. Людей обуял еще больший гнев. Мужчины колотили ее, не зная жалости, а женщины и дети подзадоривали их, пока все обнаженное тело Элнор не покрылось ранами. И все это время ее убеждали признаться в ворожбе. Но она не призналась, и с ее уст срывались одни проклятия. Ей выдрали волосы, вымазанные в крови, и она превратилась в грязную, безволосую фигуру, но так и не призналась в колдовстве. О, какие мучения пришлось ей испытать! И все же мои мольбы прекратить кару звучали слабо и не были услышаны. Толпа — эти христиане — переломали ей руки и ноги и поволокли ее по грязи, а женщины и дети тыкали в ведьму колымами. Я не мог остановить их и уже не пытался.

Элнор взывала к милосердию, но так и не призналась в преступлениях, в которых ее обвиняли. Так разъярена была толпа, что проволокла ее к канаве — река была слишком далеко для их кипучей злобы. Когда ведьму бросили туда для испытания, вода обогрилась кровью, и обезображенное тело наконец забилось в агонии. Она призналась в колдовстве, и таковы были мой страх и потребность в возмездии, что я чуть сам не поверил в это. Да простит меня Бог и избавит от адских мук, но я хотел, чтобы это была правда.

Они отволокли Элнор к молодому дубу поблизости, обвязали ей шею веревкой и повесили. Она продолжала кричать, и эти крики заполнили мою голову, пока я не ощутил, что череп буквально раскалывается. А когда под ее голыми дергающимися ногами развели костер, агония охватила мое тело. Эти кровавые глазницы, где некогда были прелестнейшие глаза, глядели на меня сквозь толпу, когда крутящееся на веревке тело поворачивалось в мою сторону, и ее разбитые губы обрушивали проклятия

на мою голову и на всех присутствующих, на каждого мужчину, женщину или ребенка и их потомство. И она проклинала Марию. Я не понял, имела ли она в виду Пресвятую Богоматерь или нашу добрую королеву Марию, и не знаю, понимала ли она сама это в своем безумии. Даже когда местный плотник — крепкий мужчина, не знавший слабости — вспорол ей живот и вытащил кишки и внутренности, так что они зашипели и обуглились на разведенном внизу костре, ее проклятия все еще звучали у нас в ушах.

В момент ее смерти я понял, что эта женщина в самом деле была не просто ведьма, так как небо потемнело, а земля задрожала у нас под ногами. Те, кто оказался в состоянии двигаться, убежали, остальные упали и съезжились в грязи. Мне показалось, что моя церковь рядом сейчас перевернется, но крепкое здание устояло, лишь несколько камней выпало. Моя бедная смертная душа так перепугалась, что мне померещилось, будто из могил встают мертвецы. Не знаю, какие нечистые силы восстали из ада от смерти Элнор. Сама земля словно разверзлась под моими ногами, и я смотрел в черную яму и видел там извивающихся тварей подземного мира, жалкие погибшие души, чьи отвратительные грехи не могли быть искуплены, чьи мучительные стоны наполняли мрачный пейзаж. Что за чудовище являла собою она, что вызвала на свет такие ужасы! Упав и отползая, как червь, я отвернулся от адского зрелища и посмотрел на обуглившийся, почерневший труп, который некогда был моей прелестной и порочной возлюбленной.

Веревка, на которой она висела, оборвалась, и страшный груз упал в костер, где булькал и шипел, пока не превратился в угли. Мне показалось, что из

этой кучи углей донесся последний воющий крик, но это, конечно, было лишь плодом моего измученного воображения, поскольку в куче, бывшей когда-то прекрасным телом, не осталось ничего человеческого.

Стало темно, как ночью, хотя день еще не закончился, на темноту надвинулась новая темнота, и я убежал из этой преисподней. Из черной ямы, терзая мои чувства, поднимался страшный смрад и доносились нечеловеческие крики. Я бежал на нетвердых ногах, земля все еще колебалась, и я умолял Господа нашего Христа спасти меня от гнева Сатаны. Я нашел приют и убежище в склепе под церковью и закрыл глаза от демонов, которые вставали передо мной и манили из своих потревоженных мест упокоения. Три дня я скрывался в этой мрачной могиле, забившись в самый темный угол, накрыв голову какой-то дерюгой, зажмурившись, чтобы не видеть маячивших призраков. Возможно, время, проведенное в этом одиноком убежище, окончательно подточило мой рассудок, поскольку, когда слуги моего отца наконец нашли меня, мои губы не могли выговорить связных слов.

Меня вытащили оттуда, и дневной свет ослепил мои глаза. И это было хорошо, так как мне совершенно не хотелось снова видеть эту страшную картину. Меня заперли в комнате в доме отца, и врачи лекарствами и ласковыми речами пытались успокоить мои метания. Они сообщили, что бенфилдские жители, крестьяне и их жены и дети, не хотят вспоминать о том дне зла, но сказали, что Элнор призналась в ворожбе и убийстве троих детей и, прежде чем испустить дух, прокляла их. Гром потряс землю, и на небе собрались темные тучи, хотя дождь так и не пошел. Но никто не говорил о восставших из мо-

гил демонов и разверзшейся преисподней. Я умолял отца и епископа поверить мне, но в их ответах слышалось мягкое предостережение: Элнор отравила мой ум своими снадобьями, и я видел то, чего не было, что жило лишь в мире моих грез. Я продолжал свои тирады, и позвали двух слуг, чтобы они привязали меня к кровати.

Прошло несколько недель, не знаю, сколько именно, и в это время мой отец и епископ решили между собой, что моему здоровью, под которым они подразумевают состояние ума, пойдет на пользу, если меня не пускать в церковь Св. Иосифа и в Бенфилд. Я подозреваю за этим повеление настоятельницы, поскольку она не обвинила меня перед моим отцом, а совесть не позволила бы ей пустить меня в свою епархию. И мне суждено проводить дни в церкви Св. Петра, в поместье моего отца, где слуги и местные жители не обращают внимания на мое бормотанье. Я служу здесь как пастырь. И здесь я в безопасности, запертый в клетке собственного безумия. Отец выделил церкви Св. Петра деньги на починку кладки — ха! Говорят, что в церковь ударила молния, и в южной стене установили новый витраж. Отец принес мне из старой церкви мои вещи — одеяния и прочее. Церковный сундук тоже перевезли в церковь Св. Петра, и, похоже, о нем отец беспокоился больше всего. Думаю, между моим отцом и этой лукавой святой сестрой, настоятельницей, состоялся тайный сговор, потому что отец явно стремился заполучить тот сундук, где хранятся все записи церкви Св. Иосифа и Бенфилдского прихода. Отцу нет нужды так беспокоиться — я был не такой дурак, чтобы записывать подробности плотских утех с сестрой Элнор, и не оставил никаких записей, порочащих

ее. Как он, должно быть, изучал эти буквы и письменна, выискивая, что может сбить спесь Вулгаров, и как, должно быть, вздыхал, ничего не найдя. Как же он отнесется к моим писаниям, которые я оставляю для будущего и которые останутся хорошо укрытыми, пока Бог не решит, что их следует найти? Уверен, они бы ему не понравились.

Что это? Снова стук в дверь, но Элнор уже внутри. Смрад становится сильнее, но я не буду смотреть на темную тень, которую вижу краем глаза. Мое тело одеревенело от холода, и выводящее каракули перо царапает бумагу. Но страх не даст мне отдохнуть! Я должен поскорее закончить свое дело и предупредить других, пока мое мужество не иссякло! Я прилежно и набожно служил здесь, зная, что душа моя навеки проклята. Через какое-то время, наверняка через много месяцев, я научился скрывать от всех свой страх и выказывать его только наедине с собой и терзающими меня муками раскаяния. Все считают меня сумасшедшим и отводят глаза. Но им больше не досаждают мои проповеди, мои страстные заклинания против незримых сил. Наш святой Папа Римский снова отказал Елизавете в праве на трон, но это мало меня заботит, поскольку меня оставили здесь в покое. В покое! Что за безумные слова! И все же я бы с радостью принял гонения от нашей новой королевы вместо гнусных преследований этого бездушного духа! С тех пор как меня заключили здесь, я не виделся с настоятельницей, а она оставляла без внимания мои послания, которые я передавал через слуг моего отца (может быть, отец перехватывал их). Его управляющий сказал мне, что после смерти Элнор сестру Розамунду прогнали из монастыря и поселили в лесу неподалеку от деревни. Это вполне может быть правдой, но мне нет до этого

дела. Я жалею лишь себя самого. Ничто не спасет несчастного. Я чувствую на себе дыхание Элнор — зловонное дыхание смерти! Она хочет, чтобы я взглянул в эти налитые кровью глаза, чтобы упал в ее любовные объятия! Сморщенная рука касается моих плеч, но я не оглянусь! Пока не оглянусь, дорогая Элнор. Не оглянусь, пока не выполню свою задачу, не запишу слова, чтобы предупредить других. Не сомневайся в этих словах, читатель, не сочти их бредом сумасшедшего, а отнесись со вниманием! Ее Зло еще не совершено, и ее злобный дух еще не успокоился.

Дверь распахнулась, и в церковь с воем ворвался ветер. Он старается вырвать листы у меня из рук. Но я не отдам. Они будут в безопасности, надежно спрятаны, а потом я вернусь к моей Элнор. И обниму ее, как обнимал недавно во сне, поскольку меня по-прежнему влечет к ней, я вижу лишь ее красоту, а не то обезображенное, почерневшее существо, стоящее надо мной, чей безгубый рот тянется к моей щеке...

Хватит об этом! Я принадлежу ей, так как между нами больше нет лжи. Я по-прежнему блудодействую с ней в мыслях, и эта моя греховная похоть связала нас навеки. Оставляю это предостережение тому, кто найдет его. Она прикоснулась ко мне, и я снова в ее власти!

Блюдите свою душу. Этими записями я могу обрести искупление. Блюдите свою душу и помолитесь за того, кто уже погубил свою.

(Конец документа. Несомненно, его автор — Томас Вулгар, священник церкви Св. Иосифа в Бенфилде, а позже церкви Св. Петра в Бархэме, сын сэра Генри Вулгара. — Д.

Вопросы:

1. Был ли Томас Вулгар сумасшедшим?
2. Что он имел в виду, говоря, что Элнор больше чем просто ведьма?
3. Сбывается проклятие??
4. Отец Хэган/Молли Пэджетт — катализаторы?
5. АЛИСА — ЭЛНОР????!!!)

Фенн откинулся на спинку, не отрывая глаз от документа. Он глубоко вздохнул. Господи Иисусе! Возможно ли это? Эти записи — бред сумасшедшего, или в них правда? Могло ли это событие, это кошмарное, невежественное сожжение ведьмы, случившееся около пятисот лет назад, стать причиной того, что происходит в церкви Святого Иосифа сегодня? Да нет, это просто предрассудки, вера в Мумбо-Юмбо! Ведьмы — это в сказках, в преданиях, в фольклоре, в легендах, которые родители любят рассказывать детям у горящего камина зимними вечерами. Хотя Вулгар не утверждал, что Элнор — ведьма. Фактически он *отрицал* это. Но разве сверхъестественное сколь-нибудь реальнее, чем сказки и предания? Однако же он сам, Фенн, стал свидетелем явлений в Бенфилде, которые можно назвать не иначе как аномальными, и его логический ум с трудом мог воспринять их. Но как можно отринуть то, что произошло не далее как нынче днем? В той церкви вместе с ним было нечто, распространявшее вокруг себя ауру зла. Оно до полусмерти напугало Нэнси и у него самого вызвало слабость в кишках. Так что же это за чертовщина? Призрак несчастной Элнор?

— А-а-а! — с отвращением вслух проговорил Фенн. — Этого просто не может быть. Такого не бывает.

· «Давай, давай, разговаривай с собой, Фенн», — подумал он и посмотрел на свою руку. На ней не было рубцов, не было следов от когтей демона. Но демоны были в той церкви, он сам видел, как они исчезли. Однако на его теле не осталось никаких следов, если не считать царапин от веток, что хлестали его, когда он катился по склону.

Интересно, что думает обо всем этом Делгард. Он священник, и сверхъестественное — это по его части, а концепция о жизни после смерти лежит в основе его религии. Но признание злобного проклятия от женщины из другой эпохи? Что он на это скажет? Если он поверил во все это, то, возможно, пошел в церковь помолиться о помощи!

Фенн покачал головой. Все это слишком невероятно. И тем не менее это происходит.

Он отодвинул стул и встал, вдруг осознав, как снова окоченел. Огонь в камине опять горел еле-еле. Фенн натянул куртку и застегнул до самого верха молнию. Лучше разыскать Делгарда и поговорить с ним. Священник не дурак, несмотря на род своих занятий, и если он ощутил, что в документе что-то есть, то, черт возьми, в нем что-то есть. И если дело в этом, то нужно будет решить, что с этим делать.

Фенн вышел из комнаты, втянув голову в поднятый воротник и поеживаясь, то ли от ночного холода, то ли от воспоминаний о прочитанном на выцветшем пергаменте.

Он закрыл за собой дверь и прошел по коридору. Из двери впереди тянуло ледяным сквозняком. Фенн шагнул в ночь и машинально посмотрел на небо: оно было ясным, словно облака унесло дневным ветром, и темно-синим, почти черным, а звезды светились ярко, живо. В окнах церкви тускло горел свет, и

Фенн быстро направился по дорожке туда. Его шаги все ускорялись, пока он не пустился чуть ли не бегом. В том, как выглядела церковь Святого Иосифа, была какая-то странность, что-то непонятное. Она казалась совершенно черной, темнее ночи вокруг, блеск звезд не отражался от каменных стен, не выделял ее формы. Неестественную черноту разрезал только тусклый свет в окнах. Фенн почувствовал, как заколотилось сердце, и желание добраться до церкви вдруг пропало. Захотелось убежать подальше от этого зловещего места. Чувство было то же, что и днем в церкви Святого Петра — страх и тревога.

Но Фенн знал, что Делгард там, один, беззащитный, не подозревает о происшедшем превращении. Нужно предупредить священника, помочь ему выбраться оттуда, так как Фенн вдруг понял, что церковь Святого Иосифа — больше не храм Божий, а обиталище чего-то несправедливого.

Когда он прикоснулся к двери, у него возникло ощущение гадливости, словно само дерево было нечистым. Фенн испытывал сильный страх, но заставил себя открыть дверь.

ГЛАВА 35

— А еще ты должна мне заплатить за мощи,— сказала ведьма.— И я недешево возьму!

Ганс Христиан Андерсен. «Русалочка»*

Монсеньер Делгард опирался на низкое ограждение алтаря, голова склонилась на грудь, спина стогрбилась. Губы беззвучно шептали литанию, но лицо застыло, черты были словно высечены из серого кам-

* Перевод А. Ганзен.

ня. Делгард сам не представлял, как долго молится здесь, в церкви Святого Иосифа,— может быть час, может быть, меньше. Страх и замешательство не прошли, и никакого решения возникших проблем не пришло само собой. Священник не сомневался в истинности переведенных слов и также был уверен, что проклятие сбывается. Он верил, что могущество человеческого разума не имеет границ на этой земле, как и человеческий дух. Элнор обладала силой, превосходящей человеческие знания и недоступной пониманию окружающих, она принадлежала к редкой, уникальной породе, была, если говорить в терминах генетики, новой ступенью в развитии, которую большинство людей не могли постигнуть, не говоря уж о том, чтобы попытаться достичь чего-то подобного. Элнор обладала способностью вытягивать из людей волю, их энергию, их веру, могла преобразовывать эту силу в коллективную, превосходящую человеческие возможности. Роль Элнор заключалась в «направлении» душевной энергии. Теперь эта энергия действовала через Алису и с еще большей силой, чем при жизни той монахини. Неужели смерть, это проникновение в мир духов, где никакие физические ограничения не контролируют умственную энергию, лишь подняло эту энергию на новый, страшный уровень? До Делгарда дошло нечто большее. Раньше он решил, что отец Хэган и Молли Пэдджетт могли оказаться катализаторами для высвобождения этих ужасов, а теперь задумался: не развивался ли дух Элнор все это время, приобретая новые силы в «ином» мире (что такое пять веков по сравнению с самой вечностью?). И эта мысль напугала Делгарда больше всего, так как если Элнор действительно вернулась, то каковы же ее нынешние силы и на что она направит их?

Он ощутил свою беспомощность и незащищенность. Как противостоять чему-то, чего не можешь до конца понять? Через своего епископа можно прибегнуть к помощи тех, кто компетентен в подобных вещах: мирян и людей его собственного призвания — возможно, вместе они совладают с этим злом. Но в основном следует искать Божьей помощи, поскольку только Создатель может истинным путем победить это чудовище.

Резкий звук заставил Делгарда вздернуть голову. Он огляделся. В церкви стоял полумрак, огни светили тускло. Внимание священника вернулось к распятию над алтарем, и тяжелые веки опустились, Делгард снова погрузился в молитву. В суставах опять почувствовалась ломота, как нередко бывало в последние недели, и тело напомнило, что возраст и усталость берут свою неизбежную дань. Возможно, когда сделает все от него зависящее, он поищет для себя покоя, удалится в...

Снова этот звук! Резкий скрип. Он донесся откуда-то справа.

Делгард посмотрел на потерявшую форму фигуру Девы Марии, его губы шевелились, и на этот раз от старческой дрожи, а не от молитвы.

Он заставил себя выпрямиться, и для этого потребовалось больше усилий, чем он ожидал. Он шагнул вперед, и его шаги были медленны, он почти топтался на месте. Наконец священник приблизился к статуе и встал перед ней, с любопытством разглядывая изуродованное, потрескавшееся лицо. Руки Богоматери были чуть разведены и протянуты вперед, словно маня его, но улыбка не выражала материнской любви: изъязвленный камень превратил ее в злобную ухмылку.

Внезапно отвалились еще несколько кусочков камня, они полетели на пол и раскрошились в пыль. Улыбка стала шире, сделалась злобещей. Нижняя губа отпала, как будто рот приоткрылся для беззвучного смеха. Мрамор пришел в движение, по нему заструились трещины, и Делгард попытался отступить назад, но почувствовал, что не может двинуться, зачарованный переменах в камне.

Он взглянул статуе в глаза, и мелкая пыль соскользнула с них, так что они показались мертвыми и пустыми.

Делгард в ужасе приоткрыл рот и попытался приподнять дрожащую руку, чтобы защититься, словно поняв, что сейчас произойдет.

Фенн ввалился в церковь и сразу увидел в дальнем конце, у алтаря, высокого священника. Делгард, приподняв руку, смотрел на статую Мадонны.

И в церкви присутствовало что-то еще. Маленькая фигурка в капюшоне сидела на одной из скамей всего в нескольких рядах за спиной священника.

Тьма и холод охватили Фенна — это было уже знакомое чувство. Он ощутил, как мышцы живота сжались, а волосы встали дыбом. Репортер попытался окликнуть монсеньера, но с губ сорвалось лишь тихое шипение. Он двинулся вперед, но было поздно.

Статуя разлетелась на куски, и в церкви прогремел гром. Тысячи каменных осколков пронзили незащитное тело, как металлическая шрапнель, раздрали его плоть, изрезали лицо, грудь, руки, пах и отбросили назад; он упал на переднюю скамью, а осколки, вошедшие в глаза, проникли в мозг, разрушили клетки, так что невероятная боль продолжалась всего несколько мгновений. Его тело, уже бесчувственное, судорожно дергалось в узком проходе

между скамьями, а одна огромная изодранная рука приподнялась, словно умоляла кого-то невидимого. Смертной хваткой она сжала спинку скамьи в последнем контакте с материальным миром.

Фенн подбежал к упавшему священнику и остановился в проходе, положив руки на спинку и глядя на окровавленную фигуру. Лицо Делгарда было ободрано, белый воротник стал малиновым. Фенн позвал священника по имени, хотя знал, что тот не услышит — больше никогда ничего не услышит.

Со слезами ярости в глазах репортер обернулся к маленькой фигурке в черном. Но церковь была пуста. В ней никого не было. Кроме него самого и мертвого священника.

УИЛКС

— Неужели же я никак не могу обрести бессмертную душу? — спросила русалочка.

Ганс Христиан Андерсен. «Русалочка»

Он запер шкатулку, для надежности проверил крышку, удовлетворенный, взял ее со стола и прошел через комнатушку к шкафу — для этого потребовалось всего три шага. Затем, вытянувшись и встав на цыпочки, положил шкатулку на шкаф и толкнул ее так, что она отъехала к дальнему краю. Наверное, вечно сующая свой нос куда не следует хозяйка уже обнаружила шкатулку, но ни к чему вновь возбуждать ее любопытство, привлекая взгляд во время проверки комнаты. Он улыбнулся, представив реакцию хозяйки, если бы она узнала о содержимом шкатулки. Но это был *его* секрет. Он был уверен, что даже

* Перевод А. Ганзен.

мать не догадывается, что это пропало — а если она и узнала, то не заявила о пропаже в полицию, поскольку, в конце концов, владела этим незаконно.

Он сел на узенькую односпальную кровать и убрал с глаз белокурые волосы. На полу у ног лежала развернутая газета, и он еще раз быстро пробежал глазами статью. Провинциальный суссекский репортер пытался дискредитировать маленькую святую, утверждая, что священника убила не бомба, подложенная какими-то антирелигиозными фанатиками, и выставил себя на посмешище, заявив, что все происходящее в Бенфилде — следствие проклятия, наложенного какой-то сумасшедшей ведьмой!

Уилкс задумчиво кивал головой, перечитывая статью. Епископ, в свою очередь, назвал репортера торговцем сенсациями и заявил, что тот пытается выжать из истории максимум финансовой пользы для себя. Хотя Католическая церковь еще не признала исцеления в церкви Св. Иосифа чудесными, но, несомненно, возражала против идеи, что все это произошло какой-то смехотворной «сказочной ведьмы».

Он улыбнулся.

Кроме того, маленькая святая попросила, чтобы по убитому монсеньеру и умершему ранее приходскому священнику был отслужен специальный молебен. Она сказала церковным иерархам, что Госпожа в видении просила устроить через деревню процессию со свечами в память о добром священнике, и что потом последует Откровение. Церковь намеревалась исполнить это желание, поскольку все ощущали, даже не ожидая никакого Откровения, что священники, один из которых стал жертвой тех, кто отрицал путь Христа на земле, заслуживали такой доли.

Уилкс больше не улыбался.

Он лег на кровать, прислонив голову и плечи к стене, и стал грызть ноготь, уже и так обкусанный до мяса. На него смотрели три лица, вырезанные из старых газет и прилепленные к дверце шкафа. Каждая фотография была подписана. Вскоре Уилкс отодрал их и положил в папку вместе с остальными посвященными им газетными статьями.

Но теперь он беззвучно повторил три имени, и на лицо его вернулась рассеянная улыбка:

«ЧЕПМЕН*
АГДЖА**
ХИНКЛИ***».

ГЛАВА 36

*Ведьма верхом
С чертом вдвоем,
Скачет пара лихая.
Сквозь мглу и сквозь ночь,
Летят во всю мочь,
На ветер и дождь невзирая.*

...
*Молний излом
Адским огнем,
Высветит черные тучи,
А под конец
Встанет мертвец,
Напуганный громом могучим.*

Роберт Геррик. «Ведьма»

Это сумасшествие. Явное чертово сумасшествие. Фенн остановил свою малолитражку и опустил окно.

* Марк Д. Чепмен 8 декабря 1980 года застрелил популярного музыканта Джона Леннона.

** Мехмет Али Агджа 13 мая 1981 года совершил покушение на Папу Иоанна Павла II.

*** Джон У. Хинкли 30 марта 1981 года совершил покушение на президента США Рональда Рейгана.

— Что за пробка? — крикнул он, махнув рукой в сторону рычащих машин впереди.

Полисмен, пытавшийся привести хаос в некоторое подобие порядка, медленно подошел, скрывая свое раздражение.

— Вы не проедете через поселок, — угрюмо сказал он. — Во всяком случае, в ближайшее время.

— А в чем дело?

— Главная улица перекрыта. Отсюда начинается процессия.

— Всего семь часов. Я думал, она начнется не раньше восьми.

— Люди собираются с шести утра и прибывают весь день. Бог знает, сколько уже набралось, но несколько тысяч — это наверняка.

— Послушайте, я из «Курьера». Мне нужно попасть в церковь.

— Да, у всех свои проблемы, правда? — Полисмен бросил сердитый взгляд на машину, остановившуюся за малолитражкой Фенна, и еще несколько, гудящих позади нее. Его рука поднялась к ним, как дирижерская палочка, требуя тишины. — Можете попытаться проехать по объездным дорогам. Попробуйте через Флекстоун — по крайней мере, подъедете ближе.

Фенн тут же дал задний ход и подъехал, насколько смог, к стоящему позади автомобилю. Почувствовав легкий толчок бампера, он включил первую скорость и выкрутил руль. Чтобы выехать, потребовалось четыре раза маневрировать туда-сюда, заезжая на обочину, но в конце концов удалось развернуться от Бенфилда к слепящему свету фар встречных машин.

Подобного следовало ожидать — в последние несколько дней пресса только и говорила об этой исто-

рии. Почему болван епископ не прислушался к нему? Кипя злобой, Фенн хлопнул ладонью по баранке.

Вскоре он доехал до указателя на Флекстоун и свернул на темную проселочную дорогу. Она была извилистой, и по пути встречалось мало домов, пока впереди не показался сам хутор — да и он представлял собою всего два коттеджа и несколько каменных домиков, образующих тупик. Слева виделось странное сияние в небе, и Фенн понял, что это Бенфилд, — поселок освещался, как никогда раньше. Репортер выругался про себя. А потом вслух.

Вскоре Фенн доехал до пересечения с другой главной дорогой и застонал, увидев вереницу машин, едущих в том же направлении. Он быстро принял решение, вырулил на обочину, запер машину и пошел пешком, зная, что еле движущиеся рядом машины скоро совсем остановятся. До церкви оставалась добрая миля, но добраться туда можно было только пешком, пока не образовалась толпа.

«Сумасшествие, — повторял про себя репортер под ритм шагов. — Все спятили».

В ночи вспыхнул яркий белый свет, луч выделился из рассеянного сияния поселка. Это был главный прожектор самой церкви, и он, как пение сирен, словно манил путников, чтобы потом уничтожить. От жуткого света Фенн поежился. В небе плыли густые тучи, их края ловили серебристый отсвет луны, подчеркивая изорванные, изменяющиеся очертания.

Паломники в своих машинах разных размеров и автобусах — и даже на мотоциклах и велосипедах, — казалось, пребывали в прекрасном настроении, не смотря на долгую задержку при движении вперед. Из многих автомобилей доносились благодарствен-

ные песнопения, из других — спокойные интонации молитв. И все же вскоре стало очевидно, что среди богомольцев есть группы, которыми двигало исключительно любопытство, которые искали сильных впечатлений, чего-нибудь необычного, непредвиденного. И были такие, кто совершал поездку просто потому, что по телевизору не показывали ничего интересного.

И снова по мере приближения к церкви Фенн ощутил в воздухе странную вибрацию. Это было сродни лондонской атмосфере 1981 года, когда состоялось королевское бракосочетание, или когда на следующий год прибыл Папа Иоанн Павел. Но собирающаяся сейчас энергия имела какую-то странную собственную силу, она словно опьяняла, и Фенн знал, что своего пика она достигнет вокруг святого места. Теперь он понимал, что источник энергии находится в Алисе, как раньше, много лет назад, находился в Элнор. Фенн знал это точно, словно сами мертвецы шепнули ему на ухо. Всеподавляющая психическая энергия переходила в физическую, что позволяло исцелять физические недуги в тех, кто давал возможность проникнуть в собственную психику. В тех, кто *истинно* верил. И это, Фенн не сомневался, являлось даром всех целителей посредством веры — способность направлять чужую психическую энергию. Слова порочного священника шестнадцатого века дали ключ к решению, призрачный шепот нынешних двух священников, тоже умерших, как и их более ранний предшественник, дал ответ. Но епископ Кейнс не слушал Фенна. Навязчивые идеи гонящегося за сенсациями репортера ничего не значили для священнослужителя. Доказательства, Фенн, нужны доказательства.

Где эта рукопись, о которой он говорит?

Пыль на полу в доме священника.

Где последний перевод монсеньера?

Пыль на полу в доме священника.

Так где же доказательства?

Одна пыль, как и статуя Девы Марии в церкви.

Плечи Фенна ссутулились, под глазами образовались мешки от ночей беспокойного сна. Пытаясь убедить епископа, он понимал, что его напор почти что безумен, и так же звучат слова, слишком эмоционально для того, чтобы Кейнс воспринял их всерьез; но ему и самому казалось, что тень слишком приближалась к нему. С Саутвортом, закулисным бизнесменом, умело использующим коммерческий аспект святости, дело обстояло еще хуже. И полная неудача с главой Католической церкви в Англии. Фенн понимал, что вряд ли в том была вина видного кардинала, поскольку еще до его попыток получить аудиенцию у кардинала-архиепископа епископ Кейнс предупредил того о ненормальном репортере. Оставалось вернуться к своей профессии, но и тут ожидала неудача. Даже «Курьер», обиженный, что Фенн отвернулся от него, но все равно жаждущий его материалов, воздержался от публикаций его откровений. Редакция согласилась на компромисс: напечатать интервью, которое взял у Фенна один из репортеров, полный того же скептицизма, что он сам позволял себе всего несколько недель назад. Это было совсем не то, однако он сумел оценить иронию ситуации. Расплата цинику за его же цинизм. Творцу сенсаций не верили из-за его прошлого стремления к сенсациям.

Фенн мог бы улыбнулся про себя. Если бы не было так больно.

Сзади раздался гудок, и репортер отскочил в сторону, обнаружив, что загородил путь еле движущемуся автомобилю. Фенн отошел на обочину, его дыхание участилось, но он обгонял едущие рядом машины.

И вот наконец перекресток рядом с церковью. Главная дорога была забита людьми и транспортом, стоял страшный гвалт. Здесь собралось лотков больше, чем где-либо по дороге, продавали закуски, напитки и всевозможные безделушки, как и традиционные религиозные атрибуты. Полиции, очевидно, хватало забот с толпой, чтобы еще связываться с явными нарушениями правил торговли.

Фенн протолкался через еле движущуюся толпу ко входу в церковь, и чтобы преодолеть пятьсот ярдов, ему пришлось потратить минут двадцать. Он добрался до ворот, теперь ярко освещенных, и попытался их открыть.

— Минутку,— слышалось изнутри.

Фенн узнал человека, вся жизнь которого, казалось, была посвящена охране входа в церковь. На этот раз рядом с ним стояли священник и констебль.

— Все в порядке,— сказал ему репортер.— Это я, Джерри Фенн. Вы ведь меня уже знаете.

Мужчина словно бы ощутил неловкость.

— Да, знаю, сэр. Но боюсь, вы не сможете здесь войти.

— Вы шутите! — Фенн показал свое журналистское удостоверение.— Я работаю по заданию церкви.

— М-м-м, насколько мне сказали, это не совсем так. Вам придется воспользоваться другим входом.

Фенн уставился на него.

— Понял. *Персона нон грата*, правильно? Должен благодарить епископа.

— Теперь для прессы сделали специальный вход, мистер Фенн. Это всего в нескольких шагах отсюда.

— Да, я прошел его. Похоже, я больше не пользуюсь привилегиями.

— Я только выполняю инструкцию.

— Конечно. Забудем это.— Фенн двинулся прочь, понимая, что спорить бесполезно.

Он пробрался обратно к маленькому входу с табличкой «ПРЕССА», проделанному в ограждении луга, и с облегчением прошел через дверь без дальнейших препятствий. Его совсем не удивило бы, если б он оказался нежелательной персоной для всех входов, включая общий.

Оказавшись на церковной территории, Фенн остановился и вытаращил утомленные глаза. «Боже,— подумал он,— ну и постарались же они».

Сеть скамеек покрывала почти весь луг, как тщательно сотканная паутина с самим пауком в середине. Пусть перекрученный дуб был неодушевленным, но теперь Фенн видел в нем зловещие признаки хищника, чудовища, на которое тот походил. Алтарь под деревом был разукрашен более витиевато, чем раньше, хотя рядом не было никаких статуй, изображений Христа и Богородицы, что означало бы, что Католическая церковь полностью поддерживает народную веру в святость этой земли. Церковные иерархи были осторожны — не виднелось никаких экстравагантных распятий кроме одного креста на самом алтаре, но было множество таких символов, вытканых на материи, которая покрывала определенные секции на помосте и вокруг него. Саму центральную часть расширили, чтобы уместить больше гостей на возвышении над остальными верующими, а с обеих сторон виднелись темно-красные балда-

хины, предназначенные для защиты богомольцев от непогоды, буде такое случится. Слева построили особый ярус, видимо, для хора. Вдоль прохода между скамьями развешивались флаги, их яркие красные, зеленые и золотистые полотнища придавали обширной арене веселый, хотя и торжественный вид. Фенн заметил в стратегических точках луга громкоговорители: никто не пропустит ни слова богослужения. И операторов теперь не выставили за внешние границы — вышки маячили внутри ограждения, где можно было снять верующих во время богослужения.

Тусклое освещение усиливало поразительную яркость центральной части с ее рядом прожекторов и одним особенно мощным, направленным на дерево и придававшим ему особую внушительность на фоне ночного неба. Сияние в центре господствовало над лугом и должно было притягивать умы всех богомольцев.

Пока Фенн смотрел, на платформу поднялись две фигуры в белых сутанах и начали зажигать ряды высоких ритуальных свечей позади алтаря. И снова репортера поразил вопрос, который не раз возникал на протяжении последних дней: почему церковь дала молчаливое согласие на странную просьбу Алисы устроить процессию со свечами через весь Бенфилд? Девочка говорила, что это нужно сделать ради отца Хэгана и монсеньера Делгарда, упоминала также о скором Откровении. Епископ Кейнс был сдержан в своем заявлении, что процессия должна состояться, он играл уже привычную роль адвоката поневоле. Он настаивал, что церемония в основном посвящается двум добрым священникам, один из которых погиб от бомбы неких антирелигиозных фанатиков, и этот

ритуал не является исполнением желания девочки, которая, может быть, видела Пресвятую Деву, а может быть, и нет. Но почему епископ так яростно напустился на Фенна, когда репортер попытался убедить его, что во всем происходящем нет ничего кроме зла? Амбиции — ради себя, для себя — могут заслонить правду и отместить все аргументы, религия и идеалы никогда не могли устоять против нее, и все же Фенн ожидал большего от представителя церкви. Сам он, неверующий, хотел большего от тех, кто объявляли себя верующими. Во всякое время избавляться от иллюзий не слишком приятно, но раньше можно было просто цинично пожать плечами, а теперь это вызывало глубокое негодование, отчаянную злобу, причины которой коренились в страхе.

Фенн прошел между скамеек, словно привлеченный ярким светом, под ногами слабо чавкала мягкая подстилка размешанной грязи.

Лужайка быстро заполнялась людьми, что вызвало у Фенна смутное удивление, сколько же их — сидевшие в машинах, что он видел на дороге, участники пешей процессии, и те, кто все еще толпился у входа, стремясь занять места на скамейках вокруг помоста; и всех нужно как-то устроить. Куда все вместятся?

— Фенн!

Он остановился и оглянулся.

— Я тут.

Со скамейки в секции с табличкой «ПРЕССА» встала Нэнси Шелбек.

— Не ожидал увидеть тебя здесь, — признался Фенн, когда она подошла.

— Я не могла этого пропустить.

В ее глазах виделось возбуждение, хотя в глубине читался трепет.

— После всего, что с тобой случилось? Это не отпугнуло тебя?

— Конечно, я хлебнула ужаса. До сих пор не могу забыть. Но можешь представить, что скажет мой шеф, если я вернусь без сообщения о главном событии?

— О главном событии?

— Разве ты не чувствуешь? Напряжение? Воздух прямо-таки сгустился. Как будто все знают, что сегодня что-то произойдет.

— Да, чувствую,— тихо проговорил Фенн. Он вдруг сжал ее локоть.— Нэнси, что ты видела в тот день в церкви?

Их толкали проходящие мимо люди, которые стремились занять места поближе к алтарю.

— Разве Сью не рассказала тебе?

— Я не виделся с ней с тех пор, как оставил тебя у нее. В последние дни я был очень занят.

— Она пыталась связаться с тобой — мы обе пытались. Трубку никто не брал, а когда мы поехали к тебе, то никого там не застали. Чем ты занимался?

— Я пытался добиться, чтобы это шоу отменили. А теперь ответь на мой вопрос.

Нэнси рассказала и удивилась, что это не потрясло его.

— Ты видел в церкви Святого Петра то же? — спросила она, закончив.

— Думаю, что то же. Сказать по правде, я не приглядывался. Но все это укладывается.

— Укладывается во что?

— Это слишком запутанно, чтобы сейчас объяснять.— Фенн оглянулся и с удивлением увидел, что пока они с американкой разговаривали, вся лужайка заполнилась людьми.— Сью здесь? — спросил он Нэнси.

— Я видела ее совсем недавно. Она была с сыном. Думаю, они где-то в первых рядах.— Она повернула его лицо к себе.— Эй, ты здоров? Ты какой-то помятый.

Фенн выдавил улыбку.

— Пара бессонных ночей, дурные сновидения. Мне нужно разыскать Сью с Беном.

Нэнси вцепилась в него.

— Я долго болтала со Сью, Джерри. Она знает о нас с тобой.

— Это не имеет значения.

— Спасибо.

— Я не это имел в виду...

— Ладно, все в порядке, я знаю, что ты хотел сказать. Она любит тебя, охламона, тебе это известно? Думаю, она пришла к какому-то решению насчет тебя.

— Немало же времени ей понадобилось.

— Мне понадобилось бы больше. А потом я бы, наверное, тебя бросила.

— Ты пытаешься меня взбодрить?

— Думаю, с тобой было бы трудно жить, из нас вышла бы плохая пара.

Он пожал плечами.

— Слава богу, я тебя ни о чем таком не просил.

— Но ты понимаешь: я не говорю, что не могу передумать.

Он обнял ее и поцеловал в щеку.

— Береги себя, Нэнси.

— Разумеется.— Она вернула поцелуй, но в губы.

Фенн высвободился, и она видела, как он скрывается в толпе. На лице Нэнси снова появилось напряжение. Она боялась, очень боялась, и только профессионализм привел ее сюда. Она знала, что ни за что, ни за какие деньги, хоть за миллион баксов,

хоть за собственную сеть корреспондентов не вернется в ту, другую церковь, церковь Святого Петра. Все остальные вокруг совсем иначе воспринимали эту атмосферу, на их лицах сияло радостное ожидание, они готовы были поверить, что Пресвятая Дева благословила эту лужайку своим присутствием, и, если они очень захотят, она появится здесь снова. Или, по крайней мере, девочка сотворит новые чудеса.

Нэнси уступила дорогу старушке, которую сопровождала женщина помоложе, похожая на нее — вероятно, ее дочь. Журналистка отвернулась; отчаянно хотелось закурить, но определенно здесь это было неуместно, потому она вернулась в секцию для прессы. Черт с ним — Алиса дала этим людям новую надежду в старом ущербном мире, где оптимизм считается пошлостью, вера в высшую справедливость — заблуждением. Пока что не вызывало сомнений, что святыня открыла большие коммерческие возможности для тех, кто умел ими воспользоваться, а кроме того, укрепила веру тысяч людей во всем мире — возможно, и миллионов. Но сомнение все грызло ее — не обвели ли весь мир вокруг пальца? Нэнси села на скамью, отведенную для репортеров, и поплотнее запахнула свою куртку; желание закурить отступило перед жаждой выпить крепкого бурбона со льдом.

Пола помогла своей матери пройти между рядами скамеек в надежде подвести ее как можно ближе к алтарю. У ворот ей сказали, что места впереди отведены для тяжелобольных, доставляемых на носилках или в коляске; способным ходить, самостоятельно или с чужой помощью, полагалось занять места среди остальных богомольцев. Ревматизм и гипертония не считались тяжелыми недугами, даже в сочетании, и потому мать Пола не заслуживала осо-

бых привилегий. Увидев множество ковыляющих калек, Пола не сильно удивилась. Боже, человек ощущит себя больным, только взглянув на них!

— Уже рядом, мама,— терпеливо успокоила она мать.— Мы уже у передних рядов.

— Что это за яркие огни? — слышался сварливый ответ.— Режет глаза.

— Это и есть алтарь. Его осветили прожекторами и свечами. Прекрасно смотрится.

Мать неодобрительно покачала головой.

— А нельзя нам сесть тут? Я устала, милая.

— Давай сядем вон там.

— Я хочу видеть эту девочку.

— Она скоро появится.

— Я достаточно настрадалась.

— Да, мама. Но не надейся чересчур.

— Почему? Она же исцелила других, а что она имеет против меня?

— Тебя она даже не знает.

— А других знала?

Пола застонала про себя.

— Мы можем сесть вот тут, на краю, если этот джентльмен любезно подвинется.

Джентльмен сперва не изъявил такой готовности, но после беглого взгляда на мать Полы все же переместился.

Старушка села и застонала, оповестив всех окружающих о своем страдании.

— Нынешний холод не на пользу моим ногам, а? Когда же все начнется? Когда все это закончится?

У Полы чуть не сорвался раздраженный ответ, но ее взгляд привлекло знакомое лицо. У скамейки всего в десяти-двенадцати рядах впереди стоял Таккер и кого-то подзывал. У Полы сузились глаза, когда

она увидела пухлую руку, вцепившуюся в его локоть, очевидно, понуждающую его сесть. Пола привсталала, чтобы было лучше видно через головы сидящих, и в ее глазах засветилась ярость, когда она увидела рядом с Таккером нескладную фигуру в шубе. Значит, этот жирный слизняк притащил с собой свою слизнячку! Душка-пышка Марция! Он старается, чтобы она ничего не пропустила! Очень может быть, нынче она узнает кое-что новенькое об этом хряке — ее муже! Небольшая размолвка между ними, любовницей и женой, в некоторой степени компенсирует рубец, полученный от его толстых коротких рук. С тех пор Пола не появлялась в супермаркете — даже не сказалась больной, — а босс так струсил, что не позвонил, чтобы выяснить, почему ее нет на работе. Но сегодня перед безобразной сестрой мисс Пигги* она выскажет ему всю правду! Посмотрим, как он это воспримет.

Мать Полы что-то бормотала про сырость, тянущуюся от земли, и что мужчина рядом недостаточно подвинулся и ей тесно, и там, впереди, не миссис ли Фентмен, которая ходит в церковь только на Рождество и Пасху, и разве у нее не все кончено с этим мужчиной из скобяной лавки...

Пола даже не взглянула на мать, а тихо проговорила:

— Пожалуйста... заткнись.

Таккер, не обращая внимания на дерганья жены, протискивался мимо чужих коленей к проходу.

— Что вы там делаете, Фенн? — громко проговорил он, выбравшись.

Обернувшись, Фенн узнал толстяка.

* Свинка, персонаж «Маппет-шоу».

— Я на работе,— сказал он, собираясь идти дальше.

— Я слышал, вы больше не работаете на церковь.

— Да, но я по-прежнему работаю на «Курьер».

— Вы уверены? — Вопрос сопровождался глумливой ухмылкой.

— Никто не говорил мне обратного.

— Вам здесь не очень рады после всего того вранья, что вы взялись распространять.

Фенн придвинулся к нему.

— О чем это вы?

— Вы прекрасно поняли. Джордж Саутворт лично рассказал мне.

— Да, Саутворт и епископ, наверное, вдоволь посмеялись между собой.

— Да и все мы. Вы спятили, Фенн? Колдовство, монахини, восстающие из мертвых... Вы думали, кто-нибудь поверит?

Фенн махнул рукой в сторону алтаря.

— А в это все вы верите?

— В этом больше смысла, чем в том, что вы наговорили в последнее время.

— Вы имеете в виду финансовый смысл?

— Да, многие из нас получают неплохую прибыль. Это идет на пользу и поселку, и церкви.

— А особенно вам и Саутворту.

— Не только. Многие другие тоже извлекают прибыль.— Ухмылка Таккера стала более явной.— Вы ведь и сами не так уж плохо этим всем воспользовались, а?

Репортер не смог придумать подходящий ответ и отвернулся, заставляя себя не обращать внимания на ехидное хихиканье за спиной.

Он пробрался поближе к центральному помосту, от яркого света пришлось прищурить глаза. Широ-

кий участок перед помостом оставался свободным, и служащие направляли носилки и инвалидные коляски туда. Репортер остановился у приземистой виселицы, откуда оператор нацелился своей камерой на инвалидный участок. Фенна толкнули сзади, и, чтобы не упасть, ему пришлось схватиться за металлическую конструкцию. От мгновенного удара током он отдернул руку. Нахмурившись, репортер для пробы снова прикоснулся к металлу. И снова пальцы ощутили электрический разряд. Фенн знал, что в походном электрооборудовании принимаются все возможные меры предосторожности, особенно когда техника работает на сырой земле, когда есть возможность повредить подземные кабели. Он взглянул на ночное небо, на темные грозовые тучи, такие низкие и угрожающие. В воздухе пахло озоном, вокруг чувствовалось напряжение. От внезапного шума из нескольких усилителей у собравшихся перехватило дыхание, и все начали зажимать уши, смеясь и улыбаясь, подшучивая над стоящими рядом.

Фенн же во всем этом не обнаружил ни капельки смешного, напряженность в атмосфере только усилила его жуткие предчувствия. Он посмотрел на возвышавшееся дерево, перекрученные сучья которого особенно четко выделялись в ярком освещении, и вспомнил тот первый раз, всего несколько недель (а как будто бы целую жизнь) назад, когда эту гротескность дерева подчеркивал лунный свет, и оно нависало над стоящей на коленях девочкой, как страшный ангел смерти. И тогда внешний вид дуба напугал его, но сейчас пугал еще больше.

Фенн пробрался вдоль долгой вереницы калек, но потом путь ему преградил человек с повязкой на руке.

— В этот сектор нельзя, сэр,— сказал он.— Только для инвалидов.

— А для кого эти скамейки? — спросил Фенн, указывая на ряды позади открытого участка.

— Они зарезервированы для особых персон. Вы бы отошли назад — вы загораживаете проход.

На краю одной из скамеек для привилегированных Фенн заметил Сью, а рядом с ней маленькую фигурку Бена. Фенн протянул свое журналистское удостоверение.

— Мне нужно только поговорить кое с кем здесь... Можно?

— Боюсь, что нет. Для репортеров отведен специальный сектор.

— Всего две минуты — больше мне не надо.

— Меня за это уволят.

— Две минуты. Обещаю, я вернусь.

Служащий что-то промычал.

— Ладно, только быстро, приятель. Я прослежу.

Фенн бросился вперед, пока он не передумал.

— Сью!

Она обернулась, на ее лице отразилось облегчение.

— Где ты пропадал, Джерри? Боже, я так волновалась!

Она потянулась к нему, и Фенн быстро поцеловал ее в щеку.

— Здравствуй, дядя Джерри! — радостно поздоровался Бен.

— Привет, малыш. Рад тебя видеть. — Он щелкнул мальчика по носу, опустившись на корточки рядом со Сью. Вся скамейка была занята монахинями из монастыря, и они неодобрительно смотрели на репортера. Он придвинулся поближе к Сью и тихо проговорил:

— Я хочу, чтобы ты ушла отсюда. И увела Бена.

Сью с испугом в глазах покачала головой.

— Но почему? В чем дело, Джерри?

— Не знаю. Могу лишь сказать, что назревает что-то ужасное. Я просто хочу, чтобы вы были подальше, когда это случится.

— Да объясни толком!

Он крепче сжал ее локоть.

— Все это, Сью, все эти странные события — за ними скрывается какое-то зло. Смерть отца Хэгана, пожар, эти чудеса. Алиса — не то, чем представляется. Это из-за нее умер монсеньер Делгард...

— Был взрыв...

— Это она вызвала взрыв.

— Она ребенок. Она не могла...

— Алиса — не просто ребенок. И Делгард узнал это — вот почему он умер.

— Джерри, это же невозможно!

— Ради Бога, да ведь вообще все происходящее в последнее время невозможно!

Монахини стали шептаться между собой, указывая на него. Некоторые начали поглядывать в сторону служащего. Фенн посмотрел на них и постарался говорить спокойнее.

— Сью, прошу тебя, поверь мне.

— Почему ты не приходил ко мне? Почему не звонил?

Он покачал головой.

— Просто не было времени. Я был так занят, стараясь остановить все это!

— А я с ума сходила! Я так беспокоилась...

— Да, я знаю, знаю.— Фенн погладил ее по щеке.

— Нэнси рассказала мне, что случилось в Бархэме. Но это неправда, да, Джерри? Этого не могло быть.

— Это правда. Она видела там что-то — мы оба видели. Все это связано с прошлым. Все это результат событий многовековой давности.

— Как я могу тебе поверить? В этом нет ни капли смысла. Ты говоришь, что происходит что-то нехорошее, но посмотри вокруг. Разве не видно, как хорошо этим людям, как они верят в Алису? А все совершенное ею добро?

Он взял обе ее руки в свои.

— В Степи мы нашли старый, написанный полатыни манускрипт. Делгард перевел его и нашел ответ. Вот почему он умер, как ты не понимаешь!

— Я ничего не понимаю. Твои слова — полная бессмыслица.

— Тогда просто поверь мне, Сью.

Она медленно подняла глаза и взглянула на него.

— С чего бы мне верить тебе? Ты что, заслуживаешь доверия?

Фенн понял, на что она намекает, и замолк. Потом проговорил:

— Если любишь меня, Сью, если действительно меня любишь, сделай так, как я прошу.

Сью сердито встряхнула головой.

— Почему же теперь? Почему ты оставил это напоследок?

— Я сказал тебе: последние два дня я носился, как сумасшедший, стараясь остановить все это. Добирался до дому лишь под утро и тут же падал и засыпал. И сны мои были ясны как никогда.

— Какие сны? — устало спросила она, желая снова поверить ему, забыть его цинизм, его ненадежность, его неверность, но убежденная, что сейчас ее снова одурят.

— Мне снились священники, Хэган и Делгард: они говорили со мной. Я видел их. Они предупреждали меня насчет этого места.

— Ох, Джерри, разве сам ты не понимаешь, что сам себя обманываешь? Ты так замотался во всем этом, что сам не знаешь, что делаешь, что говоришь.

— Ладно: я схожу с ума. Приспособься ко мне.

— Я не могу уйти...

— Только один раз, Сью. Выполни мою просьбу.

Она несколько секунд смотрела на него, потом схватила Бена за руку.

— Пошли, Бен. Мы идем домой.

Сын удивленно взглянул на нее, и Фенн с облегчением опустил голову. Он поцеловал Сью руки, а когда снова поднял голову, в его глазах блеснули слезы, которых он не мог сдержать.

Фенн стоял и прижимал Сью к себе. И в этот момент вся толпа затихла. Голоса перешли в шепот, и шепот тоже замолк, слышался лишь шорох ветра. Все внимательно вслушивались.

Вдали зазвучали голоса. Они пели хвалу Богу и Деве Марии. Станный навязчивый звук набирал силу по мере приближения процессии из поселка.

Фенн оглянулся на дуб и закрыл глаза, словно в муке. Его губы безмолвно шептали молитву.

ГЛАВА 37

Но старуха только притворялась такой доброй, а на самом деле это была злая ведьма.

Братья Гримм. «Гензель и Гретель»*

— Первая камера, отлично, сделайте хороший крупный план. Медленный наезд на Алису. Хорошо. Вот так, потихоньку. Сейчас мы переключимся на Вторую — для общего вида. Вторая, продолжайте на-

* Перевод Г. Петникова.

езд. Боже, какая хорошая девочка! Первая, что происходит? Картинка пропадает. Ради Бога, переключите на Вторую. Так лучше, так и оставьте. Первая, что происходит? Откуда помеха? Ладно, отфильтруйте. Остаемся на Второй. В пять мы дадим сигнал Ричарду. Третья камера, вот так хорошо, ведите Ричарда. Постепенный отъезд, чтобы показать собравшихся на лужайке, как только он начнет говорить. Я хочу хороший снимок алтаря с этим чертовым деревом на заднем плане. Хорошо, Ричард — четыре, три, два, Третья камера!

— Когда процессия приблизилась к лужайке, которую нынче многие называют «Лужайкой Пресвятой Девы», огни вокруг потускнели. Скоро процессия будет здесь, вот она входит в этот храм под открытым небом, впереди идут епископ Арундельский и преподобный епископ Кейнс, за ними священники, монахини и, конечно, сама маленькая Алиса Пэджетт. Кажется, к святому шествию присоединились тысячи, многие из поселка Бенфилд, а многие приехали издалека, чтобы быть здесь сегодня. Не все раньше отличались глубокой религиозностью — в действительности, когда я говорил со многими сегодня днем, они признавались (треск) ...в этом маленьком суссекском селении — и это сотворил Бенфилд — что глубже познали истину...

— Что там со звуком? Джон, голос Ричарда пропадает. Ричард, продолжай говорить, у нас некоторые трудности, но прием идет.

— ...И тогда, возможно, это огромное собрание сегодня вечером являет собой символ человеческой веры во всем мире — смятение (треск)... — (треск) преобладает...

— О Боже, теперь и изображение пропало!

— ...На памяти (треск) ...священник, зверски убитый... во вторник (треск) ...взрывом — увековечение такого (треск) ...знает, но...

— Черт побери! Все пропало!

Когда голова процессии вышла на лужайку, Фенн вместе со всеми обернулся. Со всех сторон светили прожекторы, выхватывая священников, идущих впереди. Даже издали репортер узнал епископа Кейнса, которого сопровождали священнослужители в белых одеждах. Первые свечи были толстыми и длинными, их несли молодые служки, и слабые язычки пламени колебались на ветерке. По мере того как к пению присоединялись богомольцы на лужайке, оно становилось все громче, но потом вдруг прервалось: через ворота на луг вошла Алиса и собравшиеся стали приподниматься, чтобы разглядеть ее через головы других. Но бесполезно — виднелись лишь высоко поднятые свечи и флаги в руках идущих. Сю стояла рядом с Фенном, а Бен, чтобы лучше видеть, забрался на скамейку.

Когда процессия двинулась дальше по луку, чувства толпы словно всколыхнулись, как гладь океана во время прилива; свечи покачивались, отбрасывая теплый свет. Фенн смотрел на лица вокруг — даже в темноте были видны сияющие глаза, все улыбались в каком-то глубоком внутреннем восторге. То же выражение было и на лице Сю. Дотронувшись до ее руки, Фенн вздрогнул, ощутив, как проскочила искра. *Чертова лужайка под напряжением!* Он легонько встряхнул Сю, на этот раз касаясь только ткани ее пальто, и тихо проговорил:

— Сю, нам нужно уходить, скорее.

Она бессмысленно посмотрела на него и отвернулась.

Бен подавил зевок.

Фенн снова дернул ее за руку.

— Нет, Джерри,— проговорила Сью, не оборачиваясь,— это так чудесно!

Голова процессии дошла до середины, и епископ Кейнс начал подниматься по ступенькам, улыбаясь инвалидам, растянувшимся на одеялах и в колясках внизу. За ним шла Алиса Пэджетт, сразу за ней ее мать, крепко сцепив руки и склонив голову в молитве.

Голоса вокруг нарастаи, гимн вознесся к небу, словно стремясь раздвинуть низкие, хмурые тучи. Фенну показалось, что вдали раздался гром, но могло просто послышаться. Епископ Кейнс занял свое место у алтаря и кивнул Алисе и ее матери, чтобы они сели рядом, в то время как священники и служки заполняли помост. Скамьи перед Фенном тоже начали заполняться, и многие лица были ему знакомы. Некоторые принадлежали исцеленным Алисой в предыдущие недели, другие — видным местным деятелям и священнослужителям. Он видел, как Саутворт сел и обвел взглядом всех собравшихся, улыбка владельца гостиниц отражала скорее удовольствие, чем благоговение.

Внимание Фенна привлекло какое-то движение на скамейке — одной из монахинь стало плохо, и другие тихонько приподняли ее. Он ощутил, что Сью рядом тоже закачалась, и поддержал ее. Там и здесь среди собравшихся люди безмолвно падали, соседи подхватывали их, чтобы те не поранились.

Фенн набрал в грудь воздуха. Истерия, как свирепствующая зараза, переносилась по воздуху от человека к человеку.

Гимн достиг своей кульминации, в припеве голоса слились в экстазе. У Фенна было странное чувство — в голове ощущалась легкость, живот скрутило.

Теперь у него самого закружилась голова, и он схватился за Сью. Та чуть не упала, но удержалась, и они вместе опустились на скамейку.

Бен встал на колени на сиденье и руками обхватил мать за плечи, а потом одной рукой погладил Фенна по щеке. И тут же головокружение прекратилось, как будто вся слабость перешла в мальчика. Но Бен не выказывал никаких признаков этого.

Гимн закончился, и внезапно наступившая тишина была жутковата. Тишину вскоре нарушил шум, когда все сели, но после этого опять все затихло. Не слышалось ни покашливания, ни шепота, ни ерзания. Только полная, гулкая тишина.

Молодой священник, который вел службу, шагнул вперед, к аналою со строем микрофонов, протянул руки к собравшимся и сотворил в воздухе крестное знамение.

— Да пребудет с вами мир, — проговорил он, и толпа как один ответила. Какое-то время священник говорил об отце Хэгане и монсеньере Делгарде, посвятив этим священникам особую мессу, отдав должное их образцовому служению во имя святой католической церкви. Несколько раз ему пришлось прерваться, когда микрофоны начинали гудеть и свистеть, и он словно испытал облегчение, когда вводная часть закончилась, после чего кивнул хору, занявшему места на специально возведенных ярусах, и снова зазвучал гимн.

Над лутом горели свечи: как будто мириады звезд мерцали вокруг сверкающего дневного светила.

В самом Бенфилде, не более чем в миле от церкви Святого Иосифа, вдоль поребрика ковылял какой-то старик. Он совершил дальний поход — миль десять, а то и больше, но не оставлял решимости по-

дойти к святыне до окончания службы. Хотя ходьба пешком была его единственным занятием в последние пятнадцать лет — бродяжничество по сравнительно тихим дорогам юга Англии, жизнь за счет милостыни одних людей, омрачаемая другими, — ноги покрылись волдырями и болели, дыхание участилось. Его обиталищем был Брайтон, поскольку в приморском городке хватало церквей и благотворительных организаций, чтобы можно было набить брюхо и согреться в самые холодные ночи. Он никогда не наедался досыта и не согревался вполне, но ему хватало, чтобы не умереть. Что привело его на этот уровень жизни, не имело значения — по крайней мере, для него самого. В данный момент он был тем, кем был; размышления о прошлом не могли изменить его самого или окружающих обстоятельств. А вот размышления о будущем — могли.

Вера в то, что он еще не совсем безнадежен, зародилась в его душе только в это утро, когда среди бродяг распространился слух — благодаря эффективной системе сообщений от одного другому, которая никогда не подводила при известии о легкой пожизне — о чудесной девочке, о ночной мессе, где ожидалось много тысяч богомольцев, добрых людей, которые не откажут слезным мольбам тех, кому меньше повезло в жизни. Однако этого старика привлекли собственно творимые девочкой чудеса, а не возможность что-нибудь выклянчить.

Тогда он постучался к священнику, божьему человеку, который знал его и всегда проявлял заботу, не читая нотаций. Священник сказал, что это правда, что в Бенфилде в самом деле появилась девочка, творящая нечто подобное чудесам, и что нынче ночью через поселок пройдет процессия со свечами. Старик решил, что и ему нужно быть там, нужно

посмотреть на девочку собственными глазами. Он знал, как инстинктивно знает каждый умирающий, что смерть не за горами, однако не желал чудесного продления. Он страстно жаждал спасения души. Представлялся последний шанс стать свидетелем чего-то такого, что находится за пределами этого жалкого смертного мира. Шанс снова обрести веру — явный знак, что искупление не будет тщетным.

Как и тысячи других толпившихся у святыни, он искал знака собственного спасения, ждал физического символа того лучшего мира. Живую святыню, которая опровергнет всемогущее зло.

Но успеет ли он добраться, чтобы увидеть ее?

Бродяга прислонился к витрине магазина и приложил руку к холодному стеклу. Главная улица поселка была тускло освещена, но вдали небо ярко светилося, маня, сияя в круге отбрасываемого вниз света. Старик понял, что это первое проявление святыни, свет в ночи, зовущий его лицезреть великое чудо.

И пока он стоял, прислонившись к витрине и собираясь с силами, что-то коснулось его души и исчезло. Что-то холодное. Что-то, вызвавшее содрогание в его старых костях. Что-то, заставившее его упасть на колени и согнуться. Что-то, направленное на само его существо. То есть на то, что раньше было его существом.

Старик опустил голову на мостовую и заплакал. Немного спустя он подполз к темному подъезду, где свернулся калачиком, закрыл глаза и стал ждать.

Высокий бородатый бармен в «Белом олене» мрачно взглянул на единственного посетителя, потом вздохнул и прислонился к стойке. Чертовой пинты легкого пива и пакета свиных шкварок хватило

старому хрену весь вечер. Две кельнерши болтали у дальнего конца стойки, радуясь тишине в обычно хлопотный субботний вечер.

«Ладно, все равно служба не может продолжаться всю ночь», — думал бармен. Через часик все они вваляться сюда, отчаянно тоскуя по выпивке, и он явно не мог пожаловаться на торговлю в последнее время — оборот не то что удвоился, а утроился! А если бы бар был побольше, то оборот можно было учетверить! Теперь пивоварня вряд ли откажет в кредите для расширения. Что за чудо эта девочка!

Он в одиннадцатый раз вытер влажной тряпкой стойку и налил себе горькой лимонной. «Ваше здоровье! — отсалютовал бармен отсутствующей толпе. — Не задерживайтесь там долго».

Он прошел через зал и взял две кружки, оставленные посетителями.

— Джуди! — позвал бармен кельнершу, ставя кружки на стойку. Пусть ленивая корова хоть чуточку потрудится за свое жалованье. Он повернулся и, засунув руки в карманы, подошел к двери, где и встал, дрыгая носком башмака и рассматривая улицу. Ни души. А ведь всего час назад все было забито участниками марша. Бенфилд напоминал призрачный город, почти все жители его ушли к святыне. «Как без них в поселке пусто и прекрасно», — подумал бармен и хохотнул от своей неопровержимой логики.

Но смех прекратился, и лицо его застыло, когда ощутился холод. Как будто сквозняк, если не считать, что он словно прилип к телу, ища скрытые трещины, покрыв всю кожу, как холодная вода, прежде чем унеся прочь, куда-то вперед, Бог знает к какой цели. Освещение в баре как будто на время потускло, но тут же вновь обрело прежнюю яркость.

Бармен посмотрел вдоль дороги на церковь и увидел, что тень, словно подгоняемая ветерком, заволакивает свет.

Высокий мужчина содрогнулся и поскорее зашел внутрь. Очень хотелось запереть за собой дверь.

К северу от церкви Святого Иосифа, чуть дальше мили от нее, водитель пнул спущенную шину заднего колеса. «Почти доехали — и на тебе!» — посетовал он про себя.

— Прокол? — через окно спросила женщина, сидевшая на месте пассажира.

— Да, черт бы его побрал! От самого Манчестера ехали — и на тебе! Осталось лишь улицу проехать.

— Тогда надо чиниться. Энни уже уснула.

— Тем лучше. Поездка была долгой для нее. Остается лишь надеяться, что не напрасной.

— Наш Джон, чтобы исцелиться от рака, ездил в Лурд.

— Да, очень ему это помогло, — пробормотал муж женщины.

— Что ты сказал, Ларри?

— Я говорю, он не долго протянул после этого, правда?

— Это не довод. Он сделал, что мог.

«Да, и это лишь быстрее доконало его», — подумал мужчина, а вслух проговорил:

— Достань фонарь, ладно?

Жена порылась в отделении для перчаток и достала фонарик.

— Что случилось, мамочка? — послышался голос с заднего сиденья.

— Спи, малышка. Мы прокололи колесо, и папа собирает его починить.

— Я хочу пить.

— Знаю. Потерпи, скоро доедем.

— И я увижу Алису?

— Конечно увидишь, милая. А она увидит тебя и поможет.

— И мне больше не понадобятся костыли?

— Да, малышка. Ты будешь бегать, как другие дети.

Дочка улыбнулась и укуталась в одеяло. Она прижала к щеке куклу и со счастливой улыбкой закрыла глаза.

Женщина вышла из машины, чтобы посветить мужу, который открыл багажник и искал инструменты.

Поврежденное колесо уже поднялось над землей, когда фонарик начал гаснуть.

— Держи ровнее,— проворчал муж.

— Я тут ни при чем,— раздраженно ответила жена.— Наверное, сели батарейки.

— А? Я их совсем недавно купил.

— Ну, значит, дело в лампочке.

— Да, видимо. Подойди ближе.

Она нагнулась над ящиком с инструментами, и муж нашел там гаечный ключ.

Вдруг женщина выронила фонарик.

— Черт тебя возьми! — простонал муж.

Она схватила его за плечо.

— Ларри, ты чувствуешь? Ларри... Ларри!

Жена ощутила его дрожь.

Наконец он сказал:

— Да, чувствую. Наверное, дунул ветер.

— Нет, это был не ветер, Ларри. Это прошло через всю меня. Прямо через кости.

— Все закончилось,— медленно проговорил муж, глядя на отдаленное сияние в небесах.

— Что это было?

— Не знаю, дорогая. Но у меня было ощущение, будто кто-то прошелся по мне самому.

Из машины послышалось хныканье дочки.

На ферме Риордана, на участке, прилегающем к лугу, где шла ночная служба, собака с лаем беспомощно забегала по кухне. После каждого круга Бидди бросалась к двери, отчаянно стремясь выскочить наружу. Хозяева оставили ее сторожить — «слишком много всякого сброда шляется вокруг из-за этой святыни», — а сами приняли участие в мессе — «лучше, чем идти в кино» — и теперь собака почувствовала волнение коров в стойле. Почувствовала, а потом услышала, так как они бешено колотили копытами, стремясь вырваться на волю, и их жалобное мычание вогнало собаку в истерику.

Бидди скреблась в дверь, царапая когтями краску и заывая в тон мычанию снаружи. Собака обегала кухню, снова возвращалась к двери, прыгала, скреблась, колотилась, лаяла, скулила, выла и снова бежала по кухне. Круг за кругом, круг за кругом...

Смятение прекратилось. Прекратилось еще внезапно, чем началось.

Собака замерла посреди темной кухни, приподняв одно ухо и повернув голову. Она вслушивалась. Звуки прекратились. Собака принялась. Снаружи не чувствовалось ничего странного.

Тогда она завывала.

Что-то двигалось по ферме, тихо, крадучись, что-то, не имеющее запаха, не производящее звуков, не имеющее формы. Бидди поджала хвост, выгнула спину и подогнула ноги. Она заскулила. Завывала. Затряслась. И заползла под кухонный стол.

Но одним глазом смотрела на дверь, в страхе перед тем, что было там.

Оно ползло в ночи, невидимое, неосязаемое, нечто, не имеющее плоти, существующее только в глубоких закоулках сознания. Теперь оно сосредоточилось в центре, порожденном схожей энергией, скользящей во тьме. Как если бы голодное пресмыкающееся спешило дотянуться до беспомощной букашки, ведомое кем-то, чем-то, выходящим за пределы естественного.

И вихрь втянул его, чтобы поглотить и использовать.

Но зло всегда конкретно и личностно, и, как один идущий не в ногу солдат может сбить с ритма весь взвод, злая воля отдельной личности может разрушить общее дело.

УИЛКС

— Это я сделал беду, — произнес он. — Когда по ночам тетенька являлась ко мне во сне, я шептал: «Милая мамочка, милая мамочка». А когда она явилась на самом деле, я ее застрелил.

Дж. М. Барри. «Питер Пэн»*

Третий гимн подходил к концу, и он зажал руки меж бедер, чтобы окружающие не заметили, как они дрожат. Его голова склонилась, прямые светлые волосы упали на лоб и чуть не касались кончика носа. Он смотрел себе на живот, и яркий блеск в его глазах отличался от того, что блестел в глазах других богомольцев. Уилкс сосредоточился на своем теле, сосредоточился на будущем. Перед ним мелькали

* Перевод И. П. Токмаковой.

картинки собственной судьбы: он видел свое имя, крупно напечатанное в заголовках, свое лицо, с улыбкой мелькающее на экранах по всему миру, свою жизнь, свои мотивы — их обсуждали, анализировали, ими интересовались ученые, знаменитости... *все!*

Он не смог сдержать внутренней дрожи, какого-то непонятного чувства пустоты, что рвалась из груди наружу. Слабость была такой всеохватывающей, что он еле дышал.

Весь вечер он добирался сюда, спал на сиденье в автобусе неподалеку от поселка, чувствуя, что непременно замерзнет до смерти, и его поддерживала и утешала только мысль о предстоящем. Он не мог спать, а только урывками задремывал, и его мучили кошмары.

Наутро его привела в ужас огромная толпа вокруг церкви Святого Иосифа: он думал, что окажется здесь первым, и хотел занять скамейку в первом ряду. Еще больше его ужаснуло то, что в этот ранний час никого на лужайку не пускали; еще продолжались подготовительные работы и ворота заперли, чтобы открыть только вечером. Пришлось встать вместе с другими в очередь, перешучиваясь со своими товарищами-паломниками, притворяясь пай-мальчиком, изображать интерес к скучным историям из их ничтожной жизни, разыгрывать набожность и преданность делам церкви, втайне смеясь над этими дурачками, понятия не имеющими, рядом с кем стоят.

Наконец им позволили войти, и они столкнулись с тем, что ему представлялось тяжелейшей проверкой. Но хотя сумки и всевозможные коробки в целях безопасности внимательно осматривали, самих людей не обыскивали, так что предмет, засунутый в трусы и примотанный к паху, что вызывало легкую

эрекцию при мысли об этой тяжести (а мысль была почти постоянной), не нашли и даже ни о чем не заподозрили. Даже если бы Уилкса попросили растянуть старое серое пальто, рубашка, выпущенная поверх брюк, скрыла бы неестественный (или неуместный) ком в интересном месте.

Хотя до заполнения скамеек и начала службы оставалось еще несколько часов, Уилкс не скучал в ожидании — слишком много видений неудержимо проносилось в его голове.

Как и все остальные, он вытянул шею, чтобы увидеть девочку, когда она вошла с процессией, и, поскольку выбранное место было прямо у прохода, как можно ближе к алтарю, Алиса прошла всего в нескольких футах от него. Уилкс подавил ошеломительный порыв сделать это здесь и сейчас — никто не мог бы остановить его, — так как понимал, что будет лучше, эффектнее, подождать. Хотелось, чтобы все увидели.

И теперь третий гимн почти подошел к концу. В начале службы Уилкс смотрел на Алису и вскоре обнаружил, что не может долго глядеть на это маленькое вдохновенное личико: ее доброта, божественность словно распространялись вокруг, и от этого ему становилось неловко. Слова мессы превратились для него в невнятное бормотание за беспорядочным кружением собственных мыслей, хотя Уилкс вставал, когда другие вставали, опускался на колени, когда преклоняли колени остальные, садился, когда все садились. Он делал это механически, как робот, подражая действиям окружающих. И все время держал голову опущенной.

Вдруг пение начало затихать и вскоре совсем смолкло. Не все сразу заметили, что в это время Алиса встала и подошла к центру помоста.

Подняв голову, удивленный перерывом в шуме, который, как стена, служил фоном его собственным мыслям, Уилкс увидел, что девочка стоит посреди помоста, задрав голову, а ее горящие глаза устремлены на что-то, невидимое для остальных. За спиной у нее был ярко освещенный алтарь и дуб с гротескно выкрученными сучьями.

Вся лужайка затихла: все глаза устремились на маленькую белую фигурку, все затаили дыхание в возбужденном предвкушении. И в их ожидании ощущался также страх, так как это чувство всегда порождается неведомым.

Алиса опустила голову и взглянула на толпу, осматривая множество лиц, полных обожания и страха. Она улыбнулась, и многим эта улыбка показалась загадочной.

Вдали прогремел гром.

Девочка развела руки в стороны и начала поднимать их.

Уилкс поднялся со скамейки. Никто не видел, как он расстегнул пальто, задрал рубашку и полез рукой в брюки, поскольку всех загипнотизировала фигурка в белом на помосте.

Он прошел по проходу к алтарю, прижимая к боку стволом вниз немецкий «люгер» тридцать восьмого калибра — реликт последней великой войны, когда весь мир сошел с ума в своей кровожадности.

Оказавшись прямо перед помостом, всего в нескольких футах от девочки в белом, которая уже парила по меньшей мере в восемнадцати дюймах над землей, прежде чем кто-то успел сообразить, что он замыслил, Уилкс поднял пистолет и в упор выстрелил в юное тело Алисы.

Он продолжал стрелять, пока не заело пятый из восьми патронов в магазине «люгера».

ГЛАВА 38

Открыла она глаза, подняла крышку гроба и говорит:

— Ах, Господи, где ж это я?

Братья Гримм. «Белоснежка»

Это была сцена из кошмара, медленно разворачивающаяся картина ужасов.

Фенн видел, но ничего не понимал.

Алиса подошла к центру помоста, и гимн стих, а потом совсем замер на губах людей. Ее лицо несло блаженство — даже он, сознавая свои чувства, был очарован. Она смотрела в небо, потом медленно опустила голову, глядя на толпу; и вот в этот момент репортер содрогнулся. Девочка улыбнулась. И, казалось, встретилась с ним глазами. Он увидел, что ее улыбка на самом деле была просто ухмылкой, широкой, злобной и какой-то алчной. Она глумилась лично над ним и насмехалась над всей толпой.

И в то же время это была просто прелестная детская улыбка.

Его снова охватила слабость, жизненные силы отхлынули от него и от всех окружающих, притянутые этим злобным существом, стоящим в сиянии света.

И в то же время это был просто ребенок, слишком юный, чтобы знать порок.

Огни замигали, померкли, и Алиса взмыла вверх, приподнялась надо всеми в медленном, но ровном полете. Она развела руки в стороны, словно прося у людей любви. Доверия.

Толпа застонала в экстазе, но там и сям с луга доносились вскрики и рыдания. У Фенна сжало горло,

* Перевод Г. Петникова.

снова закружилась голова. Было трудно дышать, трудно удержаться на ногах.

Он смутно уловил, как по проходу к алтарю проскользнул худой белокурый паренек, и не понял, что происходит, когда тот поднял руку и направил что-то на парящую перед ним фигурку.

Фенн даже не услышал выстрела — по крайней мере, четыре резких хлопка не отпечатались в мозгу, — но видел, как из четырех отверстий в Алисиной груди хлынула кровь, хлеща четырьмя отдельными фонтанчиками и пятная белоснежное платье — малиновые брызги, расплесканные по снежному полю.

На ее личике отразилось потрясение, недоверие и, наконец, боль. Девочка упала на помост и лежала там бесформенной кучей. Лившаяся из нее кровь дотекла до края помоста и хлынула вниз двумя тошнотворно широкими потоками.

Из толпы не донеслось ни звука. Паломники, зеваки, богомольцы, неверующие — все стояли в недоуменном молчании.

Потом прямо над головой прогремел гром, и на луг обрушился ад.

Фенн схватил Сью, и она прижалась к нему.

Стоял страшный шум, хаос криков и плача, вскоре перешедший в горестные завывания. Страдание по-разному охватило разные группы и разных людей: одни — и мужчины, и женщины — впали в истерику, другие просто тихо плакали; некоторые стояли в оцепенении, слишком потрясенные, чтобы что-то говорить или делать; боль третьих вскоре перешла в ярость, возмущение убийством передавалось от человека к человеку, к нему присоединялись призывы к мщению. Но были и такие, кто не видел зло-

действия и требовал от окружающих объяснить, что случилось.

Перепуганный Бен ухватился за одеревеневшую мать. Фенн обнял его, оберегая, и в то же время другой рукой поддерживал Сью.

Из толпы вырвались люди, они устремились к белокурому пареньку, застрелившему Алису Пэдджетт и по-прежнему державшему перед собой немецкий пистолет. Юноша упал под неистовым напором и кричал от боли. Острые ногти раздирали ему лицо, переносица уже была сломана, и он чувствовал, как осколки кости выходят через ноздри вместе с кровью. Пистолет вырвали из руки, и пальцы придавил чей-то каблук. Хруст заглушился шумом толпы, но сознание ощутило острую боль.

Уилкс вопил, когда его тянули за руки и ноги, раздирая суставы. Слезы смешались с кровью, и невероятный, удушающий вес сдавил ему грудь. Что-то проникло туда, он не понимал что. Кости груди вогнулись внутрь, сжали сердце и выдавили воздух из легких. До Уилкса постепенно дошло, что он в чем-то просчитался.

Рядом девочка, пришедшая на святое место, чтобы поблагодарить чудотворицу за полученный от нее дар, смотрела на неподвижную окровавленную кучу тряпья перед алтарем. Лицо девочки вдруг дернулось. Один уголок рта изогнулся вниз наподобие гротескной гримасы горгульи. Веки вздрогнули раз, другой, и уже не останавливались. Рука дернулась, потом затряслась и начала судорожно выворачиваться. Потом и нога присоединилась к неконтролируемому танцу. Девочка закричала и рухнула на землю.

...Как и мальчик на другом краю лужайки, который снова пришел на святое место поклониться де-

вочке по имени Алиса, святой, оживившей его ноги. Теперь их сила снова ушла, и он барахтался между скамеек, крича от испуга...

...В другом месте зрение мужчины начало быстро меркнуть, яркий свет в середине лужайки превратился в размытое тусклое пятно — катаракта, так быстро исцеленная чудо-девочкой, вернулась с той же неестественной и необъяснимой быстротой. Он закрыл лицо руками и медленно опустился на скамейку. Из груди вырывались тихие рыдания...

...А в дальней части луга молодая девушка обнаружила, что звуки, издаваемые горлом, не складываются в слова и пораженная горем мать не понимает ее вопроса, что происходит...

Мальчик в толпе, чьи руки быстро стали покрываться безобразными бородавками, только стонал и колотил кулаками по скамье перед собой...

...А на скамье впереди мужчина ощутил, как его лицо лопается от кровоточащих язв, и кожа трескается, как иссохшая земля. Он открыл рот, но не от боли, а от осознания, что снова стал страшилищем, человеком с ужасной мордой, безобразно истерзанной и покрытой сочащимися язвами.

По всему полю раздавались стоны и крики отчаяния, многие падали на землю — одни оттого, что ноги перестали держать их, другие потому, что внезапно вернулись их недуги, отравляющие жизнь. Эти люди думали, что все прошло навсегда, молились об этом, считали, что Алиса Пэджетт дала последнюю надежду, воплотила в себе проявление Божьей милости, над которой время не властно. А теперь их вера оказалась утеряна, предана. Повержена.

Фенн больше не ощущал слабости, головокружение тоже прошло. Нервы напряглись, натянулись,

так что все движения были быстры, чувства обострены. Он прижал к себе Сью и Бена, защищая их от смятения вокруг. Сью начала оживать и уже могла твердо стоять на ногах.

— Джерри...— проговорила она, все еще в оцепенении.

— Все в порядке, Сью,— ответил он, прижав ее голову к своей.— Я здесь. И Бен тоже.

— Она... она мертва?

Фенн на секунду закрыл глаза.

— Думаю, да. Должна быть мертва.

— Ох, Джерри, как это могло случиться? — Сью всхлипнула.— Как кто-то мог совершить это?

Бен ухватился за мать, испуганный, но так и не понимающий, что происходит.

— Пойдем домой, мамочка. Мне здесь больше не нравится. Пожалуйста, пойдем домой.

Фенн устремил взгляд через море движущихся голов.

— Боже,— проговорил он,— к ней так никто и не подошел. Все в шоке.— Он понимал, что все к тому же слишком напуганы, даже ее собственная мать не решалась подойти к неподвижному телу. Возможно, боялась обнаружить, что дочь в самом деле мертва.

— Я должен подняться туда,— сказал репортер. Сью крепче вцепилась в него.

— Нет, Джерри. Давай просто уйдем отсюда. Что нам здесь делать?

Он посмотрел на нее и только покачал головой.

— Я должен убедиться... Подожди здесь с Беном, с вами ничего не случится.

— Джерри, это небезопасно. Я чувствую, что это небезопасно.

— Сидите здесь.— Он нежно усадил ее на скамейку.— Бен, поддержи свою маму, не дай ей уйти.—

Фенн опустился на колени, не обращая внимания на хаос вокруг.— Оставайтесь здесь и ждите меня. Не двигайтесь с этого места.

Сью открыла рот, чтобы возразить, но он быстро поцеловал ее в лоб и полез через скамейки, проталкиваясь через растерянную толпу.

Он оказался на свободном месте перед помостом, здесь земля была усеяна умоляющими о помощи инвалидами, как поле боя после сражения. Справа орала толпа, кого-то терзая, и Фенн понял, кто был их жертвой. Не оставалось сомнений, что человек с пистолетом мертв. Люди всегда были бессильны, узнавая об убийствах и покушениях из прессы; приходилось таить в душе гнев и злобу, направленные на негодяев, которые насмеялись над самими принципами цивилизации. Но теперь убийца оказался в их руках, один из легионеров дьявола лежал у них под ногами, и на этот раз появилась возможность отомстить.

Фенн решил держаться подальше от разъяренной толпы и направился к лестнице сбоку от помоста. Какой-то человек с повязкой служащего нерешительно попытался преградить ему путь, но репортер легко отстранил его. Забравшись по лестнице почти на самый верх, он остановился.

Большинство служек плакали, некоторые, стоя на коленях, молились, с мокрыми от слез лицами, другие только раскачивались взад-вперед, закрыв лицо руками. Священник, ведущий службу, резко побледнел, его губы шевелились в беззвучной молитве. Так же молилась Молли Пэджетт. Очевидно, она пребывала в глубоком шоке, ее глаза были вытаращены, рот разинут, движения неуклюжи. Епископ Кейнс в пышном облачении был смертельно бледен и крайне неловок в движениях.

Фенн понимал их чувства и теперь задумался, не ошибался ли насчет Алисы. Не верилось, что в этом крошечном, распростертом на досках теле, в этом ребенке, принесшем людям столько счастья и возродившем веру, может крыться какое-то зло.

Он преодолел последнюю ступеньку, и все огни — даже свечи — начали меркнуть.

Припав на одно колено, репортер посмотрел на группу на помосте. Епископ Кейнс, священник и остальные вокруг опустились на колени. Только Молли Пэдджетт стояла как замороженная, протянув руку к куче окровавленного тряпья, которая раньше была ее дочерью.

Но тряпье зашевелилось, Алиса попыталась сесть. Дочь, застреленная четырьмя пулями, медленно встала на ноги.

Дочь с лицом, совсем не похожим на лицо земного ребенка, злобно огляделась кругом и улыбнулась. Ухмыльнулась. И хихикнула.

ГЛАВА 39

*Мы долго творили свои заклинанья,
Потом я хотела сказать «до свиданья»,
Но она протянула свой длинный язык
И меня проглотила, как булочку, вмиг.*

Роберт Грейвс. «Две ведьмы»

Фенн осел на ступеньках, опершись локтем о помост. Хотелось убежать, а если не убежать, то хотя бы соскользнуть по ступенькам вниз и отползти от этого чудовища, что стояло посреди возвышения. Но не осталось сил. Он едва ли мог двигаться. Мог только смотреть.

Голова Алисы повернулась в его сторону, и все нервы Фенна напряглись; казалось, ледяной холод про-

шел по всему телу, парализовав мышцы, скребясь под кожей, проникнув в кровь, так что животворная жидкость почти замерзла и текла еле-еле, чуть ли не остановилась в жилах. Фенн попытался вдохнуть, но легкие не слушались и воздуха было не набрать.

Ее глаза остановились на нем. Но это были не глаза, а просто бездонные черные дыры. Ее тело обгорело, обуглилось, потеряло форму. Голова повернулась под странным углом, она почти лежала на плече, а шею покрывали страшные рубцы, в трахею врезался иззубренный обломок кости. Густая кровь сочилась из ран на теле, а детское платьице уже не было белым: оно превратилось в красные, кровавые лохмотья. И к тому же отвратительная, напоминавшая куклу фигура тлела, от плоти и одежды поднимались завитки дыма. Ее лицо начало пузыриться, кожа стала лопаться. Лицо почернело.

И снова это была Алиса.

Растерянный, недоумевающий ребенок, который испытал пришествие смерти и не понимал, почему не умирает.

— Алиса, Алиса!

Девочка обернулась к матери, ее глаза испуганно расширились.

— О Боже! — тихо простонал Фенн, увидев, что черты лица снова изменились.

Ее голос прозвучал низко и хрипло:

— Розамунда.

Молли Пэджетт, нашедшая в себе силы двинуться к дочери, замерла и раскрыла рот, стараясь отринуть внезапное озарение.

— Нет, нет! — Молли упала, но ее глаза не отрывались от маленькой фигурки, стоящей перед ней. — Нет! — кричала она. — Я не Розамунда! Не Розамунда!

Ступеньки, на которых лежал Фенн, словно задрожали от удара грома, но дрожание не прекратилось, и, когда гром умолк и репортер ухватился за трясущуюся деревянную лестницу, дрожь все усиливалась.

Слева раздался взрыв — лопнул фонарь, — и во все стороны, как из огнедышащей пасти дракона, разлетелись искры. Неровный свет других ламп померк, потом они ярко вспыхнули и взорвались. Люди почувствовали, что земля под ногами содрогнулась, и в толпе раздались панические крики. На помост налетел ветер, трепля волосы и одежду, задувая пламя свечей. Распятие над алтарем с треском сломалось и упало на покрытые ковром доски.

Сью и Бен прижались друг к другу, мимо них в панике бежала толпа. Монахини с той же скамейки вереницей двинулись к проходу, от колебаний земли их шатало из стороны в сторону. Они ухватились друг за дружку, словно слепые, которых ведут в безопасное место.

Другие перелезали через скамейки, толкая сотоварищей-богомольцев, оцепеневших от потрясения, и тех, кто не мог достаточно быстро бежать. Пришедшие с немощными родственниками или друзьями проталкивались вместе с ними через давку, отчаянно пытаясь удержаться в потоке и падая со своими подопечными, когда безжалостная масса двигалась слишком быстро. Умоляя о помощи, они прикрывали телом своих близких и исчезали в сумятице рук и ног.

Скамейка, на которой прижались друг к другу Бен и Сью, перевернулась, и они оказались на содрогающейся земле. Узкий зазор между упавшей скамей-

кой и следующей обеспечил им некоторую защиту от обезумевшей толпы. Сю крепче прижала к себе мальчика, ладонью закрывая его лицо, а рукой обнимая за плечи; он закрыл от ужаса глаза и пытался не слышать этих звуков, криков, плача и глухого подземного рокота.

Теле- и кинооператоры прыгали со своих наставов в давку, их оборудование и сами вышки, на которых оно было установлено, оказались под опасным напряжением, и техников било током — не таким сильным, чтобы сразу убить или покалечить, но достаточным, чтобы вызвать судороги. Фоторепортеры, многие из которых продолжали стойко снимать диковинную картину на помосте, несмотря на окружающую панику, все же роняли свои фотоаппараты, когда пальцы касались бьющего током металла.

Люди, пришедшие выразить восхищение, преклониться перед кумиром, стать свидетелями чуда, побежали к трем выходам с лужайки и сбились там, создав пробку. С одной стороны луга был широкий въезд для грузовиков, ввозивших строительные материалы и съемочное оборудование, и многих прижало к высоким запертым воротам, пока те не поддались под напором тел. Когда ворота распахнулись, люди, которых к ним притиснуло, упали, и на них рухнули остальные, и все новые и новые падали в эту барахтающуюся кучу.

Полицейские у центральных ворот пытались контролировать бегущую толпу, но та смела их. Детей родители поднимали вверх, и многие вдруг чувствовали, что плывут по волнам движущихся голов и плеч. Тех, кому не повезло проскользнуть в узенькие дверцы, втянуло в сокрушительный людской поток. Те, кто смог убежать с луга, в кровоподтеках, из-

мятые, обезумевшие мчались по дороге; одни устремились к огням поселка, другие просто разбегались во все стороны, в темноту полей, вдоль дороги, ведущей от жилья, увлекая за собой беспомощных товарищей по несчастью и благодаря Бога, что целыми унесли ноги с того жуткого места, землю которого они считали раньше благословенной, святой. И за то, что земля под ногами больше не тряслась.

Проход для прессы был слишком узок, чтобы принять людской поток, и там началась давка. Куча измятых тел все увеличивалась по мере того, как все больше и больше людей пыталось перелезть через нее. Другие поранились до крови, когда попытались проломиться через живую изгородь вокруг луга — естественный барьер, равнозначный сотням рядов колючей проволоки.

Люди, во время службы остававшиеся снаружи: лоточники, полиция, опоздавшие паломники и зеваки, которых не пустили на переполненную лужайку, — могли лишь в ужасе наблюдать. Они слышали гром над головой и тревожно посмотрели на грозные тучи, осознав перемену в атмосфере, почувствовав, что близится что-то опасное. Они не могли объяснить своего чувства и неуверенно посматривали друг на друга. Через них словно что-то прошло, какой-то щекочущий нервы леденящий холод, и опасения переросли в нескрываемый страх. Многие лоточники стали спешно паковать свои товары, добродушные шутки смолкли. Разочарованные богомольцы и туристы вдруг ощутили облегчение, что их не пустили на лужайку. Обуреваемые непонятными чувствами, но несомненно желая убраться подальше, они поспешили к своим машинам. Их беспокойство возросло, когда двигатели легковушек, фургонов и микроавто-

бусов отказались заводиться. Полиция и служащие у ограждения встревожились, и сержант в форме попытался связаться по радио со старшим инспектором, который на лужайке присматривал за происходящим. Но из эфира доносился только треск.

Несмотря на всеобщую озабоченность, никаких несчастий не произошло, пока не завершился третий гимн. Повисла долгая тишина, потом явственно донеслись четыре выстрела, а за ними — адский шум. И хотя все слышали его, никто не представлял той паники, что возникла внутри, пока наружу не стали вырываться люди, сметая охранников у входа.

Но не все стремились убежать. Некоторые упали на колени и молитвенно сцепили руки, обратив глаза к небу. Другие собрались в группы и дрожащими голосами затянули гимн, испуганно, но непоколебимо. Третьи упали ниц, хватаясь за траву и грязь, словно боясь, что содрогающаяся земля сейчас стряхнет их со своего лица. И были такие, кто лежал неподвижно, растоптанный толпой.

Пола старалась поставить на ноги свою бормочущую что-то мать, так как при первом же толчке обе упали. Она недоуменно озиралась: везде царили мрак, хаос, неразбериха. За призывами о помощи послышалось пение, но оно доносилось откуда-то издалека. Хрупкие пальцы, как клешни, царапали горло, и сквозь шум до Пола дошли слабые мольбы матери. Дочь оттолкнула дрожащие руки и постаралась толком рассмотреть окружающее.

Единственный свет исходил от алтаря, в небе по-прежнему сияли яркие звезды, освещая безобразное дерево с ветвями, трепещущими и колеблющимися

ся, как конечности живого существа. Свет очерчивал какие-то силуэты — на сцене разворачивалась драма. Несмотря на свое ошеломление, Пола поняла, что страх произрастает из этого центра: люди бежали не из-за трясущейся под ногами земли, а убегали от чего-то отвратительного, стоящего перед алтарем и смотрящего на каждого в отдельности, глумливо вторгаясь прямо в душу. Оно презирало всех и насмехалось над каждым — мужчиной, женщиной или ребенком, — оно *знало* скотство каждого, грехи каждого и самые чудовищные сокровенные желания. Оно знало всех и заставляло всех узнать самих себя.

Пола обняла мать за хрупкие плечи и медленно повела ее вдоль ряда к проходу. Обе качались и несколько раз чуть не упали, когда земля содрогалась. Было ужасно тяжело тащить мать, проталкивать ее мимо тех, кого парализовало страхом, и отбиваться от людей, цепляющихся в отчаянии за одежду. Они добрались до конца ряда и остановились, собирая силы, чтобы влиться в общий поток.

Кто-то, потеряв равновесие, рухнул на них, и Пола с матерью упали, опрокинулись через скамейку позади и свалились на мягкую землю. Пола встала на четвереньки и потянулась к матери; в нескольких дюймах от ее лица двигался поток ног. Нащупав тело матери, она подергала его, но мать не шевелилась. Дрожащие руки двинулись вдоль тела к лицу и нащупали разинутый рот и закрытые глаза.

— Мама! — закричала Пола, и дрожащая земля вдруг замерла. Испуганные крики вокруг тоже затихли. Люди остановились и осмотрелись. Отовсюду раздавались рыдания, но они были тихими, как скулеж побитого животного. Даже звуки гимна прекратились. Даже молитвы.

На алтаре что-то горело.

Пола инстинктивно поняла, что мать мертва, но все же засунула руку ей под пальто, надеясь ощутить биение сердца. Сердце было так же неподвижно, как и все вокруг. Пола не почувствовала горя, только какое-то отупение. И в некотором смысле облегчение.

Но тут она увидела Родни Таккера, рухнувшего на соседнюю скамейку. В Поле закипела злоба, ярость, быстро поглотившая отупение и переполнившая ее эмоциями.

А потом, когда вокруг воцарилось тревожное молчание, земля разверзлась.

Джордж Саутворт, забыв о всяческом достоинстве и дав волю неприкрытому ужасу, бежал к стене, отделявшей луг от церкви.

Как хорошо все шло, до заветной мечты, казалось, уже рукой подать. Святилище — его проект — принесло огромную прибыль: на него обрушился фантастический денежный водопад. Сам Саутворт и другие местные предприниматели, предугадавшие, куда вкладывать средства, и с самого начала развернувшие свою деятельность, уже предчувствовали награду за свою предприимчивость. И в самом деле, Бенфилд больше не умирал. Он процветал и собирался продолжать свое процветание, как в свое время Лурд, некогда французская деревушка, а ныне шумный, всемирно известный город.

Но она, эта тварь, — это чудовище, невероятным образом восставшее из мертвых, — взглянула на него, на него одного, и увидела алчность в его сердце. И рассмеялась над ней, и поощрила ее, так как алчность была частью зла, помогающего этой твари существовать.

Саутворт побежал еще до того, как затряслась земля. Все вокруг ничего не видели от страха и не понимали всего значения этого нечестивого воскресения из мертвых. А он понял, хотя и сам не знал откуда, что это чудовище — проявление его собственной безнравственности, что оно существует за счет энергии, извлеченной из черных человеческих душ. Осознание поразило Саутворта, потому что *оно* так хотело. Это наущение было особой пыткой чудовища, которое заставляло человека проникнуть в собственную безграничную порочность. Вина, страдать от которой учила Церковь, основывалась на действительности: вина была реальной, поскольку порок всегда таится в каждом из людей. Даже в самом невинном, даже в ребенке. Ребенке вроде Алисы.

Саутворт протискивался мимо тех, кто просто уставился на алтарь; он боролся с охватившей его слабостью и головокружением, понимая, что за этим новым, нечестивым чудом последует катастрофа.

Смутно, откуда-то издалека, Саутворт услышал, как сторбленная тварь заговорила, произнесла одно слово — возможно, чье-то имя, и эхо у него в голове заглушил грохот, такой громкий, такой оглушительный, *такой близкий*, что чуть не разорвал ему сердце. Но Саутворт продолжал двигаться, ковыляя среди лежавших на земле калек.

Потом другие побежали вместе с ним, из охваченных ужасом душ вырывались крики, а из рядов не способных двигаться несчастных доносились мольбы. Чья-то рука схватила Саутворта за ногу, и он оглянулся на изможденного, похожего на скелет человека, завернутого в красное одеяло: широко раскрытые глаза умоляли унести его из этого хаоса. Саутворт удержал по желтой сморщенной руке и устремился даль-

ше. Земля уходила из-под ног, грохотание как будто вздымалось все выше, сотрясая его, как тряпичную куклу.

Прошла вечность, прежде чем он добрался до низкой стены, окружавшей церковный двор, и к этому моменту колебания почвы стали еще сильнее. Не один Саутворт, поняв, что выход окажется забит, полез через стену. От чьего-то удара в висок все вокруг закружилось. Саутворт перевалился на другую сторону и, скорчившись, лежал под стеной, ловя ртом воздух. Как выбитый из седла жокей, он осторожно выжидал.

Ботинки на высоких каблуках больно ударили его в плечо, и Саутворт смутно узнал американскую журналистку, присутствовавшую на встрече в монастыре, когда организм Алисы не смог принять причастие. Саутворт позвал ее, ему была нужна помощь: оглушенный, он не мог двинуться,— но американки уже не было, она исчезла за надгробиями.

Он утратил ощущение времени и не знал, как долго пролежал у стены, его чувства смешались от страха и от полученного удара. Он заметил, что земля больше не трясется и на луг опустилась тишина. Саутворт провел ладонью по лицу, и, ощутив влагу, понял, что плачет.

Он застонал, когда снова поднялся адский шум. Раздался рвущийся, выворачивающий наизнанку звук, как будто сама земля сейчас разверзнется. Все тряслось — деревья, почва, надгробия. С маленьких кротовых куч ручейками сочилась вязкая, свежая грязь. На глазах у Саутворта серый памятник закачался и упал. Каменные плиты на могилах вибрировали; одна так подпрыгивала, что съехала со своего места и раскололась на части, открыв зияющую чернотой могилу.

Ему необходимо было добраться до церкви. Там он найдет убежище от этого ужаса. Саутворт попытался встать, но колебание земли не позволило этого. Он заковылял вперед, согнувшись, потом опустился на четвереньки, как животное, потом упал на землю и пополз, упираясь ногами и руками.

Вокруг по кладбищу ковыляли фигуры, падая на надгробия, прислоняясь для опоры к памятникам.

Временами из-за бегущих туч выглядывала яркая луна — и тут же исчезала.

Земляной холмик рядом с Саутвортом зашевелился, и тот как зачарованный замер, убеждая себя, что причиной этого стало сотрясение. Но земля выпирала изнутри вверх, как будто что-то внизу хотело еще раз вдохнуть воздуха из мира живых.

Еще что-то зашевелилось рядом. Урна со свежими цветами опрокинулась. Земля под ней стала вздываться и трескаться.

Растопыренных пальцев Саутворта коснулась струйка грязи. Он отдернул руку и спрятал ее за пазуху. Саутворт увидел перед собой маленькую могилку — детскую, а возможно, могилу карлика. На ровном месте стал расти холмик, и пока лунный свет снова не поглотила хмурая грозовая туча, было видно, как из земли лезет что-то белое. Это могли быть черви. Но они выпрямились и затвердели. Пять. И рядом появились еще пять.

Саутворт с воплем поднялся на ноги. Он бежал, спотыкаясь, падал, полз к двери церкви Святого Иосифа, видя, как вокруг шевелится земля.

Скуля, он прижался к старой деревянной двери; по ногам, распространяя вонь, текли его собственные экскременты, глаза заливало слезами. Он царапал дерево, словно стараясь продрасть сквозь него,

потом схватился за железное кольцо, повернул его раз, другой, налег на дверь и ввалился внутрь. Потом захлопнул дверь и, не в силах отдышаться, стоял в темной церкви, прислонившись спиной к створке; его грудь вздымалась.

Но вдруг он замер на полувздохе и прислушался. Снаружи кто-то скребся.

ГЛАВА 40

*Где мертвые теперь?
Где обрели приют?
Коль верен слух, что не в могиле,
То где живут?*

Стиви Смит. «Могилы у дуба»

Фенн оторвал голову от помоста и попытался сделать глубокий вдох. В воздухе стояли зловоние гниения и смрад пожара. Фенн закашлялся, желудок сдавили спазмы.

Он смутно сознавал происходящее: охваченные паникой люди ковыляли к выходам, от сотрясений земли многие падали и их топтали другие. Но из-за темноты было практически невозможно рассмотреть что-либо кроме плотной массы ковыляющих тел, и только крики и жалобные стоны говорили об истинном хаосе, творящемся вокруг.

Откуда-то из закоулков одурманенного ума долетела мысль, что нужно убираться, что следует найти Сью и Бена и увести их от опасности, поскольку это омерзительное зрелище означает разрушение, опустошение. Но у него не было сил, мышцы казались вялыми, несмотря на напряженные нервы. Репортер хотел отвернуться от тлеющего окровавленного чудовища, но видение не покидало его, держало его

ослабевшее тело словно в оковах, лишало возможности действовать.

Он слышал, как жуткая тварь что-то говорит, но другие голоса в голове твердили, что нужно сопротивляться ее власти. Сила ее была *его* силой, силой всех присутствующих, чудовище аккумулировало энергию, вытягивая зло из окружающих, отрывая отрицательную силу от положительной, нарушая равновесие. Но надо бороться. *Бороться!* Голоса повторяли это слово, и это были те же голоса и те же слова, что слышал он во сне. Элнор могла существовать только за счет кинетической энергии живущих. *Борись с ней!* Она не имеет власти над теми, кто борется.

Было ли это самообманом или действительно голоса в сознании и во сне принадлежали двум умершим священникам?

Фенн застонал и попытался *бороться*, но это казалось непосильным. Он не мог даже отвести взгляд от бесформенной фигуры. В бархэмской церкви он убежал от своего кошмара, отказался выступить против него, отрицая его реальность, а теперь не было другого выхода. Он оказался слишком слаб, чтобы убежать.

Все на помосте вокруг алтаря находились в полубморочном состоянии. Епископ Кейнс опустился на колени и одной рукой уперся в пол, а другой слабо водил в воздухе, и это движение отдаленно напоминало крестное знамение. Его губы непрерывно шевелились, и изо рта на подбородок текла слюна. Слова были еле слышны, но ясно звучали в сознании Фенна:

— ..Святой Господь, Всемогуший Отче, Предвечный Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа... Ко-

торый раз и навсегда низвергнул того павшего тирана...

Священник, что вел богослужение, растянулся на полу, вздымая руки как в молитве. Он не двигался, и Фенн видел, что его глаза закатились — виднелись одни белки. Рот священника оставался открытым, но не было никаких признаков дыхания.

— ...В адское пламя. ...Который послал своего единородного сына в мир, чтобы сокрушить этого льва рыкающего; поспеши на наш зов...

Некоторые из служек стояли на четвереньках на полу, лбом уткнувшись в роскошный ковер, руками обхватив голову, словно закрываясь от заявившего о себе зла, другие раскачивались, стоя на коленях, с ужасом на лице, но и их глаза не отрывались от жуткой маленькой фигурки.

— ...Чтобы спасти и уберечь от разрушения, вырвать из лап дьявола в расцвете славы его это человеческое существо, созданное по образу...

Только Молли Пэджетт стояла на ногах.

Но вот и она осела, протягивая руки к дочери.

— Али-и-и-са! — простонала мать.

И зловещий голос прошипел в ответ:

— Твоя дочь мертва, милая Розамунда. Она, порождение господ нашего дьявола, находится на пути в подземный мир, ее служение мне почти закончено. Никто не спасет ее. Как и тебя.— Истерзанное, сторбленное чудовище повернуло голову к черноте.— Как и тех, кто убил меня и не признал моего права.

— ...И подобию Твоему.

Обрати страх, Господи, на зверя, лежащего понапрасну в Твоем винограднике. Пусть могущество Твое...

— Не-е-ет!

Молли Пэджетт, припав к полу, поползла вперед, к этой дымящейся твари, протягивая к ней руки. А чудовище, которое было Алисой и которое было Элнор, рассмеялось, и Фенн увидел висящее на дереве тело: оно горело и судорожно выкручивалось, его шея вытянулась, почерневшие ноги дергались, и из тела что-то капало на алтарь внизу, голову охватило пламя, плоть пылала... И это оказалась Алиса.

— ..Рука твоя выбросит его прочь, чтобы он... он... она... не могла больше держать в плену эту душу...

С визгом отчаяния Молли Пэджетт бросилась вперед, коснулась обугленного, прогнившего тела Элнор и тут же закричала от боли, когда ручейки огня побежали по ее пальцам, по рукам, охватили плечи и голову.

Все затихло. И тишина была не менее жуткой, чем шум до того.

Епископ Кейнс замолк. Молли Пэджетт пылала, но не двигалась.

Фенн ощутил, как все плывет перед глазами.

А труп монахини из шестнадцатого века захихикал, тут же прогремел гром, и земля на лужайке разверзлась.

Пола отпустила мертвое тело своей матери.

Глубокий рокочущий звук эхом отдавался у нее в голове, когда земля разошлась в стороны и какофония криков и визга поднялась с новой силой. Пола как загипнотизированная смотрела на возникающий в земле провал. Он расширился изломанным рвом вдоль центрального прохода, заставив окаменевшую толпу снова забиться в ряды скамеек.

Земля разверзлась — и Пола увидела черноту под ней, безмерно глубокую, бездонную, бесконечную

темноту. И все же лунный свет, пробиваясь сквозь облака, отбрасывал отблески в пропасть, где что-то шевелилось, чьи-то руки тянулись вверх, хватались за рыхлую, раздающуюся в стороны землю. Какие-то фигуры лезли оттуда, перекрученные, стонущие, смотрящие, разинув рот, на небо над собой — измученные души, стремящиеся в мир наверху.

Пола закрыла глаза, убеждая себя, что этого не может быть, что всего этого нет. Но, открыв их снова, увидела, что ничего не изменилось.

На краю бездны теснились фигуры, отталкивая друг друга от расширяющейся пропасти. Несмотря на охвативший ее ужас, Пола узнала двоих.

Таккер пятился от ямы, но ему мешала жена: она поскользнулась, и одна нога ее исчезла в черноте провала. Вцепившись в мужа, Марция отчаянно пыталась удержаться, но он отталкивал ее руки, понимая, что не сможет вытащить ее и боясь, что жена увлечет его за собой. Она кричала, умоляла спасти, но он вопил в ответ, чтобы она отцепилась, бил ее по лицу, разжимал ее пальцы. В конце концов земля осыпалась под тяжелым телом, пальто Таккера порвалось — и женщина с криком полетела в бездну.

Он отшатнулся, но тут же выпрямился и стоял, прижав руки к бедрам, стараясь собраться с силами, однако вскоре понял, что нужно убираться, ибо провал постепенно расширялся.

Таккер обернулся в тот момент, когда на него налетела Пола.

Ненависть несла ее вперед, злоба к жирному ублюдку, который предал ее, воспользовался ею, ее телом, и лгал, лгал, лгал! Он должен принадлежать подземному миру — там ему самое место, чтобы извиваться и корчиться вместе со слизняками, червя-

ми и прочими подземными тварями, на которых сам он так похож!

Пола налетела на Таккера, и он вцепился в нее. Но ее импульс был слишком силен, толстяк не удержал равновесия и упал навзничь, увлекая Полу за собой.

Ухватившись друг за друга, они вместе полетели в бездну.

Саутворт побежал от двери, по пути левой рукой бессмысленно проводя по скамейкам, как ребенок, перебирающий подпорки перил; его гнала паника.

Добравшись до невысокой загородки перед алтарем и упав на нее, он, как пес, завыл в пустоту, в ужасе перед холодными мертвецами у дверей, стремящимися проникнуть внутрь.

Сама церковь начала содрогаться. Статуи вдоль стен пришли в движение, затряслись. За загородку, на которую Саутворт упал, оказалось невозможно ухватиться. Треск древних камней напоминал канонаду, и при каждом таком «выстреле» Саутворт вздергивал голову в направлении звука. Как зачарованный, он в ужасе смотрел на расширяющуюся трещину в стене. Раздавались все новые оглушительные звуки, и все новые трещины появлялись в стенах. Вот с противоположной стороны церкви... Вот в крыше...

На каменный пол начали падать куски кладки. Как белая пудра, опускалась цементная пыль, и тусклые церковные лампы начали меркнуть, мигать, как огоньки свечей под порывами ветра. Зажгутся — погаснут, зажгутся — погаснут. Они светились еле-еле.

Саутворт засунул руки в рот, зажимая крик, которого все равно никто бы не услышал за треском старого камня. За спиной с алтаря стали падать свечи; дверца дарохранительницы распахнулась, открыв

внутри белую шелковую пустоту; огромный витраж в окне, подаренный церкви Святого Иосифа в шестнадцатом веке, подался внутрь, полетели разноцветные осколки.

Саутворт вскрикнул, когда несколько из них задела его голову, содрав кожу; раны быстро наполнились кровью. Ему повезло, что большую часть лица и шею загородили перила.

Сотрясение стало ещё сильнее, треск и грохот оглушали. В полу возникла длинная изломанная трещина — прямо под скамьями, поперек прохода. Она стала расширяться, такая черная, что казалась нарисованной. Скамьи сдвинулись, повалились одна на другую, а трещина превратилась в бездонный провал.

Саутворт вцепился зубами в свою кисть, а увидев, как на краю трещины возникли покрытые слизью пальцы, прокусил руку до кости.

За пальцами показались покрытые землей и плесенью руки. Из черноты выскакивали какие-то мелкие черные твари и исчезали в темных углах; что-то длинное, извиваясь, проползло по полу и свернулось кольцами у подножия одной из статуй. Все новые пальцы появлялись на краю трещины, новые руки тянулись из нее. Стали появляться голые, мертвенно-бледные плечи.

Под давлением рушащихся каменных стен дверь в дальнем конце церкви треснула, распахнулась — и внутрь вошли мертвецы.

Сью ощутила странное спокойствие.

— Что происходит, мамочка? Почему все кричат?

Она крепко прижимала голову Бена к своей груди.

— Ничего, ничего,— успокаивала Сью мальчика.— Не бойся.

Бен поднял голову и осмотрелся вокруг.

— Я и не боюсь,— серьезно сказал он, тараща глаза на зрелище.

Кто-то споткнулся о них и упал. Фигура поднялась на ноги — во мраке было не понять, мужчина это или женщина — и бросилась дальше.

Бен снова сел.

— Я вижу дядю Джерри,— проговорил он, указывая на алтарь.

Сью приподнялась и прислонилась к скамейке рядом. Земля все еще тряслась, хотя и не так сильно, как раньше, и рокот теперь был таким глубоким, словно доносился из самого чрева земли. Люди в страхе бежали от центрального прохода, но было не рассмотреть почему. Сью взглянула, куда указывал Бен, и вскрикнула.

По всему помосту были разбросаны тела, нарядные для мессы. Она узнала дородную фигуру епископа Кейнса. Он бессмысленно размахивал рукой; редкие седые волосы прилипли к покрытому испариной лбу. Всего в двух футах от него горела коленопреклоненная фигура. Она не двигалась, не корчилась от боли, в то время как ее голова, плечи и руки, протянутые к кому-то, стоящему вне круга света от единственной оставшейся лампы, ярко пылали. Маленькая девочка, сохраняя полное спокойствие, смотрела на вихри дыма, поднимающегося от алтаря. И над всем этим нависал дуб, его толстые нижние сучья изогнулись вниз, как руки, словно стремясь сгрести упавшие тела.

Сью увидела Фенна, лежащего на ступенях помоста. Он казался таким беспомощным и испуганным!

Она встала и подняла Бена.

— Куда мы? — спросил он.

— Прочь отсюда, — ответила мать. — Но сначала заберем дядю Джерри.

— Конечно! — воскликнул мальчик и полез через скамейку.

И тут же Сью испытала тошноту и головокружение. Колени чуть не подогнулись.

— Бен! — закричала она. Он вернулся и обхватил мать за пояс, маленькое личико с тревогой обратилось к ней снизу вверх.

Головокружение прошло. Сью глотнула, и тошнота прошла тоже. Мать с любопытством посмотрела на сына.

— Не отходи от меня, Бен, — сказала она, нагибаясь к нему. — Не отпускай меня.

Он взял ее за руку, и они вместе, перелезая через скамейки, направились к алтарю.

Сью заставляла себя не обращать внимания на крики о помощи от калек, лежащих на носилках между помостом и первым рядом: она знала, что все равно не может помочь им, что нужно добраться до Фенна — и тогда вместе они, возможно, сумеют утешить одного-двух несчастных. Сью стиснула руку Бена, не понимая, почему черпает от него силу и спокойствие, но убеждаясь, что это так.

Сью старалась не смотреть на горящую фигуру, но заметила, что Бен зачарован ею. Она прижала голову сына к себе и закрыла ему рукой глаза, но он раздвинул ее пальцы и подсматривал.

Мать и сын добрались до подножия лестницы и стали подниматься.

— Джерри! — Сью тревожно посмотрела Фенну в лицо. Он заморгал, словно не сразу узнал ее.

— Сью,— тихо проговорил репортер и с облегчением вздохнул. Потом вдруг схватил ее за руку.— Сью, вам нужно убраться отсюда! Скорее, сейчас же! Где Бен?

— Все в порядке, он здесь. Пошли, пошли с нами.

Его голова опустилась на ступеньку.

— Нет, я не могу двигаться. Я совсем ослаб. Вам придется идти без меня.

Сью притянула к себе Бена.

— Дотронься до него, Джерри. Возьми его за руку.

Фенн недоуменно посмотрел на нее.

— Уходите, Сью! Уходите!

Сью вложила руку сына в его ладонь, и Фенн перевел взгляд на мальчика, потом на сцепленные руки. Жизненная энергия начала возвращаться к нему.

Крики боли заставили всех троих обернуться к алтарю.

Молли Пэджетт медленно встала с колен, колотя по горящим волосам руками, которые тоже пылали. От ее крика по телу пробежала дрожь.

— О Боже, ей нужно помочь! — Фенн сорвал с себя куртку и бросился через верхние ступеньки лестницы на помост. Он держал куртку перед собой, готовясь набросить ее на голову и плечи женщины.

Но Молли Пэджетт было уже не помочь.

С последним пронзительным криком она бросилась к стоящей в тени ужасной фигуре. Та как будто даже не двинулась, но руки женщины не достигли ее. Молли упала с помоста в темноту, где скорчилась

в агонии. Вопли постепенно затихали и вдруг совсем смолкли: жизнь покинула ее.

Фенн со стоном опустился на корточки и закачался, закрыв глаза и положив бесполезную куртку на колени.

Маленькая фигурка выступила на освещенную сцену и встала перед алтарем, лицом к дереву. Потом обратила взгляд на Фенна.

Полыхнула молния, серебристым светом выхватив из темноты отдаленную церковь. Фенн открыл глаза. Он ощущал, что не является участником происходящего, а парит где-то вдали и с высоты безучастно наблюдает за всем. Толкущиеся, рвущиеся прочь богомольцы, брошенные калек, вызывающие о помощи руки; черная бездна, из которой ползут какие-то твари; церковь с рушащейся башней; открытые могилы; место поклонения; осевшие перед алтарем тела; упавшее распятие, отвратительное, бесформенное дерево. Смотрящее в глаза чудовище.

Молния погасла, но за эти две секунды в мозгу Фенна запечатлелась черно-белая картина хаоса.

Загремел гром, от оглушительного звука все инстинктивно зажали уши.

Бен дернул мать за руку.

— Мамочка, у Алисы на платье кровь.

Фенн посмотрел во все понимающие глаза Элнор и почувствовал, что тонет в их мягкости, что спокойный водоворот затягивает его в свою глубину. Он видел нежные, прекрасные черты, белизну кожи, влажную, естественную красноту губ, хотя смотрел только в глаза. Он чувствовал приятную упругость ее тела, его легкость, живость, твердость ее груди, которых не мог скрыть простой монашеский наряд.

Элнор улыбнулась, и у него закружилась голова.

Когда она заговорила, он с трудом понял ее слова: так странным был акцент и таким низким, хриплым был голос.

— Ты будешь свидетелем моей мести,— сказала она.— И частью ее.

И ее глаза больше не были мягкими и карими, а превратились в темную пустоту, в глубокие ямы, затягивавшие его. Ее кожа больше не была мягкой и белой, а стала обутленной и ободранной, губы исчезли, открыв обломки почерневших зубов и покрытые слизью десны. Тело больше не было упругим и стройным, а перекрутилось, согнулось, превратилось в искореженную фигуру, которая почему-то напоминала собой безобразное дерево, возвышавшееся над ней. На Фенна обрушились волны зловония. Выставив перед собой руку, он отшатнулся.

Смех Элнор прозвучал отвратительно, как хитрое, подлое хихиканье.

— Почему Алиса стоит там? — спросил Бен у матери.

Смех звучал все громче, заполняя голову Фенна, затопляя его сознание. «Нужно уходить,— говорил он себе.— Нужно избавиться от нее. О Боже, Господи Иисусе, помоги мне!»

Помост затрясся. Руки Фенна не удержались на поверхности, и он упал на спину. Потом повернулся и перекатился, стараясь встать на колени. На фоне грохота резко слышался треск дерева. Длинная изломанная щель на лугу расширялась, провал становился длиннее, он струился, как темная река, к алтарю, тянулся к месту поклонения.

Монахиня шагнула к Фенну, ее одежда тлела, а кожа снова пузырилась. И она все хихикала, и безгубый рот дразнил его. К Фенну тянулись переломан-

ные, обгоревшие пальцы. Небо зигзагом прорезала молния.

Элнор подошла почти вплотную, и ее дыхание было таким же зловонным, как и тело.

Фенн закричал, не в состоянии двинуться.

А она ухмыльнулась мертвым оскалом.

Но остановилась. И снова посмотрела на дерево. И завывала — низко, жалобно. Чудовище выпрямилось и переломанными руками схватилось за груди. Вой стал громче.

Фенн проследил за взглядом Элнор и не увидел ничего. Потом заметил мерцание.

Свечение.

У подножия дерева.

Он ощутил новый страх, но другого рода. Свечение разгоралось все сильнее и стало ярким, как утреннее солнце. Фенн попытался прикрыть рукой глаза, но свет был слишком сильным, ослепительным. И все же в центре сияния что-то было. Что-то стояло в центре раскаленного ядра.

И в сознании репортера зазвучали голоса двух священников. «Молись! — велели они. — Молись».

Он моргнул. Закрыв глаза. И стал молиться.

В дерево ударила молния, и Фенн открыл глаза.

Сгорбленная фигура, протягивая руки к расколотому дубу, ковыляла прочь. Она кричала и ругалась, и ее гортанный голос срывался на визг.

Верхние ветви дерева охватило пламя, ствол раскололся. И оттуда хлынули крошечные твари: личинки, вши, блестящие древесные клопы. Дерево умерло, прогнило изнутри и стало гнездилищем паразитов, питавшихся мертвечиной.

Почти одновременно с молнией раздался гром. Молния ударила в дерево, и все его ветви ожили от

пляшущих голубых огней, энергия прошла по искореженному стволу к земле. Все дерево вспыхнуло, и воздух раскололо треском. Дуб стал падать.

Чьи-то руки схватили Фенна за плечи. Женские и детские.

Сью и Бен потянули его за собой, и все вместе они побежали с помоста, прочь от визжащего чудовища, прочь от падающего дерева. Взявшись за руки, они соскочили с места поклонения в ночь.

И с силой ударились о землю, но почва была мягкой, податливой. Ноги Фенна спружинили, и он перевел дыхание. Он обернулся к девочке, стоящей у спуска и истошно вопящей, к уже умершему ребенку, застреленному сумасшедшим, к Алисе, которая поднимала руки, словно защищаясь от яростной Немезиды, но когда пламя охватило ее, это был уже не ребенок, а снова черное сторбленное чудовище, которое не могло противостоять чьей-то большей силе. Фенну показалось, что Элнор закричала, когда горящее дерево рухнуло и испепелило ее прогнившее, принадлежащее иному миру тело.

Помост тоже рухнул, и те, кто ползал по нему, оказались в самом сердце огня. Вскоре горело уже все сооружение.

Слышался только треск пламени и стоны тех, кто еще остался на лужайке. Земля перестала трястись. Вопли прекратились.

Фенн посмотрел на Сью и Бена, их лица заливал теплый свет огня. Фенн притянул их к себе, и все трое замерли, сбившись в кучу и отодвигаясь лишь тогда, когда огонь от горящего помоста оказывался слишком близко.

А потом закапал дождик.

ГЛАВА 41

*Круг за кругом
Разматывается колдовство,
И завязанное развяжется,
Запутанное распутается,
Изогнутое выпрямится,
И проклятие будет снято.*

Т. С. Элиот.

«...Проклятие будет снято»

— Пошли вместе.

Фенн улыбнулся Сью, которая заглядывала в открытую дверь машины, и легонько покачал головой:

— Идите с Беном. А потом я вас заберу.

Мальчик вылез с заднего сиденья на тротуар. Опершись коленом на сиденье, Сью поцеловала Фенна в щеку, нежно обняла его и выпрямилась.

Репортер смотрел, как они идут по длинной дорожке к входу в церковь. Волос Сью коснулось солнце, зазолотив их. Рядом, держа мать за руку, скакал Бен.

Стояло яркое, свежее воскресное утро, в воздухе пахло морем. Церковь современной постройки была проста и элегантна, лишена всяческой тяжеловесности и торжественности. «Привлекательнее, чем та пара церквей, которые я могу припомнить», — мрачно подумал Фенн. На улицах в этой части прибрежного городка было мало народу: несмотря на яркое, солнечное утро, зимний холод давал себя знать и домашний уют покидали лишь те, кому пришлось выгуливать собак, или кому стало слишком одиноко сидеть дома, или отправившиеся на воскресную службу в одну из множества брайтонских церквей и часовен. По противоположной стороне улицы про-

шел человек с собакой, и Фенн разглядел заголовок в газете, которую тот с жадностью читал.

Там было написано: «Святыня». Фенн отвернулся.

Он устал от всех этих теорий, предположений, отчаянных попыток найти рациональное объяснение происшедшему. В настоящее время излюбленной была версия, будто бы на лужайке сконцентрировалась электромагнитная буря, молнии уничтожили возвышение с алтарем, подожгли и повалили дерево и даже поразили землю, отчего стоявших на ней ударило током. Радиожурналисты и телеоператоры жаловались, что сбой электричества вывел из строя их оборудование. Даже пленка в камерах фоторепортеров оказалась засвеченной, хотя никто не мог объяснить, как электромагнитная буря сумела произвести подобный эффект. Полиция, подвергшаяся строгой критике за неспособность справиться с паникой, вяло оправдывалась, что буря вывела из строя и их системы связи. Электрические удары вызвали в толпе, и без того эмоционально заряженной, массовую истерию, что вылилось в панику. Это было основное, самое глубокомысленное толкование. Остальные были еще более причудливы, но и их полностью не отвергали: якобы Алиса Пэдджетт обладала некой аномальной психической силой и, не совладав с ней, нарушила хрупкое природное равновесие, отчего район потрясли подземные сдвиги, что перепутало толпу и опять же вызвало массовую истерию (к сожалению, никакие сейсмографические наблюдения не подтвердили эту гипотезу); якобы некая антирелигиозная организация (возможно, та же самая группа, что ранее убила монсеньера) заложила под место поклонения

бомбу. И появлялись все новые объяснения, вызывавая еще большую путаницу.

В то черное воскресенье возле святыни собралось более двадцати тысяч паломников, и если случилось чудо, то оно заключалось в том, что в панике погибли всего сто пятьдесят восемь человек. Многих затоптали насмерть сотоварищи-богомольцы; несколько человек скончались от сердечного приступа или апоплексического удара; другие, оказавшиеся на возвышении у алтаря или рядом с помостом, получили смертельные ожоги, а многие погибли в давке во время бегства с лужайки. И еще очень многие получили серьезные травмы и увечья. Состояние множества присутствовавших там инвалидов критически ухудшилось. Странно, что к тем, кого Алиса исцелила прежде, вернулись их прежние хвори и недуги, как будто смерть девочки отменила все чудеса.

Множество неудачливых богомольцев, в том числе священнослужителей и монахинь, заявляли, что видели, как земля разверзлась. Но все они страдали от нервного расстройства, и даже спустя несколько недель их состояние здоровья характеризовалось в лучшем случае как «нестабильное». Факт оставался фактом, что у сотен, может быть, даже у тысяч свидетелей воспоминания об инциденте совершенно стерлись: все, что они могли вспомнить, это яростную бурю и бегство с лужайки.

В средствах массовой информации было множество домыслов — от дикого стремления к раздуванию сенсаций в так называемой желтой прессе (как будто этот инцидент еще требовалось раздувать) до преднамеренно сдержанных научных и философских точек зрения в более консервативных изданиях. Фенн больше не участвовал в этом представлении. Он уво-

лился из «Курьера» и отказался от предложений национальных информационных агентств. Он даже отказывался отвечать на вопросы, касающиеся событий той ночи. Может быть, когда-нибудь, когда в голове прояснится и нервы успокоятся, он сядет и напишет правдивую книгу о Бенфилдской святыне. Но эту книгу будут продавать как беллетристику — кто же поверит приведенным в ней фактам?

Он улыбнулся, вспомнив звонок взволнованной Нэнси из Штатов. Ее начальство хотело видеть Фенна там, предлагало ему место в «Вашингтон пост»: его просили «назвать свою цену» за полную историю об этом святилище. Он отклонил предложение, и Нэнси на другом конце провода разразилась пылкой речью. Поняв, «что сейчас что-то будет», и с ужасом вспоминая случившееся с ней в церкви Святого Петра, она одной из первых убежала с лужайки. После того случая американка была так напугана, что при малейшем намеке на какие-либо неприятности спешила прочь. В отличие от большинства охваченных паникой людей она сразу же бросилась в церковный двор, понимая, что все выходы будут забиты, и следовала за человеком, которого приняла за Саутворта, владельца местной гостиницы, но на кладбище потеряла его из виду. Нэнси воспользовалась выходом через церковь и пропустила финал. Вот об этом-то она больше всего и жалела. То есть, конечно, радовалась, что осталась жива, но не могла себе простить, что не увидела столпотворения. Нэнси убеждала, упрашивала, угрожала, но Фенн отказался от сотрудничества. Она все еще злилась, недовольная окончанием разговора, но, прежде чем бросить трубку, успела крикнуть:

— Я люблю тебя, подлеца!

Онемевшими пальцами Фенн потерял виски и подумал о тех, кто умер там, на лугу. Толстяка Таккера, местного предпринимателя, нашли лежащим в грязи с посиневшим от сердечного приступа лицом. Его главная помощница, женщина, имени которой Фенн не мог вспомнить, лежала сверху, словно стремилась защитить собой его жирное тело от топчущих ног. По иронии судьбы ее мать нашли неподалеку, мертвой: у нее тоже не выдержало сердце. Работодатель и мать умерли одновременно от одной и той же причины — не удивительно, что женщина пребывала в шоке. Жена Таккера, которую тоже нашли поблизости, ничего не помнила, кроме того, что потеряла сознание, пытаясь убежать с лужайки.

Епископ Кейнс погиб вместе со священниками и служками. На них упало дерево, и кого не придавило, те сгорели.

Джорджу Саутворту повезло больше, хотя некоторые так не считали. Его нашли в церкви Святого Иосифа — трясущееся, жалкое подобие человека. Его пришлось под руки выволочь из церкви, поскольку он вопил и отказывался идти между скамьями к треснувшей двери. Кроме сломанной двери и разбитого витража (и то и другое приписали действию молнии), в церкви не было никаких повреждений, но Саутворт настаивал, что вся церковь рухнула.

Еще была Молли Пэдджетт.

Фенн закрыл глаза, но образ охваченного пламенем тела сделался еще явственнее. Бедная, бедная женщина! Какие страдания пришлось ей перенести в последние минуты жизни: прежде чем умереть в мучениях, увидеть, как ее дочь застрелили и как потом она воскресла и превратилась во что-то невооб-

разимое. Возможно, даже лучше, что Молли умерла, как ни ужасна была ее смерть, поскольку воспоминания наверняка все равно убили бы ее, только смерть была бы медленной и еще более мучительной.

Почему Алиса — нет, *Элнор!*, — назвала ее Розамундой? Так звали одну из двух совращенных Элнор монахинь, что в своих записях упоминал священник шестнадцатого века: ее отлучили от церкви, и она якобы жила в лесах неподалеку от деревни. Могла ли Молли Пэдджетт быть потомком этой женщины? Или в момент воскресения и перевоплощения чудовище Элнор запуталось в собственной злобе? Этого уже никогда не узнать, на это нет ответов.

Как и не было ответа на вопрос, зачем тот молодой человек застрелил Алису. Его тело нашли среди других, истерзанное и растоптанное. Никто не предполагал, что его растерзала толпа. Рядом нашли немецкий пистолет с засевшим в барабане патроном. Убийцу звали Уилкс, и, судя по найденным в его комнате газетным вырезкам, самыми яркими событиями в его типичной для среднего класса биографии были убийство Джона Леннона и покушения на Папу Павла и Рональда Рейгана. Будь он постарше, возможно, его героями были бы Освальд*, Рэй** и Сирхан***.

Как бы причудливы ни были его мотивы — желание ли прославиться одним нажатием на курок,

* Ли Харви Освальд 22 ноября 1963 года застрелил президента США Джона Ф. Кеннеди.

** Джеймс Эрл Рэй 4 апреля 1968 года застрелил Мартина Лютера Кинга, лидера движения за гражданские права чернокожих в США.

*** Сирхан Бишара Сирхан 6 июня 1968 года застрелил кандидата в президенты США сенатора Роберта Ф. Кеннеди.

неприятие ли того, что *он* считал всеобщим добром,— но Алиса была мертва. Вероятно, одно зло победило другое.

Элнор искала отмщения и во многом преуспела. Только непредвиденная смерть девочки помешала его полному свершению, и место поклонения было уничтожено... Нет, Фенн не мог поверить в это. Это было непостижимо для его ума. Возможно, ему только показалось, что он видел... Все так запутанно...

Тело Алисы — то, что от него осталось,— нашли под обгоревшими остатками дерева. Ее похоронили вместе с матерью на кладбище у церкви Святого Иосифа. Любопытно, что когда через неделю площадку, где было место поклонения, раскопали, то под корнями рухнувшего дуба нашли останки другого тела.

Этот скорченный скелет, пролежавший несколько веков, принадлежал миниатюрной женщине, и многие кости ее были перед смертью переломаны. К тому же скелет обгорел.

Останки отправили на изучение, чтобы определить их возраст. В конце концов они оказались в Британском музее, за стеклом, так что теперь туристы и все, кто интересуется эволюцией человека, могут полюбоваться на улыбающийся череп.

Фенн посмотрел на Сью и Бена: они были уже у входа в церковь. Бен отвлекся и присел у края дорожки, рассматривая ползущего в траве жука. Сью что-то говорила ему — очевидно, что они могут опоздать к мессе.

Что за странной силой обладал Бен? Или его полная невинность служила ему защитой и не позволяла видеть то, что другие *якобы* видели, слышать то, что другие *якобы* слышали?

Мальчик не видел исходящего от Алисы свечения, не видел левитации. *И не видел Элнор.* Он не чувствовал сотрясения земли, не видел, как она разверзлась. И не один Бен — многие другие дети в ту ночь не разделили страха своих родителей и опекунов. Но были и такие, кто разделил.

Прикоснувшись к мальчику, Фенн тогда вновь обрел силы, и Сью тоже. Как будто слабость ушла через Бена в землю, словно он, как провод, заземлил действие дьявольской силы. Неужели невинность действительно может противостоять даже столь мощному злу?

Глупец тот, кто сказал, что вопросы важнее ответов. Вопросы без ответов могут свести с ума.

Фенн заставил себя расслабиться. Небо за ветровым стеклом синело, как в диснеевских мультфильмах; сквозь дымку смутно светило солнце. Хотя зимние лучи не имели силы, смотреть на солнце было больно, и Фенн, облокотившись на щиток управления, прикрыл глаза руками. Ему вспомнилось сияние, виденное на месте поклонения, мерцание у основания дуба — зрелище той ночи, которое больше других преследовало его. И это воспоминание не было неприятным. Почему-то оно придавало мужества. И чего-то еще... Веры?

Он поскреб подбородок и беспокойно заерзал на сиденье.

Почему это так его волнует? Почему из всего случившегося именно это так занимает его? Почему существо по имени Элнор так испугалось при виде того свечения?

И в самом ли деле внутри его Фенн заметил смутную фигуру женщины в белом?

Нет, этого не может быть! В ту ночь его посетило слишком много видений! Его ум переполнился ужа-

сами! Механизм собственного выживания вдруг стал работать. против них и создал новое видение, расширяющее покой, утешение, умиротворение.

Но тогда почему Бен, который *не* видел остальных ужасов, потом спросил, кто была эта прекрасная женщина в белом, что в ту ночь стояла у дерева, когда все вопили и сторел алтарь?

Кто была она?

Кто была она?

Кто это был?

Он закрыл глаза рукой. Потом открыл и посмотрел на церковь. Сю вела Бена по ступеням к открытой двери.

Фенн сжал кулак и ударил себя по зубам. Потом открыл дверь и пошел к церковным воротам. Но по-медлил.

Сью обернулась и увидела его. Она улыбнулась.

И он широкими шагами двинулся к ней и Бену. И все вместе они вошли в церковь Успения Богородицы.

*Коль поразит недуга горе,
Тебе Алиса снимет хвори
И после улыбнется мило,
Любуясь на твою могилу.*

Новая колыбельная

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	163
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	295

Джеймс Герберт
СВЯТЫНЯ

Ответственный редактор *И. Шефановская*

Редактор *Е. Ампелогова*

Художественный редактор *А. Мащуков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *К. Иванов*

Корректор *И. Мартынова*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д.32.
Тел./факс (812)329-55-33.

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белосаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Малкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел.: 937-85-81, 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 10.11.2005.

Формат 84х100¹/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 27,3.

Тираж 4100 экз. Заказ № 1630.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ДЖЕЙМС ГЕРБЕРТ

СВЯТЫНЯ

Разве мог

Джерри Фенн – не слишком
успешный репортер провинциальной газеты –
предположить, что случайная встреча на дороге
с маленькой девочкой не только в корне изменит его
жизнь, но и превратит небольшой городок Бенфилд в место
паломничества тысяч и тысяч приверженцев католической
церкви едва ли не со всего мира?

А причиной всему – якобы чудесное явление Святой Девы,
наделившей юную Алису даром исцеления.

И только после того, как в Бенфилде начинают происходить
поистине чудовищные события, загадочным образом
связанные с чудо-девочкой, Фенну удастся
проникнуть в тайну, в течение многих веков
сокрытую в церковных анналах.

ISBN 5-699-09489-X

9 785699 094899 >